

К1282835

Ю. К. Некрасов

РЕФОРМА
ИЛИ
РЕВОЛЮЦИЯ?

Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И.В.Бабушкина

Дар издательства

Ю.К.Некрасов

Реформа или революция?
Реформация и Крестьянская война
в германских землях XVI века

Вологда
«Древности Севера»
1998

ББК
63.3 (4Г) ✦
Н 48

Лаборатория исследования истории цивилизаций.

Некрасов Ю.К.

Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI века. Вологда: издательство НПЦ «Древности Севера», 1998. 336 с.

Книга посвящена одной из самых драматических страниц европейской истории - Реформации и Крестьянской войне в германских землях XVI века. Эти события относятся к переходной от средневековья к новому времени эпохе. Как событиям любого переходного времени, им трудно дать однозначную оценку. Не случайно относительно их сущности исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Учитывая достижения современной исторической науки, автор предлагает свое прочтение событий Реформации и Крестьянской войны. Наряду с традиционными для отечественной историографии он привлекает новые исторические источники. Российскому читателю анализ событий, связанных с выбором стоявшего на перепутье немецкого общества направления дальнейшего развития, сегодня может быть особенно интересен в связи с поиском ответов на злободневные вопросы современности. Книга адресована студентам, преподавателям, научным работникам и всем интересующимся историей.

Научный редактор - М.В.Васильева

Н 0503000000 - 091
Г 76 (03) - 98

ISBN 5-93061-001-0

© Некрасов Ю.К.
© Издательство НПЦ «Древности Севера», 1998

Содержание

Введение	5
Примечания	11
Глава 1. Историография и источники	13
1.1. Реформация и Крестьянская война в освещении традиционного направления историографии	14
1.2. Марксистская историография о Реформации и Крестьянской войне как ранней буржуазной революции	25
1.3. Концепция революции «простого человека» в современной немарксистской историографии	34
1.4. Источники	51
Примечания	59
Глава 2. Причины и предпосылки революции	71
2.1. Немецкая деревня: феодальная реакция и обострение социальных противоречий	72
2.2. Ремесло, торговля и промышленное производство: возникновение и развитие явлений «раннего капитализма»	79
2.3. Политический строй и эволюция социальной структуры общества: кризис старых сословий и появление новых классов	92
2.4. Оппозиция феодализму и гуманизм	105
2.5. Типология и характер народных движений перед Реформацией	113
Примечания	123
Глава 3. Революция набирает силы: реформационное движение (1517–1524 гг.)	129
3.1. Антиримское движение и умеренно-бюргерская реформация Мартина Лютера	130
3.2. Народная реформация и Томас Мюнцер	141
3.3. Радикально-бюргерская реформация и Ульрих Цвингли	148
3.4. Рыцарское восстание 1522–1523 гг.	157
Примечания	162

Глава 4. Кульминация революции: Крестьянская война (1524–1526 гг.)	167
4.1. Швабский район Крестьянской войны и программа «Двенадцати Статей»	168
4.2. Франконский район Крестьянской войны и «Гейльброннская программа»	181
4.3. Тюрингско-Саксонский район Крестьянской войны и деятельность «мюнцеровской партии»	198
4.4. Крестьянская война в альпийских землях и «Земское Устройство» Михаэля Гайсмайера	208
Примечания	221
Глава 5. Революция отступает и терпит поражение: судьбы Реформации после Крестьянской войны	227
5.1. «Княжеская реформация» и Шмалькальденский Союз	228
5.2. Городские движения после Крестьянской войны	237
5.3. Анабаптисты в Германии и Швейцарии в 20-е годы XVI века	251
5.4. Мюнстерская Коммуна (1534–1535 гг.)	262
Примечания	273
Заключение	279
Итоги, значение и последствия революции	280
Примечания	301
Список использованных источников и литературы	305
Именной указатель	329
Принятые сокращения	336

Введение

XVI в. занимает особое место в истории Западной Европы. В этом столетии в повестку дня впервые был поставлен вопрос о радикальном преобразовании или даже устранении «системы феодализма» как таковой. Последняя, правда, проявила удивительную жизнестойкость и, выдержав испытания временем, сумела продлить свое существование еще на несколько столетий. И все же именно в XVI в. «система феодализма» вступила в стадию «общего кризиса». Об этом свидетельствует тот факт, что во второй половине XVI в. победила ранняя буржуазная революция на севере Нидерландов, в середине следующего столетия – в Англии. Обе революции были совершены под идеологическими знаменами реформационного учения Жана Кальвина. Но родиной Реформации, сыгравшей выдающуюся роль на начальной стадии перехода европейских народов от феодализма к капитализму, являлись германские земли, где и произошла своего рода репетиция штурма бастиона феодализма. Сегодня, о чем подробнее будет сказано ниже, бытуют различные точки зрения на Реформацию и Крестьянскую войну в германских землях. Эти точки зрения сводятся к следующим научным концепциям:

1) традиционный в современной историографии взгляд на Реформацию как сугубо религиозное движение и Крестьянскую войну как обычное для средних веков крестьянское восстание, причём такого мнения придерживаются как западные, так и отечественные историки;

2) марксистская теория Реформации и Крестьянской войны как первого акта антифеодальных (буржуазных) революций в Европе;

3) концепция революции «простого человека», авторы которой рассматривают события XVI в. в германских землях как общедемократическое движение. Цель этого движения они видят в преобразовании институтов власти «нижнего звена», т. е. в пределах городских и деревенских общин, и строительстве государства нового типа на регионально-территориальной основе.

В этой связи необходимо отметить, что после научной дискуссии второй половины 50-х гг. нашего века¹ точка зрения на Реформацию и Крестьянскую войну как раннюю буржуазную революцию получила отражение в отечественной исторической литературе конца 50-х – 70-х гг., а затем эта тенденция была реализована в 80-е и начале 90-х гг. в вузовских учебниках по истории средних веков², научно-справочной литературе³ и обобщающих трудах отечественных исследователей⁴. Но во всех упомянутых выше изданиях не уделено в достаточной мере внимания

обоснованию тезиса о *буржуазном характере* реформационного движения и Крестьянской войны в германских землях. Единственный опыт такого рода – книга М.М.Смирин⁵, адресованная школьному учителю истории и увидевшая свет более трех с половиной десятилетий тому назад. За это время в изучении данной темы многое изменилось, и горизонт наших знаний о драматических событиях как Реформации, так и особенно Крестьянской войны существенным образом расширился. Это произошло как благодаря привлечению новых источников, так и по причине появления многочисленных публикаций в зарубежной историографии. Здесь же заслуживает внимания и тот факт, что в отечественной историографии новые горизонты видения темы *впервые* были учтены в книге В.Е.Майера⁶, которая, однако, хотя была опубликована немногим более десяти лет тому назад, уже успела в известной мере «устареть». Поэтому обращение к теме революции XVI в. в германских землях отнюдь не означает повторения уже пройденного пути. И хотя сегодня идея революционных преобразований в значительной степени утратила привлекательность в общественном мнении, сама эта тема не перестала быть актуальной не только с научной точки зрения. Дело в том, что события Реформации и Крестьянской войны до сих пор являются объектом внимания как профессиональных историков, так и политологов. Причем последние порою обращаются к анализу событий «давно минувших дней», в том числе революционных событий XVI в. в германских землях, чтобы с его помощью найти ответы на злободневные вопросы современности.

Обращение к теме немецкой революции XVI в. продиктовано также и другим заслуживающим внимания обстоятельством.

С одной стороны, традиционная в отечественной исторической науке точка зрения отражена в последнем издании школьного учебника по истории средних веков еще «марксистской поры» Е.В.Агибаловой и Т.М.Донского, в котором сформулирован вывод о том, что «Крестьянская война была первой в Европе неудавшейся попыткой свержения феодальных порядков»⁷. Это можно сказать и об учебнике по новой истории, авторы которого хотя и приняли новую для нас (и давно уже общепризнанную почти во всем остальном мире) периодизацию исторического процесса, но следуют традиционной точке зрения на Реформацию и Крестьянскую войну⁸.

С другой стороны, в недавно увидевшей свет «Истории средних веков», которая рекомендована в качестве школьного учебника, ее авторы (А.Я.Гуревич и Д.Э.Харитонович), руководствуясь

методологическими установками «антропологически ориентированной истории», сводят Реформацию к возникновению протестантизма и, по всей видимости, недооценивая значение Крестьянской войны, ограничивают значение последней «историческим недоразумением», приключившимся с немцами в 1525 г. Они отмечают лишь тот факт, что «слабо организованное восстание крестьян, не поддержанное ни городами, ни рыцарями, было потоплено в крови»⁹. В только что появившемся экспериментальном школьном учебнике по всеобщей истории О.Дмитриева исключает категории: «классы», «классовая борьба» и «революция» – из повествования о событиях Реформации и Крестьянской войны и сводит свою задачу, можно сказать, к их изложению с «непартийных позиций», хотя и дает высокую оценку «Гейльброннской программе», предусматривавшей создание централизованного государства¹⁰. Еще один автор, А.Чернышев, в статье о Реформации, также адресованной юному поколению, лишь как бы мимоходом упоминает о событиях Крестьянской войны. По его словам, «в 1525 г. после подавления крестьянских выступлений, вдохновлявшихся народными проповедниками, дело Реформации окончательно перешло в руки немецких князей»¹¹. Несколькo больше внимания Крестьянской войне уделено в вузовском учебнике (под ред. Г.В.Поляка и А.Н.Марковой) по всеобщей истории¹². Кратким и в то же время достаточно емким замечанием о Крестьянской войне ограничивается авторский коллектив «Истории Европы», также адресованной широкому кругу читателей и прежде всего подрастающему поколению. В ней читаем: «В 1525 г. с необычайной силой вспыхивает под знаменем Реформации крестьянское восстание, направленное против феодалов. Лютер осуждает это движение и встает на сторону феодалов в их борьбе против восставших (1525)»¹³. Тенденция умолчания о Крестьянской войне со всей очевидностью проявилась в учебных пособиях для старших классов по истории мировых цивилизаций, авторы которых, повествуя о Реформации¹⁴, даже не упоминают о Крестьянской войне.

Особо следует сказать об «Истории цивилизаций» Ю.В.Яковца, которая еще в 1995 г. была рекомендована в качестве учебного пособия для студентов вузов гуманитарного профиля и только что увидела свет во 2-м издании. Автор рассматривает свой труд как «путешествие в философию истории». Он избирает «циклический подход» в качестве основополагающего принципа построения курса и утверждает, что «период от зарождения какой-либо общественно-исторической системы до ее гибели (или радикального

преобразования) является ее *жизненным циклом*». По его словам, с середины XIV в. обнаружили очевидные признаки кризиса средневековой цивилизации, переходного периода к следующей мировой цивилизации, которую «логично назвать» «*прединдустриальной, капиталистической*» цивилизацией, охватывающей эпоху с XVI по XVIII в. «Знаменами эпохи стали итальянское Возрождение, Великая научная революция, реформация в Германии». Вступление в новую эпоху было временем резкого обострения социальных противоречий, что «приводило к частым народным восстаниям, самыми заметными из которых были Жакерия, крестьянская война в Германии»¹⁵. К этим беглым упоминаниям Яковец, собственно говоря, и сводит анализ и вместе с ним историческое значение как Реформации, так и Крестьянской войны.

Сегодня вполне можно согласиться с тем, что история XX в. немало способствовала самодискредитации идеи социальной революции и бросила тень неприятия и на революции далекого прошлого. Однако следует ли отсюда, что их опыт должен быть предан забвению? Революции прошлого, как бы мы ни относились к ним сегодня, все же состоялись... Поэтому будет ли способствовать умолчанию о «революционных потрясениях» в прошлом как «досадных недоразумениях» в истории человечества их осмыслению в настоящее время? Притом необходимо иметь в виду, что такое умолчение по крайней мере затрудняет возможность более или менее обоснованного с научной точки зрения ответа на вопрос, была ли революция единственным (безальтернативным) вариантом разрешения социально-политического кризиса в германских землях XVI в. или и тогда можно было найти иные средства преодоления кризиса.

По мере возможности автор настоящей книги намерен дать ответы на поставленные выше вопросы. Поиски ответов на них побуждают его обратиться к изучению причин и предпосылок революции, характера общественного движения, историографии и источниковой базы темы исследования – революционных событий XVI в. в германских землях. Значительное внимание в связи с этим в книге уделено рассмотрению начальной стадии «общего кризиса феодализма» и возникновению в его условиях раннекапиталистических форм производства, оказавших существенное влияние на эволюцию социальной структуры позднесредневекового общества на рубеже XV–XVI вв. Такое исследование позволит подготовить читателя к соответствующему восприятию и событий 1517–1526 гг. По мнению автора, в ходе этих событий

совершался переход от общественного движения, участники которого выдвигали требования реформ, к революционной ситуации и затем – вооруженному противостоянию, достигшему апогея во время Крестьянской войны. Эти события, особенно программные документы различных течений в общественном движении, находятся в центре его внимания.

В то же самое время следует признать, что исследование причин и самого хода революционного процесса в германских землях той далеко отстоящей от нас эпохи с необходимостью ставит перед историком непростые вопросы. Способны ли были своевременно осуществленные реформы предотвратить «революционные потрясения» и избавить общество от смуты и гражданской войны? Существовала ли действенная альтернатива «кулачному праву», насилию и вооруженной конфронтации? Появление новой реформационной идеологии, которая овладела умами широких народных масс и оказала существенное влияние на их настроения (или общественное сознание на обыденном уровне), содействовало умиротворению «простых людей» или, напротив, провоцировало их на активное и даже агрессивное общественное поведение, вооруженное противостояние и насильственные действия по отношению к «власть и богатства имущим»?

И хотя историческая наука отвергает сослагательное наклонение в исследовании процессов общественного развития и не в состоянии дать ответ на вопрос, «как было бы, если бы...», все обозначенные выше проблемы по вполне понятным причинам не могут не волновать русского читателя, отчество которого во второй половине прошлого столетия, выйдя на дорогу либеральных реформ, начало было по ней движение к ценностям современной индустриальной цивилизации, но затем, пережив в начале XX в. три революции и словно устав от утомительного пути, приостановило это движение. Платой за остановку в пути стала гибель ростков рыночной экономики и еще не окрепших институтов демократии, установление тоталитарного режима. Это выбило Россию, погрязшую в дебрях классовой борьбы и иллюзорном мире социальной утопии, из колеи и надолго оставило ее в стороне от «столбовой дороги» к достижениям упомянутой выше цивилизации. В связи с этим возникает вопрос о правомерности исторических аналогий и о возможности или даже необходимости реализации «уроков истории» в практике сегодняшнего дня. Насколько, однако, вероятен однозначный ответ на поставленный таким образом вопрос? Быть может, эта книга приблизит читателя к истине в поиске ответа на этот вопрос?

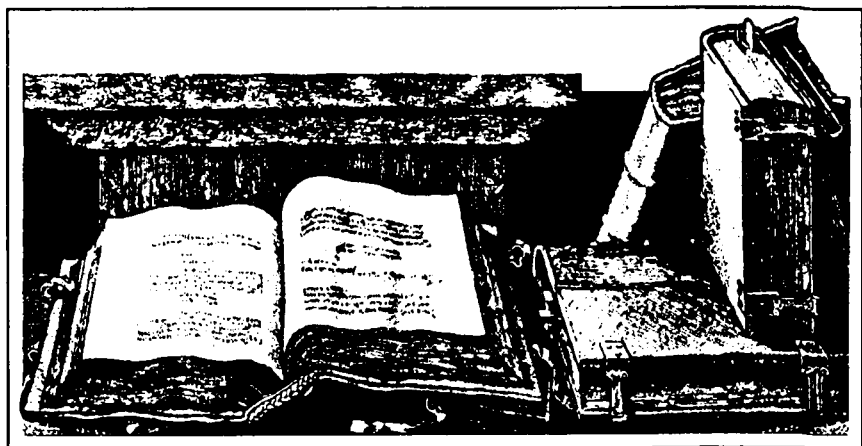
Примечания

- ¹ Об этой дискуссии (о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии) см. ниже: с. 30–31 и прим. 52 к главе первой.
- ² История средних веков / Под ред. С.Д.Сказкина. 2-е изд. М., 1977. Т. 2. С. 48–82; История средних веков / Под ред. Н.Ф.Колесниченко. 2-е изд. М., 1986. С. 406.
- ³ См.: *Смирин М.М.* Реформация и Великая крестьянская война в Германии // *Всемирная история*. М., 1958. Т. 4. С. 145–187; *Он же.* Германия в преддверии нового времени // *Германская история в новое и новейшее время*. М., 1970. Т. 1. С. 9–64; *Он же.* Крестьянская война в Германии // *СИЭ*. М., 1965. Т. 8. Стлб. 82–86; *Он же.* Крестьянская война в Германии // *БСЭ*. 3-е изд. М., 1973. Т. 13. Стлб. 397–398; *Чистозвонов А.Н., Самохина Н.Н.* Реформация // *СИЭ*. М., 1969. Т. 12. Стлб. 29–30; *Они же.* Реформация // *БСЭ*. 3-е изд. М., 1973. Т. 22. Стлб. 60–61.
- ⁴ *Адо А.В.* Крестьянство в буржуазных революциях XVI–XVIII вв. // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма*. М., 1986. Т. 3. С. 449–489; *История Европы*. Т. 3: От средних веков к новому времени (XV – первая половина XVII в.). М., 1993. С. 275–281, 349–364.
- ⁵ *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.
- ⁶ *Майер В.Е.* Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С. 94–157.
- ⁷ *Агibalова Е.В., Донской Г.М.* История средних веков: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. 3-е изд. М., 1996. С. 263.
- ⁸ *Жарова Л.Н., Мишина И.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А., Федоренко А.А.* Новая история. Ч. I: Учебник для 7 класса основной школы. М., 1997. С. 76–84.
- ⁹ *Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э.* История средних веков. М., 1995. С. 283.
- ¹⁰ *Дмитриева О., Пименова Л., Шукуров Р.* От средневековья к новому времени. М., 1997. С. 94–108. О. Дмитриева, однако, ошибается, когда пишет, что «в городе Гейльбронне, куда съехались руководители крестьянских и городских повстанческих отрядов, лидеры бюргерства и дворян предложили им на обсуждение проект, получивший в дальнейшем название “Гейльброннской программы”» (с. 104). На самом деле созыв такого «Собрания», или «Гейльброннского парламента», только планировался руководителями движения, но «парламент» не

успел собраться, поскольку во Франконию вторглось войско Швабского Союза и тем самым помешало осуществить это мероприятие.

- ¹¹ Чернышев А. Реформация // Энциклопедия для детей. Т. 1: Всемирная история. М., 1996. С. 383.
- ¹² Всемирная история / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М., 1997. С. 204.
- ¹³ История Европы / По европейской инициативе Фредерика Делуша. Перевод с французского. Минск; М., 1996. С. 234.
- ¹⁴ См.: Мишина И.А., Жарова Л.Н. Становление современной цивилизации. Ч. I: История раннего Нового времени (XV–XVIII вв.). М., 1995. С. 18–21, 56–59; Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 162–164, 293–298.
- ¹⁵ См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций: Учебное пособие для студентов вузов гуманитарного профиля. 2-е изд. М., 1997. С. 4, 34, 158–159.

Глава 1.
Историкография
и источники

1.1. Реформация и Крестьянская война в освещении традиционного направления историографии

Еще четверть века тому назад в западной (особенно немецкой) историографии Реформации и Крестьянской войны доминировало традиционное направление (или «старая школа»), возникновение которого следует отнести к середине XIX в. Представители этого направления отвергали буквально с порога или игнорировали марксистскую точку зрения на Реформацию и Крестьянскую войну и теорию «материалистического понимания истории» в целом. Положение изменилось только на рубеже 60–70-х гг. XX в., когда точка зрения исследователей «старой школы» на Реформацию и Крестьянскую войну перестала удовлетворять не только некоторых профессиональных историков, но и более широкие круги общественности. Именно тогда с появлением в западной историографии новой концепции Крестьянской войны, которую ее творцы трактовали как революцию «простого человека» (о чем см. ниже), традиционное направление утратило ведущие позиции, но отнюдь не сошло со сцены¹. В силу данного обстоятельства труды исследователей этого традиционного направления представляют не только научный, но и определенный общественный интерес в наши дни.

Научную деятельность представителей традиционного направления в немецкой историографии рассмотрим на примере трудов таких известных историков, как Г.Франц, А.Ваас, Г.Ангермайер, Г.Герлах и В.П.Фукс. Наиболее значительной фигурой среди них является Франц, книга которого о Крестьянской войне² в течение примерно четверти века выдержала десять изданий; в каждое из них автор вносил существенные коррективы, чутко улавливая происходящие в мире перемены. Это является одной из причин ее популярности и в настоящее время. Другая причина популярности книги – ее высокий профессиональный уровень и прекрасный литературный язык.

В последнем издании книги Г.Франц утверждает, что Крестьянская война возникла как результат стремления деревенской верхушки занять соответствующее ее материальному положению место в политической жизни нации³. Поскольку взгляды этого историка достаточно известны русскому читателю, ограничимся предельно сжатым изложением его научной концепции. Крестьянское движение Франц подразделяет на две основные формы: в одной из них он видит борьбу за «старое право», т. е. за насущные

повседневные интересы крестьянской массы, и относится к этой борьбе с некоторым, можно сказать, пренебрежением; другую он связывает с борьбой за «божественное право» и приписывает ей большую «жизненную силу», носителем которой выступала «деревенская знать» (Dorftehrbarkeit). Реформацию и Крестьянскую войну Франц рассматривает изолированно друг от друга и отказывается признавать какие-либо причинно-следственные связи между этими двумя историческими явлениями. Более того, Крестьянская война в отдельных ее районах в его труде изображена как мозаика эпизодов, которые не были взаимосвязаны и возникли скорее по воле случая, чем были проявлением какой-либо исторической закономерности. В то же время Франц рассматривает крестьянское движение как борьбу за «единую Империю» и «сильное государство». И хотя при каждом новом издании книги, как мы знаем, Франц вносил в изложение материала существенные коррективы, главные теоретические положения его труда о Крестьянской войне, в том числе их антимарксистская направленность, оставались постоянными. В этом смысле он всегда твердо стоял на позициях традиционного направления в историографии.

По методологической направленности от концепции Г.Франца вряд ли принципиально отличается трактовка событий Крестьянской войны А.Ваасом, хотя последний и вносит некоторые новые нюансы в их объяснение. По мнению Вааса, крестьянское восстание 1525 г. породили следующие факторы: оно возникло, во-первых, под влиянием «теоретического импульса», направленного против крепостничества, которое «вступало в противоречие с принципами старого права и Библии»; во-вторых, под влиянием энергичного сопротивления крестьян установлению «территориальной государственной власти», с которой они связывали тенденцию оживления института уходящей в прошлое лично-наследственной зависимости; в-третьих, под воздействием борьбы крестьян против отдельных правовых и экономических проявлений того же института лично-наследственной зависимости крестьян, когда нормы этого института на практике уже не применялись⁴. Отсюда следует, что Ваас принимает во внимание господство феодальных порядков в деревне при объяснении причин Крестьянской войны. Однако он же не придает решающего значения ухудшению материального положения крестьян в ряду причин Крестьянской войны; такое же или даже большее, с его точки зрения, значение имели религиозные идеи и развитие социальных отношений в деревне⁵. На этом основании можно сделать вывод, что для Вааса экономическое положение крестьян в

конечном итоге не играет сколько-нибудь существенной роли в возникновении восстания 1525 г., так как гораздо большее значение он придает религиозным и социально-политическим мотивам недовольства широких народных масс.

Рассматривая вопрос о характере восстания, А.Ваас стремится показать, что движение крестьян с самого начала носило мирный характер и не было направлено на ниспровержение существующего общественного строя. Указывая на факт противоречивости интересов различных сословий и социальных группировок немецкого общества, он утверждает, что в таких условиях оппозиционное движение могли возглавить только «интеллектуалы непартийной ориентации» из числа бюргеров, которые перемены к лучшему стали связывать с «простыми людьми», т. е. в первую очередь с крестьянскими массами, так как увидели в них своих союзников. Благодаря этому обстоятельству бюргерские революционные сочинения проникали в «крестьянский мир», где и находили благодатную почву⁶. Такой трактовке исторического процесса Ваас находит соответствующее обоснование, привлекая богатый материал источников.

В другом месте он еще раз подчеркивает, что на рубеже XV–XVI вв. немецкое бюргерство обратило внимание на «малых людей», в которых оно увидело главную силу грядущей социальной революции. Соединение «старого недовольства» с этими новыми импульсами и породило опасность крестьянского восстания. А.Ваас также показывает, что во время Крестьянской войны Швабскому Союзу и территориальным властям приходилось прилагать немалые усилия, чтобы предотвратить нежелательную для себя реакцию в городских общинах и цеховых корпорациях. Причем цехи и значительная часть городского населения, поддерживая требования крестьян, намерены были сыграть роль посредника в конфликте между противоборствующими сторонами, в то время как патрициат поддерживал «господскую партию». Он же обращает внимание читателя и на тот факт, что с созданием в начале марта 1525 г. «Христианского Объединения» движение переросло локальные рамки отдельных территорий и по существу охватило почти всю Верхнюю Швабию. Образование этого «Объединения» Ваас называет «решающим событием» в истории Крестьянской войны, поскольку с его возникновением, как он полагает, стало очевидным фактом, что повсюду повстанцы от подачи жалоб отдельными общинами перешли к солидарным акциям⁷. Необходимо также отметить, что если Г.Франц допускает лишь присутствие городов на периферии революционных событий,

то Ваас подчеркивает их большое значение в этих событиях и их влияние как на общественное движение в целом, так и на судьбы Крестьянской войны в частности. Но как Ваас, так и Франц отнюдь не считают события последней проявлением классовой борьбы в феодальном обществе.

Трактуя Крестьянскую войну как политическое явление в германской истории, А.Ваас видит в ней ярко выраженную тенденцию, направленную против стремлений князей к созданию территориальных государственных образований на немецкой земле, и одновременно – попытку «сильного крестьянского сословия» занять соответствующее место в системе территориальных общин. Причем такое направление движения в значительной мере было обусловлено влиянием борьбы швейцарцев за свободу⁸. В то же время в событиях 1525 г. он видит «защитную реакцию» крестьян и бюргеров, своим острием обращенную против политических притязаний князей. Стараясь подчеркнуть «умеренность» всего крестьянского движения, Ваас пытается доказать, что революционные настроения среди его участников были большой редкостью, а деятельность Мюнцера и близких к нему людей считает «отклонением» от общего правила⁹. Если согласиться с этим историком, то окажется, что революцию совершали консервативно и даже реакционно настроенные люди, которые не имели ясного представления о том, какие необходимо осуществить преобразования в обществе. Крестьянская война, заключает Ваас, вообще не могла привести к каким-либо положительным результатам.

В оценке революционных событий точки зрения А.Вааса и Г.Франца во многом совпадают. Один из немногих вопросов, по которому между ними имеются разногласия, – это отношение к «Гейльброннской программе», которая, как известно, предусматривала проведение глубоких не только политических, но и социально-экономических преобразований. Проект общественных преобразований ее авторов Ваас называет «отважной и верной линией, отвечавшей интересам всего немецкого народа»¹⁰. Франц, напротив, относится к этой Программе весьма скептически и утверждает, что она возникла не в боевом лагере восставших, а в «кабинетной тиши», и не отражала интересы крестьян¹¹. Однако уже в объяснении такого известного программного документа Крестьянской войны, как «Двенадцать Статей», Ваас вполне следует за Францем. Ваас, интерпретируя социальное содержание представленных в «Двенадцати Статьях» требований швабских крестьян, делает все, чтобы показать – появление этого документа не было каким-либо образом связано с классовой борьбой, и его

требования вообще не направлены каким-либо образом против феодального строя¹². Однако со сформулированными таким образом выводами вряд ли можно согласиться: программа швабских крестьян, несмотря на умеренность ее требований, все же носила ярко выраженный антифеодальный характер.

В решении еще одного принципиального вопроса А.Ваас придерживается традиционных взглядов. По его словам, «социально-революционная религия крестьян» не находит обоснования ни в «лютеровском благочестии», ни в каком-либо другом учении реформаторов, так как «эта религия» возникла гораздо раньше, чем начал свою деятельность Лютер. Именно на этом основании Ваас делает вывод, что крестьянское движение вообще не обнаруживает какой-либо связи с Реформацией¹³. Между тем сформулированный таким образом тезис постоянно вступает в противоречие с фактами деятельности народных проповедников во время Крестьянской войны, которые, между прочим, приводит сам же автор книги. Более того, он признает верной и справедливой оценку роли этих проповедников, которую давали им представители враждебного крестьянам лагеря, объявлявшие «евангелических проповедников» «зачинщиками мятежа»¹⁴. Обращаясь к характеристике Цвингли, Ваас, конечно же, не может отрицать, что швейцарский реформатор в своей деятельности далеко выходил за рамки церковных преобразований, так как известно, что при непосредственном участии самого реформатора в кантоне Цюрих произошла отмена лично-наследственной зависимости крестьян, малой десятины и осуществлена демократизация политического устройства как Цюриха, так и других принявших Реформацию «городских» кантонов. Все это ученый объясняет тем, что Цвингли в большей мере был политиком, чем теологом и, выступая в первом качестве, склонялся к использованию крестьянского движения в политических целях. В то же время Ваас вопреки фактам отрицает влияние цвинглианства на крестьянское движение в Германии, в том числе на требования знаменитой программы «Двенадцати Статей» швабских крестьян¹⁵. Рассуждения Вааса на эту тему примечательны, пожалуй, только тем, что могут служить примером тщетности усилий историка примирить свои воззрения с прочно установленными исторической наукой фактами.

Особенно выразительным образом взгляды А.Вааса проявляются в характеристике деятельности радикального направления в общественном движении. Ваас называет Мюнцера «фанатичным борцом за их (т. е. крестьян. — Ю.Н.) дело». Полагая, что решающее

влияние на Мюнцера оказала средневековая мистика, Ваас утверждает, что «внутренние голоса» и «божественное откровение» образуют первооснову мировоззрения Мюнцера и рисуют образ «религиозного человека», призывавшего «избранных Богом» со всей силой обрушиться на «безбожников». Полемизируя с М.М.Смириным¹⁶, Ваас выражает убеждение, что Мюнцер не мог оказать сколько-нибудь значительного влияния на события Крестьянской войны. По мнению Вааса, точка зрения Ф.Энгельса¹⁷ и Смиринина, подчеркивающая выдающуюся роль Мюнцера во время Крестьянской войны, не доказана, и образ последнего, созданный в трудах Энгельса, Смиринина и историка ГДР А.Мойзеля¹⁸, вступает в противоречие с содержанием сочинений самого Мюнцера и его ролью в битве при Франкенхаузене¹⁹. «Он был,— пишет Ваас о Мюцере,— человеком, взгляды которого полны глубоких противоречий: лишь в атмосфере разразившейся Крестьянской войны он стал социальным революционером». Мюнцер, по его же словам, «по своей натуре был фанатиком, разбойником и по существу не был и не мог быть руководителем крестьянских масс»²⁰. Эта точка зрения не только проникнута неприятием программы народной реформации, что нетрудно понять, но и далека от прокламируемого самим же Ваасом «непредвзятого изложения хода событий» восстания 1525 г. Факты все же свидетельствуют о том, что Мюнцеру сочувствовали и он находил поддержку со стороны городского плебса и «неимущих ремесленников», деревенской бедноты.

Еще один представитель традиционного направления в немецкой историографии Крестьянской войны Г.Ангермайер задается целью «реконструировать» идеальный тип государства, к созданию которого были обращены помыслы «простых людей» во время восстания. При решении этой задачи он отказывается рассмотреть источники, отразившие, по его выражению, «демагогические лозунги, революционные вопли и религиозный фанатизм»²¹, что, вероятно, и дает ему основание даже не упоминать о программе деятельности «партии Мюнцера». Вместе с тем Ангермайер выражает убеждение, что, поскольку экономическим интересам крестьян и их стремлению к социальной справедливости отвечало сильное централизованное государство, идея централизации проходит красной нитью через все крестьянские программы, хотя эти же программы не шли далее достижения равенства перед законом, не ставили в повестку дня вопрос о равенстве в общественных отношениях. Крестьянская война, не обнаруживая недостатка в революционном образе действий ее участников, в то

же время, как полагает Ангермайер, свидетельствовала о преобладании у них консервативных и даже реакционных представлений о государственной власти²².

Признавая, что часть повстанцев все же была намерена устранить феодальные порядки, Г. Ангермайер, однако, считает, что эта радикальная группировка, во-первых, в новом государстве не оставляла места городскому бюргерству; во-вторых, разрушая власть дворянства, устанавливала на ее место «государство силы», которому были чужды интересы большинства «простых людей». На основании социально-политических требований, выдвинутых во время восстания, неправильно было бы, по его мнению, делать вывод, что «крестьяне выступали за прогресс и перемены в экономических отношениях». С точки зрения Ангермайера, намерения крестьян и других участников движения были направлены прежде всего лишь на «обеспечение экономических условий своего существования»²³. Таким образом, рассуждения этого историка о характере требований революционного движения отличаются очевидной противоречивостью: с одной стороны, он указывает на преобладание тенденции, направленной к установлению «простыми людьми» централизованного государства, с другой — подчеркивает реакционные настроения «анонимных масс» и неверие в их способность реализовать «смелые планы» своих лидеров. Ангермайер сильно ограничивает и круг лиц, способных выдвигать такие «смелые планы», усиливая тем самым сомнения в возможности осуществления преобразований.

С точки зрения Г. Ангермайера, практические шаги к созданию централизованного государства предпринимали только деятели радикальной оппозиции во Франконии и автор «Земского Устройства», предводитель тирольских крестьян и горняков Михаэль Гайсмайер. Ангермайер ставит Гайсмайера в один ряд с творцами «Гейльброннской программы» Венделем Гиплером и Фридрихом Вейгандтом и полагает, что, по убеждению всех этих деятелей общественного движения, «справедливый порядок будет установлен только при том условии», если удастся «простого человека освободить от оков средневековых представлений о власти». Правда, Ангермайер тут же указывает на «незрелость республиканской идеи» в проекте общественных преобразований предводителя повстанцев во время Крестьянской войны в альпийских землях, поскольку, полагает историк, крестьянский образ государственного мышления в его революционном выражении на деле сводился к диктатуре, которая означала реализацию монархического принципа, облеченного в форму сословной или даже

демократической республики. Поэтому революционный принцип народного суверенитета не получил в его проекте, по мнению Ангермайера, достаточно последовательного отражения. Утверждая, что народные движения в эпоху Реформации не были направлены на коренное изменение общественных отношений, Ангермайер в то же самое время отмечает, что только в проекте реформ Гайсмайера сказано о «полном равенстве в стране» и об устранении из её политической жизни дворянства. Однако Гайсмайер, как считает этот историк, видел задачу своего правительства не в том, чтобы выполнять волю народа, а в том, чтобы «следовать божьей воле и претворять в жизнь учение Евангелия». Непоследовательность Гайсмайера в трактовке самой идеи народного суверенитета Ангермайер усматривает в том, что автор «Земского Устройства» и поддерживавшие его «простые люди» попытались найти защиту против диктатуры не столько в политических институтах, сколько в принципе евангелизма²⁴. Отсюда можно заключить, что в оценке этого программного документа Крестьянской войны у Ангермайера преобладает модернизаторская тенденция, так как он предъявляет Гайсмайеру «завышенные требования», которые невозможно было выполнить в исторических условиях XVI в. Эта же оценка не принимает во внимание утопичности самого «Земского Устройства»²⁵. Между тем только такой подход позволяет отделить черты социальной утопии от реализма в тексте «Устройства» и дать верную, с научной точки зрения, оценку общественной деятельности его автора.

Для характеристики концепции Крестьянской войны в трудах историков «старой школы» или близко к ним стоящих ученых определенным интерес представляет монография Г.Герлаха, в которой он, применяя сравнительно-исторический метод исследования, анализирует события восстания 1381 г. в Англии и Крестьянской войны 1525 г. в Германии. Рассматривая вопрос о происхождении Крестьянской войны, Герлах полагает, что один лишь экономический гнет не мог привести к «самому кровавому в истории Германии восстанию»; поэтому для объяснения его причин следует принять во внимание и некоторые другие обстоятельства, особенно «рост политического самосознания широких крестьянских масс»²⁶. Центральную для него проблему уровня и характера общественного сознания²⁷ участников революционного движения во время Крестьянской войны Герлах решает заслуживающим внимания образом. Вслед за А.Ваасом он заявляет, что рост социальных народных движений совпадает с Реформацией только по времени. И хотя реформаторы, по мнению Герлаха,

«несут ответственность перед историей» за развязывание вооруженного восстания, требование отмены лично-наследственной зависимости, что имело для крестьян исключительное значение, нельзя связывать с самой Реформацией, так как оно уже неоднократно выдвигалось в прошлом: во время восстания Уота Тайлера в Англии еще в XIV в., немецком политическом памфлете XV в. «Реформация императора Сигизмунда», трудах Эразма Роттердамского и лишь затем было сформулировано в «Двенадцати Статьях» швабских крестьян²⁸.

В то же самое время необходимо отметить и тот факт, что Г.Герлах в отличие от большинства историков традиционного направления акцентирует внимание читателя на следующем: к началу Крестьянской войны недовольство охватило не только деревню, но и город. Поэтому Крестьянская война не была только крестьянским восстанием, поскольку в ее событиях в борьбе против дворянства, церковного землевладения и городского патрициата приняли участие и бюргеры, а в Тироле и Мансфельде в движение были вовлечены и горняки. В городах крестьяне пользовались поддержкой как «со стороны пролетариата», так и других слоев населения. Но он же полагает, что насильственные акции и «кровавая расправа» над представителями дворянства причинили большой вред освободительному движению крестьян и горожан²⁹. Именно этим обстоятельством обусловлено, с одной стороны, отрицательное отношение самого историка к насильственным формам социальной борьбы народных масс. С другой стороны, он же акцентирует внимание читателя на «социальном факторе» самого общественного движения.

Уделяя значительное внимание вопросу о социальном составе участников крестьянских отрядов (особенно социальному происхождению их руководителей), Г.Герлах утверждает, что последние рекрутировались главным образом из числа трактирщиков, ремесленников, дворян, «интеллектуалов» из бюргерской среды, представителей низшего клира. Перечисляя мотивы участия руководителей отрядов в крестьянском движении, он относит к таким мотивам «безденежье», «идеалистические побуждения», «личную месть» и т. п. Отсутствие среди вожakov движения самих крестьян Герлах объясняет тем, что крестьяне в большинстве своем были «неграмотными людьми»³⁰ и прежде всего по этой причине оказались не в состоянии возглавить движение. В попытке представить руководителей отрядов людьми, которым были чужды интересы крестьянской массы, нетрудно увидеть дискредитацию и самого движения. Это впечатление еще более усиливается,

когда становится очевидным стремление Герлаха изобразить дело таким образом, что массовые выступления крестьян в 1525 г. совершенно не имели под собою каких-либо материальных оснований. Изучение же положения руководителей движения, пишет Герлах, убеждает в том, что оно только иногда было неблагоприятным, в большинстве же случаев — «хорошим или даже очень хорошим»³¹. Отсюда следует, что Крестьянская война возникла не столько в результате обострения социальных противоречий в феодальном обществе, сколько была вызвана, согласно точке зрения Герлаха, привходящими обстоятельствами и деятельностью людей, у которых были сугубо личные причины для недовольства.

Из такого рассмотрения материала логически вытекает вывод, который расходится с традиционными представлениями в немецкой историографии Крестьянской войны. В 1525 г., заявляет Г. Герлах, крестьяне вообще не выдвигали требований политического характера, ибо время «всеобщей потребности» в установлении демократического строя еще не пришло, и «развитие конституционной мысли» с большими оговорками можно признать только в городах³². Утверждая, что по движущим силам Крестьянская война выходила за рамки обычных для средних веков народных восстаний, Герлах в то же время считает, что по политическим целям и задачам она должна быть поставлена в один ряд с ними, так как ее участники из-за низкого уровня общественного сознания не были в состоянии осуществить широкие государственные преобразования. Такая трактовка событий Крестьянской войны отличает Герлаха от других представителей традиционного направления и сближает его точку зрения с концепцией революции «простого человека» (о ней см. ниже), в отличие от творцов которой он, однако, отказывается видеть в восстании 1525 г. движение, ставившее перед собою задачу осуществления политических преобразований самого института государственной власти.

Заключая рассмотрение традиционного направления в историографии Крестьянской войны, коротко остановимся на книге В.П. Фукса, адресованной широкому кругу читателей. По словам ее автора, в Крестьянской войне, этом великом историческом социально-политическом движении, в концентрированном виде отразилось развитие, которое не было обязано своим происхождением Реформации, а объясняется континуитетом крестьянских волнений, повсеместно вспыхивавших в Германии на протяжении всех средних веков. Однако трагедия германской истории, по мнению Фукса, состояла в том, что Лютер своими проповедями оказал большую пользу государственной власти, чем борющимся

за свою свободу крестьянам³³. Таким образом, и Фукс рассматривает Реформацию и Крестьянскую войну изолированно друг от друга и трактует их как самостоятельные, не обусловленные какими-либо причинно-следственными связями исторические явления. Поэтому его книга примечательна, пожалуй, только одним: она свидетельствует о том, что хотя «старая школа» в немецкой историографии с возникновением концепции революции «простого человека» утратила ведущие позиции, но отнюдь, о чем уже сказано выше, не сошла со сцены. Историки этой школы продолжают свою научную деятельность и сегодня.

Итак, для историков традиционного направления характерно отрицание решающего значения экономических причин в происхождении Крестьянской войны и классовой борьбы как таковой, изолированное друг от друга рассмотрение Реформации и Крестьянской войны, негативное отношение к революционным формам социальной борьбы народных масс и признание «законными» только мирных средств этой борьбы. Это не означает, разумеется, что взгляды историков традиционного направления полностью совпадают. Так, в отличие от Г.Франца, как мы видели выше, А.Ваас обстоятельно рассматривает по преимуществу правовое положение крестьян и обращает внимание читателя на роль городов в событиях 1525 г. Г.Герлах выдвигает положение, согласно которому Крестьянская война по своему социальному содержанию вышла за рамки обычных для средних веков крестьянских восстаний. Но он же, когда речь заходит о задачах и программных требованиях восстания 1525 г., выражает сомнение в том, что его участники вели борьбу за единое национальное государство, и ставит это же восстание по данному признаку в один ряд с крупнейшими народными движениями в средневековой Западной Европе. Следовательно, и Герлах продолжает и развивает «магистральную линию» традиционного направления в немецкой немарксистской историографии Реформации и Крестьянской войны. Как Герлах, так и другие историки традиционного направления (или «старой школы») не только не приняли «новаций», которые были внесены творцами концепции революции «простого человека», но и продолжают противостоять марксистской теории ранней буржуазной революции XVI в. в германских землях.

1.2. Марксистская историография о Реформации и Крестьянской войне как ранней буржуазной революции

В одном из ранних своих трудов («К критике гегелевской философии права»), написанном в конце 1843 – начале 1844 г., тогда еще «младогегельянец» К.Маркс утверждал, что «революционное прошлое Германии теоретично, это – реформация». Он назвал в этом труде Крестьянскую войну «наиболее радикальным событием немецкой истории». Здесь же Маркс впервые сформулировал принципиальное положение «исторического материализма» о том, что «каждый класс, как только он начинает борьбу с классом, выше его стоящим, уже оказывается вовлеченным в борьбу с классом, стоящим ниже его. Поэтому княжеская власть находится в борьбе с королевской, бюрократ – с дворянством, буржуа – в борьбе с ними со всеми вместе, а в это время пролетариат уже начинает борьбу против буржуа. Буржуа не дерзает еще сформулировать, со своей точки зрения, мысль об эмансипации, когда развитие социальных условий, а также прогресс политической теории объявляют самую точку зрения устаревшей или, по крайней мере, проблематичной»³⁴. В чем же значение этого положения для понимания самой сущности событий Реформации и Крестьянской войны?

Сформулированный таким образом тезис о закономерностях в развитии классовой борьбы переходной от феодализма к капитализму эпохи имеет важное значение и для характеристики марксистской историографии Реформации и Крестьянской войны в германских землях. Но К.Маркс ничего не говорит о том, что оба эти исторические явления образуют раннюю буржуазную революцию. Через несколько лет (в конце 1848 г.) Маркс даже писал следующее: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года (в Англии. – Ю.Н.), а революция 1648 года – только восстание нидерландцев против Испании»³⁵. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что он вообще исключал Реформацию и Крестьянскую войну из числа «классовых битв», которые народные массы под руководством буржуазии вели против феодального строя. Но при этом необходимо иметь в виду, что, во-первых, Маркс говорил о победоносных буржуазных революциях, тогда как народно-бюргерское направление общественного движения в германских землях потерпело поражение; во-вторых, историческая наука тогда еще не достигла такого уровня и не аккумулировала фактов, которые

позволили бы ему прийти к более или менее обоснованному выводу о буржуазном характере Реформации и Крестьянской войны; и, наконец, в-третьих, сам Маркс никогда специально не занимался этой проблемой, сосредоточив внимание на изучении истории классовой борьбы более позднего времени.

Прошло меньше двух лет, когда друг и соратник К.Маркса Ф.Энгельс обратился к «неладно скроенным, но крепко сшитым фигурам Великой крестьянской войны» в своей известной работе «Крестьянская война в Германии»³⁶. Целью обращения к данной теме было изучение революционного прошлого немецкого народа и одновременно – уроков революции 1848 г. Источниковая база исследования была довольно узкой и в основном ограничивалась книгой «мелкобуржуазного демократа» и депутата Франкфуртского Собрания В.Циммермана, который писал о событиях 1525 г. не без сочувствия к тяжелому положению и страданиям народных масс; этим книга Циммермана долгое время выгодно отличалась от трудов других «буржуазных» авторов (главным образом профессоров университетов) и занимает особое место в немарксистской историографии Крестьянской войны³⁷. В самой Крестьянской войне Циммерман не видел проявления «классовой борьбы», а понимал ее как борьбу между «злом» и «добром» и как, в конечном итоге, победу «зла». Такая трактовка событий 1525 г. не могла удовлетворить Энгельса.

В силу указанной причины, а именно – неразработанности и большой сложности всего комплекса знаний о социально-экономическом, политическом и духовном развитии Германии в конце XV – начале XVI в., – Ф.Энгельс в то время, так же как и его единомышленник и соратник К. Маркс, не располагал еще возможностью последовательно изложить с научной точки зрения вполне обоснованную концепцию ранней буржуазной революции в Германии. И все же некоторые теоретические положения упомянутой выше работы Энгельса именно с этой точки зрения представляют интерес. Он в ней пишет, что деятельность самой революционной партии Томаса Мюнцера носила «преимущественно фантастический отпечаток», поскольку «зачаточный пролетарский элемент» не мог иметь «твердой почвы в тогдашних общественных отношениях». Поэтому ее «стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть только фантастическим, лишь насилием над действительностью». И далее Энгельс формулирует положение принципиальной значимости о том, что в тех исторических условиях «нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны

были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большое, выродиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось в конце концов в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений»³⁸. Таким образом, реализация требований самых радикальных сил, действовавших на арене социально-политической борьбы в эпоху Реформации и Крестьянской войны и представлявших интересы предпролетарских масс города и деревни, в условиях первой четверти XVI в., как полагал Энгельс, могла привести к установлению только буржуазного строя.

Еще более выразительна в этом отношении оценка Ф.Энгельса деятельности Венделя Гиплера и «Гейльброннской программы» радикально-бюргерской оппозиции во Франконии. По словам Энгельса, «из всех вождей движения Вендель Гиплер правильнее всего понимал существующее положение вещей», поскольку «подобно тому как Мюнцер – в качестве представителя того класса, который стоял вне всяких существовавших до того времени официальных общественных связей и являлся зародышем пролетариата, – возвысился до предчувствия коммунизма, точно также и Вендель Гиплер, представитель ... средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*». Энгельс делает также вывод о том, что «Гейльброннская программа» предусматривала «превращение феодальной земельной собственности в буржуазную»³⁹. Отсюда следует, что уже в 1850 г. Энгельс находил в «классовых битвах» эпохи Крестьянской войны вполне определенно выраженные «буржуазные» черты. По мере накопления научных знаний и более глубокого изучения темы Энгельс вносил коррективы в оценки как Реформации, так и народных движений того времени в целом⁴⁰. В 70-е годы он обратился к трудам немецких ученых (особенно К.Лампрехта) по истории средневековой Германии. Результаты этих штудий отражены в «Заметках о Германии», в которых Энгельс указал на «специфический богословско-теоретический характер немецкой революции XVI века»⁴¹. Заслуживает внимания и тот факт, что здесь он впервые применил дефиницию «революция» в характеристике реформационного движения.

Спустя еще десять лет в увидевшем свет в 1880 г. «Развитии социализма от утопии к науке» Ф.Энгельс писал о

«движении анабаптистов и Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии» как о «движении, возникшем в условиях борьбы буржуазии с дворянством»⁴². В 1884 г. Энгельс написал не опубликованные при жизни автора заметки «К "Крестьянской войне"», где утверждал, что «реформация – лютеранская и кальвинистская – это буржуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода», и тут же отметил, что к началу XVI в. «в экономическом отношении Германия (находилась. – Ю.Н.) вполне на уровне современных ей стран»⁴³. Еще через восемь лет (в 1892 г.) во «Введении к английскому изданию» «Развития социализма от утопии к науке» Энгельс пришел к выводу, что «длительная борьба европейской буржуазии против феодализма достигла своей высшей точки в трех крупных решающих битвах», причем, по его мнению, «первой (из этих битв. – Ю.Н.) была так называемая протестантская реформация в Германии», апогеем которой стала «Великая крестьянская война 1525 года»⁴⁴. Таким образом, в последние годы жизни Энгельс окончательно убедился в необходимости трактовать события Реформации и Крестьянской войны как первый акт буржуазных революций в Европе и вынашивал намерение обосновать этот тезис в монографическом исследовании, специально посвященном этой революции.

Эволюция взглядов Ф.Энгельса на Реформацию и Крестьянскую войну нашла отражение в его переписке со многими корреспондентами. 23 мая 1884 г. он заверял Э.Бернштейна в том, что «"Крестьянская война" (им. – Ю.Н.) будет переписана заново... Для этого я очень многое изучил за последние годы, в нее войдет порядочная часть немецкой истории». В письмах своим корреспондентам Энгельс сообщал о своем творческом замысле по узловым проблемам темы. 31 декабря 1884 г. он писал Ф.А.Зорге о том, что в новой книге «крестьянская война будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории». В письме К.Каутскому от 15 сентября 1889 г. он высказывал мнение о том, что успехи горнорудной промышленности явились «последним толчком, поставившим Германию в 1470–1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации». В письме тому же адресату от 1 февраля 1892 г. Энгельс подчеркнул свое мнение о том, что «реформация была буржуазным движением». 14 июля 1893 г. он же делился с Ф.Мерингом своими соображениями о причинах неудачи «немецкой революции XVI века»⁴⁵. Корреспонденция Энгельса,

позволяющая заглянуть в его творческую лабораторию, показывает, с одной стороны, как он на протяжении многих лет вынашивал намерение написать новую книгу о Крестьянской войне, с другой – как росло и крепло его убеждение в «буржуазном» характере последней и всего реформационного движения. Однако творческий замысел Энгельса так и не был реализован, поскольку этому помешало сначала выполнение других более неотложных, с его точки зрения, задач, в частности, напряженная работа над третьим томом «Капитала», а затем оборвала смерть.

На основании уже рассмотренных выше фактов можно сделать вывод, что в результате научного поиска одного из основоположников «исторического материализма» Ф.Энгельс впервые сформулировал принципиальное по методологической значимости положение о том, что Реформация и Крестьянская война в Германии были первым актом буржуазных революций XVI–XVIII вв. в Европе. Эту точку зрения Энгельса разделял и В.И. Ленин⁴⁶. Так был, фигурально выражаясь, заложен «прочный фундамент» марксистской концепции ранней буржуазной революции XVI в. в германских землях.

Однако марксистская историография прошла долгий и сложный путь, прежде чем точка зрения на реформацию и Крестьянскую войну как раннюю буржуазную революцию стала в ней если не общепринятой, то, по крайней мере, преобладающей. Причин тому несколько, главные из них – традиционные представления в историографии об «отсталости» средневековой Германии и трудности гносеологического порядка в исследовании такого сложного исторического явления, каким была Реформация. На протяжении длительного времени представления об «убожестве» политического строя Германии без достаточных на то оснований переносились и на ее социально-экономическое развитие, в котором также обнаруживали признаки «отсталости». С другой стороны, «буржуазное» содержание как Реформации, так и Крестьянской войны были обусловлены комплексом экономических, социальных и политических причин и вызваны к жизни начавшимся кризисом всей системы феодальных общественных отношений.

Первой в советской историографии взялась за решение этой задачи принципиального научного значения В.В. Стоклицкая-Терешкович. Еще в 30-е гг. она обратилась к изучению процессов и явлений, которые, по ее словам, относятся к «ранним стадиям разложения феодализма», когда в немецком городе «зрели ростки капитализма» и в нем были «уже заметны элементы капиталистических

отношений». Она, однако, в то же самое время подчеркивает, что эти отношения «не преобладают», поскольку «во многих отраслях промышленности еще полностью сохраняется старый феодальный тип экономически самостоятельного производства». Стоклицкой-Терешкович удалось установить также, что в конце XV в. в «Германии встречаются случаи объединения под одной кровлей ремесленников всех или почти всех специальностей, участвующих в изготовлении шерстяных тканей»⁴⁷. Между тем в достаточной мере очевиден тот факт, что о Реформации и Крестьянской войне как ранней буржуазной революции можно говорить в том случае, если удастся обосновать положение: в ходе этих событий в повестку дня был поставлен вопрос о смене одного способа производства другим и переходе к принципиально отличной от феодальной системе общественных отношений. Именно это обстоятельство подчеркивает научную значимость труда Стоклицкой-Терешкович, так как она по сути дела была первым в отечественной историографии ученым, который исследовал причины и предпосылки антифеодальной революции. Это же обстоятельство указывает на новаторский характер монографического исследования Стоклицкой-Терешкович: ее исследование было не только серьезным научным достижением, но и оно же открывало новые горизонты научного поиска.

Долгое время, однако, начинание В.В.Стоклицкой-Терешкович оставалось единственным в отечественной историографии. К нему известным образом примыкала лишь монография Ф.Я.Полянского о средневековых западноевропейских цехах, в которой также указано на зарождение капиталистических отношений в немецком городе на примере Кельна⁴⁸. Отметим в этой связи, что в определенной мере гипотетические положения книги Полянского, увидевшей свет еще в начале 50-х годов, несколько десятилетий спустя получили подтверждение в выполненном по преимуществу на архивных источниках исследовании немецкого историка Ф.Ирзиглера⁴⁹. Ситуация в отечественной историографии кардинальным образом изменилась после научных дискуссий тех же 50-х годов: 1) о раннем капитализме⁵⁰, поводом для которой послужила публикация монографии В.И.Рутенбурга о флорентийских компаниях XIV в.⁵¹; 2) о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии⁵². Причем вторая дискуссия была логическим продолжением и развитием первой.

В ходе второй дискуссии были высказаны следующие точки зрения на Реформацию и Крестьянскую войну XIV в. в германских землях: 1) Крестьянская война была обычным для средних

веков крупным народным восстанием, а реформационное движение не пошло далее преобразования церковных институтов (О.Г.Чайковская, Ю.М.Григорьян); 2) Реформация и Крестьянская война были «буржуазной революцией без буржуазии» (А.Д.Эпштейн); 3) Реформация и Крестьянская война представляли собою первый акт ранних буржуазных революций XVI–XVIII вв. (М.М.Смирин, С.М.Стам и чехословацкий историк Й.Мацек). Сторонники первой точки зрения придавали решающее значение «отсталости» Германии и отсутствию в ней объективных предпосылок для буржуазной революции, второй – указывали на отсутствие в революции буржуазии в качестве руководящей силы как основную причину ее поражения, третьей – видели в Реформации и Крестьянской войне выражение исторической необходимости устранения препятствий на пути развития капитализма. Итоги дискуссии стимулировали исследования по германской истории позднего средневековья, особенно процессов, которые тем или иным образом были связаны с явлениями раннего капитализма.

Правда, крупнейший в бывшем Советском Союзе специалист по истории позднесредневековой Германии М.М.Смирин многое сделал еще до дискуссии 50-х годов для изучения положения крестьян в юго-западном регионе германских земель⁵³, где возникла Крестьянская война; он же исследовал кардинальные направления классовой борьбы в немецком обществе XV–XVI вв., особенно народную реформацию, которая была связана с деятельностью Мюнцера и его сторонников⁵⁴. Но в то же время только после дискуссий он обратился к изучению социально-экономических аспектов истории раннего капитализма⁵⁵. В монографии, увидевшей свет в 1969 г., Смирин на примере горнорудной промышленности германских земель рассмотрел судьбы раннего капитализма и социальной борьбы в основных горнорудных районах. В ней показан сложный и противоречивый путь развития раннекапиталистических отношений, тесная связь явлений раннего капитализма с социально-политическими событиями эпохи, неблагоприятный для прогрессивных сил исход которых во многом предопределил стагнацию темпов капиталистического развития в условиях «системы феодализма» и торжества территориальной государственности («княжеского абсолютизма»). Научная деятельность Смиринина оказала значительное влияние на процесс формирования марксистской концепции ранней буржуазной революции XVI в. в германских землях.

Отечественными историками в последние десятилетия проделана большая работа по изучению различных проблем герман-

ской истории XV–XVI вв. Их исследованиями было установлено возникновение и развитие капиталистических отношений в горном деле (М.М.Смирин, Н.В.Савина, С.А.Фараджева)⁵⁶, металлообрабатывающей промышленности (А.Н.Немилов)⁵⁷, книгопечатном производстве (А.Л.Ястребицкая)⁵⁸. Автор этой книги исследовал явления раннего капитализма в текстильной промышленности⁵⁹. Внимание отечественных историков привлекла деятельность крупных южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний и связь этой деятельности с явлениями раннего капитализма (А.Д.Эпштейн, М.М.Смирин, Ю.К.Некрасов и Н.В.Савина)⁶⁰. Они также продолжили изучение аграрной истории, в том числе бюргерского землевладения (В.Е.Майер, В.А.Ермолаев, Т.М.Негуляева, О.А.Гришина и А.А.Евдокимова)⁶¹. Значительное внимание ими было уделено гуманизму и возникновению буржуазной идеологии (М.М.Смирин, А.Н.Немилов, В.М.Володарский)⁶². Существенный вклад был внесен в исследование истории общественных движений и социальной борьбы в эпоху Реформации и Крестьянской войны (М.М.Смирин, В.Е.Майер, В.А.Ермолаев, Ю.К.Некрасов, В.Г.Павленко, В.В.Первухин, М.Ф.Фадина и А.Ф.Чуянов)⁶³. Советские историки показали большое богатство красок, характеризующих развитие производительных сил и социальных отношений в немецком обществе XV–XVI вв., в котором явления раннего капитализма переплетались с чертами феодально-сеньориальных режимов. Эти исследования в известной мере, вопреки веригам марксистско-ленинской методологии, приблизили отечественную историографию к установлению истины и закономерностей начавшегося с конца XV в. в германских землях перехода от феодальной к капиталистической системе. Движение к ценностям современной цивилизации, которое началось в Западной Европе еще на исходе средних веков, усиливает необходимость обращения к уже пройденному исторической наукой пути в изучении этого движения.

Много внимания этой проблеме уделила марксистская историография бывшей ГДР. Причем побудительный импульс к разработке ею концепции ранней буржуазной революции был сообщен дискуссией в Вернигероде в январе 1969 г.⁶⁴ Дискуссия в Вернигероде определила основные задачи работы историков-марксистов ГДР над обоснованием концепции ранней буржуазной революции. Сразу же после дискуссии уже в 60-е и 70-е гг. конкретно-историческими и теоретическими исследованиями, прежде всего таких известных ученых, как Г.Щебиц, М.Бензинг, З.Хойер, М.Штейнмец, А.Лаубе, Г.Фоглер и К.Кцок⁶⁵, были

внесены существенные коррективы в научные представления о революционном процессе конца XV — начала XVI в. и первом этапе перехода от феодализма к капитализму в германских землях. Исследованиями историков ГДР, несмотря на все издержки методологического порядка, был расширен горизонт научного поиска, что и приблизило этот поиск к истине.

Определяя в суммарном виде научный вклад историков ГДР, необходимо указать на следующее. Марксистская историография республики, продолжая изучение причин и предпосылок революции, еще раз подчеркнула тесную органическую связь социально-экономического развития Германии с явлениями раннего капитализма, успехи которого вступили в противоречие с политической раздробленностью страны, господством феодально-княжеских режимов и засильем католической церкви и феодального дворянства в жизни общества. Особые политические условия германских земель делали кризис неизбежным и превратили эти земли в арену первой в истории «классовой битвы» сил прогресса против феодального режима. К числу серьезных достижений историков ГДР можно отнести разработку периодизации ранней буржуазной революции в целом и Крестьянской войны в частности, в основу которой положена мысль о восходящей и нисходящей линиях революционного процесса. Они же, уточняя характеристику расстановки социально-политических сил во время революции, достаточно убедительно показали, что феодально-католическим силам с момента распада единого антиримского общественного движения в начале 1520-х гг. противостояли направления не только умеренно-бюргерской во главе с Лютером и народной, которую представляли Мюнцер, Гайсмайер и анабаптисты, но и радикально-бюргерской реформации во главе с Карлштадтом и Цвингли. На восходящей линии в развитии революционного процесса решающую роль играл социально-политический фактор, и только на нисходящей его линии произошло усиление религиозных настроений в широких народных массах, и на передний план борьбы со «старым порядком» вступило движение анабаптистов. Выход на авансцену истории адептов «новой веры» отразил радикальный поворот в ходе самой революции и означал неизбежность ее летального исхода.

Таким образом, впервые высказанная Ф.Энгельсом еще около ста лет тому назад гипотеза, трактовавшая Реформацию и Крестьянскую войну в германских землях XVI в. как раннюю буржуазную революцию и носившая по причине ее конкретно-исторической неразработанности характер научного предвидения, только в

последние примерно три десятилетия получила отражение в историографической практике. Несмотря на трудности и сложности этого пути, в конечном счете, взяла верх, образно выражаясь, «линия Рутенбурга», согласно которой капитализм, вырастая из различных форм простого товарного производства, в условиях феодальной системы неизбежно вступает в противоречие с предшествующими капитализму формами общественного производства (в чем эта «линия» в основном следует марксистской концепции происхождения самого капитализма). С другой стороны, события первой трети XVI в. в германских землях свидетельствуют о том, что политический фактор в условиях начавшегося перехода от феодализма к капитализму может приобретать исключительное значение и играть вполне самостоятельную роль. При этом необходимо иметь в виду, что сопоставление уровней социально-экономического развития стран Западной Европы позднего средневековья – дело весьма ненадежное, хотя сегодня вряд ли есть основания сомневаться, что германские земли к началу XVI в. в экономическом отношении, вероятно, по крайней мере не отставали от других стран, в том числе Нидерландов и Англии. Но в Германской империи раньше чем где-либо именно политические обстоятельства привели к революционному взрыву в тот момент, когда «система феодализма» еще полностью не исчерпала возможности своего развития и только вступала в стадию «общего кризиса». Несоответствие между только обозначившейся необходимостью преобразования этой «системы» с целью «внедрения» капитализма в экономическую структуру тогдашнего общества и слабостью социально-политических сил, представлявших интересы нового экономического уклада, в значительной степени объясняют и объективные причины поражения немецкой революции XVI в.

1.3. Концепция революции «простого человека» в современной немарксистской историографии

Научная концепция революции «простого человека» (*gemeinen Mannes*) возникла на рубеже 60-х и 70-х годов в условиях поиска западными (прежде всего западногерманскими) историками «позитивного ответа» на марксистскую теорию ранней буржуазной революции XVI в. в германских землях. Первым основные положения новой концепции сформулировал доцент университета в Западном Берлине Х.Бусцелло⁶⁶. Трактая события Крестьянской войны как движение «простых людей», т. е. прежде всего крестьян,

ремесленников (как и вообще всех бюргеров), Бусцелло выступил с критикой историков, которые видят в этом движении борьбу за централизацию Империи. По его мнению, «простые люди» не обладали таким уровнем общественного сознания, который позволил бы им вести борьбу за единое немецкое государство. Он рассматривает события 1525 года как политическую революцию «крестьянского сословия», единственную движущую силу этой революции, вслед за Г.Францем, находит в «деревенской знати», которая стремилась занять место в политической жизни Империи, соответствующее ее экономическому положению, и разделяет убеждение своих предшественников в том, что Крестьянская война не была результатом непосредственного влияния на ход событий самой Реформации⁶⁷. Следовательно, в концепции Бусцелло политический фактор приобретает решающее значение и в обосновании тезиса о причинах революции. Это, пишет он, нашло выражение в требованиях установления местного самоуправления, отмены привилегий, особенно податных, дворянства и духовенства, создания тесного политического союза бюргеров и крестьян на региональной основе, введения «прямого имперского подчинения» и ограничения власти территориальных князей сословно-представительными учреждениями (ландтагами). Все эти требования, как полагает Бусцелло, уже неоднократно выдвигались в прошлом. Отсюда следует вывод, что по своим политическим целям и задачам Крестьянская война должна быть отнесена к типу позднесредневековых конституционных движений⁶⁸. Такой вывод не содержит, однако, ответа на вопрос, могли ли эти движения решать задачи буржуазной революции.

В соответствии с концепцией революции «простого человека» Х.Бусцелло обратил также внимание на роль городов в событиях Крестьянской войны, в ходе которой, по его мнению, отчетливо проявилась тенденция, выражавшаяся в переплетении антиклерикальных и антидворянских настроений в городах со стремлением к укреплению местной автономии⁶⁹. При этом княжеские города ставили перед собой задачу достижения статусов имперских городов, формулируя порою это требование в весьма радикальном духе. Социально-политические планы немецкого бюргерства сводились, как полагает Бусцелло, к тому, чтобы устранить как дворянство, так и духовенство из политической жизни городов или включить их в «городской порядок», но при условии утраты «благородными сословиями» податных и судебных привилегий⁷⁰. Акцентируя внимание на том, что общественное движение в Верхней Швабии приняло «всеобщий характер», Бусцелло

подчеркивает участие в нем бюргерства, которое оказало сильное влияние на формирование принципиальных положений программы «Двенадцати Статей». Бусцелло разделяет мнение одного из ее авторов, подмастерья-скорняка Себастьяна Лотцера, согласно которому союз крестьян и горожан служил целям защиты интересов «простых людей» от «непомерных притязаний властей». Этот союз должен был приобрести такую силу, чтобы впредь «простой человек» никогда не мог стать жертвой княжеского произвола и угнетения. Осуществление этого плана на практике означало бы утрату власти ее прежними официальными органами и сосредоточение всей полноты этой власти в руках представителей крестьянско-бюргерского союза⁷¹.

Однако деятельность союза, как полагает Х.Бусцелло, не имела целью реализацию идеи общественного переворота и устранение феодальной системы эксплуатации, а была направлена на урегулирование отношений «подданных» с «господами» и установление автономии крестьянских и городских общин. К тому же Бусцелло, не придавая принципиального значения социально-политическим противоречиям в самих городах, ограничивает свою задачу рассмотрением вопроса о разрешении конфликта бюргерства с дворянством, католическим духовенством и территориальными князьями⁷². Между тем ответ на этот вопрос, даже в постановке Бусцелло, вряд ли можно дать без учета соотношения социальных сил как в масштабе всех германских земель, так и в каждом отдельном городе и его сельской округе. Только такой подход открывает путь к решению упомянутой выше проблемы.

Руководствуясь постулатом о низком уровне общественного сознания широких народных масс, Х.Бусцелло утверждает, что «простые люди» даже не помышляли о преобразовании существующего строя в целом, так как их стремления ограничивались непосредственными, повседневными жизненными интересами в пределах деревенской или городской общины. Бусцелло полагает, что создание нового типа государства было необходимостью, которая, однако, на практике могла быть претворена в действительность не в национальном масштабе, а только в территориальных или региональных границах. Поэтому Крестьянская война ни в одном из ее районов не была борьбой за «сильную Империю», государственное и национальное единство и централизацию.

По мнению Х.Бусцелло, данное положение вполне справедливо и в отношении тех требований, в которых содержалась идея признания власти императора или установления «крестьянского правления» – такую идею выдвигали отдельные личности, но они

не встретили понимания и поддержки большинства участников движения. Дело в том, говорит он, что «простые люди» ограничивались требованием предоставления самоуправления общинам и уравнивания последних в правах с территориальными князьями. Позитивная часть их программы (на юго-западе Германии это происходило под сильным влиянием «швейцарского примера») не шла далее создания политической федерации общин на территориальной основе. Крестьяне признавали за дворянами права землевладельцев, но не желали больше видеть в них сеньоров. Власть, по мнению крестьян, должна быть сосредоточена в руках территориального князя, которому подчинялись бы духовенство и дворянство. В правовом отношении крестьяне должны были уравниваться с другими сословиями. И далее Бусцелло делает вывод, что в «этой картине будущего, само собой разумеется, не оставалось места и лично-наследственной зависимости» крестьян. Первым шагом на пути к осуществлению таких планов, полагает Бусцелло, было установление автономии деревенских общин⁷³. Рассматривая Крестьянскую войну исключительно как политическую революцию, Бусцелло в то же время отказывает «простым людям» (по причине низкого уровня их общественного сознания) в способности довести эту революцию до логического конца и создать на немецкой земле национальное централизованное государство. Саму возможность решения этой задачи он относит к далекому будущему.

В отличие от Х.Бусцелло американский историк Д.У.Сейбин в опубликованной в ФРГ монографии⁷⁴ уделяет много внимания вопросу о социально-экономических предпосылках революции «простого человека». На примере Южной Швабии, а точнее сельской округи имперского города Равенсбурга, он исследует процесс специализации хозяйства, развития в нем виноградарства, молочного животноводства, текстильных промыслов, в которых была занята значительная часть деревенского населения. При этом Сейбин устанавливает, что в деревне существовали острые противоречия между зажиточными крестьянами, широко использовавшими наемный труд, с одной стороны, и деревенской беднотой, которая нанималась на работу к деревенской верхушке или занималась прядением и ткачеством, — с другой. Занятия ткачеством освобождали часть деревенского населения от привязанности к наделу, а молодые люди приобретали экономическую самостоятельность и получали возможность рано вступать в брачные союзы. В то же самое время развитие текстильного производства вело к пауперизации сельского населения, его имущественной

дифференциации и обостряло социальные противоречия в деревне⁷⁵. Таким образом, наблюдения Сейбина, которые обращены к процессу воздействия товарно-денежных отношений и элементов раннего капитализма на деревню, вносят принципиально новые нюансы в концепцию революции «простого человека».

Д.У.Сейбин затрагивает проблему связи социально-экономического развития городов с событиями 1525 г. Решая эту задачу, он вновь обращает внимание на отношения между городом и деревней накануне Крестьянской войны. Сейбин прослеживает процесс возникновения «капиталистической эксплуатации» городом деревни, особенно в экспортных отраслях текстильной промышленности, и придает этому обстоятельству исключительное значение в ряду причин, которые вызвали восстание, а затем привели к его поражению⁷⁶. В такой трактовке событий можно увидеть и иную подоплеку.

Обращение к данному сюжету имеет целью представить многочисленный отряд сельских ремесленников-ткачей как пассивный или даже реакционный элемент в революционном процессе и показать враждебное отношение «цехового бюргерства» к крестьянскому движению. Так современные западные исследователи пытаются опровергнуть марксистскую концепцию закономерностей исторического развития, изменить трактовку социально-политических аспектов проблемы раннего капитализма. Сейбин как бы меняет местами противоположность интересов трудящихся масс города и деревни феодальному строю, с одной стороны, и противоречия между отдельными категориями «трудящихся субъектов» и последних – с зарождающимся классом городской и деревенской буржуазии, с другой стороны, придавая противоречиям второго порядка решающее значение для исхода событий Крестьянской войны. Такая постановка проблемы имеет следствием отличное от марксистской историографии понимание самой сущности событий Крестьянской войны.

Повторяя основные положения концепции революции «простого человека», Д.У.Сейбин вслед за Х.Бусцелло подвергает резкой критике тех историков, которые связывают Крестьянскую войну с попыткой решения проблемы национального единства Германии. Как и Бусцелло, он отвергает эту точку зрения на том основании, что крестьяне будто бы не обладали уровнем общественного сознания, который позволил бы им вести борьбу за объединение страны. Вместе с тем Сейбин вносит в концепцию «простого человека» существенный корректив, делающий еще более очевидной ее антимарксистскую направленность. Он считает,

что, вопреки мнению марксистов, крестьяне не стремились к разрушению условий своего существования в феодальном обществе, и источники не содержат убедительных свидетельств о том, что они были против чиншей⁷⁷. Последнее утверждение Сейбина вступает, однако, в противоречие с фактами. В действительности источники, напротив, сообщают многочисленные данные о выступлениях крестьян против чиншей и различных феодальных поборов⁷⁸. Другое дело, что в большинстве случаев они требовали коммутации отработочной ренты в денежную или натуральные оброки и безвозмездной отмены только тех феодальных повинностей, которые проистекали из их лично-наследственной зависимости. При этом крестьяне вообще не посягали на собственность «нефеодального» происхождения, приобретенную личным трудом или с помощью денег.

Сформулированные выше положения имеют для Д.У.Сейбина принципиальное значение и при рассмотрении конкретных исторических событий и явлений. Крестьяне Озерного края, полагает он, стремились занять такое же положение в обществе, какое занимали бюргеры имперских городов, и требовали предоставления их общинам таких же прав самоуправления. Поэтому, объявляя целью борьбы «божественную справедливость и братскую любовь», они не желали признавать над собой никакой власти, кроме императорской. В то же время, по мнению Сейбина, парадокс состоял в том, что движение не было направлено на создание единой Германии. Это движение шло из деревни и было обращено к деревне. При этом он подчеркивает противоположность интересов различных группировок сельского населения. Сейбин приводит факты, свидетельствующие о том, что беспокойно было и во многих городах и что в штаб-квартиру Швабского Союза поступали многочисленные известия о намерении горожан выступить заодно с крестьянами. При объяснении этих фактов необходимо иметь в виду, что значительная прослойка городских жителей по роду своих занятий состояла из крестьян и жила за счет доходов с наделов, расположенных в окрестностях городов, а многочисленные городские поденщики постоянно были заняты в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих⁷⁹.

Отношения между городом и деревней, по наблюдениям Д.У.Сейбина, проявлялись и совершенно другим образом. Магистраты городов устанавливали зачастую жесткую монополию на торговлю сельскохозяйственными продуктами и так регулировали цены на них, чтобы этими ценами смягчить социальные противоречия в самих городах⁸⁰. Вполне понятно, что такая политика

обычно осуществлялась за счет ущемления интересов подвластного городу и его бюргерской верхушке сельского населения и имела следствием враждебное отношение к городу со стороны многих крестьян, особенно тех из них, кто регулярно поставлял свою продукцию на городской рынок. Этим обусловлен интерес Сейбина к еще одной стороне жизни деревни юго-западного региона германских земель в начале XVI в.

Первостепенное значение Д.У.Сейбин придает, как мы видели, обстоятельному анализу и всесторонней характеристике крестьянского движения и развития социально-экономических отношений в деревне. Он приводит весьма красноречивые факты не только имущественной и социальной дифференциации населения деревни, но и острых противоречий между полнонадельными крестьянами, с одной стороны, поденщиками и безземельными ее жителями – с другой. По этой причине он считает, что восстание 1525 г. вообще было направлено «против господ и поденщиков». Он также утверждает, что в большинстве случаев руководящие элементы движения рекрутировались из зажиточной крестьянской верхушки и выражали интересы последней. В силу данного обстоятельства у поденщиков и деревенских батраков не было особого стимула участвовать в движении. Это же объясняет, почему городские низы не были тесно связаны с восставшими крестьянами. Деревенская беднота имела основания для выражения собственных требований, которые не совпадали с целями крестьянского движения. Эта беднота по существу состояла из деревенских батраков и по своему положению была близка к городским поденщикам. Крестьянская война в Германии, заключает Сейбин, велась только в интересах деревенской верхушки⁸¹. О месте этого тезиса в концепции революции «простого человека» уже сказано выше.

Создание концепции «простого человека» было завершено известным историком ФРГ П.Бликле, который издал свою книгу под весьма выразительным названием – «Революция 1525 года»⁸². Труд Бликле носит обобщающий характер. Автор стремится решить две задачи: 1) преодолеть «односторонний подход» к данной теме своего учителя Г.Франца; 2) изыскать «убедительные аргументы» для критики марксистских представлений о Реформации и Крестьянской войне в германских землях как ранней буржуазной революции. По Бликле, программа швабских крестьян, нашедшая наиболее яркое и полное воплощение в «Двенадцати Статьях», свидетельствовала о кризисе не только аграрного строя, но и всего общества. На основании анализа программы он делает вывод,

что в большинстве случаев причиной конфликтов в деревне являлась лично-наследственная зависимость крестьян, отягощавшая их хозяйства посмертными поборами, барщинами и ограничениями для крестьян на заключение брачных союзов. Поэтому требование редукации барщин и оброков было направлено на их фактическое снижение. Причиной недовольства крестьян являлись также судебные и другие сеньориальные права феодальных господ. Все эти тяготы, как полагает Бликле, и создавали предпосылки для революции. Бликле обращает внимание и на противоречия между различными категориями деревенского населения, а также на конфликты, имевшие место в крестьянских семьях. Зажиточным и средним крестьянским слоям, утверждает он, противостояли наемные работники и малоземельные жители деревни, которые самим фактом своего существования ухудшали для деревенской верхушки условия пользования землями альменды. В семьях зажиточных крестьян и середняков возникала проблема, каким образом обеспечить сыновей необходимыми для жизни средствами, не прибегая к дроблению наделов. Противоречия обострялись и по той причине, что в одной деревне могли проживать люди различных социальных статусов: чиншевики, лично свободные и крепостные крестьяне. Между тем, по словам Бликле, ничто не держалось в крестьянском сознании так крепко, как представление об изначальной свободе, которое было присуще всем слоям деревенского населения. Недовольство крестьян еще более усиливало обращение детей, рожденных от смешанных браков (свободных и крепостных), в крепостное состояние⁸³. Необходимо отметить, что эти выводы Бликле находят подтверждение в многочисленных материалах источников.

Наблюдения П.Бликле свидетельствуют также об остроте социально-экономических противоречий в немецкой деревне начала XVI в., которые имели в своей основе тяжелое положение значительной части населения. Приблизившись, казалось бы, к марксистской трактовке причин Крестьянской войны, Бликле отрицает, однако, какую-либо связь между экономическим, политическим и «сеньориальным» факторами, хотя и вынужден признать, что возникновение территориальных государств на практике вело к усилению податного гнета и, в конечном счете, к еще большим тяготам для крестьян⁸⁴. Суждения Бликле о причинах революции отличаются в то же время известной двойственностью, поскольку, придавая определенное значение социально-экономическим противоречиям в деревне в качестве предпосылки восстания, он же вместе с тем отводит этим противоречиям всего

лишь роль одного из равноправных факторов в объяснении причин восстания 1525 г. Заслуживает внимания также и тот факт, что Бликле, как, впрочем, и Д.У.Сейбин, говоря о сложности социальной структуры и социальных отношений в самой деревне, как бы отодвигают на второй план общественной жизни этой деревни противоречия между феодальным сеньором и зависимыми от последнего крестьянами-держателями.

П.Бликле предлагает оригинальное, на первый взгляд, решение и проблемы связи событий Реформации с Крестьянской войной. Божественное право и принципы евангелизма (привнесенные проповедниками из города в деревню) превратили, как он полагает, Крестьянскую войну в революцию «простого человека». Власти были противниками крестьян, горожан и горняков, так как «притесняли Евангелие» и не следовали принципам евангелизма и божественному праву. Проведение в жизнь принципов евангелизма должно было поэтому нанести сокрушительный удар по позициям духовенства, в то время как планы повстанцев в отношении дворянства не отличались ясностью. Но, по его же словам, Крестьянская война потерпела неудачу как революция, поскольку цели «простых людей» и реформаторов были различными. Реформаторы, уточняет Бликле, воспротивились попыткам использовать институты политической власти в качестве средства осуществления принципов божественного права на практике⁸⁵. Краеугольному положению марксистской историографии, которое, как полагает Бликле, состоит в том, что антагонизм феодализма — капитализма, нашедший отражение и в идеологии (религии), привел к соединению Реформации и Крестьянской войны. Он противопоставляет мысль, что антагонизм территориальных властей с городскими и деревенскими общинами находил выражение в принципе божественного права, который обязан был своим происхождением не Реформации, и поэтому последняя не могла быть причиной Крестьянской войны⁸⁶. Отсюда видно, что Бликле, во-первых, не совсем точно формулирует и существенным образом упрощает оценку марксистской историографии такого сложного исторического явления, как Реформация; во-вторых, в полном соответствии с плюралистической теорией равноправных факторов он полагает, что Реформация и Крестьянская война не были обусловлены причинно-следственными связями и развитие каждого из этих явлений подчинялось своим имманентным закономерностям. Впрочем, последний тезис не получает у него в достаточной мере убедительного обоснования. В то же время сам Бликле в известной мере не избежал влияния марксизма.

Крестьянская война, по мнению П.Бликле, представляла собою попытку разрешения кризиса путем революционного преобразования общественных отношений на основе принципа евангелизма. Движущей силой революции были не одни крестьяне (они доминировали только на первом ее этапе), а «простые люди», т. е. крестьяне, бюргеры княжеских городов, непатрицианское население имперских городов и горняки. И далее он поясняет, что цель революции была выражена позитивно – в лозунгах «общей христианской пользы» и «братской любви», негативно – в требовании упорядочения прав и обязанностей «поданных». Отсюда проистекала и политическая задача революции – создание государства на корпоративной или территориальной основе⁸⁷. В другом месте Бликле еще раз подчеркивает, что в 1525 г. крестьяне, бюргеры и горняки вели совместную борьбу за осуществление принципов евангелизма, против сеньориального аппарата, за широкую местную автономию. Участники общественного движения понимали Крестьянскую войну не только как дело самих крестьян. Шварцвальдское «Статейное Письмо» называло «бедного простого человека в городах и деревнях» движущей силой восстания, а Вендель Гиплер ставил перед собой задачу урегулирования отношений между «простыми людьми» – «подданными», с одной стороны, и князьями, феодалами-землевладельцами и представителями «благородных сословий» (Hergen) общества – с другой⁸⁸. Этому тезису Бликле придает особое значение.

В его рассуждениях о характере и задачах революции обращает на себя внимание то обстоятельство, что, используя порою терминологию марксистской историографии, он на самом деле все же является оппонентом последней. Вслед за Х.Бусцелло и Д.У.Сейбином он довольно ограниченно трактует цели революции, которые, по его мнению, сводились к созданию и укреплению автономии городских и деревенских общин и урегулированию «на правовой основе» отношений между «господами» (князьями и вообще феодальными сеньорами), с одной стороны, и зависимым от них населением – с другой. Как сам Бликле, так и другие историки «группы Бликле» далеки от признания и того факта, что событиями 1525 г. впервые в повестку дня был поставлен вопрос о ниспровержении «старого порядка», т. е. феодального строя. Эти историки полагают, что революция «простого человека» не вышла за рамки средневековья.

Рассматривая события Крестьянской войны как политическую революцию, П.Бликле связывает ее кульминацию с образованием и деятельностью «Христианского Объединения», которое,

как он утверждает, ставило целью создание союза на корпоративной основе. Деревенские и городские судебные округа должны были представлять собою низшие политические подразделения, на которых зижделось бы государственное устройство таким образом, чтобы коммунальные организации были представлены и объединены в региональных политических подразделениях (Альгау, Озерный Край и др.), составлявших государственные единицы в пределах Верхней Швабии. В основу органов управления здесь предполагалось положить принцип выборности. Духовенство и дворянство могли принимать активное участие в политической жизни общества только при условии отказа от сословных привилегий. Что же касается политического единства в масштабах всей Империи, то этот вопрос в программных документах крестьянского движения оставался открытым.

В целом программные требования «простых людей», по Бликле, были революционными во многих отношениях: патриархальная структура власти мелких государств преодолевалась в них с помощью «корпоративно-союзной модели»; мелкие феодально-сеньориальные образования упразднялись в пользу более крупного политического союза, складывавшегося под влиянием «швейцарского примера», в котором сохранялись бы и получили развитие традиции деревенских и городских общин, судебных округов; государство, опираясь на принципы евангелизма и божественного права, обретало норму, которая, в свою очередь, имела этическое обоснование в принципах «общей пользы» и «братской любви»⁸⁹.

Значительную роль в событиях 1525 г. П.Бликле отводит городам. Кооперация между крестьянами и населением княжеских городов без особых усилий со стороны последних, по его мнению, была достигнута во всех территориях Империи, охваченных народным восстанием, так как основанием для союза крестьян и бюргеров княжеских городов, кроме реформационно-евангелических положений, являлась их сеньориальная зависимость и близость экономических интересов. Общины имперских городов (правда, далеко не всегда) также были на стороне крестьян, и изучение внутригородских отношений убеждает в том, что установлению связей между крестьянами и горожанами трудно было воспрепятствовать⁹⁰.

П.Бликле отмечает также, что Мемминген, являвшийся значительным центром реформационного движения в Верхней Швабии, дал «позитивный ответ» на требования крестьян всей сельской округи, которые были идентичны требованиям программы

«Двенадцати Статей». На примере того же Меммингена он вместе с тем подчеркивает, что там только «радикальное меньшинство», состоявшее из малоимущих и неимущих горожан, последовательно выступало за проведение реформы церкви, союз с крестьянами и развернуло энергичную агитацию против совета⁹¹. Указывая на непоследовательную линию поведения отдельных городов и различных слоев городского населения по отношению к крестьянскому восстанию, Бликле в то же время далек от мысли видеть в этой линии поведения бюргеров отражение незрелости нарождающихся классов буржуазии и пролетариата. Более того, он вообще не связывает событий 1525 г. с проявлением классовой борьбы в феодальном обществе.

Как уже отмечалось выше, особое место П.Бликле отводит «Двенадцати Статьям» швабских крестьян; для него они являлись «одновременно книгой жалоб, программой требований и политическим манифестом». Революционное содержание самой программы он видит в требованиях крестьян, касавшихся отмены их лично-наследственной зависимости, реформы десятин и избрания приходских священников, а также распространении принципа евангелизма на сферу общественных отношений. Требование же «Двенадцати Статей» о проведении светского порядка в соответствие с буквой и духом Библии может быть, по мнению Бликле, выведено как из реформационных учений Лютера и Цвингли, так и из догматов других религиозных течений XVI века⁹². Бликле уделяет также значительное внимание анализу тех статей программы, в которых выражено стремление крестьян к укреплению автономии деревенских общин и отражена роль этих общин в проведении политических преобразований. Однако намечаемые программой преобразования и саму революцию «простого человека» Бликле менее всего склонен связывать с полной ликвидацией феодального правопорядка и устранением препятствий на пути установления буржуазного строя. По его убеждению, время упразднения «старого порядка» и торжества современной демократии в 1525 г. еще не пришло.

Показательно также отношение П.Бликле к радикальному направлению в общественном движении эпохи Крестьянской войны. Он ставит в вину Мюнцеру крах планов установления конституционных порядков на немецкой земле. По замыслу вождя народных низов, указывает Бликле, революция 1525 года должна была стать «кровавым морем для немецких князей», так как его замысел предусматривал достижение военной победы и приобретал «коммунистические, общественно-демократические или рес-

публиканские черты»⁹³. Бликле также подчеркивает и тот факт, что у Мюнцера отсутствовала «позитивная программа», и вслед за другими западными историками указывает на утопический и даже фантастический характер его проекта общественных преобразований. Таким образом, Бликле исключает Мюнцера и сторонников последнего из рядов борцов за практические общественные преобразования и относит их к радикально-экстремистскому крылу в общественном движении.

С позиций, близких «группе П.Бликле», освещают проблему происхождения и характера Крестьянской войны В.Мюллер, П.Баумгарт и Р.Эндрес. Краткое рассмотрение их точек зрения представляет определенный научный интерес, поскольку расширяет и углубляет наши представления о концепции революции «простого человека».

Рассуждая о причинах Крестьянской войны, В. Мюллер особенно подчеркивает значение института лично-наследственной зависимости крестьян. Распространение крепостнических отношений накануне Крестьянской войны происходило, как он полагает, по трем причинам: во-первых, данному процессу способствовало заключение браков между свободными и несвободными людьми, потомство от которых объявлялось находящимся в несвободном состоянии; во-вторых, обращение князьями по политическим соображениям свободных подданных в крепостных людей при образовании территориальных государств в районах, где началась Крестьянская война; в-третьих, стремление феодалов восполнить потери, возникшие в результате «позднесредневекового аграрного кризиса», за счет усиления давления на крестьян и их хозяйства. Последняя причина, утверждает Мюллер, выдвигается историками-марксистами на первое место. И он тут же замечает, что споры с этими историками по вопросу о сущности лично-наследственной зависимости крестьян не имеют под собою достаточно веских оснований⁹⁴, выражая таким образом согласие с ними. Стремление крестьян к личной свободе, продолжает Мюллер, встретило сильное противодействие со стороны феодалов-землевладельцев. Очагами такого противодействия являлись складывавшиеся государственные территориальные образования. Кульминацией противоборства этих двух тенденций и была, по его мнению, Крестьянская война⁹⁵. Он затрагивает и другой важный вопрос.

О причинно-следственной обусловленности Реформации и Крестьянской войны В.Мюллер пишет, что социально-религиозная аргументация упразднения всякой несвободы исходила от

низшего клира, прежде всего католических священников, перешедших в анабаптистскую веру, которые пользовались большим авторитетом среди повстанцев⁹⁶. Отсюда вполне можно заключить, что в решении некоторых вопросов принципиальной значимости этот историк испытывает даже в определенной мере влияние марксистской исторической науки и признает ее достижения. В то же самое время во взглядах Мюллера прослеживается и известная противоречивость: с одной стороны, он указывает на значение как феодальной системы угнетения, так и реформационных мотивов в ряду причин событий 1525 г.; с другой – по существу все же рассматривает Реформацию изолированно от Крестьянской войны, отвергает марксистскую трактовку общественного переворота, идею революционного перехода от феодализма к капитализму и саму возможность установления буржуазного общественного строя насильственными средствами.

Выразительным примером в этом отношении может служить также и точка зрения П.Баумгарта. Называя себя сторонником плюралистической теории равноправных факторов, Баумгарт видит один из них в религиозных мотивах действий «простых людей» и делает вывод об исключительном значении «религиозного фактора» в крестьянском движении 1524–1525 гг. Формально признавая, таким образом, органическую связь реформационного движения с революционными событиями Крестьянской войны, он в то же самое время ограничивает ее рамками идеологического влияния реформационных доктрин на участников общественного движения⁹⁷ и подвергает критике тезис марксистской историографии о слиянии реформационного и крестьянского движений в едином революционном процессе. Это означает, что Баумгарт в рассмотрении таких исторических явлений, как Реформация и Крестьянская война, в конечном счете не выходит за рамки концепции революции «простого человека».

Одним из видных представителей «новой волны» в немецкой историографии является Р.Эндрес. По некоторым соображениям, его точка зрения заслуживает пристального внимания.

Дело в том, что объект исследования Р.Эндреса – позднесредневековый город. Изучая эволюцию социально-экономической структуры этого города, он ставит ее в прямую связь с явлениями раннего капитализма и акцентирует внимание на том, что перемены экономического порядка в жизни городов имели следствием усиление социальной дифференциации населения в большинстве из них. Фактически в стороне от этого процесса оказались только мелкие полуаграрные центры. В городах средних

масштабов с развитым ремеслом «низы» (Unterschichten) составляли около 50 процентов населения. Наибольшей же глубины социальная дифференциация достигла в городах экспортной торговли и ремесла, где «неимущие ремесленники», как это, к примеру, имело место в одном из форпостов раннего капитализма в юго-западном регионе германских земель Аугсбурге, образовали почти 66 процентов населения⁹⁸.

В то же самое время локальные различия в процессе дифференциации городского населения все же не исключают общего вывода, что во многих городах социальные противоречия сильно обострились уже в конце XV в. Причем Р.Эндрес отмечает, что, с одной стороны, часть среднего бюргерства опускалась до положения городской бедноты и таким образом возрастала численность «пролетарских низов». С другой стороны, одновременно в городах происходило «возвышение» предпринимательских элементов из рядов цеховой верхушки, представители которой фактически достигли полного политического равенства со «старым патрициатом», заседали в магистратах и оказывали влияние на их политику⁹⁹. Но тогда возникает вопрос: как Эндрес трактует события 1525 г. и видит ли он в них попытку разрешения общественного кризиса путем перехода к буржуазным производственным отношениям? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение.

Рассматривая вопрос о позиции городов и различных группировок их населения во время Крестьянской войны, тот же Р.Эндрес отмечает, что, хотя восстание возникло в деревне, важную роль в нем сыграли и города. Некоторые из них полностью перешли на сторону крестьян и поддержали их требования. Такая линия поведения была особенно характерна для мелких городских центров. С другой стороны, события Крестьянской войны послужили толчком к обострению противоречий в самих городах. Однако социальная борьба в городах сама по себе, продолжает Эндрес, повсюду оставалась чисто бюргерским движением, которое не ставило перед собой задачи установления связи с сельской округой. Восстание обычно начинала беднота городских предместий, и затем оно быстро распространялось и на «внутренний город»; в требованиях восставших были перемешаны «новые» социально-экономические и «старые» политические требования. Если бюргерская оппозиция поддерживала антиклерикальные требования движения, то цеховые мастера и состоятельные бюргеры решительно отвергали радикальные и отчасти коммунистические устремления городской бедноты. Поэтому городская беднота вступила в союз с крестьянами, что побуждало бюргерскую верхушку для защиты собст-

венных интересов прибегать к услугам ландскнехтов. По его же словам, только Томасу Мюнцеру и Генриху Пфейферу в Мюльхаузене удалось возглавить союз городских низов, цехов и состоятельных бюргеров и придать ему действительно народный характер¹⁰⁰. Таким образом, выводы Эндреса во многом совпадают с точкой зрения историков-марксистов. Но в этой же связи необходимо отметить, что признание Эндресом положительных результатов, которые были достигнуты историками-марксистами, не означает, что он разделяет их взгляд на события 1525 г. Вслед за другими сторонниками концепции революции «простого человека» Эндрес не только не употребляет в характеристике событий этого года дефиниции «классовая борьба», но и по существу отказывается видеть в них проявление таковой. Это и дает основания для отрицательного ответа на поставленный выше вопрос.

* * *

Итак; подведем некоторые итоги рассмотрения представителями современной западной историографии темы Реформации и Крестьянской войны XVI в. в германских землях. Долгое время в освещении Крестьянской войны в этой историографии преобладало традиционное направление, а историей Реформации по преимуществу занимались теологи. Марксистская точка зрения на эти явления, о чем уже сказано выше, отвергалась без приведения достаточно веских аргументов или просто игнорировалась. Изменения в отношении западных идеологов к марксистской историографии произошло на рубеже 60–70-х гг. XX в. Это выразилось, в частности, в издании научных трудов, посвященных истории Реформации и Крестьянской войны (под ред. Р.Вольфейля)¹⁰¹, в которых приняли участие как историки-марксисты, так и западные авторы, а также в приглашении историков-марксистов на Международный симпозиум в Меммингене, состоявшийся в марте 1975 г. по случаю 450-летнего юбилея Крестьянской войны в германских землях. Материалы симпозиума были опубликованы в специальном выпуске (под ред. П.Бликле) издающегося в Мюнхене «Исторического журнала»¹⁰². Эти перемены имели под собою веские основания, на которые и указали представители нового направления в западногерманской историографии.

Одним из вдохновителей «нового курса» выступил западногерманский историк Р.Вольфейль. Он заявил, что перемена в тактике западных идеологов и историков продиктована необходимостью полемики с марксистско-ленинской историографией и опровержения

марксистского учения о классах и классовой борьбе. В качестве методологии, направленной против марксистского понимания истории, Вольфейль избрал плюралистическую теорию позитивистской школы в исторической науке и выдвинул «интегральный аспект всеобщей истории» как альтернативу социально-экономической ее интерпретации представителями исторического материализма. По его убеждению, теория равноправных факторов обладает преимуществом перед теорией единственного или ведущего фактора, который, как он полагает, только и принимают во внимание марксисты при решении проблем исторической науки. Между тем исторические процессы, считает Вольфейль, могут быть объяснены лишь с помощью демографического, религиозного, экономического и ряда других факторов. И далее он утверждает, что в отличие от марксистско-ленинской исторической науки, которая оперирует категориями, почерпнутыми из анализа современного капитализма, и рассматривает эпоху Реформации как раннюю буржуазную революцию, школа «социальной истории» обращается к изучению событий, процессов и структур в их действительной исторической реальности¹⁰³. В силу данной причины одну из основных задач западной историографии Вольфейль видел в опровержении марксистской трактовки событий 1525 г. как ранней буржуазной революции¹⁰⁴. Постановка такой задачи обуславливает и выбор методологии исторических исследований.

Позитивистским принципам плюрализма и теории факторов следует Ф.Копич, который в труде Ф.Энгельса «Крестьянская война в Германии» видит «в большей мере гениальное историко-политическое эссе, чем научное исследование, имеющее значение и сегодня»¹⁰⁵. В том же духе высказывается и Т.Ниппердай. Имея в виду революционные события XVI в. в германских землях, он утверждает, что народные движения каждый раз возникали под влиянием своеобразных конкретных и локальных условий; поэтому и при объяснении причин, характера и целей народных движений следует, по его мнению, принимать во внимание не закономерности исторического процесса, а руководствоваться «плюралистической теорией факторов»¹⁰⁶. Таким образом, методологической базой новаций в западной историографии Крестьянской войны являются неопозитивизм и принципы «модной» сегодня школы «социальной истории».

Характер методологических установок представителей школы «социальной истории», с которой тесно связаны и авторы концепции революции «простого человека», достаточно ясно выражен в трудах таких известных теоретиков этой «школы», как О.Бруннер

и В.Цорн. Бруннер полагает, что с помощью категорий «сословия» и «классы» нельзя объяснить переход от феодального общества к буржуазному. Понимая под феодализмом прежде всего вассально-ленную систему, вершиной которой являлась княжеская и государственная власть, Бруннер связывает этот переход с трансформацией данной системы, в которую постепенно «внедрялись» выходцы из рядов бюргерской верхушки¹⁰⁷. Формально признавая значение экономического фактора в истории, Цорн в то же самое время утверждает, что в основе человеческой природы и гражданской истории лежат идейные мотивы. Апеллируя к наследию А.Тойнби, В.Дильтея и М.Вебера, он стремится создать такую «историографическую модель», которую можно было бы противопоставить марксизму и «науке о революциях» в качестве «духовного орудия социальной гармонии»¹⁰⁸.

Итак, суть споров в современной историографии о сущности Реформации и Крестьянской войны в конечном счете сводится к ответам на следующие вопросы: эволюция или революция определяют ход исторического процесса, была ли Реформация с Крестьянской войной ранней буржуазной революцией, или последняя являлась революцией «простого человека», т. е. демократическим движением всех антифеодальных сил? Ответы на поставленные таким образом вопросы может дать только конкретное рассмотрение как причин и предпосылок Реформации и Крестьянской войны, так и рассмотрение характера самих событий первой трети XVI в. в германских землях.

1.4. Источники

Источники по истории Реформации и Крестьянской войны многообразны и включают, кроме актов, имеющих непосредственное отношение к революционным событиям, также весь комплекс сохранившихся до нашего времени материалов по аграрной истории, социально-экономической истории городов, ремесла, промышленности и торговли в германских землях XV–XVI вв. Лишь изучение всего этого комплекса материалов позволит установить подлинные причины и предпосылки революции. Однако автор настоящей книги, прежде всего в силу предназначения последней, ограничивает свою задачу кратким рассмотрением источников по истории Крестьянской войны и лишь отчасти – по истории Реформации.

Эти источники условно можно подразделить на следующие типы: 1) программные документы; 2) публицистические произведения и сочинения реформаторов и деятелей общественного движения; 3) судебные-следственные материалы; 4) хроники и корреспонденции очевидцев и участников событий. Каждый из данных типов источников (поскольку их отличает большое своеобразие) необходимо рассмотреть отдельно.

1. К первому типу источников относятся программные требования участников революционного движения 1524–1526 гг. Наибольший интерес для изучения истории Крестьянской войны имеют следующие программные документы: «Статейное Письмо» (Artikelbrief), «Двенадцать Статей» (Zwölf Artikel) швабских крестьян, так называемая «Гейльброннская программа» радикальной бюргерской оппозиции во Франконии и «Земское Устройство» (Landesordnung), автором которого был Михаэль Гайсмайер. Эти документы позволяют составить достаточно точное представление о движущих силах, социально-политической и идеологической направленности различных течений в общественном движении, расстановке социально-политических сил во время революции и т. д. Они отражают интересы, настроения и идеологические установки представителей различных течений в общественном движении. Поэтому обратимся к характеристике каждого из них.

Широким признанием и большой популярностью не только в Швабии, но и далеко за ее пределами пользовались «Двенадцать Статей». Сегодня с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что в основу этой Программы положены многочисленные жалобы (Beschwerden) крестьянских общин Верхней Швабии, которые были переданы на рассмотрение судей Швабского Союза. Программа возникла в том районе, где наиболее остро проявлялись противоречия, характерные для феодального режима, и где началась Крестьянская война. Этот документ приобрел большую популярность далеко за пределами Верхней Швабии, где он увидел свет, и несколько раз был издан еще во время Крестьянской войны. Как полагает большинство современных историков, программа «Двенадцати Статей» носила умеренный характер, но реализация ее требований отвечала насущным повседневным интересам крестьянской массы. Именно последнее обстоятельство объясняет популярность программы. Заслуживает внимания и тот факт, что на «Двенадцать Статей» сильное влияние оказала реформационная идеология, особенно цвинглианство.

«Статейное Письмо», авторы которого, по всей видимости, были последователями и сторонниками Мюнцера, появилось в

Шварцвальде еще в конце 1524 или самом начале 1525 года. В отличие от «Двенадцати Статей» оно не содержало конкретных требований, а его авторы в самом общем виде излагали и обосновывали идею общественного переворота, т. е. ниспровержения феодального строя и насильственными средствами установления на его месте «царства божьего на земле». «Статейное Письмо» отражало настроения и интересы прежде всего деревенской бедноты и городских плебейских низов. Но в то же самое время ярко выраженная антифеодальная направленность этого документа привлекла к нему внимание и общественных деятелей иной социально-политической ориентации, которые по-своему воспринимали задачи общественного движения.

С «Гейльброннской программой» связано немало историографических «недоразумений». Она и сегодня, в чем хотя бы отчасти уже мог убедиться читатель, вызывает противоречивые и порою даже исключаящие друг друга оценки современных исследователей¹⁰⁹. Происходит это по следующим причинам. Во-первых, сама «Гейльброннская программа» в отличие, например, от «Двенадцати Статей» не успела стать программным документом общественного значения в собственном смысле слова, так как не была обсуждена и принята на собрании представителей всех крестьянских отрядов, т. е. планируемом руководителями движения во Франконии так называемом «Гейльброннском парламенте», поскольку революция потерпела поражение раньше, чем успел собраться «парламент». Во-вторых, лидеры радикально-бюргерской оппозиции во Франконии (Вендель Гиплер и Фридрих Вейгандт), задавшись великой целью осуществить крупные политические преобразования в общегосударственных масштабах, подчиняя их централизации страны, с необходимостью должны были поставить в повестку дня вопрос о привлечении на свою сторону не только бюргерства, но и имперского рыцарства и сформулировать такие требования, которые могли бы удовлетворить все участвующие в движении социально-политические силы. В-третьих, проект самой Программы дошел до нас в изложении хрониста Лоренца Фриса¹¹⁰, на основании которого историки обычно и делают выводы о «Гейльброннской программе» в целом; между тем выводы можно считать обоснованными с научной точки зрения лишь при условии рассмотрения «версии Фриса» в комплексе с другими сопутствующими проекту документами¹¹¹.

Большой интерес представляет также «Земское Устройство», автором которого является руководитель тирольских крестьян и горняков Михаэль Гайсмайер¹¹². Совсем недавно «Устройство»

впервые увидело свет в русском переводе¹¹³. Документ был составлен в начале 1526 г., когда Крестьянская война во всех остальных районах, кроме альпийских земель, уже потерпела поражение. Этим обстоятельством обусловлен тот факт, что Гайсмайер имел намерение ограничить проведение общественных преобразований только территорией своей «малой родины» – графством Тироль. В определенном смысле являясь, как полагал Ф.Энгельс и вслед за ним некоторые современные историки-марксисты, последователем учения народной реформации Мюнцера, Гайсмайер в то же время выдвинул оригинальный проект общественных преобразований, который отличала бóльшая, чем у Мюнцера, конкретность этих преобразований. По всей видимости, конечную цель своих преобразований Гайсмайер (как и Мюнцер) видел в достижении социальной справедливости и полного равенства всех людей. По этому признаку есть основание отнести «Земское Устройство» к числу произведений социальной утопии коммунистического толка¹¹⁴. Однако свойственный революционным эпохам утопизм общественного сознания у автора «Устройства» удивительным образом уживался с реализмом и даже прагматизмом.

В ходе Крестьянской войны было выдвинуто также большое число программных требований и проектов общественных преобразований локального значения. В качестве примера можно привести составленные летом и в начале осени 1524 г. «Пять Статей» жителей небольшого франконского города Форхейма¹¹⁵ или «Двенадцать Статей» плебейско-бюргерской оппозиции в крупном имперском городе Аугсбурге¹¹⁶. Еще более выразительным примером может служить проект общественных преобразований радикально-бюргерской оппозиции в Нердлингене¹¹⁷. Эти программы по своему значению не выходили за довольно узкие географические границы, но они же при их суммарном рассмотрении бросают достаточно яркий свет на характер политической борьбы во время революции. Эти же проекты отразили вполне конкретные задачи политических преобразований на уровне местного самоуправления или территории (княжества).

2. Революция XVI века в германских землях выступала в «религиозном облачении» и сопровождалась напряженной борьбой и на идеологическом уровне, которую вели, с одной стороны, приверженцы Реформации с феодально-католическими силами; с другой – представители различных течений в общественном движении между собой¹¹⁸. Поэтому сочинения лидеров и идеологов этого движения – Мартина Лютера, Ульриха Цвингли, Томаса

Мюнцера и других реформаторов – занимают видное место в ряду источников по истории революции. Богословские трактаты и политические памфлеты этих реформаторов порою содержали положения программного характера и уже с силу данного обстоятельства обнаруживали тесную связь с широким общественным движением. В качестве ярких примеров можно привести «95 Тезисов» и «К христианскому дворянству немецкой нации» Лютера, «67 Тезисов» Цвингли и «Пражский манифест» Мюнцера. Большой интерес представляет также политический памфлет «Собранию простого дворянства»¹¹⁹, написанный анонимным автором в разгар событий Крестьянской войны (в апреле 1525 г.) и изданный в мае того же года в Нюрнберге. В памфлете в острой публицистической форме изложены рекомендации автора руководителям крестьянских отрядов, и памфлет по существу представляет собою попытку со стороны бюргерской оппозиции оказать влияние на деревню и найти принципиальные подходы к разрешению аграрного вопроса революции в интересах этой оппозиции и ее союзника – крестьянства.

3. Разгром революционного движения сопровождался жестокими репрессиями феодальных властителей по отношению к его участникам. Поэтому судебно-следственные материалы образуют особый тип источников по истории Реформации и особенно Крестьянской войны. Ряд такого рода материалов еще более ста лет тому назад был опубликован Ф.Л.Бауманом¹²⁰. Об их ценности можно судить хотя бы на основании протоколов допросов Йерга Кнопфа, командира одного из крупных крестьянских отрядов в Верхней Швабии. В показаниях последнего нашли отражение планы и намерения представителей радикального крыла в крестьянском движении в Швабском регионе. Для изучения начального этапа движения адептов «новой веры» важна публикация по преимуществу следственных материалов, которая была выполнена Л. фон Муральтом и В.Шмидтом¹²¹. Эти материалы, в частности, проливают свет и на отношение анабаптистов к крестьянскому восстанию и его программным требованиям.

4. К числу памятников по истории Реформации и Крестьянской войны относятся также хроники и эпистолярное наследие (прежде всего переписка представителей официальных властей). Авторы хроник, или корреспонденты, были современниками, очевидцами, а иногда и активными участниками событий. Эти события отражены в многочисленных хрониках¹²², которые подразделяются на «всемирные» и местные (земельные, городские или специально посвященные событиям Крестьянской войны).

Из «всемирных хроник» наибольший интерес для историка Крестьянской войны представляет «Хроника, летопись и историческая Библия» Себастьяна Франка¹²³, который хотя и осуждает крестьян за участие в вооруженном восстании, вместе с тем подвергает критике князей и все феодальное дворянство за насилие, произвол и выражает искреннее сочувствие тяжелому положению народа. Труд Франка привлекает к себе внимание прежде всего тем, что его автор дает историософию всей германской истории и в яркой публицистической форме выражает личное отношение к существующему строю, происшедшим событиям Крестьянской войны и участвовавшим в них социально-политическим силам. Он же весьма скептически относится ко всем конфессиям христианства и выступает с резкой критикой адептов этих конфессий за забвение заповедей Иисуса Христа.

Весьма своеобразным историографическим явлением были многочисленные местные хроники. Рассмотрим это явление на примере хроник, освещавших события Крестьянской войны в Швабии.

События Крестьянской войны в этом регионе нашли отражение в городских хрониках Иоганнеса Кнебеля из Донауверта, Клеменса Зендера и Вильгельма Рема из Аугсбурга, Генриха Хуга из Филлингена, Генриха Рейхинера и Анонима из Базеля, Анонима из Иберлингена, Иоганнеса Кеслера из Санкт-Галлена, Валериуса Ансхельма из Берна и Иоганнеса Штумпфа из Цюриха, в трудах одного из идеологов феодально-католического лагеря Иоганнеса Кохля, анонимного автора хроники Кемптенского аббатства, альгауского рыцаря Георга фон Верденштейна, нотариуса монастыря св. Блазия в Клетгау Андреаса Летча и анонимного автора хроники графов фон Циммерн. По социальному положению Кнебель, Зендер, Кохлей и Летч, базельский, кемптенский и иберлингенский анонимные авторы были лицами духовного звания или клириками; Хуг, Рейхинер, Кеслер и Штумпф – выходцами из средних слоев бюргерства, Рем – патрицианско-бюргерской верхушки города, Верденштейн выступал в роли представителя южнонемецкого дворянства. По религиозным убеждениям Кнебель, Зендер, Хуг, Кохлей, Верденштейн, Летч и все анонимные хронисты были католиками, Ансхельм – протестантом лютеровской ориентации, а Рейхинер, Кеслер, Штумпф и Рем – цвинглианцами. Оба эти момента – социальный и конфессиональный – имеют важное значение, когда мы избираем хроники в качестве источников¹²⁴, поскольку все эти хроники отличает ярко выраженная тенденциозность в изложении хода событий.

От этой же эпохи сохранилось большое эпистолярное наследие. Выразительным примером такого наследия является тайная переписка бургомистра Аугсбурга и представителя «городского сословия» в штаб-квартире Швабского Союза в Ульме Ульриха Артцта с фактическим главой этого Союза и баварским канцлером Леонхардом фон Эком и другими корреспондентами¹²⁵. На основании изучения этой переписки можно сделать наблюдения и выводы о расстановке действующих в революции социально-политических сил, позиции городов и различных слоев их населения во время Крестьянской войны, борьбе двух направлений в крестьянском движении и других сторонах событий. Корреспонденция Артцта и Эка существенным образом уточняет свидетельства источников иных типов.

Рассмотрение основных типов источников не оставляет сомнения в возможности всестороннего комплексного изучения главных направлений социальной борьбы во время Реформации и Крестьянской войны и формулирования на основании такого изучения выводов, объективно отражающих характер происшедших событий.

В заключение необходимо особо сказать о русских переводах источников по истории Реформации и Крестьянской войны.

Прежде всего следует обратить внимание читателя на публикацию документов в хрестоматиях и практикумах¹²⁶. Помещенные в них переводы на русский язык источников позволяют составить общее представление об эволюции аграрного строя Германии XV – начала XVI в., социально-экономических отношениях и политической борьбе в немецком городе той эпохи и достаточно обстоятельно рассмотреть этапы, борьбу течений и наиболее значительные программные документы самой Крестьянской войны. Но в хрестоматиях и практикумах отсутствуют материалы о зарождении и развитии явлений раннего капитализма в горном деле, книгопечатании, очень лаконичны и мало что дают отрывки из текстов проповедей, памфлетов и трактатов самих реформаторов. В целом предлагаемые в учебных пособиях вниманию читателя источники вряд ли можно признать соответствующими состоянию современной исторической науки.

Правда, учебные пособия дополняют другие издания, которые в значительной мере расширяют возможности изучения истории Германии эпохи Реформации. В этой связи следует указать на публикацию источников по истории Реформации, осуществленную Д.И.Егоровым¹²⁷, где приведены «Письма темных людей» и переводы некоторых произведений Лютера; «Хрестоматию по

социально-экономической истории Европы» под редакцией В.П.Волгина, в которой в переводе М.П.Лесникова напечатано несколько документов по преимуществу по экономической истории Германии XV–XVI вв. и переводы уже упомянутого выше Егорова по предыстории и истории Крестьянской войны¹²⁸. Оба издания содержат достаточно интересные документы, но сами эти хрестоматии стали библиографической редкостью, что делает их труднодоступными для читателя.

Заслуживает внимания публикация В.В.Стоклицкой-Терешкович переводов источников по социально-экономической истории немецкого города XIV–XV вв.¹²⁹. Эти источники позволяют проследить возникновение капитализма в некоторых отраслях средневековой промышленности. Последнее издание известным образом дополняет публикация Л.Б.Потаниной переводов источников по социально-экономической истории средневекового Франкфурта-на-Майне¹³⁰. Превосходным источником для изучения состояния производительных сил в горном деле и металлургии является трактат гуманиста и инженера Георга Бауэра (Агриколы)¹³¹. Много дают для изучения истории народных движений в Германии перед Реформацией («святого паломничества» в Никласхаузен в 1476 г., заговоров «Башмака» 1493–1517 гг., восстания «Бедного Конрада» в Вюртемберге в 1513 г.)¹³² и Крестьянской войны во Франконии¹³³ источники, которые были изданы В.А.Ермолаевым. Заслуживает внимания публикация тем же Ермолаевым текста проекта самой «Гейльброннской программы» в «версии Фриса»¹³⁴ и сопутствующих последней документов¹³⁵, а также упоминавшегося выше «Земского Устройства» Гайсмайера¹³⁶. Эти публикации сопровождаются обстоятельными научными комментариями. Отсюда можно сделать вывод, что основные программные документы Крестьянской войны доступны русскому читателю. В этой же связи необходимо отметить и издание переведенного на русский язык анонимного политического памфлета «Собранию простого крестьянства»¹³⁷, о котором шла речь выше и который проливает дополнительный свет на идеологию крестьянского движения в целом и идеологическую подоплеку программных требований швабских крестьян, изложенных в «Двенадцати Статьях». По тем же соображениям привлекают внимание и переведенные на русский язык В.А.Чиркиным документы по аграрной истории Средней Германии¹³⁸.

Для изучения истории как немецкого гуманизма, так и истории общественной мысли и идеологической борьбы во время революции XVI в. в германских землях большое значение имеет

издание трудов Ульриха фон Гуттена¹³⁹ и Эразма Роттердамского¹⁴⁰. Примечательно, что в издании «Философских произведений» Эразма напечатан как трактат последнего «О свободе воли», который может рассматриваться в качестве своего рода апофеоза всей культуры Северного Возрождения, так и антиэразмианский памфлет Лютера «О рабстве воли». Сравнительно-исторический анализ этих произведений позволяет проследить столкновение и взаимодействие двух идеологических течений эпохи – гуманистического и реформационного – по материалам источников. Здесь же отметим, что в последние годы увидели свет и другие труды Лютера¹⁴¹, что существенным образом расширило горизонт изучения реформационного движения в Германии в XVI в. Для изучения культуры немецкого Возрождения представляет интерес издание эпистолярно-теоретического наследия великого художника Альбрехта Дюрера¹⁴². Важные штрихи к историческому портрету другого титана Возрождения – Грюневальда – сообщают документы, опубликованные в Приложении к монографии А.Н.Немилова, которую он посвятил этому художнику¹⁴³. Заслуживает внимания и тот факт, что недавно увидели свет в переводе на русский язык документы по истории немецкого анабаптизма¹⁴⁴. Серьезный вклад в изучение последнего, особенно его источниковой базы, в последнее время внесла М.В.Васильева¹⁴⁵. К сожалению, русскому читателю недостаточно известны произведения Томаса Мюнцера¹⁴⁶ и практически недоступны труды Ульриха Цвингли, Себастьяна Франка и других крупных деятелей эпохи Реформации и Крестьянской войны.

Примечания

- ¹ См.: Каплюк В.З. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в Германии в буржуазной историографии ФРГ (50-е – 60-е гг.) // Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1963. С. 220–234; Некрасов Ю.К. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989. С. 84–89 168–173; Steinmetz M. Reformation und Bauernkrieg // Kritik der bürgerlichen Geschichtsschreibung: Handbuch. Köln, 1970. S. 132–143; *Idem*. Position der Forschung: Kritische Bemerkungen zur Bauernkriegsschreibung in Bundesrepublik Deutschland // Revolte und Revolution in Europa. HZ. 1975. Beiheft 4 (NF). S. 115–126.
- ² Книга Г.Франца давно привлекла внимание советских историков. С «разоблачением» связей Франца с фашистской диктатурой

еще в 1939 г. выступил С.Д.Сказкин. Критику книги Франца продолжил М.М.Смирин, который в целом дал весьма негативную оценку всей его научной деятельности. А.Н.Немилов, признавая связь отдельных положений труда Франца с фашистской идеологией, в то же самое время отметил превосходное знание автором темы и высокий научный уровень его книги. Краткую, но достаточно выразительную характеристику научной концепции Франца дал и В.Е.Майер (см.: Сказкин С.Д. Фальсификация Крестьянской войны в фашистской «историографии» // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939. С. 187–201; Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955. С. 44–50, 108; Немилов А.Н. Великая крестьянская война в советской историографии // Проблемы всеобщей истории: Историографический сб. Л., 1967. С. 74 и прим. 18; Майер В.Е. Крестьянство Германии... С. 12, 16–19).

³ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 10. Aufl. Darmstadt. 1975. S. 287.

⁴ Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit (1300–1525). München. 1964. S. 58, 60.

⁵ Ibid. S. 68.

⁶ Ibid. S. 38 f.

⁷ Ibid. S. 46–48, 172–173, 176.

⁸ О влиянии «швейцарского примера» на социально-политическую борьбу в Германии, особенно в юго-западном ее регионе, перед Реформацией и во время Крестьянской войны см.: Майер В.Е. Крестьянство Германии... С. 96, 98–99, 107–108; Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI–XVI вв.). Вологда, 1985. С. 88.

⁹ Waas A. Die Bauern... S. 179–180.

¹⁰ Ibid. S. 255.

¹¹ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg... S. 200 f.

¹² Waas A. Die Bauern... S. 95–97.

¹³ Ibid. S. 73, 77.

¹⁴ Ibid. S. 66–68.

¹⁵ Ibid. S. 80–81, 249.

¹⁶ А.Ваас цитирует переведенный на немецкий язык фундаментальный труд М.М.Смирин (см.: Smirin M. M. Volksreformation des Thomas Müntzer und der Grosse Bauernkrieg. Berlin. 1952).

¹⁷ А.Ваас имеет в виду работу Ф.Энгельса «Крестьянская война в Германии» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7).

¹⁸ См.: Meusel A. Thomas Müntzer und seine Zeit. Berlin. 1952.

¹⁹ Роли Мюнцера в событиях восстания 1525 г. в Тюрингии, в том числе в битве при Франкенхаузене, посвящено монографическое исследование М.Бензинга (см.: Bensing M. Thomas Müntzer und

- Thüringer Aufstand 1525. Berlin, 1966), фрагмент которого переведен на русский язык (см.: Бензинг М. Поражение Тюрингского восстания при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.): Его предпосылки и причины // СВ. 1965. Вып. 28. С. 170–190). Это исследование и на самом деле вносит существенные коррективы в научные представления о роли Мюнцера в революционных событиях Крестьянской войны, которые сложились в марксистской историографии под влиянием трудов Ф.Энгельса и М.М.Смириня.
- ²⁰ *Waas A.* Die Bauern... S. 124 f. 129–131.
- ²¹ *Angermeier H.* Die Vorstellung des gemeinen Mannes von Staat und Reich im deutschen Bauernkrieg // VSWG. 1966. Bd. 53. S. 330–332.
- ²² *Ibid.* S. 343.
- ²³ *Ibid.* S. 340–341, 343.
- ²⁴ *Ibid.* S. 332–339.
- ²⁵ См.: Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты об идее общности имущества // ИСУ. 1987. С. 232–234.
- ²⁶ *Gerlach H.* Ein Vergleich zwischen dem Englischen Aufstand 1381 und dem deutschen Bauernkrieg. Heidelberg, 1968. S. 38.
- ²⁷ Проблема характера и уровня общественного сознания широких народных масс в средневековой Западной Европе примерно с середины прошлого десятилетия приобрела приоритетную значимость в трудах отечественных медиевистов. Если иметь в виду изучение общественного сознания крестьянства, эта проблема нашла отражение в исследованиях последних (см.: Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (X–XV вв.). М., 1984; Она же. Духовная жизнь европейского крестьянства и его общественное сознание // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма, М., 1986. Т. 2. С. 592–629; Адо А.В. Крестьянство в буржуазных революциях XVI–XVIII вв. // Там же. Т. 3. С. 449–489; Майер В.Е. Крестьянство Германии... С. 95–157). Значительно скромнее достижения этих историков в исследовании истории общественного сознания городского бюргерства (см.: Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1979. С. 50–88; Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии в первой трети XVI в. // Там же. С. 196–223).
- ²⁸ *Gerlach H.* Ein Vergleich... S. 66. 205–206.
- ²⁹ *Ibid.* S. 111–112, 174–175.
- ³⁰ *Ibid.* S. 159, 161–162, 167–169.
- ³¹ *Ibid.* S. 174.
- ³² *Ibid.* S. 124, 129.
- ³³ *Fuchs W.P.* Das Zeitalter der Reformation // Gebhardt Handbuch der

- deutschen Geschichte. München, 1973. Bd. 8. S. 51.
- 34 См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.1. С. 422–423, 426–427.
- 35 Там же. Т. 6. С. 114.
- 36 Там же. Т. 7. С. 345.
- 37 См.: *Циммерман В.* История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 1–2.
- 38 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 356, 363–364.
- 39 Там же. С. 413–414.
- 40 Первыми на это обратили внимание А.Д.Эпштейн и М.М.Смирин (см.: *Эпштейн А.Д.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1960. С. 10–11; *Смирин М.М.* Энгельс о значении Крестьянской войны в Германии // СВ. 1962. Вып. XXI. С. 12–24; *Он же.* Фридрих Энгельс о характере народных движений в эпоху ранней буржуазной революции XVI в. // Энгельс и проблемы истории. М., 1970. С. 128–138.
- 41 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 572–573.
- 42 Там же. Т. 19. С. 191.
- 43 Там же. Т. 21. С. 417–418.
- 44 Там же. Т. 23. С. 307.
- 45 Там же. Т. 36. С. 132, 227, 232, 339; Т. 37. С. 229; Т. 38. С. 80, 226; Т. 39. С. 85, 287, 369, 399–400.
- 46 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. С. 46–47.
- 47 *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М.; Л., 1936. С. 7–8, 101–103, 323. Ср. также: Она же. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны // Вестник МГУ. Серия общественных наук. 1950. Вып. 2. С. 53–54.
- 48 *Полянский Ф.Я.* Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М., 1952. С. 167.
- 49 *Irsiegler F.* Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert. Wiesbaden. 1979. S. 30, 43–45, 47 f.
- 50 См.: *Эпштейн А.Д.* К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. // СВ. 1953. Вып. IV; *Стоклицкая-Терешкович В.В.* К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции // СВ. 1954. Вып. V; *Рутенбург В.И.* О прогрессивности капиталистических отношений в Италии в XIV–XV вв. // СВ. 1955. Вып. VI; *Чистозвонов А.Н.* Исследовать явления в их исторической самобытности и связях // Там же; *Баткин Л.М.* Письмо читателя // Там же; К итогам дискуссии по проблемам генезиса капиталистических отношений (статья редколлегии сб. «Средние века») // Там же.
- 51 *Рутенбург В.И.* Очерки истории раннего капитализма в Италии: Флорентийские компании XIV в. М., Л., 1951.
- 52 См.: *Чайковская О.Г.* Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет // ВИ. 1956. № 12; *Смирин М.М.* О характере экономического

- подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации // ВИ. 1957. № 6; *Эпштейн А.Д.* К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции // ВИ. 1957. № 8; *Григорьян Ю.М.* К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. 1958. № 1; *Мацек И.* К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // СВ. 1958. № 3; *Стам С.М.* Чем же в действительности была Реформация в Германии? // ВИ. 1958. № 4.
- ⁵³ *Смирин М.М.* Борьба за землю в Юго-Западной Германии в XV в. и начале XVI в. // ИЗ. 1938. № 4; *Он же.* О крепостном состоянии крестьянства и характере крестьянских повинностей в Юго-Западной Германии в XV и начале XVI в. // ИЗ. 1946. № 19; *Он же.* Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952. С. 46–105; *Он же.* Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962. С. 23–24.
- ⁵⁴ *Смирин М.М.* Народная реформация...
- ⁵⁵ *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969.
- ⁵⁶ *Смирин М.М.* К истории... Гл. I–IV; *Савина Н.В.* Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982. Гл. III; *Фараджева С.А.* Политика саксонских курфюрстов в горном деле (первая половина XVI – начало XVII вв.) // Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972; *Она же.* Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. // Генезис капитализма в Англии и Германии. М., 1979.
- ⁵⁷ *Немилов А.Н.* К вопросу о формировании раннекапиталистического производства в Нюрнберге // СГ. 1974. Вып. 2.
- ⁵⁸ *Ястребицкая А.Л.* О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV–XVI вв. // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. № 3; *Она же.* Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV – середины XVI в. // СВ. 1963. Вып. 24.
- ⁵⁹ *Некрасов Ю.К.* Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XIV–XVI вв. // Генезис капитализма в Англии и Германии...; *Он же.* Сельские промыслы и ранний капитализм (по материалам текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV–XVI вв.) // Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI–XVII вв. М., 1981.
- ⁶⁰ *Эпштейн А.Д.* История Германии...; *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма...; *Некрасов Ю.К.* Очерк из экономической истории Германии конца XV – начала XVI в. (по материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний)

- // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV–XVI вв. Вологда, 1969; Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- ⁶¹ Майер В.Е. Деревня и город в Германии в XIV–XVI вв.: Развитие производительных сил. Л., 1979; *Он же*. Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XIV–XVI вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; Ермолаев В.А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства // СГ. 1968. Вып. 1; Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге в XIII – начале XIV века // Там же; Гришина О.А. К вопросу о характере земельной ренты в областях Среднего Рейна в конце XIV – начале XVI веков // История. Сб. статей аспирантов и соискателей. Алмата, 1964; *Она же*. О формах земельных держаний и правах владений крестьян рейнской деревни XIV–XVI вв. // Вестник МГУ. Сер. истор. 1967. № 3; Евдокимова А.А. Изменение характера и структуры земельных операций швабского бюргерства (XV–XVI вв.) // СВ. 1984. Вып. 47.
- ⁶² Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978; Немиллов А.Н. Грюневальд: Жизнь и творчество мастера Матиса Нитхарта-Готхарта. М., 1972; *Он же*. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979; Володарский В.М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена // СВ. 1963. Вып. 24; *Он же*. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // СВ. 1964. Вып. 26.
- ⁶³ Смирин М.М. Народная реформация... ; *Он же*. К истории раннего капитализма... Гл. V; Майер В.Е. Об одном раннем производстве утопического коммунизма в Германии // СВ. 1961. Вып. XX; *Он же*. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981; *Он же*. Крестьянство Германии... ; Ермолаев В.А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. // СВ. 1954. Вып. V; *Он же*. Гейльброннская программа: Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986; Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май – сентябрь 1524 г.) // ЕГИ. 1976. М., 1977; *Он же*. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 – лето 1525 гг.) // СГ. 1978. Вып. 5; 1981. Вып. 6; *Он же*. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба... ; *Он же*. Города и бюргерство в Крестьянской войне в Германии (на примере Швабии) // Германская история эпохи Реформации: Исследования и документы. Вологда, 1983; Павленко В.Г. О происхождении

- и сущности «Хайльбронской программы» // УЗ КемГПИ. 1968. Вып. 16: Кафедра всеобщей истории; *Первухин В.В.* Реформационное движение в Любеке в 1529–1530 гг. // СВ. 1977. Вып. 41; *Фадина М.Ф.* Мюльгаузенское движение 1523–1525 гг. // УЗ МарГПИ. Ист.-фил. факультет. 1968. Т. XVII; Она же. Классовая борьба в Северной Тюрингии во время Крестьянской войны // Казахский государственный университет. УТ кафедр всеобщей истории, государственного и международного права. Алма-Ата, 1964; *Голубкин Ю.А.* Эволюция представлений М.Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1517–1525 гг.) // ЕГИ. 1978. М., 1979; *Чуянов А.Ф.* Политическое содержание «Земского Устройства» Михаэля Гайсмайера // Социальные отношения... ; Он же. Михаэль Гайсмайер и его «Земское Устройство» // Германская история эпохи Реформации...
- ⁶⁴ Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Berlin. 1961. О дискуссии в Вернигероде см.: *Каплюк З.В.* Марксистская историография ГДР о раннебуржуазной революции в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2.
- ⁶⁵ См.: *Zschäbitz G.* Zur Mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung nach dem Grossen Bauernkrieg. Berlin, 1958; *Idem.* Martin Luther: Grösse und Grenze. Т. 1. Berlin, 1967; *Bensing M.* Thomas Müntzer...; *Bensing M., Hoyer S.* Der deutsche Bauernkrieg 1524–1526. 2. Aufl. Berlin. 1970; 450 Jahre der Reformation. Berlin, 1967; *Deutsche Geschichte. Bd. I: Von den Anfängen bis 1789*; Berlin, 1965; *Mittenzwei I.* Der Joachimsthaler Aufstand 1525: Seine Ursachen und Folgen. Berlin, 1968; *Steinmetz M.* Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971; *Laube A., Steinmetz M., Vogler G.* Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974; *Vogler G.* Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg. Berlin, 1975; *Steinmetz M., Czok K.* Leipziger Land im Bauernkrieg. Berlin, 1975.
- ⁶⁶ *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an der Versammlung gemeiner Bauernschaft. (West-) Berlin, 1969.
- ⁶⁷ *Ibid.* S. 8–9, 12–14, 80 f.; *Idem.* Die Staatvorstellung des «gemeinen Mannes» im deutschen Bauernkrieg // Revolte und Revolution... S. 272.
- ⁶⁸ *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 148–149.
- ⁶⁹ *Ibid.* S. 129; *Idem.* Die Staatvorstellung... S. 278.
- ⁷⁰ *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 132, 138.
- ⁷¹ *Buszello H.* Die Staatvorstellung... S. 282–283.
- ⁷² *Buszello H.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 127.
- ⁷³ *Ibid.* S. 12–14, 32, 80, 87–90, 141–145; *Idem.* Die Staatvorstellung... S. 274, 276, 285–286.
- ⁷⁴ *Sabeau D.W.* Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben vor 1525.

- Stuttgart, 1972.
- 75 Ibid. S. 46 f.; *Idem*. Probleme der deutschen Agrarverfassung zu Beginn des 16. Jahrhunderts: Oberschwaben als Beispiel // Revolte und Revolution in Europa... S. 132, 137, 139, 144, 146–147.
- 76 *Sabeau D. W.* Landbesitz... S. 39, 100–102; *Idem*. Probleme... S. 141, 145–148.
- 77 *Sabeau D. W.* Landbesitz... S. 119.
- 78 См.: *Некрасов Ю.К.* Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41. С. 136 след.
- 79 *Sabeau D. W.* Landbesitz... S. 13, 17.
- 80 *Sabeau D.* Probleme... S. 145.
- 81 *Sabeau D. W.* Landbesitz... S. 101–102, 107–108.
- 82 *Blickle P.* Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.
- 83 Ibid. S. 27, 38, 81–83.
- 84 Ibid. S. 76–77, 98.
- 85 *Blickle P.* Thesen zum Thema «Der Bauernkrieg» als Revolution des «gemeinen Mannes» // Revolte und Revolution in Europa... S. 129–130, 131.
- 86 *Blickle P.* Die Revolution... S. 18.
- 87 *Blickle P.* Thesen... S. 127, 130.
- 88 *Blickle P.* Die Revolution... S. 176–178.
- 89 Ibid. S. 180.
- 90 Ibid. S. 172–174, 164.
- 91 Ibid. S. 225–226, 162.
- 92 Ibid. S. 26.
- 93 Ibid. S. 213.
- 94 *Müller W.* Freiheit und Leibeigenschaft – soziale Ziele des deutschen Bauernkrieges? // Revolte und Revolution in Europa... S. 264–265, 271.
- 95 Ibid. S. 271.
- 96 Ibid. S. 269.
- 97 *Baumgart P.* Formen der Volksfrömmigkeit – Krise der alten Kirche und reformatorische Bewegung: Zur Untersuchungsproblematik des «Bauernkrieges» // Revolte und Revolution in Europa... S. 186–187, 189, 204.
- 98 *Endres R.* Zur Einwohnerzahl und Bevölkerungsstruktur Nürnbergs im 15.–16. Jahrhundert // Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. 1970. Bd. 57. S. 242 f.; *Idem*. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // Revolte und Revolution in Europa... S. 156–157.
- 99 *Endres R.* Zünfte... S. 157–158.
- 100 Ibid. S. 167–170.
- 101 См.: Reformation oder frühbürgerliche Revolution? München, 1972; Bauernkrieg und Reformation. München, 1975.
- 102 См.: Примечание 1 к этой главе.
- 103 *Wohlfel R.* Einleitung: Der Bauernkrieg als geschichtswissenschaftliches Problem // Bauernkrieg und Reformation... S. 8, 18, 21–22, 26, 34–35.
- 104 *Wohlfel R.* Position der Forschung: «Bauernkrieg» und «frühbürgerliche

- Revolution» // *Revolte und Revolution in Europa...* S. 113–114.
- 105 *Kopitzsch F.* Bemerkungen zur Sozialgeschichte der Reformation und Bauernkrieg // *Bauernkrieg und Reformation...* S. 178–180.
- 106 *Nipperdey Th.* Die Reformation als Problem der marxistischen Geschichtswissenschaft // *Reformation oder frühbürgerliche Revolution?* S. 224, 227.
- 107 *Brunner O.* Neue Wege der Verfassungsgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1968. S. 223–224.
- 108 *Zorn W.* Einleitung in die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit: Probleme und Methoden. München, 1972. S. 9–10, 12–13. 49 f. (См. также переведенные на русский язык труды упомянутых В.Цорном авторов: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990; *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед лицом истории. М.; СПб., 1996).
- 109 Об историографии «Гейльброннской программы» см.: *Ермолаев В.А.* Гейльброннская программа. С. 26–44; *Михешин А.А.* Гейльброннская программа в отечественной историографии // *Германская история эпохи Реформации...* С. 20–35; *Он же.* Гейльброннская программа в освещении западных историков-немарксистов // *Античность и средневековье.* Пермь, 1994. С. 203–212.
- 110 *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 336.
- 111 *Ермолаев В.А.* Гейльброннская программа... С. 11 след.
- 112 *Michael Gaismair.* Landesordnung Tirol // *Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges* / Hrsg. von G. Franz. München, 1963. S. 286–292.
- 113 См.: *Чуянов А.Ф.* Михаэль Гайсмайер... С. 105–110.
- 114 См.: *Петрова Е.Н.* Проблема социального утопизма в историографии «Земского Устройства» Тироля (1526 г.) Михаэля Гайсмайера // *Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии.* Вологда, 1995. С. 170–172.
- 115 *Franz G.* Quellen... S. 315.
- 116 *Vogt W.* Johann Schilling der barfüßer Mönch und der Aufstand im Jahre 1524 // *ZHV.* Bd. 6. S. 19.
- 117 См.: *Некрасов Ю.К.* Города и крестьяне... // *СГ.* Вып. 6. С. 84–85.
- 118 *Flugschriften der Bauernkriegszeit.* Berlin, 1978.
- 119 *An die Versammlung Gemeiner Bauernschaft: Eine revolutionäre Flugschrift aus dem deutschen Bauernkrieg (1525).* Leipzig, 1975.
- 120 *Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges im Oberschwaben.* Freiburg im Breisgau, 1877.
- 121 *Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz.* Bd. 1: Zürich. Zürich, 1952.
- 122 См.: *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 332–340, 343–354; *Некрасов Ю.К.* Городские хроники XIV–XVI вв. как источники по истории Германии // *Актуальные проблемы...* С. 160–165.
- 123 *Sebastian Franck.* Chronika, Zeytbuch vnd Geschichtsbybel von anbegyn

- bis gegenwertig M.D.XXXI. Jar. Strassburg. 1531.
- 124 Подробнее об этом см.: Некрасов Ю.К. Городские хронисты...; Он же. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хроники XVI в.) // Вестник МГУ. Истор. сер. 1977. № 4; Он же. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978.
- 125 Die Correspondenz des Schwäbischen Hauptmann Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524–1527 // ZHV. 1879/89. Bd. 7–10; Die Briefe des Kanzlers Dr. Leonhard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges // Anhang zu: Vogt W. Die bayerische Politik im Bauernkrieg und Kanzler Dr. Leonhard von Eck, das Haupt des Schwäbischen Bundes. Nördlingen. 1883.
- 126 Хрестоматия по истории средних веков: Пособие для преподавателей средней школы / Под ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина. М., 1950. Т. 3. С. 84–137; Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д.Сказкина. Т. 2: X–XV вв. М., 1963. С. 444–459, 472–482; Практикум по истории средних веков для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов / Сост. М.Л.Абрамсон, С.А.Сливко, М.М.Фрейденберг. М., 1967. С. 122, 125, 129, 132, 199–224; 2-е изд. М., 1971. С. 147–148, 152–156, 160–162, 241–273.
- 127 Источники по истории Реформации. М., 1906/07. Вып. 1–2.
- 128 Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. М.; Л., 1929. С. 54–73, 98–119, 122–162.
- 129 Немецкий город XIV–XV вв.: Сборник документов и материалов. М., 1936.
- 130 Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV–XV вв. // Из истории западноевропейского средневековья... С. 254–281.
- 131 Георгий Агрикола. О горном деле и металлургии, в двенадцати книгах. М., 1962.
- 132 Крестьянские движения в Германии перед Реформацией: Сборник документов. Саратов, 1961.
- 133 Крестьянская война 1525 года во Франконии: Сборник документов. Саратов, 1968/69. Вып. 1–2.
- 134 См.: Ермолаев В.А. Гейльброннская программа... С. 201–206, 249–258.
- 135 Там же. С. 209–248, 258–261.
- 136 См.: Германская история эпохи Реформации... С. 100–105, 110–117.
- 137 См.: Майер В.Е., Иванов В.В. Pamфлеты эпохи Великой крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992. С. 61–92.
- 138 Чиркин В.А. Очерки по аграрной истории Средней Германии 1460–1525 гг.: Исследования, документы. Ижевск, 1992. С. 87–127.

- ¹³⁹ См.: *Ульрих фон Гуттен*. Диалоги. Публицистика. Письма. М., 1959.
- ¹⁴⁰ См.: *Эразм Роттердамский*. Похвала Глупости. М., 1960; *Он же*. Жалоба мира // *Трактаты о вечном мире*. М., 1963. С. 39–65; *Он же*. Разговоры запросто. М., 1969; *Он же*. Философские произведения. М., 1986; *Балакин В.Д.* Эразм Роттердамский и его «Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и поверженного»: (Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий) // *Эразм Роттердамский и его время*. М., 1989. С. 244–274; *Володарский В.М.* Письмо Эразма Роттердамского Эобану Гессу: (Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий) // *Там же*. С. 275–277.
- ¹⁴¹ *Мартин Лютер*. Избранные произведения / Перевод и комментарии К.С.Комарова, Ю.А.Голубкина, Ю.М.Каган. СПб., 1994; *Голубкин Ю.А.* Из любви к истине: Мартин Лютер. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520–1526 гг. Харьков, 1994; *Мартин Лютер*. Лекции по «Посланию к Римлянам» / Перевод К. Комарова. Минск, 1996; *Он же*. Диспут о прояснении действительности индугенций: 95 тезисов / Перевод с латинского А.Рубана под ред. Ю.Голубца. Предисловие Н. Басовской. Комментарии А.Рубана и Ю.Рубана. Статья Ю.Рубана. СПб., 1996.
- ¹⁴² См.: *Альбрехт Дюрер*. Дневники, письма, трактаты. М., 1957. Т. 1–2.
- ¹⁴³ *Немилов А.Н.* Грюневальд... С. 92–101.
- ¹⁴⁴ См.: *Некрасов Ю.К., Васильева М.В.* Анабаптисты после Крестьянской войны: «свидетельства о вере» Михаэля Затлера и Ганса Шмида // *Германская история эпохи Реформации...* С. 131–147; *Пять статей величайшего спора между нами и миром* / Перевод с раннего новонаемецкого и примечания М.В.Васильевой и В.М.Павлова // *Проблемы эволюции...* С. 184–227.
- ¹⁴⁵ См.: *Васильева М.В.* К истории раннего европейского анабаптизма: хуттеровское братство // *Германская история эпохи Реформации...*; *Она же*. Анабаптисты и протестантский догмат об оправдании верой // *Античность и средневековые Европы...*; *Она же*. Хуттеровские вероисповедные документы XVI в. // *Актуальные проблемы...*; *Она же*. Хуттеровское вероисповедание по «Отчету о нашей религии, учении и вере» Петера Ридемана // *Проблемы эволюции...*; *Она же*. «Пять статей» – памятник вероисповедания хуттеровских братьев середины XVI в. // *Там же*.
- ¹⁴⁶ Образ Томаса Мюнцера занимает особое место в советской историографии, так как в нем она видела не только одного из первых в истории борцов за интересы предшественников пролетариата нового времени, но и мыслителя, возвестившего о

неизбежном наступлении «царства божьего на земле» и установлении коммунистического строя. В то же время русский читатель мог судить об учении и взглядах Мюнцера в основном по кратким отрывкам из его сочинений, которые напечатаны в хрестоматиях и других учебных пособиях. Первым шагом на пути исправления такого не совсем нормального положения является издание «Пражского манифеста» вождя и идеолога плебейских слоев немецкого общества эпохи Реформации (см.: *Томас Мюнцер. Пражский манифест* / Перевод с немецкого М.М.Смирин и В.М.Володарского. Комментарии В.М.Володарского // СВ. 1989. Вып. 52. С. 332–346).

Глава 2.
Причины
и предпосылки
революции

2.1. Немецкая деревня: феодальная реакция и обострение социальных противоречий

В аграрном строе средневековой Германии принято выделять несколько типов¹, которые лишь отчасти отражают все многообразие социально-экономических отношений в немецкой деревне того времени. В Восточной (Заэльбской) Германии состояние сельского хозяйства во многом определялось экспортной торговлей хлебом, которую вели в первую очередь ганзейские города, и специализацией ее хозяйства на производстве зерновых культур. Здесь рано проявилась тенденция к созданию крупных помещичьих хозяйств, основанных на барщинном труде феодально-зависимых крестьян. Однако долгое время (примерно до середины XVI в.) вся тяжесть феодальной эксплуатации ложилась не на немецких крестьян-колонистов, которые владели своими наделами на условиях, близких к правам собственности, а на туземное население – славян и прибалтийские народы. Вторым типом аграрного развития были районы Северо-Западной и части Средней Германии – Вестфалии, Саксонии и некоторые другие территории. Под сильным влиянием успехов сукноделия в этом регионе большое значение приобрело овцеводство. Здесь широкое распространение получила майерская аренда. Третий тип аграрного строя включал территорию юго-западного региона германских земель, развитие которого в силу ряда причин приобрело особую направленность, и социальные противоречия со второй половины XV в. достигают в деревнях этого региона большой остроты и напряженности. Критической точкой их проявления и стали события Крестьянской войны.

В юго-западном регионе германских земель сложилось феодальное землевладение (сеньория) особого типа. Здесь в силу ряда исторических причин не была реализована тенденция к расширению господского домена и не было создано крупных поместий, ведущих самостоятельное хозяйство. Именно это обстоятельство в обстановке интенсивного развития товарно-денежных отношений побуждало феодалов-землевладельцев к поискам выхода из затруднительного положения главным образом за счет наступления на крестьянские хозяйства, в которых производилась основная масса сельскохозяйственного продукта. Феодальный гнет и эксплуатация в этом регионе нарастали со все возрастающей силой и со второй половины XV в. приобрели характер феодальной реакции. Такой ход развития имел весьма неблаго-

приятные для крестьян последствия.

Здесь же с целью нажима на крестьян феодалы в первую очередь стремились укрепить права своей собственности на крестьянские наделы и превратить наследственные держания в краткосрочные. Достижение этой цели было возможным только путем обращения «свободных чиншевиков» в людей, находившихся в лично-наследственной зависимости от феодальных сеньоров. Если во многих территориях Германской империи лично-наследственная зависимость крестьян исчезла к началу XV в., то на юго-западе, в Верхней Швабии в том числе, этот институт продолжал сохранять значительный удельный вес в монастырских, дворянских и отчасти городских владениях. Причем в Верхней Швабии около 1400 г. также не существовало лично-наследственной зависимости крестьян. Более того, сам термин «крепостной» (*Leibeigen*) начинает здесь применяться (главным образом в судебной практике) только со второй половины XV в.² Осуществляемая в массовых масштабах попытка закрепощения крестьян, их превращения в «подданных» сеньоров-землевладельцев и была наиболее ярким проявлением феодальной реакции, которая привела к ухудшению экономического и особенно социального положения крестьян. Именно феодальная реакция образует одну из важнейших предпосылок и причин Крестьянской войны.

Большинство крестьян в германских землях к началу XVI в. находилось в поземельной и судебной зависимости от феодалов. В силу первой зависимости они обязаны были в пользу помещика феодальной рентой в виде барщин, натуральных или денежных платежей; в силу второй формы зависимости – подсудны сеньору и вносили различного рода судебные поборы. Все крестьяне, независимо от правового статуса, платили церковные десятины: «большую десятину» с зерновых культур, «малую десятину» с садовых, огородных культур и виноградников, «десятину крови» со скота. Но находившиеся в лично-наследственной зависимости крестьяне обязаны были к тому же особыми повинностями и платежами. В случае смерти главы семьи они обязаны были «посмертным побором» (*Todfall*) или «правом головы» (*Hauptrecht*) в виде лучшей головы скота или лучшего платья, принадлежавшего покойному. Для того чтобы наследник умершего крестьянина получил законные права на держание, он обязан был внести «допускную плату» (*Erschatz*) или «плату руки» (*Handlohn*), достигавшую размеров одной или двух годовых рент. Необходимо также отметить, что крестьяне, находившиеся в лично-наследственной

зависимости, платили «поголовный побор», размер которого зачастую устанавливался по произволу феодала. Лично-наследственная зависимость крестьян сильно стесняла и затрудняла свободу их передвижения и вступления в брачные союзы, что ущемляло гражданскую правоспособность крестьян этой категории. «Он не мог, — писал Ф.Энгельс о крестьянине данной категории, — ни вступить в брак, ни умереть без того, чтобы господин не получил за это деньги»³. Отсюда становится очевидным, какие последствия имела феодальная реакция для немецкой деревни в целом и каждого обращенного в лично-наследственную зависимость крестьянина или находившегося под угрозой такого обращения.

По мнению З.Хойера, основной причиной Крестьянской войны на территории между Шварцвальдом и Лехом, Боденским озером и Дунаем было распространение лично-наследственной зависимости крестьян и ухудшение в связи с этим их правового положения. В то же самое время тенденция к реставрации крепостнических порядков распространилась на исходе XV в. к северу от Альп только до Франконии и не проявляла себя в других регионах. Обращаясь к характеристике положения крестьян в Тюрингии, Хойер утверждает, что большинство крестьян находилось здесь в поземельной и судебной зависимости, а их лично-наследственная зависимость не была ярко выражена, так как она имела место только на юге Тюрингии⁴. Однако результаты исследования В.А.Ермолаева побуждают выразить сомнение в том, что лично-наследственная зависимость крестьян вообще не распространилась на Франконию⁵. Другое дело, что сосредоточением феодальной реакции, о чем сегодня историки уже не спорят, действительно была Юго-Западная Германия, и феодальная реакция в силу ряда обстоятельств на большей части территорий Германской империи была выражена в «сильно стертых чертах». Во многом это зависело от характера и направления воздействия на деревню товарно-денежных отношений, т. е. от того, кто извлекал выгоду из рыночных связей.

Прогрессивная тенденция в развитии сельского хозяйства нашла отражение прежде всего в процессе его специализации. Как это установил В.Е.Майер, в Германии уже с XVI в. деревня начинает специализироваться на выращивании различных сельскохозяйственных культур⁶. В сельскохозяйственном производстве, особенно в прилегающих к городам округам, широкое распространение получают огородничество, садоводство, цветоводство, виноградарство и выращивание технических культур (льна, коно-

пли, шафрана, вайды и др.). Это резко повысило уровень товарности сельского хозяйства и укрепило связи деревни с городским рынком. Специализация вообще имела далеко идущие последствия. Так, экономический профиль сельского хозяйства Тюрингии определяло виноградарство, которое широко было распространено в большей части Франконии, долине Рейна и Эльзасе. Другой специальной культурой в Тюрингии была вайда. В этой связи необходимо отметить, что крупнейшим центром переработки и торговли вайдой стал Эрфурт. Третьей важной отраслью сельского хозяйства Тюрингии являлось овцеводство. Оно не имело аналога ни в английской «модели» раннекапиталистической аренды, ни в испанских крупных феодальных хозяйствах и представляло собою своеобразную комбинацию различных форм собственности – феодальной, крестьянской, компанейской или городской. В то же самое время вполне очевиден и тот факт, что духовные и светские феодалы сохранили монополию собственности на землю и им же принадлежало большинство отар⁷. В Швабии исключительное значение приобрело садоводство, огородничество и особенно выращивание льна, в Рейнской области – овцеводство. Перемены в состоянии производительных сил, сопровождавшиеся улучшением агротехники⁸, с необходимостью имели следствием возникновение новых форм организации производства и заметное изменение социального облика деревни.

Под влиянием роста товарно-денежных отношений усиливается проникновение в деревню городских капиталов. Наибольшую активность на данной стадии социально-экономического развития общества проявлял, что показывает пример как Тюрингии, так и других германских земель, ростовщический капитал. Результатом его проникновения в сектор сельскохозяйственного производства стало распространение практики покупки крестьянских рент⁹. Кредитор «покупал» на свои деньги, которые он давал землевладельцу в рост (долг), ренту, поступавшую ему до полной выплаты долга. Получатель денег «продавал» ренту. Должник фигурировал в сделке в качестве продавца, кредитор – покупателя. Вначале (еще в XIII в.), когда владельческие права на землю продавца ренты были обязательным условием заключения сделки, которая не предполагала возвращения долга, рента могла превратиться в «вечный чинш». В XV–XVI вв. в обстановке церковного запрета ростовщических процентов эта практика приобретала характер покупок рент на определенный срок. В подобного рода практику в Тюрингии были вовлечены представители различных слоев общества. В 1489 г. ландтаг этой земли на заседании в Наумбурге принял,

однако, постановление, по которому ренты разрешалось покупать сроком только на два года, причем кредитный процент не должен был превышать 6-ти. В этой связи правомерна постановка вопроса: какова же природа так называемых «выкупных рент» (Wiederkaufzinsen) и каковы были последствия их распространения?

В отличие от феодальной ренты, церковных десятин, налогов и других сеньориальных платежей, «выкупные ренты» имели в своей основе договорный принцип (контракт). И хотя «выкупные ренты» не являлись феодальной рентой, в то же самое время они препятствовали развитию капиталистического производства в деревне. Теперь рядом с феодальными отношениями выступало ростовщичество, которое по своей природе не было капиталистическим, но вполне соответствовало специфике простого товарного производства в условиях феодального общества. Распространение «выкупных рент» как раз и свидетельствовало о проникновении ростовщического капитала в деревню и сильной зависимости крестьянских хозяйств от городского рынка. Эта форма ростовщического капитала в начале XVI в. была распространена в Тюрингии, Швабии и других местах. Об этом же, по словам одного из судебных чиновников того времени, говорят «тысячи страниц картуляриев и книг протоколов» судов низшей инстанции в Эльзасе. Результатом распространения практики «выкупных рент» на деревню в конечном счете было появление так называемых «сверхцензов», т. е. денежных или натуральных платежей, которые крестьяне вносили, кроме обычной ренты, в пользу кредиторов. Такой вариант развития вряд ли способствовал появлению в деревне ростков «раннего капитализма».

В то же самое время необходимо иметь в виду, что развитие товарно-денежных отношений и интенсивное вовлечение деревни в сферу их влияния могло иметь и принципиально иные последствия. В некоторых отраслях сельского хозяйства, ориентированных на рынок, возникали зачаточные формы капиталистического производства. В.Е.Майер показал, что в районах развитого овцеводства арендатор-издольщик уже на рубеже XV–XVI вв. «становится первым предпринимателем предпринимательского капитала в деревне», что создавало своего рода «стартовую площадку» для превращения «первоначальных форм ренты в капиталистическую». Овцеводы, широко применяя наемный труд, «постепенно подрывают прежние феодальные порядки»¹⁰, на месте или рядом с которыми возникают капиталистические производственные отношения. Эта тенденция развития проявляется и в ряде других отраслей сельского хозяйства.

Элементы «раннего капитализма», возникшие в сельском хозяйстве и ремесле, начинают свой рост еще в условиях феодализма. Но известно: для капитализма необходимо, чтобы товарное производство стало «всеобщей формой». Между тем, как установил Х.Харниш на примере Магдебургской равнины¹¹, сельское хозяйство которой специализировалось на производстве товарного хлеба для экономически развитых регионов Западной Европы, даже зажиточные крестьяне в первой половине XVI в. продавали лишь от 25 до 40 процентов производимого ими зерна. Эти же крестьяне, однако, широко прибегали к использованию наемной рабочей силы и осуществляли переход своих хозяйств на предпринимательские рельсы. В Магдебурге существовали не только крупные помещичьи хозяйства, но и возникали прототипы свободного наемного труда и совершался процесс коммутации феодальной ренты. Такую же картину можно было наблюдать в Северной Тюрингии, Анхальте и Нижней Саксонии. К тому же типу аграрного развития можно отнести и «Старую Баварию». Во всех этих регионах происходило разложение института отработочной ренты и увеличение числа наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве. В то же самое время и здесь позиции феодализма продолжали оставаться достаточно прочными и по-прежнему определяли характер производственных отношений. Это особенно ярко проявлялось в сохранении у феодалов-землевладельцев судебных прерогатив. Последние они использовали в качестве орудия нажима на крестьянские хозяйства и права держателей крестьянских наделов. Такой ход развития имел далеко идущие последствия.

Изменения в экономическом базисе общества не могли не оказать влияния на развитие отношений собственности. Накануне революции обычным для немецкой деревни явлением стал переход в руки бюргеров значительных площадей, находившихся под огородами и садами. Более того, бюргеры-собственники принуждали крестьян, «сидевших» на принадлежавших этим бюргерам наделах пахотной земли, заниматься огородничеством, стремясь к извлечению двойной выгоды, поскольку крестьяне не только платили им ренту, но и производили продукты, которые обязательно становились товарами. Такие же отношения складывались и в виноградарстве, которое в условиях недостаточно развитого мануфактурного производства превратилось в сферу приложения наемного труда и источник существования как для малоземельных и безземельных жителей деревни, так и многих «городских поденщиков». Но тенденция эволюции феодальной собственности на землю в «свободное достояние» (т. е. «буржуазную собственность») в

основном имела место только в сфере влияния значительных городских центров, где любой продукт ремесла и сельского хозяйства на пути от производителя к потребителю с необходимостью приобретал свойства товара. Иным было положение на аграрной периферии. Здесь обладание собственностью на землю всегда было связано с феодальными правами и привилегиями¹². Поэтому на аграрной периферии устои феодализма по существу продолжали оставаться почти не затронутыми «новыми веяниями».

Другой прогрессивной тенденцией в развитии отношений собственности была настойчивая борьба крестьян за превращение своих наделов в «наследственные держания». В Тюрингии существовала прослойка зажиточных крестьян, которые фактически стали собственниками земли и прибегали к найму рабочей силы из числа безземельных и малоземельных жителей деревни. Эти крестьяне владели значительными состояниями и являлись прямыми предшественниками сельской буржуазии нового времени¹³. Представляют интерес в этой связи и данные по Верхней Швабии. Здесь крестьянское землевладение в Тетнанге составляло 33 процента, в Миндельхейме — 40 процентов, в ряде синьорий Альгау даже достигало 60–70 процентов. При этом наблюдалась закономерность, в соответствии с которой доля крестьянского землевладения выше там, где лично-наследственная зависимость крестьян не играла сколько-нибудь значительной роли. В то же самое время во владениях крупных монастырских вотчин Шуссенрид, Вейнгартен, Вейсенау, Охзенфус, Рот и в некоторых других местах большая часть крестьянских земель была присвоена феодалами¹⁴. Отсюда понятно то значение, которое для крестьян приобрела борьба за землю. Это становится еще более ясным, если принять во внимание повсюду наблюдающуюся и особенно ярко себя проявляющую в юго-западном регионе Германской империи тенденцию, которая выразилась в неукротимом стремлении феодалов превратить все земли альменды в свою полную собственность. В таких условиях успешное развитие крестьянских хозяйств было сильно затруднено.

Итак, социально-экономическое развитие немецкой деревни на рубеже XV–XVI вв. отличалось большой противоречивостью: в ее жизни причудливо переплетались как «застойные», так и «прогрессивные» черты. В.И.Рутенбург в этой связи отмечает, что «сельское хозяйство Германии ощущало на себе появление капиталистической мануфактуры: для текстильного производства требовалось увеличение сырьевой базы шерсти, льна, конопли». Однако в условиях германских земель того времени такой ход развития привел к тому, что «создалось одно из противоречивых явлений

немецкой жизни XV – начала XVI в.: раннекапиталистические отношения породили крепостничество, подъем сельского хозяйства, рост его товарности приносили выгоды феодалам и таким образом укрепляли их позиции. Буржуазные отношения в деревне привели к краткосрочной феодальной аренде¹⁵. Картина, которую рисует Рутенбург, отражает реальную действительность германских земель накануне революции, хотя проявления феодальной реакции, о чем уже было сказано выше, были сильно дифференцированы в различных областях этих земель, и к тому же феодальная реакция встречала сильное противодействие со стороны самих крестьян. Это противодействие в конечном итоге переросло в массовое общественное движение.

2.2. Ремесло, торговля и промышленное производство: возникновение явлений «раннего капитализма»

Исключительное значение в экономической жизни германских земель приобрели города. По данным, которые приводит историк-экономист Г.Бехтель, в XIV–XV вв. население самой Германии составляло около 12–13 млн. человек, из которых только 10–15 процентов, т. е. от 1,25 до 1,75 млн. человек, проживало в 3-х тысячах ее городов. Однако в большинстве своем это были мелкие и мельчайшие городские центры, так как в Германии тогда насчитывалось всего 12–15 действительно крупных по тому времени городов, население каждого из которых превышало 10 тысяч жителей; в 15–20 городах проживало от 2-х до 10 тысяч жителей, в 150 – от 1-й до 2-х тысяч человек, и население каждого из остальных 2800 «малых» городов было менее 1-й тысячи жителей¹⁶. Э.Фойгт утверждает, что уже в XIV в. четверть населения Германии проживала в городах¹⁷. Однако достоверность тех и других данных весьма относительна, и приведенная выше «статистика» скорее отражает тенденцию исторического развития, чем подлинное положение вещей.

Более точные данные по Саксонии и Тюрингии приводят К.Блашке и З.Хойер. В Саксонии к середине XVI в. существовало 137 поселений городского типа, в которых проживало 138 700 человек. По социально-экономической структуре это были торговые, ремесленные, горные и «сельскохозяйственные» центры. Из 20 самых крупных городов Саксонии 6 были торговыми, 4 – горными, 7 – ремесленными и 3 – «сельскохозяйственными»¹⁸. Большинство

из 62-х городов Тюрингии являлись «аграрными» городами, население которых занималось сельским хозяйством и было так сильно отягощено различными повинностями (чиншами и барщинами), что их экономический строй определяли феодальные производственные отношения. Положение многих бюргеров здесь было близким к положению феодально-зависимых крестьян¹⁹. В.А.Ермолаев приводит аналогичные данные о феодальной зависимости населения франконских городов²⁰. Отсюда следует, что города Саксонии, Тюрингии и Франконии и к началу XVI в. были далеки от того, чтобы достичь эмансипации от «оков феодализма», и в силу данной причины последние по-прежнему оставались тормозом на пути свободного развития производительных сил.

И все же в большинстве случаев основу экономического строя городов составляли ремесло и торговля. Ремесленники и торговцы обычно объединялись в корпорации (цехи). Причем если во Франконии эти цехи были неполноправными или вовсе запрещены, как это случилось в Нюрнберге, то в городах Швабии существовали так называемые «политические цехи», старшины которых заседали в магистратах. Наиболее яркими отличительными чертами корпоративного строя ремесла являлась цеховая монополия и регламентация производства. Однако уже в XV в. цеховая регламентация стала утрачивать свои уравнивательные тенденции, а отношения между мастерами и подмастерьями в ряде отраслей производства перестали носить патриархальный характер. Немецкому средневековому городу известно и так называемое «свободное ремесло». Но экономическим базисом любой формы городского ремесла – цехового, «присяжного» и «свободного» – всегда было мелкотоварное производство. Это производство, однако, с возникновением явлений раннего капитализма вступает в стадию кризиса, поскольку перестает удовлетворять резко возрастающий спрос на рынке.

Из различных форм простого товарного производства в некоторых отраслях промышленности вырастают примитивные формы капиталистической кооперации и мануфактуры. Причем такая тенденция развития имела место в городском и негородском, цеховом и нецеховом ремесле. Главными очагами раннего капитализма, возникшего в недрах феодальной социально-экономической системы, были горное дело и плавильное производство, металлообрабатывающая промышленность, книгопечатание и различные отрасли текстильной промышленности. Поэтому, прежде чем сделать общие выводы, необходимо рассмотреть, хотя бы кратко, возникновение раннекапиталистических форм производства в каждой из этих отраслей.

На первом месте по праву следует поставить горнодобывающую промышленность²¹. В германских землях рано, по крайней мере уже с XIII в., в Саксонском Эрцгебирге, Мансфельде и Тироле началась разработка горных богатств и добыча железа, меди, серебра и других металлов. Еще в XIII–XIV вв. добыча руды велась на небольшой глубине товариществами рудокопов (Gewerkschaften). По мере углубления разработок уже в XV в. эти трудовые объединения по существу превратились в капиталистические предприятия. О подобной метаморфозе свидетельствует тот факт, что участники (Gewerken) этих предприятий, инвестировавших денежные средства в горнорудные разработки, приобретали паи (Teilen или Kuxen) этих предприятий и получали по ним прибыль. В том же столетии, особенно в его последние десятилетия, в горнорудной промышленности обозначились направления социальных противоречий, бросающих достаточно яркий свет на исторические условия, в которых совершалось развитие капитализма на его ранней стадии.

Таких направлений социальных противоречий было два. Первое направление – противоречия участников – предпринимателей горных разработок, занимавшихся добычей руды, с феодально-княжеским административным аппаратом, или бергамтом. Дело в том, что недра земли считались регалией территориальных князей, которым и принадлежало монопольное право на ведение добычи полезных ископаемых. «Уступая» это право горнорудным товариществам, князья требовали внесения в свою пользу соответствующих платежей: «оброка» (или «десятины»), т. е. поставки на княжеские плавильни 1/10 или 1/20 доли всей добычи руды; «плавильщики» (собственники, владельцы или арендаторы плавильных предприятий) обязаны были вносить в княжескую казну так называемый «Wechsel», т. е. разницу между рыночной ценой металла и той ценой, по которой горные товарищества или торговые компании обязаны были «продавать» металлы княжескому бергамту. К тому же бергамт на основании действовавшего тогда «дирекционного принципа» осуществлял контроль над производством, нанимал, устанавливал размер заработной платы и увольнял рабочих, сдавал рудники в аренду²². Это, в конечном счете, вело к насаждению системы «феодалного обирательства» в горнорудной промышленности, которая сдерживала инициативу капиталистов-предпринимателей²³ и являлась одной из причин антифеодалных настроений среди последних. Причем в борьбе против княжеской администрации горнозаводчики находили

поддержку со стороны различных категорий трудящихся, занятых в горнодобывающем и плавильном производствах.

Другим направлением социальных противоречий в горнорудной промышленности было возникновение и развитие противоположности социальных интересов нарождавшихся классов наемных рабочих и капиталистов-предпринимателей. К началу XVI в. наемный труд широко использовался в плавильном производстве и на подсобных работах (откачке воды и подаче свежего воздуха в забой и шахты, очистке руды и т. д.). Однако добыча руды в то время в большинстве случаев осуществлялась не наемными рабочими в собственном смысле слова, а трудовыми артелями старателей (*Lehenschaften*), которые получали участки рудника у горных товариществ предпринимателей в своего рода субаренду. Эта категория трудящихся только еще находилась на пути превращения в наемных рабочих²⁴. Различные категории трудящихся, занятые на горных промыслах и в плавильном производстве, противостояли не столько капиталистам, сколько княжеским властям, которым, как известно, принадлежало исключительное право найма на работу и увольнения с нее, установления размеров заработной платы, продолжительности рабочего дня и т. д. Оба эти класса (капиталистов и наемных рабочих) являлись структурообразующими элементами неполноправного «третьего сословия», только еще вступали на авансцену истории в роли самостоятельных классов, и их объединяло неприятие средневековых институтов и даже феодального режима в целом, ниспровержение которого, хотя и по разным мотивам, в исторической перспективе было их общей целью.

Развитие горного дела имело выдающееся значение. Читателю уже известна та высокая оценка, которую давал этой отрасли Ф.Энгельс. Значение горнорудных промыслов было очевидно и современникам. В частности, знаменитый указ Карла V от 13 мая 1524 г. стоимость «золота, серебра, меди, свинца, железа и других металлов», ежегодно добываемых в германских землях, оценивал в 2 млн. гульденов. В том же указе читаем, что «многие сотни людей, стар и млад, женщины и дети, не зарабатывали бы своего хлеба насущного иначе, как добычей, разработкой и плавкой [руды]»²⁵. Добыча руды и торговля металлами, по словам нюрнбергского купца и горнопромышленника Кристофа Фюрера, превратилась в важнейшую отрасль хозяйства. Он писал, что «серебро не находится в таком количестве ни в одной другой стране, кроме священной империи, и вокруг лежащие христианские и нехристианские страны вынуждены завозить к себе се-

ребро из германских земель»²⁶. И эту оценку Фюрером выдающейся роли горного дела в экономической жизни Империи следует признать верной: до притока металлов из Нового Света в ней производилась львиная доля серебра и меди в Европе.

Значение горных промыслов состояло и в другом. По мнению З.Хойера и А.Лаубе, экономическими предпосылками ранней буржуазной революции вообще и Крестьянской войны в особенности было развитие зачаточных форм капиталистических производственных отношений. В этом процессе исключительную роль играло горное дело, так как его успехи стимулировали, с одной стороны, подъем ремесла и торговли, с другой – структурные изменения в феодальном обществе в целом. Особенно сильным влияние новых раннекапиталистических производственных отношений было в производстве льняных и бумажезных тканей в Верхней Германии, Вестфалии и Лаузице, в сукноделии Герлица и Страсбурга, в верхневестфальском металлообрабатывающем ремесле, производстве бумаги, книгопечатании и кораблестроении. Во всех этих отраслях преобладали отношения раздач и другие переходные от простого товарного к капиталистическому производству формы²⁷. Отсюда вполне можно заключить, что, во-первых, горнорудная промышленность не была единственной отраслью, где капиталистические отношения уже в начале XVI в. достигли высокого уровня; во-вторых, ошеломивший современников подъем горного дела в германских землях 1470–1530 гг. имел следствием бурное развитие металлообрабатывающей промышленности, крупнейшим центром которой после утраты Кельном ведущих позиций в этой отрасли стал Нюрнберг. В последнем на почве рано возникшего в некоторых отраслях металлообработки (кузнечном ремесле, производстве панцирей, доспехов и иных изделий) ферлегерства (о котором см. ниже) со второй половины XV в. наметился переход от простой кооперации к примитивному типу капиталистической мануфактуры²⁸. Необходимо отметить также, что капиталисты-раздатчики в металлообрабатывающей промышленности Нюрнберга одновременно выступали в роли капиталистов-предпринимателей в горнорудной промышленности Саксонии и крупных оптовых торговцев металлами на международных рынках. Этот факт следует отнести к одному из примечательных явлений экономической истории того времени.

Под непосредственным влиянием успехов горного дела развивались и другие передовые отрасли общественного производства, в которых также возникали явления раннего капитализма. Поэтому обращение к истории этих отраслей существенным образом

дополняет картину экономической жизни Империи эпохи Реформации. Так, раннекапиталистическая организация производства получает широкое распространение в книгопечатании. В издательском деле, производстве книг и торговле ими в роли организатора мог выступать как «раздатчик» (Verleger), так и мануфактурист в собственном смысле этого слова. Пороку оба типа предпринимательства совмещались в одном лице. В качестве примера укажем на деятельность в конце XV в. книгопечатника и книготорговца Антона Кобергера, который с помощью механизма раздачи издавал книги в Базеле, Страсбурге, Хагенау и даже Лионе. Он же владел в Нюрнберге типографией с 24 печатными станками, в которой осуществлялось разделение труда более чем по 100 специальностям. Типография Кобергера по существу являлась централизованной мануфактурой. Успехи развития капиталистических отношений в книгопечатании во многом объясняются тем, что эта отрасль возникла после изобретения Гуттенбергом печатного станка вне системы цехового ремесла и фактически не знала цеховых ограничений и регламентации производства²⁹. Значение этой отрасли было исключительным, так как издание большими для того времени тиражами печатных книг способствовало распространению знаний, в том числе технических, и росту грамотности в широких народных массах, что сыграло выдающуюся роль в подготовке кадров для капиталистической промышленности.

И все же есть основания утверждать, что первостепенное значение для социально-экономического развития германских земель в средние века и судеб раннего капитализма имела работающая на массового потребителя текстильная промышленность. Ее развитие оказывало сильное влияние не только на город, но и на деревню. Более того, развитие различных текстильных ремесел и промыслов открывает перспективу изучения вопроса о разделении труда в новых социально-экономических условиях между городом и деревней.

Общественное разделение труда являлось важнейшим условием и предпосылкой возникновения капиталистических отношений в текстильной промышленности. Производство в ней с течением времени все более и более распадалось на три самостоятельные стадии или фазы технологического процесса: прядение, ткачество и аппретуру тканей. В каждом из этих циклов также проявлялась тенденция к дальнейшему разделению труда и специализации. На завершающей стадии, или фазе, производства льняных тканей появляются такие фактически вполне самостоятельные его отрасли, как красильная и белильная. Специализа-

ция производства неизбежно вела к проникновению в него купеческого капитала, что облегчалось отдаленностью рынков сырья и сбыта готовых изделий. В Швабском текстильном регионе в городах Исни, Биберахе, Меммингене, Ульме, Аугсбурге и других, а также на прилегающих к ним территориях возникает разделение труда между городом и деревней. Прядение и отчасти ткачество сосредотачивалось в деревнях, ткачество и аппретура тканей – в городах. Сельские промыслы производили пряжу и грубые ткани, городское ремесло – высокосортные ткани и их побелку, крашение и аппретуру, что позволяло превращать эти изделия в конкурентоспособные товары экспортной промышленности. Причем развитие каждой из отраслей текстильной промышленности и возникновение в ней явлений раннего капитализма имело свои ярко выраженные особенности.

Традиционной отраслью текстильной промышленности в германских землях стало льноткачество, изделия которого рано получили признание и пользовались спросом на международных рынках (на знаменитых Шампанских ярмарках еще в XII в.). Льноткачество было широко распространено в Швабии и ряде кантонов Швейцарского Союза, в Средней Германии в Саксонии и Лаузице, на западе и северо-западе Империи в Вестфалии, Фрисландии и Голландии. Уже с первых десятилетий XV в. основной формой организации производства в этой отрасли стали отношения раздач³⁰. Магистрат Констанца в одном из своих декретов 1495 г. по существу признал, что раздачи сырья и скупка готовых изделий к концу XV в. превратились в норму экономических отношений в льноткацком производстве³¹. Еще более ярко тенденция перехода от простой кооперации к примитивной форме капиталистической мануфактуры с конца того же столетия выражена в соседнем с Констанцем Санкт-Галлене³², полотняные изделия которого поставлялись на рынки далеко за пределами германских земель. Таким же образом совершалось развитие и других отраслей текстильного производства.

В этой связи обратимся к истории сукноделия. Развитие последнего в значительной мере было обусловлено его превращением в ряде городов в экспортную отрасль промышленности. Причем в данной отрасли в роли раздатчиков в большинстве случаев выступали зажиточные цеховые мастера. Источники обычно называют таких людей «суконщиками» (Tuchern). «Суконщики» на определенных условиях «раздавали» (verlegeten) пряжу не только мелким производителям, но и самостоятельным мастерам, которые сами работали со слугами и подмастерьями. В XIV – первой

половине XV в. «суконщикам» не удалось подчинить себе и превратить мастеров-ткачей в наемных работников. Мастера в то время, как правило, еще не были связаны контрактами с каким-либо конкретным раздатчиком, а работали на корпорацию суконщиков³³. Положение радикальным образом изменилось лишь в конце XV – начале XVI в. Попытаемся это показать на примере сукноделия Герлица³⁴. Обращение к данному сюжету бросает дополнительный свет и на общие закономерности развития текстильной промышленности в условиях раннего капитализма.

Герлиц был значительным центром сукноделия, которое возглавили обладавшие до того времени значительными денежными средствами предприниматели, по преимуществу «чужие купцы». Последние имели дело в качестве контрагентов с так называемыми «факторами», которые рекрутировались из числа герлицких суконщиков или торговцев тканями. Эти «факторы», собственно говоря, и являлись раздатчиками по отношению к чесальщикам шерсти, валяльщикам и «бедным ткачам», работавшим на предпринимателей. Такие отношения определяли структуру суконного производства Герлица в начале 70-х гг. XV в. С конца того же столетия в этой отрасли начался переход к собственно мануфактурному производству. Владельцы крупных по тому времени состояний, аккумулированных как в торговле и бурно развивавшемся здесь пивоварении, так и в самом сукноделии, приобретаю дома за городскими стенами, устанавливают в них необходимое для производства тканей оборудование и организуют выпуск сукон на экспорт. Это уже были капиталистические мануфактуры с ярко выраженной тенденцией к централизации, что нашло выражение, с одной стороны, в объединении всех производителей «под одной кровлей», с другой – в разделении технологического процесса на ряд самостоятельных операций.

Со второй половины XIV в. большое значение в германских землях, особенно в Верхней Швабии, приобрело производство бумази. Переход к производству новой продукции сопровождался рядом технических нововведений. Бумазея ткалась на 4-педальном станке с 4 веретенами, основа была льняная, а уток – из хлопка. Потребности массового сбыта привели к механизации наиболее трудоемкого процесса – переработки льна, для которого использовали молотильные мельницы. Как утверждает исследователь истории этой отрасли в средние века В. фон Штромер, массовое производство бумази было возможно лишь при условии предварительного финансирования самих производителей с помощью механизма авансов. Скупщик предоставлял ткачам авансы в денежной фор-

ме или в виде хлопка, которые должны были погашаться готовой бумазеей, иногда поставлял оборудование, информировал о новой технике. Скупщик, цех и городские власти осуществляли контроль за качеством хлопка и бумазеи, проявляли заботу о том, чтобы производилась только стандартная, высококачественная продукция, способная выдержать конкуренцию на крупных ярмарках и в экспортной торговле. Штромер также полагает, что еще до возникновения хлопчатобумажного производства отношения раздач существовали в традиционной для германских земель льноткацкой промышленности, так как иначе, по его словам, был невозможен сбыт изделий льноткацкой промышленности на международных рынках³⁵. Этот вывод Штромера вряд ли можно признать бесспорным и доказанным. В то же самое время очевиден тот факт, что исторический опыт развития льноткацкой промышленности был использован в бумазейном производстве, которое со второй половины XV в. достаточно быстро совершает эволюцию от стношений раздач к мануфактурам рассеянного и смешанного типов.

Особенно большое значение хлопчатобумажная промышленность приобрела в крупном имперском городе Аугсбурге, который превратился в главный центр производства бумазеи не только в Швабии, но и, пожалуй, всей Германии. В конце XVI в. в Аугсбурге ежегодно производилось около 350 тыс. штук (или тюков) различных сортов высококачественной бумазеи, пользовавшейся спросом на крупнейших рынках мира, а в 1610 г. было произведено даже 474 184 штуки. Перед Тридцатилетней войной занятиями ткачеством в бумазейном производстве находили себе пропитание около 6 тыс. ремесленников, число которых после войны составило всего только 500³⁶. Для сравнения укажем, что Хемниц, значительный центр бумазейной промышленности Саксонии, производил в начале XVII в. ежегодно около 40 тыс. штук тканей³⁷, т. е. в 11 раз меньше, чем Аугсбург. Развитие бумазейного производства имело далеко идущие социально-политические последствия и оказало влияние на линию поведения населения как города, так и деревни во время Крестьянской войны.

Капиталистические отношения получили развитие и в шелкоткачестве, одним из наиболее значительных центров которого в средневековой Германии был Кельн. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники³⁸ позволяют ясно изобразить основную тенденцию развития шелкоткацкого производства в этом городе. Уже цеховые уставы 1469–1480 гг. и «дополнения» к ним по существу признают в качестве нормы производственных отношений

«раздачи» шелка-сырца прядильщицам, пряжи – ткачихам и работу последних на так называемых «главных мастериц». В «Докладе об отрицательных сторонах шелкового производства», предоставленном совету Кельна в конце 1490 или начале 1491 года Герхардом фон Везелем, речь шла о том, что в женском цехе шелкоткачих имеется только 4 или 6 мастериц, «настолько богатых», что они в состоянии тратить ежегодно от 2-х до 3-х тысяч гульденов на покупку шелка-сырца, обучают учениц и собственных детей, извлекают отсюда пользу... и занимают положение главных мастериц в цехе. Деятельность этих «главных мастериц», по словам Везеля, привела к тому, что «теперь перед нашими глазами проходят примеры бедняков, принимающихся за прядильную и ткацкую работу, чтобы спасти себя от голода и жажды». Многочисленные прядильщицы и ткачихи уже к концу XV в. фактически полностью утратили экономическую самостоятельность и превратились в наемных работниц «главных мастериц». Предприятия последних по существу являлись капиталистическими мануфактурами смешанного типа. Примечательно также и то обстоятельство, что новые производственные отношения в шелкоткачестве Кельна возникли в условиях цеховой системы, которая, формально сохраняя вывеску корпоративного ремесла, на самом деле допускала в рамках своей структуры иную форму производства и по этой причине быстро совершила метаморфозу «капиталистического перерождения».

На ранней стадии перехода от феодализма к капитализму, с одной стороны, заглавную роль в экономической жизни общества играл торгово-ростовщический капитал, с другой, – в возникновении нового хозяйственного уклада выдающееся значение имели сельские промыслы. Купеческому капиталу Верхняя Германия обязана возникновением новой отрасли текстильной промышленности – бумазейного производства и невиданным до этого развитием льноткачества. Проникновение этого капитала в промышленность проявилось в инвестициях купцов и банкиров в данные отрасли, т. е. в предоставлении кредитов предпринимательским элементам, авансов (сырьем или деньгами) производителям. Это неизбежно вело к подчинению купцами или банкирами-ростовщиками вовлеченного в сферу влияния капитала ремесленного производства. Именно здесь следует искать начало превращения самого торгово-ростовщического капитала в промышленный капитал, протекавшее на первом этапе в форме отношений раздач. Причем зачаточные формы капитализма обычно успешнее и глубже пускали корни в деревне, чем в городе, так как в

отличие от городских деревенские ремесленники были сильно разобщены и не имели собственных организаций. В бумазейном производстве прядение вообще стало сельским промыслом, которым в основном занимались женщины. В крупных городах прядение было занятием исключительно бедняков. Отметим также, что деревенских и городских прядильщиков и особенно прядильщиц эксплуатировали не только богатые купцы, но и зажиточные цеховые мастера. Сельские ремесленники принимали активное участие и в ткацком производстве.

При таком направлении развития город выступал в роли создателя раннекапиталистических форм производства. Но в то же самое время мы располагаем выразительными примерами и другого порядка. В сельской округе Ульма (в Лангенау) уже в 1462 г. некоторые богатые деревенские мастера-бумазейщики работали с 30-ю «подручными» – ткачами и прядильщиками³⁹. Другие два примера относятся к Саксонии. Здесь в податном кадастре 1528 г. деревни Бокендорф назван малоземельный крестьянин Никель Руэ, который, однако, владел белильной и красильной мастерскими и занимался «доработкой» сотканного сельскими производителями полотна. В 1533–1536 гг. в одноименной деревне «ткач» Вайт Фогельзанк, который числился полнонадельным крестьянином, ежегодно «поставлял» в белильное производство Хемница от 310 до 400 штук полотна (за четыре года это составило 1470 штук), т. е. больше, чем за то же время поставили на рынок такие городские центры, как Эдеран, Шонау и Митвайде вместе взятые⁴⁰. Во всех приведенных выше случаях в деятельности предпринимательских элементов самой деревни использование отношений раздач переплеталось с попытками перехода к собственно мануфактурному производству, что лишний раз подчеркивает значение сельских промыслов в истории раннего капитализма. Но приведенными выше эпизодами распространение явлений раннего капитализма на деревню дело не ограничивалось.

Еще одним примером раннекапиталистических отношений может служить производство такой трудоемкой культуры, как вайда, которая в средние века широко использовалась в качестве красителя тканей. В производстве вайды, как показал В.Е.Майер, еще к концу XV в. возникло разделение труда между городом и деревней: весь процесс выращивания вайды и изготовления «вайдовых мячиков» был сосредоточен в деревне, обработка этих «мячиков» до получения красящего вещества – в городе. Деревня изготовляла полуфабрикат – «вайдовые мячики», город – готовую продукцию в виде порошка. Он же делает и другой вывод о том,

что обработка сырья, изготовление краски, упаковка и ее транспортировка производились наемными людьми – «вайдовыми мастерами», вайдкнехтами, поденщиками и извозчиками. Крупные размеры хозяйства, применение наемной рабочей силы, разделение труда при ручном производстве дали Майеру основание отнести это производство к мануфактурному типу⁴¹. Признавая правомерность такой оценки производства вайдового красителя, в то же время есть основания полагать, что в ней присутствует некоторое преувеличение, так как в действительности производство этого красителя обнаруживает аналогичное развитию отношений раздач в текстильном ремесле от простой кооперации к типу рассеянной мануфактуры, которая лишь отчасти приобретала признаки централизованного капиталистического предприятия. Как подчеркивает З.Хойер, в производстве вайды значительную роль играли мелкие самостоятельные производители из числа малоземельных или даже безземельных жителей деревни⁴². И все же, необходимо это признать, производство вайдового красителя выразительно в качестве яркого примера раннекапиталистического развития, которое затронуло не только город, но и деревню. Примечательно также, что основным районом производства вайды в Германии была Тюрингия с центром в Эрфурте, т. е. район, где, по мнению Ф.Энгельса, развернулась кульминация всей Крестьянской войны⁴³. Причинно-следственная связь этих явлений не может не привлечь особого внимания исследователя.

Своеобразным показателем успехов в германских землях простого товарного производства, а затем и раннекапиталистических отношений была деятельность крупных южнонемецких компаний⁴⁴. Еще во второй половине XIV в. в Равенсбурге была образована «Большая Компания», занимавшаяся, в частности, сбытом немецкого полотна на испанском и других рынках. В первой половине XV в. широкую известность приобрели фирмы Ульриха Имхофа из Констанца, братьев фон Ватт из Санкт-Галлена и представителей патрицианского семейства Дизбахов из Берна, в деятельности которых также на первом месте находилась торговля льняными тканями. С конца XV в. успехи простого товарного производства, первоначального накопления и возникновения капиталистического уклада открыли перед предприимчивыми представителями городского бюргерства новые, более широкие горизонты деятельности. Этому способствовал и начавшийся процесс формирования мирового рынка. В верхненемецких землях появляется ряд крупных торгово-ростовщических и торгово-промышленных предприятий, главными резиденциями которых

стали такие форпосты раннего капитализма, как Нюрнберг и особенно Аугсбург. Наибольшую известность из них приобрели компании Фуггеров, Вельзеров, Паумгартнеров, Хохштеттеров, Госсембротов и Пиммелей.

Деятельность крупных компаний носила противоречивый характер. С одной стороны, эти компании занимались не только торговлей товарами, ростовщичеством или банковско-ссудными операциями, но и довольно активно содействовали созданию системы раздач и примитивной формы мануфактуры в текстильной промышленности, переходили от откупных операций к капиталистическому предпринимательству в горном деле, инвестируя значительные денежные средства на приобретение паев горнорудных товариществ, строительство кузниц, плавильных и различных технических сооружений, особенно дорогостоящих механизмов для подачи свежего воздуха и откачки воды из забоев и шахт. С другой стороны, владельцы торговых компаний были монополистами. Они, используя острую нужду Габсбургов и других княжеских домов в деньгах, приобретали феодально-сеньориальные права, подавляя конкурентов не только экономическими средствами, но и с помощью внеэкономического принуждения. Тем самым компании-монополисты наносили большой ущерб силам прогресса и создавали серьезные препятствия на пути свободного развития капитализма. Общественное мнение к тому же связывало (порою не без основания) с деятельностью этих компаний рост цен на товары, особенно первой необходимости. Это нашло отражение в программных требованиях «антимонополистического» движения, в котором ярко проявились противоречия переходной от феодализма к капитализму эпохи.

Завершая рассмотрение вопроса о возникновении капитализма в Германской империи, приведем сформулированные А.Лаубе положения⁴⁵, отразившие некоторые итоги исследования данной темы в современной, прежде всего марксистской, историографии и имеющие определенное теоретическое значение. Он указал на следующие особенности процесса генезиса капитализма в германских землях.

1. Капиталистическое развитие различных регионов германских земель сильно отличалось друг от друга. Центрами раннего капитализма были Верхняя и Средняя Германия, а также рейнский регион. Север и Восток в этом отношении сильно от них отставали.

2. Самой передовой отраслью народного хозяйства было горное дело, в котором, однако, господствовало регальное право,

оказывавшее отрицательное влияние на производство и создававшее препятствия на пути свободного развития капитализма.

3. В сельском хозяйстве успехи в развитии производительных сил вели не к установлению капиталистических производственных отношений, а к сдерживанию реакционным феодальным дворянством прогрессивных тенденций этого развития, с одной стороны, и в условиях монополии собственности феодалов на землю – к обострению отношений феодального угнетения и эксплуатации – с другой.

4. Развитие капитализма в германских землях происходило в то время, когда в них господствовала политическая раздробленность и отсутствовало единое национальное государство.

В то же самое время, как полагает А.Лаубе, социально-экономические отношения в германских землях характеризуют черты, отражающие общие закономерности начальной стадии развития мануфактурного капитализма: а) относительно высокий уровень аккумуляции торгово-ростовщического капитала и его интенсивное проникновение в общественное производство; б) превращение рабочей силы в товар и рост спроса на нее на рынке; в) постепенное вовлечение средств производства и условий труда, в том числе земли, в рыночное обращение; г) образование элементов внутреннего рынка и его включение в систему формирующегося мирового рынка.

Таким образом, прогрессивная тенденция в экономическом развитии германских земель в XV–XVI вв. встречала на своем пути трудно преодолимые препятствия политического порядка. Прежде всего именно этим обстоятельством обусловлен интерес автора настоящей книги к изучению политического строя и социальной структуры общества Священной Римской империи германской нации.

2.3. Политический строй и эволюция социальной структуры общества: кризис старых сословий и появление новых классов

Политическая раздробленность, в состоянии которой Германия оказалась в начале XVI в., была подготовлена всем ходом предыдущего исторического развития и определила ее судьбы на несколько последующих столетий⁴⁶. Германские земли входили в

состав Священной Римской империи, которая к тому времени скорее стала географическим понятием, чем политическим образованием. Положение в Империи было противоположно положению в Англии и Франции, прочно вставшими на «столбовую дорогу» создания национальных государств. В 1438 г. имперской короной окончательно овладели представители династии Габсбургов. К началу революционных событий XVI в. в их владения, кроме собственно германских и австрийских земель, входили также Бургундия (Франш-Конте), Испания, Нидерланды и огромные заморские территории. Поэтому об Империи Габсбургов говорили, что в ней «никогда не заходит солнце». Однако в самой Германии Габсбурги фактически не располагали аппаратом исполнительной власти и могли полагаться на ресурсы только собственного княжеского дома. Регулярно созывавшиеся «имперские собрания», которые с конца XV в. стали называться рейхстагами⁴⁷, в большей мере были не сословно-представительным учреждением, а собранием «имперских чинов». Их решения не имели обязательной силы, а носили рекомендательный характер; поэтому князья и имперские города принимали эти решения к исполнению только тогда, когда они соответствовали их интересам. Реальная власть на местах сосредоточилась в руках суверенов территориальных государственных образований и ландтагов⁴⁸, которые по своим политическим функциям гораздо ближе рейхстагам стояли к английскому парламенту или французским Генеральным Штатам.

Положение усугублялось зависимостью Германии от римской курии и безраздельным господством в стране католической церкви. Габсбурги проводили универсалистскую политику и вынашивали вряд ли осуществимые на практике планы создания «всемирной христианской монархии». В проведении такой политики они видели союзника в католической церкви, которая не только на идеологическом уровне обосновывала такие притязания Габсбургов, но и использовала свое влияние ради достижения этой цели. В качестве платы за помощь Габсбурги поддерживали непомерные, прежде всего финансовые, притязания «святого престола» в Риме, сводившиеся в конечном счете к прямому обирательству народов всей Империи. По вполне понятным причинам такая политика и практика встречали все возрастающее сопротивление со стороны различных слоев общества.

В условиях назревавшего революционного кризиса некоторые группировки господствующего класса предпринимали шаги, направленные к поискам путей выхода из создававшегося положения.

Однако попытка проведения в 80-е годы XV в. имперских реформ закончилась полным провалом: князья не пожелали добровольно уступить в пользу центральной власти ни одной из своих политических прерогатив. Неудача реформ еще более усилила необходимость создания карательной организации, которая повела бы борьбу с оппозиционным общественным движением. И такая организация была создана 14 февраля 1488 г., когда рыцари ордена св. Георга, прелаты церкви, графы и бароны, а также ряд имперских городов Швабии объединились в Швабском Союзе. Особую роль в создании последнего сыграли Габсбурги, которые намерены были направить Швабский Союз против Баварии и отложившихся от Империи швейцарских кантонов. Но уже вскоре политическая ориентация Союза резко изменилась в связи с вступлением в него некоторых крупных князей, в том числе заклятых врагов Габсбургов – баварских герцогов из рода Виттельсбах. На практике внутренняя политика Габсбургов ничем принципиально не отличалась от политики других владетельных немецких князей. Княжескому мелкодержавию в Германии противостояла в лице Габсбургов не центральная власть, а средневековый сюзерен, которого князья в лучшем случае признавали «первым среди равных». Правда, это отнюдь не исключало попыток со стороны находившихся на троне представителей династии (особенно во время правления Карла V), целью которых была централизация Империи и формирование сильной государственной власти⁴⁹. Однако такие попытки неизменно заканчивались неудачей.

В то же самое время необходимо отметить, что Швабский Союз, возникший в том регионе германских земель, где наиболее остро проявлялись социальные противоречия, с самого начала существования исправно выполнял свою функцию подавления любого протеста и любой оппозиции феодальному правопорядку. Швабский Союз в первую очередь был организацией, которая защищала интересы феодального дворянства и патрицианско-олигархической верхушки городов. Уже осенью 1491 г., когда кемптенские крестьяне поднялись против феодального гнета со стороны своего сеньора – местного аббата, – Швабский Союз объявил себя «силой порядка», пришел на помощь аббату и потопил в крови восстание крестьян. Эти события оказались прелюдией к той роли, которую Швабский Союз сыграл в качестве палача восставшего народа во время Крестьянской войны. С другой стороны, необходимо отметить, что Союз не был и не мог быть носителем идеи централизации государственной власти.

2.3. Политический строй и эволюция социальной структуры

Неблагополучное политическое положение Империи накладывало отпечаток и на социальную сферу жизни немецкого общества. Характеристику социального строя последнего, сложившегося к рубежу XV–XVI вв., Ф.Энгельс дал еще в «Крестьянской войне в Германии»⁵⁰. Оценки Энгельса свидетельствуют о глубине и известной проницательности его образа исторического мышления, что, как это уже знает читатель, признают и оппоненты марксизма. Однако достижения исторической науки, особенно последних десятилетий, побуждают внести корректив в эти оценки.

Основными социальными антиподами («антагонистическими классами», по марксистской терминологии) в Германии к началу XVI в. продолжали оставаться феодалы-землевладельцы и «держатели» последних – находившиеся в различных формах зависимости крестьяне. Однако социальная структура феодального общества в Западной Европе (германские земли не составляют исключения) носила сословный характер. Это вполне признавали и современники. Себастьян Франк писал в знаменитой «Исторической Библии», что двумя первыми «благородными сословиями» называют духовенство и дворянство, «третье сословие – это бюргеры, или городские жители», «трудящийся в поте лица народ: крестьяне, угольщики, пастухи и т.д. – это четвертое сословие»⁵¹. Таким образом, общественные классы в средние века состояли из сословий. В состав класса землевладельцев (феодального типа) входили два сословия: первое – сословие духовенства и второе – светского дворянства. Что касается «третьего сословия», оно, как тому учила католическая церковь, включало всю страждущую часть общества – горожан и крестьян, или, как это не без основания делает Франк, крестьяне образовывали особое, «четвертое», сословие. Включение в последнее сословие «угольщиков» и «пастухов» отразило факт имущественной и даже социальной дифференциации населения самой деревни, происшедшей под сильным влиянием развития товарно-денежных отношений.

Первым сословием феодального общества обычно считалось духовенство, которое, согласно официальной терминологии того времени, подразделялось на «белое» и «черное». Белое духовенство состояло из служителей церкви, которые жили и действовали в «миру», хотя и его представителям запрещалось вступать в брак (правило celibата); черное духовенство – это монахи и монахини, обычно проживавшие (исключение составляли монахи и монахини «нищенствующих орденов») за высокими стенами монастырей. По своему происхождению и социальному положению

духовенство было неоднородным и распадалось на прелатов («аристократию») церкви и его плебейскую часть. Прелатами были архиепископы, епископы, кардиналы, аббаты крупных и богатых монастырей, настоятели кафедральных соборов. Прелатам противостояли деревенские и городские священники, монахи, монахини непривилегированных монастырей. Некоторые из прелатов церкви обладали огромными земельными владениями и достигли статуса имперских князей или даже курфюрстов. Поэтому если прелаты церкви выступали в роли ревностных защитников существующего правопорядка, рядовые священники и монахи часто были выходцами из «простого народа», близко к нему стояли и разделяли антифеодальные настроения широких народных масс. Порою представители низшего духовенства выступали в роли идеологов общественных движений.

Еще более сложной была социальная структура второго сословия господствующего класса – дворянства. Верхушка последнего состояла из князей-выборщиков, или курфюрстов. В коллегии курфюрстов входили, впрочем, как крупнейшие светские (король Чехии, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонии и маркграф Бранденбурга), так и духовные (архиепископы Майнца, Кельна и Трира) князья. Вторую ступень в этой иерархии занимали имперские князья (герцоги и имперские графы), которые хотя и не заседали в коллегии курфюрстов, фактически обладали всеми правами суверенных государей на принадлежавших им территориях. Третья ступень в иерархической лестнице принадлежала князьям (графам и части баронов), у которых формально не было титулов имперских князей, но в действительности они также обладали правами последних. Необходимо также отметить, что в иерархической структуре верхушки господствующего класса тесным образом переплетались, но не совпадали целиком интересы крупнейших духовных и светских феодалов. Дело в том, что светские князья, еще до начала Реформации вставшие на путь создания территориальных государств, с одной стороны, стремились подчинить церковь своей власти, с другой – с жадностью взирали на богатства самой церкви, которой в Империи принадлежало около трети всех земель. Оба эти обстоятельства породжали острые противоречия между сословиями самого господствующего класса. Еще одна примечательная черта: по словам Ф.Энгельса, «из феодальной иерархии средневековья почти совершенно исчезло среднее дворянство», так как «одна его часть возвысилась до положения независимых мелких князей, другая –

опустилась в ряды низшего дворянства». Однако оценка перемен, происшедших в положении дворянства, не может быть однозначной, поскольку существовала группировка дворян, представители которой пытались компенсировать сокращение в переходную от феодализма к капитализму эпоху сеньориальных платежей иными средствами. Представители этой группировки попытались извлечь максимальные выгоды из развития товарно-денежных отношений.

Как вполне убедительно показал Х.Харниш на примере Магдебурга⁵², новая эпоха принесла с собой изменения в положении дворянства, доходы которого теперь складывались не только из феодальной ренты, но и включали инвестиции в ремесленные предприятия, горноплавильное производство и ростовщичество. Источниками доходов дворян могла быть также служба при дворе или в качестве ландскнехтов. Рост цен на сельскохозяйственные продукты также увеличивал доходы помещичьих хозяйств. Помещики с последней четверти XV в. не только брали деньги в долг у горожан, но и сами ссужали бюргеров деньгами. Эти дворяне, с одной стороны, являлись феодальными землевладельцами и сеньорами, с другой – переходили к занятиям ростовщичеством, которое приобретало для них большое значение и позволяло сосредоточить им в своих руках крупные денежные средства. Предпринимательские элементы из числа дворян обычно совмещали деятельность банкиров-ростовщиков с приобретением в качестве закладов сеньорий, деревень, наделов пахотной земли, а также церковных десятин и других феодальных рент. Денежные средства, полученные таким образом или даже с помощью капиталистического предпринимательства, они инвестировали, однако, в большинстве случаев в то же феодальное землевладение и строительство рыцарских замков. Подобная тенденция развития имела место и в других германских землях, хотя, к примеру, в Швабии, участие дворянства в экономической жизни общества было гораздо менее активным, чем в Мекленбурге.

Вместе с тем Ф.Энгельс, вероятно, был прав, когда писал, что «*низшее дворянство, рыцарство*, быстрыми шагами шло навстречу своей гибели», поскольку «развитие военного дела, возрастающая роль пехоты, усовершенствование огнестрельного оружия подрывали значение военной службы рыцарей в качестве тяжело-вооруженной кавалерии и в то же время уничтожили неприступность их замков». Рыцарство находилось в оппозиции к светским князьям, прелатам церкви, городскому бюргерству, и оно же жестоко эксплуатировало и угнетало крестьянство. Это, впрочем, в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений не было в состоянии предотвратить сокращения сеньориальных

доходов рыцарей и даже их разорения. Вот почему рыцарство, как показали события, оказалось способным на самые решительные действия. Однако программа требований этого рыцарства по сути дела сводилась к реставрации средневековой империи с сильной центральной властью, но крепостническими порядками, что ставило под сомнение политический успех деятельности самой рыцарской оппозиции.

Господствующий класс Германской империи в целом в начале XVI в. обнаруживал все признаки кризиса. Прослойка прогрессивных элементов в нем была незначительной, и говорить о «новом дворянстве» в Германии, подобном английским джентри, можно только с оговорками. Немецкое феодальное дворянство стремилось сохранить в неизменном виде существующий порядок или даже реставрировать отмирающие феодальные институты, что в значительной мере определило и его отношение к развернувшемуся с конца XV в. оппозиционному феодальному строю общественному движению.

Подавляющее большинство населения в германских землях к началу XVI в. составляли крестьяне. По своему правовому положению крестьянская масса распадалась на следующие основные категории: 1) свободных; 2) чиншевиков; 3) находившихся в лично-наследственной зависимости держателей. Прослойка свободных крестьян, феодальная зависимость которых на практике ограничивалась внесением так называемых «чиншей признания», существовала в некоторых кантонах Швейцарского Союза, Тироле, Бадене и Фрисландии. «Вольные» крестьянские общины были представлены в ландтагах, т. е. здесь крестьяне фактически обладали сословным полноправием. Однако прослойка таких крестьян была незначительной и не определяла положения крестьянства в целом. Более широкой прослойкой были «чиншевики», т. е. крестьяне, находившиеся в поземельной и обычно судебной зависимости от помещика, но считавшиеся свободными людьми и по этой причине, в частности, обладавшие правом апелляции на вердикты сеньориальных судов в княжеские и даже имперские судебные учреждения. Начавшаяся примерно с середины XV в. феодальная реакция превратила часть «свободных чиншевиков» фактически в крепостных крестьян, что резко ухудшило их не только правовое, но и экономическое положение, так как «закрепощение» вело к ущемлению владельческих прав крестьян и стеснению свободы их хозяйственной деятельности. Особенно быстрыми темпами этот процесс развивался на юго-западе германских земель. Это объясняет, почему именно здесь возникла Крестьянская война.

Другим фактором, оказавшим сильное влияние на деревню, было развитие товарно-денежных отношений и возникновение капиталистического уклада. Важным показателем эволюции, к примеру, саксонской деревни стал тот факт, что рост народонаселения в ней сопровождался образованием прослойки малоземельных и безземельных крестьян. Это избыточное сельское население находило применение не только в горном деле и промышленном производстве в городах, но и в деревенских ремесленных промыслах. Из безземельных и малоземельных жителей деревни рекрутировалась наемная рабочая сила на возникающие капиталистические мануфактуры. По подсчетам Г.Хайца, в 80 саксонских деревнях в 1529–1530 гг. 14,1 процента населения было малоземельным, 39,3 процента владело только половиной надела, 36,2 процента – 3/4 надела, всего лишь 10,4 процента – полным наделом и более одного надела⁵³. В некоторых сельских местностях Верхней Швабии накануне Крестьянской войны малоземельные крестьяне составляли около половины населения⁵⁴. Дифференциация деревенского населения могла свидетельствовать не только о его имущественном расслоении, но и о возникновении прототипов новых общественных классов – предпролетариата и ранней сельской буржуазии.

Важнейшим фактором прогрессивных тенденций в социально-экономическом развитии германских земель являлся город – центр ремесла и торговли. Городу немецкое общество обязано было не только успехами в распространении и на деревню товарно-денежных отношений, но и возникновением зачаточных форм капитализма. Но в то же время средневековый город многими нитями был связан с «системой феодализма», которая в значительной степени определяла и социальный облик населения города.

По численности населения, как известно, средневековые немецкие города подразделялись на крупные, средние и мелкие, по юридическому статусу – на имперские (или «вольные»), земские (или княжеские), по характеру экономической деятельности основной массы населения – на: 1) «аграрные» города; 2) торгово-ремесленные центры, сфера влияния которых, однако, ограничивалась прилегающими к ним сельскими округами; 3) города экспортного ремесла и торговли; 4) особый тип горных городов. Все эти моменты известным образом находили отражение в социальной структуре городов и ее эволюции. Социально-экономическое развитие обычно совершалось более быстрыми темпами в крупных торгово-ремесленных центрах, особенно экспортного значения, чем в мелких аграрных или полугаграрных городах. Впрочем,

это правило знало и исключения, которые тесным образом были связаны с тем, что в XV–XVI вв. интенсивно протекал процесс превращения некоторых сел и деревень в городские центры. Население последних занималось по преимуществу производством одного вида продукции – прежде всего изделий текстильной промышленности.

Применение дефиниций «патрициат – бюргерство – плебейство» для социальной характеристики городского населения вполне оправдано, когда речь идет о крупных или среднего масштаба имперских городах, и вряд ли правомерно по отношению к мелким и отчасти средним городам, находившимся в сеньориальной зависимости. Так, по наблюдениям В.А.Ермолаева, все население франконских городов состояло из: 1) лиц, не находившихся в феодальной зависимости и не несущих никаких феодальных повинностей; 2) лиц, лично свободных, но находившихся в феодальной зависимости (Höfinge) от города или других сеньоров и несущих соответствующие повинности; 3) лиц, находящихся в «крепостной» зависимости (Leibeigene). Отличие последней категории населения от второй заключалось главным образом в уплате символических оброков курицами и несением барщины в пользу феодального сеньора. Даже в таком крупном городе, как Ротенбург, большинство ремесленников несло бремя феодальной зависимости, и еще больше такая зависимость выражена в мелких княжеских городах⁵⁵. Подобная картина социальной жизни к началу XVI в. уже стала достоянием прошлого для большинства городов Швабии, где в более полной мере, чем во Франконии, реализовывался принцип: «Городской воздух делает вольным».

Патрициат составлял верхушечную прослойку городского населения, представители которого обычно совмещали занятия торговлей и ростовщичеством с участием в управлении городом. Другой отличительный признак патрициата – участие в феодальном землевладении. Монополия патрициата на власть в городе была подорвана в Швабии и Рейнской Германии в ходе цеховых политических переворотов (некоторые историки называют эти перевороты «цеховыми революциями») второй половины XIV – начала XV в. Но и здесь патрициату удалось, однако, сохранить влияние на городские дела. Пример той же Швабии и Швейцарского Союза показывает, что под воздействием новых веяний в городах этого региона рядом со «старым патрициатом» появился патрициат «новой формации», который ориентировался на отличные от первого ценности, возникновение которых было связано с культурой Возрождения. Это имело следствием дифференциацию

2.3. Политический строй и эволюция социальной структуры

городской «знати» и позволяет выделить следующие ее типы: 1) землевладельцев, живущих за счет присвоения феодальной ренты; 2) рантье, ежегодно получавших проценты по вкладам в городское казначейство; 3) купцов и ростовщиков, чьи богатства – своеобразный показатель успехов простого товарного производства; 4) предпринимателей-капиталистов, близко стоявших по роду своей экономической деятельности к ранней буржуазии⁵⁶. Конечно, такая классификация носит условный характер: заурядным явлением было соединение в одной «персоне» признаков двух или даже нескольких типов городской знати. В то же самое время необходимо иметь в виду, что патрициат удержал позиции и власть в ганзейских и франконских городах, в том числе в Нюрнберге. Поэтому противоречия между патрициатом и основной массой городского населения продолжали оставаться очевидным фактом.

Средние слои («средний класс») городского населения обозначают дефиницией «бюргерство». В эту категорию населения входили самостоятельные ремесленники и торговцы, т. е. собственники условий труда и средств производства. Бюргеры владели ремесленными мастерскими, торговыми лавками, сырьем, изделиями своего ремесла и денежными средствами, что и определяло их правовой статус в качестве свободных и полноправных граждан города. Бюргерство энергично вело борьбу за автономию городов и «городские вольности» в ходе коммунального движения, выдвигало требование «дешевой церкви», находилось в острых противоречиях с патрициатом и одновременно противостояло плебейским низам городского населения.

Положение городских низов (городского плебса) было обусловлено тем, что плебеи в отличие от бюргеров были отделены от средств производства и условий труда и не обладали правами гражданства. Появление данной категории населения являлось продуктом развития еще простого товарного производства и отношений собственности в средневековом городе. По словам Ф.Энгельса, в категорию городских низов входили: 1) разорившиеся горожане; 2) подмастерья и поденщики; 3) многочисленные представители «возникающего люмпен-пролетариата», которые встречаются уже на ранних ступенях развития городов». Городской плебс фактически находился вне развития цехового ремесла и в острой оппозиции к существующим порядкам и любой форме угнетения и эксплуатации.

Нарисованная выше картина социальной жизни вполне укладывается в привычные представления о средневековом городе.

Однако на рубеже XV–XVI вв. этот город вступил в ту стадию развития, когда социальные противоречия в нем стали проявляться в исключаяющих друг друга тенденциях. С одной стороны, город продолжал сохранять тесные связи с «системой феодализма» и прежде всего феодальным землевладением. С другой стороны, его социальная структура испытывала на себе сильное влияние экономических перемен, которые были вызваны не только бурным развитием товарно-денежных отношений, но и возникновением и распространением явлений раннего капитализма. Поэтому задача состоит в том, чтобы установить место и роль каждой из этих тенденций в социальной истории немецкого города накануне революции.

Город продолжал выступать в роли коллективного сеньора по отношению к крестьянским общинам прилегающей к его стенам округи, причем в эту округу могли входить многие десятки деревень. Патриции, зажиточные и богатые бюргеры владели сверхцензами, крестьянскими наделами, находившимися в лично-наследственной зависимости крестьянами, сеньориальной юрисдикцией, церковными десятинами, хуторами, деревнями и даже поместьями. Бюргерская верхушка приобретала дворянские титулы, строила рыцарские замки и приобщалась таким путем к «благородному образу жизни». Многие цеховые мастера совмещали ремесло с занятиями сельским хозяйством, имели за городскими стенами огороды, сады, виноградники и даже пахотные поля. При этом они могли вступать в отношения феодальной зависимости от церковных учреждений, дворян или горожан-землевладельцев. И хотя бюргеры обычно не вносили радикальных изменений в способы ведения хозяйства и аграрный строй деревни, под влиянием перемен именно экономического порядка в ней стихийно протекал процесс превращения феодальной собственности на землю в буржуазную собственность и ее вовлечение в сферу рыночного обращения. Последняя тенденция развития, вполне понятно, встречала сильное противодействие со стороны феодального дворянства и католической церкви.

Со второй половины XV в. в городах усилились процессы имущественной дифференциации населения. Они находили яркое выражение в образовании двух полярных категорий населения: немногочисленной прослойки богатых и богатейших бюргеров на одном полюсе и многочисленной категории неимущих и малоимущих их жителей – на другом. Однако процесс эволюции городского населения не сводился к углублению противоположности между богатством и бедностью.

В городах рядом со «старым патрициатом» росла экономически влиятельная прослойка купцов и раннекапиталистических предпринимателей, которая сосредотачивала в своих руках большие богатства. Так, к примеру, в Аугсбурге в 1396 г. только 15 семейств владели состояниями более 3-х тысяч гульденов, в 1475 г. их было уже 78, в 1498 г. – 172 и в 1526 г. – 271 семейство, причем некоторые из них в 1526 г. обладали огромными по тем временам состояниями более чем в 100 тысяч гульденов. В Герлице в 1443 г. только 6 бюргеров владели состояниями от 0,5 до 1 тысячи марок, в 1528 г. таких бюргеров было уже 75, причем 11 из них владели состояниями, превышавшими 5 тысяч марок⁵⁷. Итак, с конца XV в. крупные состояния бюргерской верхушки возникают не только благодаря ростовщичеству и купеческой деятельности, но и благодаря участию в различных формах предпринимательства. Именно из рядов этой категории бюргерства рекрутировался класс буржуазии.

На другом полюсе быстрыми темпами происходил процесс пауперизации городского населения. В городах средних масштабов (Швебиш-Халль, Эслинген, Гейльбронн и Мюльхаузен) городские низы в XV – начале XVI в. составляли около половины всего населения, одна часть которого владела кое-каким имуществом, у другой – оно полностью отсутствовало. В крупных городах, как это видно на примере Аугсбурга (1475 г.), городская беднота составляла почти 66 процентов населения⁵⁸. В Ростоке численность неимущего населения с 38 процентов в 1454 г. выросла до 57 процентов в 1490 г. и достигла 63 процентов к концу первой трети XVI в.⁵⁹; в Штральзунде неимущие слои в конце XV – начале XVI в. составляли 55,3 процента от общего числа жителей⁶⁰. В одних случаях, когда ростки раннекапиталистического развития были слабы, как это имело место в ганзейских городах⁶¹, происходило превращение неимущих в городской плебс; в других случаях, как это видно на примере Аугсбурга, неимущие вовлекались в различные формы капиталистической эксплуатации, и намечалась тенденция их превращения в наемных рабочих⁶². Но необходимо обратить внимание и на то, что в переходную от феодализма к капитализму эпоху велико было значение «промежуточных категорий» «трудящихся субъектов». В такой роли в текстильном производстве выступали «неимущие ремесленники» (Hahnthantwerker), «частичные производители» (Teilwerker) и «ткачи-крестьяне» (Webern), в горнорудной промышленности – лезнхауэры. Представители всех этих категорий находились перед выбором: стать наемными рабочими или пополнить ряды плебса.

Анализ социального положения городского населения в XV–XVI в. дает основания для вывода, что начавшийся процесс разложения старой социальной структуры средневекового города являлся исходным пунктом для другого исторического процесса – формирования классов ранней буржуазии и городского предпролетариата. Попробуем, хотя бы кратко, пояснить этот вывод.

Основой для формирования класса ранней буржуазии явилось развитие примитивных форм капиталистического производства. Этот класс рекрутировался прежде всего из рядов городского бюргерства (купцов, цеховых и нецеховых мастеров, интеллигенции). Впрочем, в данном процессе приняли участие представители и других слоев общества (дворян и крестьян). В условиях Германии того времени новый класс распался на фракции торговой и мануфактурной буржуазии, причем верхушка торговой буржуазии была сильно «отягощена» связью с «системой феодализма»⁶³. Противоречия между этими двумя фракциями нарождающейся буржуазии нашли отражение в антимонополистическом движении, развернувшимся с конца XV в. Во-первых, «монополисты» (Фуггеры и владельцы других крупных торговостовщических фирм) всеми средствами стремились к установлению своей монополии на рынке и вытесняли мелких предпринимателей из различных сфер деятельности, чем сдерживали рост широкой социальной прослойки буржуазии; во-вторых, «монополистическая» ее фракция опиралась в своей деятельности на феодальные привилегии⁶⁴. На ранней стадии перехода от феодальной к капиталистической системе социально-экономическое развитие, как известно, происходит под знаком преобладания купеческого капитала над промышленным. В условиях Германии начала XVI в. превосходство торговой, или монополистической, буржуазии над промышленной получило сильную опору в союзе первой с немецкими князьями и особенно Габсбургами.

Наемные рабочие, или предпролетариат, уже к началу XVI в. в крупных торгово-промышленных центрах составляли заметную прослойку населения. К примеру, в Швабии (Ульме и Аугсбурге) предпролетариат составлял по крайней мере около 10–15 процентов самодельного населения. Его положение, довольно тяжелое и в благополучные годы, становилось порою невыносимым в обстановке различного рода катаклизмов: изменений в худшую сторону рыночной конъюнктуры, военных действий, неурожаев и т.п. Приведем в связи с этим один, но выразительный пример. В голодные 70-е годы XVI в. аугсбургский поэт Бернабас Хольцман писал, что люди, имеющие обыкновение зарабатывать себе хлеб

насущенный прилежным трудом, оказались в кабале у предпринимателей. Сейчас прядильщики, писал он, не имеют хлопка, ткачи – пряжи, и все они стоят перед выбором: умереть от голода или заняться нищенством⁶⁵. Но прослойка мануфактурных рабочих в собственном смысле слова была незначительной даже в крупных городах. Такие рабочие были малочисленным отрядом или отсутствовали вовсе в мелких и средних масштабов городах. Социальную структуру промышленности по-прежнему определяли многочисленные «неимущие ремесленники».

Итак, приведенные выше факты свидетельствуют о необычайно сложной мозаике социальной структуры и социальных отношений в германских землях накануне революции. Здесь вполне можно согласиться с Ф.Энгельсом, что в Германии того времени «каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось то в скрытой, то в открытой борьбе со всеми остальными». Такое положение, однако, следует признать закономерным явлением для начальной стадии перехода от феодализма к капитализму. В немецком обществе, еще не успевшем выйти из средневековья, начались процессы, связанные с генезисом капитализма и появлением на исторической сцене новых общественных сил. Это и создавало острый клубок противоречий, которые усиливались и углублялись по причине политической «неустроенности» самой Империи. В силу данного обстоятельства политический фактор сыграл роль своего рода детонатора социальных конфликтов, в которые оказались вовлечены как города, так и деревни. Все это и образует предпосылки возникновения революционной ситуации и свидетельствует о тенденции перерастания социальных противоречий в обществе в политический кризис последнего. Убедительным тому подтверждением может служить рост антифеодалных настроений в широких народных массах.

2.4. Оппозиция феодализму и гуманизм

Оппозиция широких народных масс феодальному строю проходит красной нитью через всю историю средневековья, принимая весьма разнообразные формы. В данном случае внимание читателя будет обращено прежде всего на оппозицию этих масс по отношению к католической церкви. Это обусловлено следующими обстоятельствами. С одной стороны, христианское учение было официальной идеологией феодального общества, и в средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной

пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представить в религиозной одежде»⁶⁶. В такой же мере для той эпохи было закономерным явлением, когда «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь; все революционные – социальные и политические доктрины – должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»⁶⁷. Правда, необходимость да и возможность реализации последнего требования в условиях XVI в. вызывают сомнения, поскольку такое его толкование продиктовано революционным сознанием самого автора цитаты, Ф.Энгельса, и оно в такой редакции вряд ли в то время могло найти понимание и поддержку со стороны широких слоев населения по причине их глубокой религиозности. С другой стороны, в достаточной мере очевиден и тот факт, что оппозиция католической церкви могла носить не только богословский характер, но и принимать форму рационалистической критики религиозного мировоззрения и церковных догматов. Обратимся, однако, сначала к рассмотрению первой линии оппозиции народных масс феодализму.

Ереси получили распространение в средние века в германских землях и имели вполне очевидную социальную направленность. Как полагает Б.Тепфер, учение о всемирном перевороте и наступлении тысячелетнего царства Христа достаточно определенно получило развитие еще в учении немецких вальденсов. Вальденсы выражали убеждение в неизбежности их триумфа над «испорченной церковью». Так, к примеру, аугсбургские вальденсы еще в 1343 г. заявили о том, что их секта должна оставаться тайной до прихода библейских пророков Илии и Еноха, а после их прихода сектанты намерены были выступить открыто. К началу XV в., по мнению Тепфера, можно говорить о вполне развитых формах хилизма у вальденсов и превращении учения о «тысячелетнем царстве Христа» в существенный идеологический фактор того времени. Причем еретиками (вальденсами и амальриканами в том числе) это учение использовалось в качестве средства критики современного им общества и пропаганды собственной программы. Пример же таборитов показывает, что это средство могло быть использовано и для перехода от пассивных к активным формам социально-политической борьбы⁶⁸. Известно, что табориты «препоясались мечами», чтобы с их помощью «отделить» «злых» от «добрых» во имя достижения «царства божьего» на земле.

В то же самое время необходимо иметь в виду и историческую ограниченность средневекового хилиазма как такового. Выдвигая идею о необходимости преобразования всего общества, хилиасты обычно видели движущую силу этого преобразования не в самих себе, а передавали данную функцию потусторонним силам. Поэтому их проекты носили по преимуществу утопический характер и были далеки от реальной действительности. Только в редких случаях, как это, к примеру, произошло у таборитов, мы наблюдаем переход от утопии к практическим действиям. В силу данной причины социальная сущность средневекового хилиазма довольно расплывчата, так как в одних случаях мы имеем дело с планами преобразований в рамках существующего строя, в других — с идеей общественного переворота. Лишь в гуситском движении хилиазм как форма утопии о строительстве нового общества переплетается с насильственными, революционными акциями широких народных масс.

Объяснение такому историческому явлению необходимо искать в следующем. В еретическом движении (вальденсов в том числе) ярко проявились две тенденции: с одной стороны, в ересях, которые по преимуществу были формой бюргерской идеологии, нашло отражение стремление широких слоев городского населения к реализации принципа «дешевой церкви»; с другой стороны, в этих же ересях обездоленные слои общества выразили свою мечту о всеобщем равенстве и социальной справедливости. Несмотря на утопичность такого учения, хилиастические настроения сыграли роль побуждающей народные массы к активному действию традиции в их борьбе против феодального строя и в условиях назревавшей революционной ситуации приобрели важное значение в мобилизации масс на эту борьбу. К самым обездоленным слоям населения города и деревни обратились со страстными призывами в 1525 г. Томас Мюнцер и анабаптисты. Но здесь необходимо принять во внимание и тот факт, что мечту о «полном равенстве» людей разделяли отнюдь не все участники оппозиционного феодальному строю общественного движения.

Идеи хилиазма, в их радикальной форме содержавшие призывы к установлению полного равенства всех людей и общности имуществ, были чужды бюргерской оппозиции, которая в то же самое время, по словам Ф.Энгельса, «очень серьезно боролась против попов»⁶⁹. Поэтому в бюргерской среде популярностью пользовалось учение итальянского мыслителя, создателя мистико-диалектической концепции исторического процесса Иоахима Флорского (ок. 1132–1202) и немецких мистиков XIV в. Экхарта, Сузо и Таулера⁷⁰. В чем же состояла причина этой популярности?

Для каждого верующего христианина главным был вопрос о «спасении души», которым только и могло быть достигнуто «Царство Небесное». Католическая церковь учила, что «вне церкви нет спасения». Верующий достигает спасения души благодаря посредничеству церкви между ним и Богом. При этом добрые дела в пользу церкви (участие в церковных обрядах, принятие таинств, соблюдение постов, уплата церковной десятины, добровольные пожертвования, посещение «святых мест», послушание церковному начальству и т. д.) считались обязательным условием спасения. Церковь при этом утверждала, что римский папа через апостола Петра наследовал «преизобилующие заслуги» Христа, созданные его искупительной жертвой во имя спасения рода человеческого, заслуги Девы Марии и «сверхдолжные заслуги» святых. За счет этого был создан «запас добрых дел», которые церковь вправе распределять между верующими, в том числе и за деньги, если эти деньги будут употреблены на «богоугодные дела». Тем самым церковь оправдывала практику продажи индульгенций.

Мистики говорили о решающей роли в «спасении души» глубокого религиозного чувства и возвышали значение личной веры в ущерб значению церковных обрядов, что для того времени было большой крамолой и вызывало осуждение со стороны официальной церкви. Дело в том, что мистики, выдвигая тезис о своего рода «религиозном индивидуализме», таким образом ставили под сомнение необходимость существования дорогостоящей церковной иерархии и выступали с бюргерским требованием введения «дешевой церкви». Поэтому не случаен тот факт, что учение мистиков, в чем еще предстоит убедиться читателю, было использовано и получило дальнейшее развитие в реформационной доктрине Мартина Лютера.

Другое направление оппозиции католической церкви было представлено гуманистическим движением. В первые десятилетия XVI в. немецкий гуманизм пережил кратковременный, но блестящий период расцвета⁷¹. Однако началось гуманистическое движение в германских землях еще в XV в.⁷² Попробуем в предельно сжатом виде представить важнейшие вехи его развития.

Первым немецким гуманистом был Николай Кузанский, политический деятель и мыслитель, философ, математик и астроном. В трактате «О всеобщем согласии» он выдвигает проект, который предусматривал устранение политической раздробленности Германской империи путем проведения крупных преобразований по инициативе самой государственной власти. Поэтому по общей идеологической направленности проект во многом перекликается с основными положениями радикального по содержанию

политического памфлета «Реформация императора Сигизмунда» (1439 г.)⁷³. Но в отличие от анонимного автора памфлета Николаю Кузанскому чужда идея проведения преобразований по инициативе бюргерства и при самой активной поддержке последнего со стороны широких народных масс. Утопичность положений трактата «О всеобщем согласии» состоял и в том, что его автор предполагал достижение политического согласия и единства Империи и папства с помощью взаимных уступок со стороны главы «Священной Римской империи» и римского первосвященника, не принимая в достаточной мере во внимание реальное соотношение политических сил. Поэтому гораздо большее практическое значение имели гуманистическая философия Кузанского и его большой вклад в развитие математики и астрономии⁷⁴.

Самой яркой и крупной фигурой немецкого гуманистического движения на первом его этапе был поэт Конрад Целтис (1459–1508 гг.). Поэзия Целтиса носила патриотический характер, содержала страстный призыв к распространению гуманистической образованности как необходимого условия успешного ведения государственных дел. Художественные образы в поэзии Целтиса подчинены идее пантеистического миропонимания. Он же с большим негодованием обрушивался на продажность церкви, в особенности на практику торговли индульгенциями. В целом многогранная деятельность Целтиса не только как поэта, но и как пропагандиста гуманистической идеологии дает основания, чтобы сделать вывод о «буржуазной» природе его мировоззрения и одновременно – выдающейся роли в истории немецкого гуманизма.

Новый этап в истории немецкого гуманизма связан с именем Иоганна Рейхлина (1455–1522 гг.). В конце первого десятилетия XVI в. Рейхлин выступил против реакционно настроенных кельнских теологов, которые требовали уничтожения (сожжения на кострах инквизиции) еврейских книг, являвшихся, по их мнению, враждебными христианству. «Дело Рейхлина» приобрело широкий общественный резонанс. В ходе развернувшейся острой идеологической борьбы появились знаменитые «Письма темных людей», в которых реакционеры-обскуранты подвергались беспощадной критике. Эти «Письма» – результат литературного творчества эрфуртского кружка гуманистов и прежде всего его главы Ульриха фон Гуттена⁷⁵.

В «Письмах темных людей» разоблачается схоластическая лжеученость и безнравственная жизнь католического духовенства. Гуттен боролся за развитие светской культуры, мастерски применял в своем литературном творчестве метод рационалистической

критики католических догм и папства. Жизнеутверждающее гуманистическое мировоззрение Гуттена проникнуто страстной верой в могущество разума, силу науки, высокую ценность самой человеческой личности. В обстановке начавшегося реформационного движения Гуттен в памфлетах «Вадиск, или римская троица» и «Наблюдатели (1520 г.), «Разбойники» (1521 г.), а также в ряде других своих произведений призывал немцев открыто выступить против папства, искоренить в Германии засилье князей – носителей политической раздробленности. Эту программу Гуттен, однако, связывал с реализацией социально-политических идеалов гибнущего рыцарства: созданием централизованной Империи, основанной на крепостничестве и опиравшейся на дворянство. Политические планы оппозиционного рыцарства, идеологом которого выступал Гуттен, не могли найти понимания и поддержки со стороны широких народных масс и по этой причине не имели серьезных шансов на успех. Впрочем, такой же была судьба большинства проектов общественных преобразований гуманистов.

Выдающимся представителем гуманистического движения в общеевропейском масштабе был Эразм Роттердамский⁷⁶. В своих трактатах «О презрении мира», «Книга антиквара», «Руководство христианского воина» Эразм дает гуманистическую трактовку христианства и развивает гуманистическую теорию воспитания и образования, основой которого должно было стать изучение античной культуры. В воспитании Эразм исключительное значение придавал нравственному самосовершенствованию. В этих трактатах он подчеркивает моральный вред института частной собственности, резких социальных контрастов и бедности. В то же самое время Эразм признавал практическую пользу частной собственности, защищал интересы собственников и ограничивал свои претензии к последним морально-этическим воздействием на них. В трактате «Руководство христианского воина» в яркой публицистической форме выражена политическая этика Эразма. В ее основу положены принципы рационализма и целесообразности, подчинения частных интересов интересам общегосударственным. В наиболее популярных произведениях – «Жалоба мира», «Похвала Глупости» и «Разговоры запросто» – Эразм с помощью сатиры подвергает резкой критике пороки современного ему общества. Однако при всем радикализме этой критики и рационалистической трактовке христианства он не посягал на основы не только религиозного мировоззрения, но и церковной организации. Вместе с тем своим учением Эразм фактически способствовал развитию не только гуманистической идеологии,

но и возникновению реформационных доктрин. Парадокс, однако, состоял в том, что сам Эразм выступил в роли принципиального противника Реформации.

Еще одна фигура в истории немецкого гуманизма XVI в., достойная упоминания в одном ряду с его великими деятелями, — это Виллибальд Пиркхаймер (1470–1530 гг.)⁷⁷. Для этого нюрнбергского патриция, главы местного кружка гуманистов, мецената и личного друга Альбрехта Дюрера, идеалом общественного устройства служила «республика оптиматов и патрициев», т. е. олигархия. В то же самое время Пиркхаймер резко выступал против светских князей и прелатов церкви, в которых видел в первую очередь заклятых врагов городской автономии. Он же являлся поборником сильной императорской власти и политического единства Германии.

Примечательной чертой творчества почти всех немецких гуманистов был постоянный и глубокий интерес к истории, что и обусловило появление национальной гуманистической историографии. Об этом, в частности, свидетельствуют энергичные попытки еще Цельтиса объединить немецких гуманистов для создания обширного коллективного труда по историко-географическому описанию Германии («*Germania illustrata*»). Но этот замечательный замысел лишь отчасти был реализован в трактате главы аутсбургского кружка гуманистов Конрада Пойтингера «Застольные беседы о дивных древностях Германии». Пиркхаймер написал «Историю швейцарской войны». В этой войне он принимал личное участие. Это было первое немецкое гуманистическое произведение о современных автору событиях. Сильные националистические тона присущи трактату Якоба Вимпфелинга «Германия», в котором автор предпринял попытку обоснования идеи «перенесения» империи из Рима в Германию. Беат Ренан осуществил первые научные штудии истории древних германцев и раннего средневековья. Себастьян Франк сквозь призму революционных событий Реформации и особенно Крестьянской войны в «Исторической Библии» рассмотрел всю германскую историю. Сложное и противоречивое мировоззрение Франка, которому известны были и отступления от принципов гуманистической историографии, в то же самое время отражало настроения радикальных кругов немецкого бюргерства и крестьянства, оппозиционно настроенных к феодальному строю⁷⁸.

Необходимо также отметить, что гуманистическая идеология оказала сильное влияние и своеобразно преломилась в творчестве титанов культуры Возрождения — Альбрехта Дюрера и

Матиса Нитхарта-Готхарта (Грюневальда)⁷⁹. В творчестве этих великих мастеров сильно звучали социальные мотивы. Особенно выразителен в данном отношении Изенгеймский алтарь, созданный Грюневальдом в 1512–1515 гг. Здесь в образах нищего Христа и Иоанна Предтечи нашла яркое выражение мысль о героическом подвиге, о великой жертве, которая может исцелить язвы общества. Грюневальд в своем творчестве, по словам А.Н.Немилова, «со всей страстью подлинного художника Возрождения адресовался к самым широким массам, к народу»⁸⁰. Сразу же после окончания Крестьянской войны Дюрер создал гравюру – своеобразный проект памятника минувшим событиям. В этом «проекте» присутствует насмешка над победителем и симпатия к крестьянину, побежденному и вновь угнетенному. Дюрер сожалел об утратах и выражал чувство сострадания «простому человеку».

Гуманизм имел огромное значение. Распространение гуманистических идей, ускоренное изобретением книгопечатания, означало не только «секуляризацию сознания» от оков средневековья. Гуманистами в повестку дня были поставлены наиболее острые и злободневные вопросы об освобождении Германии от засилия римской курии и об объединении страны. Советские историки по существу были единодушны во мнении, что «уже на раннем этапе гуманизм выражал вполне конкретные идеи, связанные с зарождением капиталистических отношений...»⁸¹ В этой связи можно сказать, что последующий ход событий не оправдал надежд гуманистов на скорое наступление «века Просвещения», и они не проявили последовательности в решении ряда актуальных проблем современности. Но это не умаляет значения их деятельности. В данном случае, вероятно, можно согласиться с В.И.Лениным, который писал, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными деятелями, а по тому что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»⁸². Немецкие гуманисты выдвигали идеи, которые не только просвещали народ, но и, образно выражаясь, «лили воду на мельницу» «буржуазной революции № 1». Это, однако, отнюдь не означает, что сами гуманисты были революционерами. Они верили, что пороки общества будут устранены мудростью правителей и успехами самих гуманистов в просвещении народа.

2.5. Типология и характер народных движений перед Реформацией

Последняя четверть XV – первые десятилетия XVI в. буквально заполнены настойчивой борьбой широких народных масс, которая порою приобретала характер открытых выступлений против феодального строя. Причем эти народные движения были многообразными по социальному составу участников, организации и требованиям. Это были крестьянские или городские заговоры, волнения и восстания, совместные выступления крестьян и горожан с представителями других общественных слоев. Участники этих движений могли формулировать требования, не выходявшие за рамки некоторых частичных реформ «системы феодализма», или, напротив, включать такие радикальные положения, реализация которых привела бы к установлению буржуазного строя. Поэтому, хотя бы кратко, рассмотрим историю наиболее крупных и значительных народных движений.

Народные движения, непосредственно предшествовавшие революции, начинаются, как полагают историки, со «святого паломничества» в Никласхаузен в 1476 г. Весной этого года в небольшой франконской деревне Никласхаузен стал выступать с проповедями сельский пастух и музыкант («дударь») Ганс Бехайм. Сначала он призывал к аскетизму и покаянию, что было обычным для средневековья явлением. Однако вскоре в проповедях Бехайма зазвучали новые мотивы: он стал говорить, что «император злодей, а папа (римский. – Ю.Н.) не лучше», что не надо платить никаких феодальных поборов и податей, нести феодальные повинности, что все земли, луга и воды принадлежат всем, что, если поделить все, что имеют господа и дворяне, то каждый имел бы достаточно, что и должно в скором времени случиться, что все князья и дворяне будут добывать хлеб трудом рук своих, что католическое духовенство будет истреблено...⁸³ Содержание проповедей Бехайма, в которых религиозная экзальтация и мистические мотивы сочетались с постановкой весьма злободневных вопросов, не оставляет сомнения в их антифеодальном характере и объясняет причину популярности в народе самого проповедника.

Именно в силу этого обстоятельства проповедническая деятельность Ганса Бехайма вызвала большое беспокойство у феодальных властителей. Об этом красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас документы⁸⁴. Вскоре после событий епископ

Вюрцбурга писал графу Вильгельму фон Хенбергу об удивительном паломничестве в Никласхаузен, «возникшем по причине легкомыслия одного лица». По словам епископа, Бехайм «публично проповедовал и призывал простой народ против христианского порядка, всей христианской церкви, а также против обоих глав христианства, [т. е. против] как нас и святого папы, так и [против] нашего всемилостивейшего господина римского императора, также [против] всех князей, духовенства и дворянства, чем привлек на свою сторону простой народ...» Тогда же епископ сообщал маркграфине Маргарите Бранденбургской, что Бехайм наставлял народ против всех князей, духовенства и дворянства. Поэтому власти срочно приняли энергичные меры: по их приказу проповедник был сначала арестован, а затем публично казнен; церковь в Никласхаузене сожжена.

С 1493 г. на территории Юго-Западной Германии начинается серия заговоров «Башмака»⁸⁵, которые открывают качественно новый этап антифеодального освободительного движения. Однако накануне первого заговора «Башмака» в противоположных концах Империи, на том же ее юго-западе в Альгау (Кемптенском аббатстве) и крайнем северо-западе в Голландии, также произошли значительные события. Если кемптенские крестьяне поднялись на борьбу с оружием в руках, требуя освобождения от лично-наследственной зависимости⁸⁶, то восстание в Голландии, получившее название «игры хлеба и сыра»⁸⁷, было вызвано другими причинами, и его участники преследовали иные цели. Обратимся к последнему сюжету.

Прежде всего необходимо указать на некоторые исторические условия возникновения этого восстания. Примечательно, что в основном районе восстания в Голландии, в Кеммермерланде, к концу XV в. около 40 процентов пахотных земель (в некоторых деревнях той же провинции даже до 84 процентов) перешло в руки городских землевладельцев, которые и сдавали эту землю по существу на условиях капиталистической аренды. Под сильным влиянием развития товарно-денежных отношений в голландской деревне интенсивно протекал процесс дифференциации ее населения. На одном полюсе появилась зажиточная верхушка, ведущая хозяйства фермерского типа, на другом – прослойка малоземельных и безземельных жителей деревни. Две последние многочисленные категории крестьян не могли прокормить себя и свои семьи занятиями сельским хозяйством. Поэтому их рабочая сила находила применение на рыбных промыслах и в ремесленном производстве. В ремесле широкий размах получило льноткачество,

2.5. Типология и характер народных движений перед Реформацией

которое городскими предпринимателями было организовано с помощью механизма раздач. То же самое можно сказать и о деревенском сукноделии. Отсюда вполне логично вытекает вывод о связи восстания с явлениями раннего капитализма, хотя конкретная картина влияния последнего на события до сих пор не установлена и остается «белым пятном» в истории восстания. Впрочем, «игра хлеба и сыра» представляет интерес и по другой причине.

Движение голландских крестьян, которое началось во время пасхи 1491 г. и было подавлено только летом следующего 1492 г., получило энергичную поддержку со стороны городского населения, причем в движении приняли участие не только низшие и средние его слои, но и представители зажиточной бюргерской верхушки. Одновременно это же движение было направлено против нескольких самых богатых семейств голландских городов. Объяснение такому явлению следует искать в усилении податного гнета и введении новых налогов, которые графская администрация отдавала на откуп первым городским богатеям. По мнению К.Феттера, восстание в Голландии, подобно крестьянским восстаниям на юге и юго-западе Империи, было вызвано начавшимся на рубеже XV–XVI вв. «кризисом феодализма». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что во время «игры хлеба и сыра» была предпринята попытка установления действенного союза крестьян с горожанами. Эта линия солидарных действий бюргерской оппозиции с крестьянством была продолжена в заговорах «Башмака»⁸⁸, которые непосредственно предшествовали событиям Реформации и во многом предвосхитили ее программу. В то же самое время необходимо отметить, что каждый из заговоров «Башмака» имел ярко выраженные «индивидуальные» черты.

Первый заговор «Башмака» возник в 1493 г. в Эльзасе, в городе Шледштадте и его окрестностях. В заговоре приняли участие крестьяне, в том числе представители деревенской верхушки, и горожане (как бюргеры, так и плебеи). Можно также отметить и факт сочувствия заговорщикам со стороны некоторых представителей низшего рыцарства. Во главе заговора стоял бывший бургомистр Шледштадта Ганс Ульман, которого поддерживали прежде всего умеренные элементы. Радикальную группировку возглавлял также горожанин Якоб Хаузер. Это нашло отражение и в программах заговора. Официальная программа требовала: 1) закрытия духовных судов; 2) упразднения императорского суда в городе Ротвейле; 3) изгнания ростовщиков-евреев. Причина включения в программу первых двух требований состояла в том, что деятельность обоих судов была связана с большими

материальными расходами и рецепцией в них римского права, служившего орудием феодальной реакции; третьего – проникновением ростовщического капитала в ремесло и сельское хозяйство. «Тайные статьи» предусматривали: 1) замену многочисленных феодальных чиншей и налогов общим побором в размере 4-х пфеннигов с человека; 2) ограничение доходов духовенства одной пребендой в размере от 40 до 50 гульденов годового дохода и конфискацию остальных доходов церкви в «общую пользу»⁸⁹. И если первая программа не посягала на устои феодализма, вторая – по сути дела содержала недостаточно ясно и четко сформулированное требование секуляризации церковных имуществ и наносила сильный удар по устоям феодализма, создавая благоприятные условия для успешного развития капитализма.

Родиной второго заговора «Башмака» (1502 г.) стали деревни вокруг города Брухзаля в Шпейерском епископстве⁹⁰, расположенные на правом берегу Рейна. В роли центра заговора оказались деревня Унтергрумбах, житель которой по имени Иос Фриц был одним из руководителей заговора. В заговор были вовлечены несколько сотен крестьян и горожан, а также около 500 конных ландскнехтов. Важнейшие требования заговорщиков сводились к следующему: 1) секуляризации и разделу церковных и монастырских имуществ среди нуждающихся; 2) ликвидации всех феодальных платежей, поборов и церковных десятин; 3) возвращении общинам узурпированных феодалами земель альменды; 4) отмене лично-наследственной зависимости крестьян; 5) ликвидации всех феодальных властей⁹¹. По существу эта программа выдвигала идею общественного переворота, завоевания власти «простым народом» и устранения феодальной системы угнетения и эксплуатации. Правда, эта идея только еще стала достоянием общественного мнения; она получит дальнейшее обоснование и развитие во время событий Крестьянской войны.

Третий заговор «Башмака» состоялся в 1513 г. также на юго-западе Германии, в области Брейсгау⁹², принадлежавшей тогда Габсбургам. Центром этой области был город Фрейбург. Центром же заговора стала деревня Леэн, где поселился после долгих скитаний бежавший в 1502 г. из Шпейерского епископства Иос Фриц. Основными участниками заговора были крестьяне, к которым, однако, примкнули не только плебеи, но и бюргеры. В движении «Башмака» в 1513 г. также приняли участие некоторые представители дворянства и низшего духовенства. Программа заговора состояла из следующих требований: 1) упразднение всех властей, кроме власти императора и папы; 2) возвращение крестьянским

общинам земель альменды; 3) назначение твердого содержания священникам и проведение частичной секуляризации церковных имуществ в пользу народа; 4) ликвидация «духовных и ротвейльских судов»; 5) запрещение ростовщичества и установление фиксированного кредитного процента (5 процентов годовых); 6) уменьшение налогов и феодальной ренты⁹³. В этой программе политические требования ликвидации всех феодальных властей, а вместе с ними и княжеского мелкодержавия, установления централизованной монархии стоят на первом месте. Социально-экономические требования по сравнению с программой заговора 1502 г. смягчены. Это диктовалось необходимостью создания в борьбе с феодальным режимом широкой оппозиции, которая включала бы всех недовольных существующими порядками.

Четвертый, и последний, заговор «Башмака» (1517 г.) охватывал всю Юго-Западную Германию и, очевидно, имел два центра – Шварцвальд и Северный Эльзас. Во главе заговора и здесь стоял тот же Иос Фриц, этот, по словам Ф.Энгельса, «образцовый заговорщик»⁹⁴. В дошедших до нас источниках не сохранилось программы заговора 1517 г. Только показания арестованных заговорщиков дают основания полагать, что они требовали отмены всех феодальных рент, процентов по долговым обязательствам и оброков, отказывались платить подати и налоги и быть послушными всем господам, кроме императора и церкви⁹⁵. Но и эти скудные и отрывочные данные позволяют сказать о том, что заговорщики, с одной стороны, по сути дела выражали сомнение в правомерности существования феодального правопорядка, с другой – выдвигали идею «народной монархии» во главе с императором, но без князей и других феодальных властителей. Заслуживает внимания и тот примечательный факт, что заговор был раскрыт и подавлен в августе – сентябре 1517 г., т. е. буквально накануне выступления Лютера (в октябре того же года) с быстро завоевавшими популярность «95 Тезисами» (о которых речь пойдет в следующей главе). Но заговоры «Башмака» не были единственной прелюдией к этой революции.

Около 1503 г. в Бадене и Вюртемберге возник еще один крестьянский союз под именем «Бедного Конрада». Вполне возможно, что в его создании активное участие приняли члены «Союза Башмака». Весной 1514 г. союз «Бедного Конрада» поднял восстание против герцога Ульриха Вюртембергского. В восстании приняли участие и горожане, недовольные ростом налогов. Повстанцы добивались созыва ландтага и участия в его деятельности представителей крестьян. Ландтаг с согласия Ульриха принял

решение о секуляризации церковных имуществ для покрытия дефицита в герцогской казне. Однако Ульрих не намерен был выполнять требования инсургентов. Ему вскоре удалось, пойдя на уступки в вопросе о налогах, договориться с горожанами. Бюргерская оппозиция оставила крестьян на произвол судьбы, что и явилось основной причиной поражения восстания⁹⁶. События в Вюртемберге указали на смещение фронта социально-политических противоречий в обществе. Движение широких народных масс вступило в полосу открытой конфронтации с «княжеским абсолютизмом», который в ряде территорий Империи еще до Реформации стал фактом реальной действительности. Склонность бюргерской оппозиции к компромиссу с территориальными властями на практике способствовала укреплению позиций княжеского абсолютизма и, следовательно, углублению процесса политической раздробленности германских земель.

Еще одним направлением социально-политической борьбы были городские движения, интенсивность и острота которых нарастали с последней четверти XV в. и достигли апогея к началу Реформации. С одной стороны, эти движения могли отражать «старые» противоречия, известные и более ранней стадии развития городов в условиях «системы феодализма» и простого товарного производства: антиклерикальные выступления жителей по преимуществу земских или княжеских городов, борьбу цехового бюргерства с патрициатом, городских низов и «среднего класса» с правящей олигархией. Однако в обстановке острейшего общественного кризиса и эти традиционные формы наполнялись новым содержанием. Дело в том, что в ходе социально-политической борьбы данного типа в повестку дня могли выдвигаться вопросы установления союза с крестьянскими массами и осуществления преобразований, которые в исторической перспективе должны были привести к торжеству буржуазных отношений. С другой стороны, социальные противоречия в городах порою обнаруживали прямую связь с явлениями раннего капитализма. Поэтому задача состоит в том, чтобы рассмотреть такие явления на конкретных примерах, что позволит, в частности, пролить свет и на социальную природу самих явлений раннего капитализма.

Сразу же вслед за «святым паломничеством» в Никласхаузен осенью того же 1476 г. значительные события произошли в крупном имперском городе Аугсбурге⁹⁷. Здесь радикально-бюргерская оппозиция во главе с бургомистром Ульрихом Шварцем одержала осенью этого года триумфальную победу на выборах в магистрат и пришла к власти в городе. Находясь у власти в

течение почти полутора лет (до апреля 1478 г.), «партия Шварца» осуществила некоторую демократизацию городского управления и судопроизводства, намечала проведение налоговой реформы и частичной секуляризации церковных имуществ. Деятельность Шварца и его правительства развивалась в условиях раннего капитализма, одной из цитаделей которого в Германии был Аугсбург. Отношение к данному явлению со стороны городского населения было неоднозначным. Большинство цеховых ремесленников выступало против распространения отношений раздач и попыток создания предпринимательскими элементами капиталистических мануфактур, так как представители этого большинства стремились сохранить или вернуть утраченные ими позиции мелких самостоятельных товаропроизводителей. Не было единства и в рядах «раннекапиталистического бюргерства». Экономические интересы владельцев уже тогда крупных компаний (Вельзеров, Госсембровтов, Гервартов и Релингеров) ограничивались участием в отношениях раздач, международной торговле, банковско-ростовщических операциях и тесными контактами с Габсбургами, что в значительной мере определяло и их линию политического поведения. Между тем радикальные элементы самой бюргерской оппозиции выступали за свободу предпринимательской деятельности и за переход к мануфактурному производству. Против Шварца и его сторонников выступили император Фридрих III Габсбург, баварские герцоги из рода Виттельсбахов, католическая церковь, городской патрициат и часть цеховой верхушки. Все это в конечном счете и привело радикально-бюргерскую оппозицию к поражению, а самого Шварца – на эшафот.

В конце 70-х годов XV в. острые социально-политические противоречия обозначились и в других городах⁹⁸. В городе соляных варниц Халле-на-Заале в 1478 г. бюргеры поднялись на борьбу против владельцев соляных промыслов, в руках которых фактически находилась и монополия на власть в городе. С одобрения оппозиции архиепископ направил в город войска, с помощью которых и произошло свержение городского правительства. Отныне было установлено, что правящий совет рекрутируется на паритетных началах из представителей цехов и «общины» (ее в совете представляли патриции). Но одновременно над городом была установлена власть территориального князя, и город утратил многие из своих коммунальных «вольностей». Такой поворот событий был обычным для того времени явлением. Территориальные князья зачастую использовали внутригородские социально-политические противоречия в собственных интересах и с целью укрепления собственной власти.

Систематическая «порча монеты» явилась поводом для волнений, потрясавших целое десятилетие Брауншвейг (1480–1490 гг.). Бургомистр и ряд ратманов бежали из города, где параллельно с магистратом был создан бюргерский «комитет». Примечательно также, что первый пункт программы оппозиционного движения был направлен против синдиков магистрата, которые реформировали судопроизводство в городе в соответствии с нормами римского права. В ходе этих событий проявилась и типичная для того времени тактика территориальных князей. Вмешательство герцога привело к свержению «комитета» и усилению влияния в качестве «третьей силы» княжеской администрации «в городских делах». В 1487–1491 гг. неоднократно возникали волнения в Ростокке, которые совпали со строительством в городе кафедрального собора и получили название «кафедральной вражды». Причем борьба за коммунальные свободы и выступления против светских и духовных феодалов развернулась в Ростокке одновременно с обострением противоречий между бюргерской оппозицией и городской беднотой, с одной стороны, обеих этих группировок с городским патрициатом – с другой.

Крупные волнения и восстания ремесленников и плебеев против «патрицианского правления» в начале 80-х гг. XV в. произошли также в Гамбурге и Кельне. В 1488 г. восстали бюргеры Оснабрюка. Их движение было направлено как против городского правящего совета, так и особенно против католической церкви. Это было то направление социально-политической борьбы, которое сыграло заметную роль также и во время событий в Ростокке. Волнения и восстания, направленные против городской олигархии и территориальных княжеских властей, произошли в 1472 г. в Страсбурге и Цвиккау, в 1477 г. – в Аахене, в 1478 г. – в Крейцнахе, в 1485 г. – в Равенсбурге, в 1487 г. – в Циттау, в 1489 г. – в Стендале, в 90-е гг. – в Кальбе, Нюртингене, Фрицларе и других городах. С наступлением XVI в. эта борьба не только не прекратилась, но и, напротив, усилилась. Городские движения конца XV – начала XVI в. подготавливали почву для грядущей революции.

Вместе с тем со второй половины XV в. в городах возникают и социальные противоречия, которые тем или иным образом были обусловлены явлениями раннего капитализма и вступлением на историческую сцену прототипов новых общественных классов – ранней буржуазии и предпролетариата. Эти противоречия проявлялись как в «старой» форме борьбы подмастерьев с мастерами, на что обратила внимание и обстоятельно рассмотрела еще В.В.Стоклицкая-Терешкович⁹⁹, так и обнаруживала черты общественных движений

2.5. Типология и характер народных движений перед Реформацией

нового типа. Именно движения последнего типа проливают свет на одну из предпосылок революции. Поэтому ограничим свою задачу рассмотрением социальных конфликтов второго типа.

В 1512 г. имело место волнение ремесленников-бумазейщиков в имперском городе Ульме¹⁰⁰. Поводом для волнения послужила острая нужда в хлопке, причиной которой явилась начавшаяся война Габсбургов с Венецией, откуда обычно ввозилось это сырье в Ульм. К тому времени большинство городских цеховых мастеров-ткачей уже находилось в экономической зависимости от предпринимателей-раздатчиков и подвергалось капиталистической эксплуатации. Однако городские ремесленники выступили не против капиталистов, а против своих традиционных конкурентов – сельских ткачей, требуя закрытия деревенских промыслов и восстановления своего положения в качестве мелких самостоятельных товаропроизводителей.

В другом центре бумазейной промышленности – Аугсбурге – еще с 90-х гг. XV в. развернулась драматическая борьба вокруг так называемой «длинной пряжи»¹⁰¹. Фактически эта борьба велась между капиталистами-раздатчиками и цеховыми ремесленниками. Продолжавшаяся несколько десятилетий борьба во второй половине 30-х гг. XVI в. закончилась победой предпринимательских элементов и подчинением ткачей власти капитала. В отличие от ульмских аугсбургские бумазейщики вполне сознавали противоположность своих интересов интересам капиталистов-раздатчиков и вели с ними борьбу. Однако, как и ульмские цеховые мастера, аугсбургские ремесленники требовали восстановления жестких норм корпоративной монополии и регламентации производства с помощью средств, которые были типичным явлением для хозяйственной деятельности и ее регулирования в средние века. Те и другие не выдвигали, собственно говоря, «пролетарских требований» повышения заработной платы и улучшения условий труда. Такие требования хотя и были в то время большой редкостью, но все же порою имели место в социальной жизни общества.

Нюрнбергский патриций Эндрес Тухер сообщает, что однажды во время его пребывания на посту баумейстера (т. е. главы финансового ведомства магистрата), который он занимал в 1464–1475 гг., к нему пришли каменотесы, плотники, каменщики, кровельщики, штукатуры, а также строительные рабочие других специальностей и потребовали повышения заработной платы по причине «значительных отягощений», вызванных войной и возникшей из-за нее дороговизной. Магистрат, опасаясь перерастания

протеста в волнение, удовлетворил требование строительных рабочих¹⁰². Аналогичное требование, по свидетельству хрониста Вильгельма Рема, в 1517 г. выдвинули и аугсбургские строительные рабочие, которые, по его словам, тяжелым трудом «едва зарабатывали на хлеб [насущенный]»¹⁰³. Необходимо также отметить, что подобное требование выдвигалось главным образом в специфической социальной среде строительных рабочих, и вряд ли есть основания выводить это требование из явлений раннего капитализма. Более определенно с этими явлениями связаны требования горнорабочих¹⁰⁴. Но и требования последних были направлены не столько против капиталистов-предпринимателей, сколько против княжеской администрации (политики бергамта и злоупотреблений его чиновников). Таким образом, противостояние труда и капитала не могло в то время иметь решающего значения. Это, однако, не означало, что предшественники класса наемных рабочих нового времени оказались вообще в стороне от развернувшихся в эпоху Реформации социально-политических конфликтов¹⁰⁵.

Обострение в германских землях на рубеже XV–XVI вв. социальных противоречий было очевидным фактом. Основным направлением этих противоречий продолжал оставаться антагонизм между классами феодалов-землевладельцев и феодально-зависимых крестьян-держателей земли. Но крестьянство в долгом и упорном противоборстве с феодальным дворянством могло рассчитывать на успех, только имея сильных союзников. По этой причине заслуживает внимания тот факт, что одновременно с крестьянством городское бюргерство также вело борьбу с католической церковью и дворянством. С появлением на исторической сцене ранней буржуазии эта борьба приобрела особую значимость. Исторический опыт предшествовавших Реформации народных движений настоятельно указывал на необходимость солидарных действий против феодального режима самых различных слоев городского населения с широкими крестьянскими массами. И, нужно сказать, в этом направлении были сделаны хотя и первые, но очень важные шаги. Препятствием же на пути политической консолидации крестьянства и бюргерства в борьбе против феодального правопорядка продолжало оставаться участие городов и бюргерской верхушки в феодальном землевладении. В то же самое время с развитием раннекапиталистических производственных отношений неизбежно возникала противоположность социально-экономических интересов ранней буржуазии и предпролетариата. Однако самим ходом исторического процесса противоречия между ними временно, по крайней мере до завоевания

буржуазией политической власти, отодвигались на второй план этого процесса. Штурмуя «бастионы феодализма», буржуазия имела «естественного союзника» не только в лице крестьянства, но и в лице нарождавшегося класса наемных рабочих города и деревни.

Еще одно обстоятельство, которое также следует принять во внимание, когда речь заходит о причинах революции, состоит в том, что роль своего рода детонатора социального взрыва сыграл политический фактор: с одной стороны, «государственная неустойчивость» и постоянно протекающие из нее конфликты в Священной Римской империи германской нации, зачастую принимавшие характер вооруженной борьбы; с другой – отношения между Империей и папством. Недовольство засильем католической церкви захватило все слои общества и приобрело массовый характер. Передовые элементы общества глубоко переживали политическую раздробленность страны и прилагали энергичные усилия для ее преодоления. «Княжеский абсолютизм» создавал серьезные препятствия как на пути прогрессивных тенденций социально-экономического развития общества, так и равным образом и на пути его политической консолидации. Вот почему с нарастанием кризиса политико-религиозный фактор приобрел исключительное значение и сыграл чрезвычайно важную роль в развязывании революционных событий в германских землях в XVI в.

Примечания

- ¹ *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации... С. 24. Ср.: *Майер В.Е.* Крестьянство Германии... С. 28 след.; *Он же.* Немецкие крестьяне к востоку от Эльбы в XII–XV вв.// Социальные отношения... С. 43 след.
- ² *Blickle P.* Die Revolution... S. 39–40.
- ³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 356.
- ⁴ *Hoyer S.* Wirtschaftliche und soziale Ursachen des deutschen Bauernkrieges: Das Beispiel Thüringen // *ZfG.* 1981. Н. 12. S. 1106–1107, 1111–1112.
- ⁵ *Ермолаев В.А.* Франконский город... С. 116. Ср. также: *Чиркин В.А.* Очерки... С. 59.
- ⁶ *Майер В.Е.* Деревня и город Германии... С. 63.
- ⁷ *Hoyer S.* Ursachen... S. 1108–1109.
- ⁸ *Майер В.Е.* Деревня и город Германии... С. 112–129.
- ⁹ *Hoyer S.* Ursachen... S. 1116–1117. См. также: *Майер В.Е.* Роль ростовщического капитала... С. 62.
- ¹⁰ *Майер В.Е.* Деревня и город Германии... С. 69–70, 92, 98, 129.
- ¹¹ *Harnisch H.* Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum. Weimar, 1980. S. 192–193.
- ¹² *Майер В.Е.* Крестьянство Германии... С. 33 след., 46 след.

- ¹³ *Bensing M.* Thomas Müntzer... S. 29–30.
- ¹⁴ *Blickle P.* Die Revolution... S. 51–52.
- ¹⁵ *Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. Л., 1979. С. 74.
- ¹⁶ *Bechtel H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands: Von der Vorzeit bis zum Ende des Mittelalters. 2. Aufl. München, 1951. S. 255–256. Ср. также: *Ястребицкая А.Л.* Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // СВ. 1988. Вып. 51. С. 59 след.
- ¹⁷ Deutsche Geschichte. Bd. I. S. 351.
- ¹⁸ *Blaschke K.* Zur Statistik der sächsischen Städte im 16. Jahrhundert // Vom Mittelalter zur Neuzeit. Berlin, 1956. S. 142–143.
- ¹⁹ *Hoyer S.* Ursachen... S. 1110–1111.
- ²⁰ *Ермолаев В.А.* Франконский город... С. 114, 116.
- ²¹ *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации... С. 14–19; *Он же.* К истории раннего капитализма... Гл. IV.
- ²² *Некрасов Ю.К.* Очерк... С. 146–151.
- ²³ *Фараджева С.А.* Политика саксонских курфюрстов... С. 164 след.; *Она же.* К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в. // СВ. 1977. Вып. 41. С. 187 след.
- ²⁴ См.: *Некрасов Ю.К.* О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975. С. 179 след.
- ²⁵ *Strieder J.* Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München; Leipzig, 1925. S. 375–378.
- ²⁶ *Dietrich R.* Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel // JbGMO. 1958. Bd. VII. S. 168.
- ²⁷ *Hoyer S.* Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges und zum Problem seines Verlaufs // ZfG. 1976. H. 6. S. 663; *Laube A.* Bemerkungen zum Zusammenhang von Frühkapitalismus und frühbürgerlicher Revolution // Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. Berlin, 1977. S. 57–58.
- ²⁸ *Немилов А.Н.* К вопросу о формах... С. 184–187, 190–191; *Aubin H.* Formen und Verbreitung des Verlagswesens in Altnürnberger Wirtschaft // BWGN. 1967. Bd. I. S. 620–665.
- ²⁹ См.: *Немилов А.Н.* Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии раннего немецкого гуманизма // УЗ ЛГУ. Сер. истор. наук. 1958. Вып. 28. С. 102; *Ястребицкая А.Л.* Некоторые формы... С. 199, 206, 210, 214–215; *Иллюстрированная история*... С. 24.
- ³⁰ *Bechtel H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands vom Beginn des 16. bis Ende 18. Jahrhunderts. München, 1952. S. 259.
- ³¹ *Gothein E.* Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und angrenzenden Landschaften. Strassburg, 1892. Bd. I. S. 524.
- ³² *Некрасов Ю.К.* Возникновение и развитие системы раздачи... С. 41–51. Богатый фактический материал по истории знамени-

- того полотняного производства Санкт-Галлена содержит публикация источников Г.К.Пойером (см.: *Leinwandgewerbe und Fernhandel der Stadt St. Gallen von den Anfängen bis 1520*. St. Gallen, 1959).
- 33 *Mottek H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss. Bd. 1: Von Anfängen bis zur Zeit Französischer Revolution. 4. Aufl. Berlin, 1964. S. 211–212.
- 34 *Furger F.* Zum Verlagssystem als Organisationsformen des Frühkapitalismus im Textilgewerbe. Stuttgart, 1927. S. 44–46.
- 35 *Stromer W., von.* Die Gründung der Baumwollindustrie im Mittelalter. Stuttgart, 1978. S. 70–77, 97, 88–89.
- 36 *Stetten Paul-Jüngere.* Kunst-, Gewerbe- und Handwerckgeschichte der Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1789. Bd. 1. S. 210.
- 37 *Kunze A.* Der Frühkapitalismus in Chemnitz. Karl-Marx-Stadt, 1958. S. 51.
- 38 См.: Хрестоматия по истории средних веков. Т. 2. С. 472–482; Практикум по истории средних веков. (1967). С. 125–128; (1971). С. 152–156.
- 39 *Bog I.* Wachstumsproblem der oberdeutschen Wirtschaft 1540–1618 // *Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.–16. und 19. Jahrhundert*. Stuttgart, 1968. S. 53–54.
- 40 *Heitz G.* Ländliche Leinenproduktion in Sachsen (1471–1555). Berlin, 1961. S. 62, 64.
- 41 *Майер В.Е.* Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. // *СВ*. 1973. Вып. 34. С. 149; *Он же.* Деревня и город Германии... С. 95, 97.
- 42 *Hoyer S.* Wirtschaftliche und soziale Ursachen... S. 1114, 1120.
- 43 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 356.
- 44 О деятельности крупных южнонемецких торгово-ростовщических и промышленных компаний см.: *Эпштейн А.Д.* История Германии...; *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма... (особенно Гл. 3. С. 140); *Савина Н.В.* Южнонемецкий капитал (особенно Гл. 2–4); *Некрасов Ю.К.* Очерк... Гл. 3–4; *Норден А.* Некоронованные властители. М., 1978.
- 45 *Laube A.* Die Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie und deren Rolle in der deutschen frühbürgerlichen Revolution // *ИВГФ*. 1977. Bd. 1. S. 280–281.
- 46 См.: *Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977; *Чуянов А.Ф.* Рейхстаг и император Священной Римской империи в первой половине XVI в. // *Германская история эпохи Реформации...*
- 47 *Бойцов М.А.* Документы по истории политической борьбы на имперских собраниях (рейхстагах) в Германии в конце XIV в. // *СВ*. 1986. Вып. 49. С. 220.
- 48 *Колесницкий Н.Ф.* Феодалное государство (VI–XV вв.). М., 1967. С. 246–255; *Он же.* Политическая борьба в германских землях в XIII–XV вв. и возникновение ландтагов // *Социальные отношения...* С. 61–83; *Бойцов М.А.* Центральная власть и

- региональные политические образования в Германии во второй половине XIV в. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма... С. 39–52, 157–160; *Blickle P. Landschaft und Alten Reich. München, 1973. S. 47.*
- ⁴⁹ См.: *Чуянов А.Ф. Рейхстаг и император... С. 13 след.*
- ⁵⁰ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 348–358.*
- ⁵¹ Хрестоматия по истории средних веков. Т. 3. С. 88–91.
- ⁵² *Harnisch H. Bauern... S. 141–145.*
- ⁵³ *Heitz G. Ländliche Leinenproduktion... S. 44–45. 48.*
- ⁵⁴ *Blickle P. Die Revolution... S. 111.*
- ⁵⁵ *Ермолаев В.А. Франконский город... С. 116–117.*
- ⁵⁶ *Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя городов Швабии и Швейцарского Союза в XIV–XVI вв. // Классы и сословия... С. 196.*
- ⁵⁷ *Blendinger F. Versuch einer Bestimmung der Mittelschichten in der Reichsstadt Augsburg vom 14. bis zum Anfang des 18. Jahrhunderts // Städtische Mittelschichten. Stuttgart, 1972. S. 45; Illustrierte Geschichte... S. 62 f.*
- ⁵⁸ *Endres R. Zünfte... S. 155–156.*
- ⁵⁹ *Illustrierte Geschichte... S. 62.*
- ⁶⁰ *Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostok und Weimar im ersten Drittel des 16. Jahrhundert. Weimar, 1959. S. 44.*
- ⁶¹ *Подольяк Н.Г. Изменения в социальной структуре Ростока в конце XV – первой трети XVI в. // Классы и сословия... С. 133.*
- ⁶² *Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздач... С. 49–53; Он же. Цеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV–XVI вв.) // СГ. 1981. Вып. 6. С. 152–156; Он же. Эволюция социального строя городов... С. 196–197.*
- ⁶³ См.: *Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV–XVI вв. // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. Вып. 1. С. 89 след., 155–156. Ср. также: Meyer M. Die Haltung Vertreter Freien- und Reichsstädte auf die Reichstagen von 1521 bis 1526 // JbGF. 1981. Bd. 6. S. 190–192.*
- ⁶⁴ *Laube A. Die Herausbildung... S. 286–287.*
- ⁶⁵ *Abel M. Massenarmut und Hungerkrisen im Vorindustriellen Europa: Versuch einer Synoptis. Hamburg: (West-) Berlin, 1974. S. 95–96; Anhang I. S. 400–404.*
- ⁶⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 314.*
- ⁶⁷ Там же. Т. 7. С. 361.
- ⁶⁸ *Töpfer B. Das kommende Reich des Friedens: Zur Entwicklung chiliastischer Zukunftshoffnungen im Mittelalter. Berlin. 1964. S. 262–263, 327, 329–330. Ср. также: Гутнова Е.В. Классовая борьба... С. 240–242, 258–260, 262, 313, 325.*

- ⁶⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 354.
- ⁷⁰ См.: Смирин М.М. Народная реформация... С. 171–229. Ср. также: Лейн Т. Христианские мыслители. СПб., 1997. С. 118–119, 136–137.
- ⁷¹ См.: Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы XV–XVI веков. М., 1955; Либман М. Искусство Германии XV и XVI веков. М., 1964.
- ⁷² Немилос А.Н. Немецкие гуманисты... С. 52.
- ⁷³ См.: Смирин М.М. Очерки... С. 106–165.
- ⁷⁴ Николай Кузанский. Сочинения в двух томах. М., 1979. Т. 1; М., 1980. Т. 2. См. также: Коплстон Ф.Ч. История средневековой философии. Перевод с английского. М., 1997. С. 11, 379–391, 458.
- ⁷⁵ См.: Смирин М.М. Германия в первые десятилетия XVI в. и Ульрих фон Гуттен // Ульрих фон Гуттен. Диалоги... С. 3–17; Володарский В.М. Эрфуртские гуманисты и Реформация // Культура эпохи Возрождения... С. 151–152. См. также: прим. 134 к Главе 1.
- ⁷⁶ См.: Смирин М.М. Эразм Роттердамский... С. 34–100; Григорьева И.Л. Представления Эразма о человеке (по трактату «Enchiridion militis christiani») // СВ. 1983. Вып. 46. С. 184–197.
- ⁷⁷ См.: Немилос А.Н. Виллибальд Пиркгеймер и его место среди немецких гуманистов начала XVI века // СВ. 1965. Вып. 28. С. 140–157.
- ⁷⁸ Левен В.Г. Исторические взгляды Себастьяна Франка // СВ. 1955. Вып. VI. С. 268–294; Смирин М.М. Эразм Роттердамский... С. 144–189; Луковцева А.А. Отражение крестьянской идеологии периода Великой Крестьянской войны в Германии в творчестве Себастьяна Франка // СВ. 1986. Вып. 49. С. 141–152.
- ⁷⁹ Рутенбург В.И. Титаны Возрождения... С. 20–30, 59–72, 128–141.
- ⁸⁰ Немилос А.Н. Грюневальд... С. 52.
- ⁸¹ Немилос А.Н. Первые гуманистические кружки... С. 114. Ср.: Володарский В.М. Гуманистические воззрения... С. 160.
- ⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. С. 166.
- ⁸³ Крестьянские движения в Германии... С. 22–23. Ср.: Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 1. С. 21–22; Энгельс Ф. Крестьянская война... С. 377–378; Ермолаев В.А. Революционные движения в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966. С. 13–15; Штекли А.Э. Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бехайма // ИСУ. 1986. С. 282–284.
- ⁸⁴ Hoyer S. Neues zum Pfeifer von Nicklashausen // JbGF. 1979. Bd. 3. Anhang 1–2. S. 216–217.
- ⁸⁵ Rosenkranz A. Die Bundschuhe. Bd. 1: Darstellung. Bd. 2: Quellen. Heidelberg. 1927.
- ⁸⁶ Blicke P. Die Revolution... S. 139.
- ⁸⁷ См.: Гутнова Е.В. Классовая борьба... С. 226; Феттер К. Ход, причины и цели восстания «хлеба и сыра» в Северной Голландии в 1491–1492 гг. // Феодалная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. М., 1985. С. 294–310; *Idem*. Das «Kaas-en Brodspel». Ein wenig betrachteter Bauernaufstand vor

- deutschen frühbürgerlichen Revolution // ZfG. 1981. Н. 7. S. 652 f.
- ⁸⁸ См.: *Смирин М.М.* Очерки... С. 333–398; *Он же.* Германия эпохи Реформации... С. 99–114; *Ермолаев В.А.* Революционные движения... С. 29–51; *Лившиц Г.М.* Реформационное движение в Чехии и Германии. Минск, 1978. С. 132–135; *Майер В.Е.* Крестьянство Германии... С. 103–107.
- ⁸⁹ Крестьянские движения в Германии... С. 83–84, 86 след.
- ⁹⁰ См.: *Штейнгардт Б.Е.* Заговор «Башмака» 1502 г. // УЗ ВГПИ. Т. 21: Исторический. 1958. С. 169–199.
- ⁹¹ Крестьянские движения в Германии... С. 101.
- ⁹² *Панкратов Д.И.* Движение Bundschuh 1513 г. // УЗ КалГПИ. 1940. Т. IX. Вып. 5.
- ⁹³ Крестьянские движения в Германии... С. 103–104.
- ⁹⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 363.
- ⁹⁵ Крестьянские движения в Германии... С. 114 след.
- ⁹⁶ Там же. С. 123–206; *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации... С. 114–116; *Лившиц Г.М.* Реформационное движение... С. 135.
- ⁹⁷ См.: *Эпштейн А.Д.* Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV и начале XVI в. // СВ. 1957. Вып. X. С. 163–164; *Некрасов Ю.К.* Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в. (ход движения и социальный состав участников) // СВ. 1975. Вып. 38. С. 129–149; *Он же.* Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. // СВ. 1975. Вып. 39. С. 142–161.
- ⁹⁸ *Illustrierte Geschichte...* S. 64–65.
- ⁹⁹ См.: *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки... С. 151–163, 265–273.
- ¹⁰⁰ *Nübling E.* Ulms Baumwollweberei im Mittelalter. Leipzig, 1890. Urkunden. № 9–11. S. 14–28; Darstellung. S. 155–157; *Naujoks E.* Latente Zunfttradition in den schwäbischen Reichsstädten. Wiesbaden, 1962. S. 44–46.
- ¹⁰¹ Fortsetzungen des Hector Mülich // CDS. 1894. Bd. 23(4). S. 409, 434–435; Weberchronik // CDS. 1934. Bd. 34 (9). S. 238–240, 246–247; *Illustrierte Geschichte...* S. 63–64; *Laube A.* Volksbewegung in Deutschland von 1470 bis 1517 // Revolte und Revolution in Europa... S. 95.
- ¹⁰² *Endres Tucher.* Baumeisterbuch der Stadt Nürnberg (1464–1475). Stuttgart, 1860. S. 272, 276.
- ¹⁰³ *Wilhelm Rem.* Cronika der newer geschichten // CDS. 1896. Bd. 25 (5). S. 82.
- ¹⁰⁴ См.: *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма... С. 310 след.; *Laube A.* Zum Problem des Bündnisses von Bergarbeiter und Bauern im deutschen Bauernkrieg // Der Bauer im Klassenkampf. Berlin, 1975. S. 83 f.
- ¹⁰⁵ См.: *Мещерякова Н.М.* Происхождение пролетариата. Начальная стадия его развития и борьба рабочих // Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 1: Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. М., 1976. С. 96.

Глава 3.
Революция
набирает силы:
реформационное движение
(1517-1524 гг.)

3.1. Антиримское движение и умеренно-бюргерская реформация Мартина Лютера

Согласно общепринятой в отечественной исторической литературе точке зрения, началом Реформации в Германии и вместе с нею ранней буржуазной революции явилось выступление 31 октября 1517 года неизвестного до этого широкой общественности монаха ордена Августина Блаженного и профессора теологии Виттенбергского университета Мартина Лютера с «95 Тезисами»¹. Лютер, по его собственным словам, сделал это «во имя любви к истине и стремления разъяснить ее...»² Текст этого документа, написанного на латинском языке, по давней традиции автор прибил на двери замковой церкви и был далек от мысли, чтобы привлечь к нему внимание публики и возбуждать общественное мнение – Лютер всего лишь был намерен вести полемику со своими коллегами-богословами (теологами) по вопросу об отпущении грехов и оправдании. Поводом к выступлению Лютера послужила практика торговли индульгенциями, которой активно и повсеместно в германских землях занимались церковники. Как известно читателю, за определенную плату грамоту об отпущении грехов мог приобрести любой верующий. Лютер в своих «Тезисах» энергично протестовал против такой практики. В самом протесте, казалось бы, не было ничего нового: против практики торговли индульгенциями еще до Лютера боролись многие, в том числе гуманисты. По словам же Ф.Энгельса, выступление Лютера оказалось «воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку с порохом»; это выступление привело в движение все общество³. Мнение Энгельса, приписывающее Лютеру роль зачинщика не только Реформации, но даже и революции, в дальнейшем стало общим местом в марксистской историографии. Однако существует и иная точка зрения.

Еще французский историк первой половины прошлого века (эпохи Реставрации) Ф.Гизо, отказывая «95 Тезисам» в каком-либо революционном содержании, полагал, что началом Реформации следует считать не 1517, а 1520 год⁴. Л.Шестов уже в начале второй половины нашего столетия утверждал, что в «95 Тезисах» Мартин Лютер «спрашивает себя только об одном: как человеку спастись, как ему избежать вечной смерти»⁵. Согласно точке зрения Н.И.Басовской, «текст Тезисов – не призыв к восстанию и переустройству жизни. Это призыв к внутреннему переустрой-

ству человека...» В них, по ее убеждению, «была впервые в истории духовной жизни Европы с кристальной ясностью выражена мысль об индивидуальной ответственности человека за свои поступки»⁶. Эту точку зрения и «новую» (по Гизо) периодизацию истории Реформации в Германии пытается обосновать Ю.Рубан⁷. Причем споры и разногласия среди историков и сегодня вызывает вопрос об отношении Лютера к основополагающему догмату христианской церкви о покаянии и спасении души.

Определяя, что такое покаяние, один из «отцов» римской католической церкви Петр Ломбардский еще в XII в. писал: «... Покаянием называется и таинство, и совершенство души. Ибо есть покаяние внутреннее, и есть внешнее. Внешнее – это таинство; внутреннее – это совершенство души, и то, и другое служит основанием спасения и оправдания»⁸. Лютер в «95 Тезисах» формально вполне следует этому канону и учению о праве церкви наделять «благодатью» всех верующих христиан. Не посягает он в них, казалось бы, ни на индульгенции как таковые, ни на авторитет папы. Тезис 71 гласит: «Кто говорит против истины папских отпущений – да будет предан анафеме и проклят»⁹. Но дает ли все это основание утверждать, что выступление Лютера в октябре 1517 г. не таило в себе никакой серьезной угрозы римской католической церкви и что его деятельность стала носить опасный для Рима характер лишь с 1520 г.? Последним, как полагают некоторые историки, и следует датировать начало Реформации.

Сама по себе мысль о тихом и безобидном монахе-августинце Мартине Лютере, который в октябре 1517 г. еще даже не помышлял о бунте против католической церкви, является не только привлекательной, но и, казалось бы, верной. В это время Лютер, если судить о том по «95 Тезисам», вряд ли подходил на роль «громовержца», которую ему приписывал Ф.Энгельс. Вполне можно согласиться и с тем, что примерно три года, последовавшие за октябрём 1517 г., были для Лютера временем тяжких внутренних «борений» и поисков истины. Только в 1520 г. он окончательно сформулировал свое учение об «оправдании верой»¹ и «всеобщем священстве». И в то же время нельзя не отметить, что уже в «95 Тезисах» Лютер, фигурально выражаясь, заложил мину замедленного действия огромной силы под фундамент здания самой католической церкви. В этих «Тезисах» Лютер, трактуя краеугольный вопрос о спасении души, на первое место поставил покаяние внутреннее и тем самым сделал и первый шаг навстречу неизбежного конфликта с папством. Этот шаг с необходимостью

должен был привести Лютера к размышлениям о посреднической роли церкви в отношениях между верующими и Богом, к изучению наследия немецких мистиков XIV в. Развивая доктрину последних о «Богe в себе», Лютер утверждал, что каждый христианин в состоянии достичь «вечного блаженства» в загробной жизни «одной только верой». Тем самым церковь утрачивала роль обязательного посредника между Богом и миром. По существу это означало отличное от ортодоксального католицизма понимание основополагающего принципа «христианского благочестия». Поэтому В.И.Рутенбург, полагая, что сформулированные в «95 Тезисах» положения «фактически... выходили за рамки обычного для средневековья богословского спора и представляли учение, подрывающее основы католической догматики и организационной структуры церкви»¹⁰, хотя и, по всей видимости, несколько опережает время, все же прав по существу. В борьбу с католической церковью Лютер, скорее всего помимо своей воли, вступил еще в октябре 1517 г. Об этом, в частности, свидетельствует тот общественный резонанс, который имело его выступление с «95 Тезисами». 1517 г. и был началом Реформации.

Обращает на себя внимание и тот факт, что общественная деятельность Лютера рано приобрела ярко выраженную антиримскую направленность и одновременно националистическую окраску: она имела целью освобождение в первую очередь от непомерных финансовых притязаний папы и создание в самой Германии независимой церковной организации. Это привело бы на практике к отделению последней от римской курии. Не прошло и двух месяцев, как тон полемики Лютера с католической церковью резко изменился. В последних числах декабря 1517 г. он писал: «Если бешенная ярость их (папистов. — Ю.Н.) не уймется, то, я думаю, лучшим средством против них будет нападение королей и князей вооруженной силой на этих вредных людей, которые отравляют спокойствие всего света. Не словами, а оружием надо прекратить эти проделки. Мы вешаем воров, казним разбойников, сжигаем еретиков, отчего же мы не обращаем нашего оружия против пап, кардиналов, епископов и всей прочей челяди римского содома; почему не истребляем мы оружием этих вредных проповедников и не омоем рук в их крови?»¹¹. Это звучало и многими современниками событий воспринято было как призыв к восстанию против католической церкви и ее главы — римского папы. Однако означали ли такие инвективы против церкви, что сам Лютер уже сделал выбор в пользу революции?

Между тем рост популярности Лютера вызвал большую тре-

3.1. Антиримское движение и реформация Мартина Лютера

вогу в Риме. Реформатор был обвинен в ереси, и ему было приказано немедленно явиться в Рим. Однако Лютер, прекрасно понимая, что его ожидает (пример сожженного на костре инквизиции в прошлом веке Яна Гуса был жив в исторической памяти всех европейцев, немцев в том числе), и опираясь на широкую общественную поддержку, ответил на вызов папы категорическим отказом, а на диспуте в Лейпциге в 1519 г. с католическим теологом Иоганном Эком в пылу полемического спора даже открыто заявил, что во многом следует учению чешского «ересиарха» Гуса. В 1520 г. папской буллой Лютер был отлучен от церкви. Но это лишь подчеркнуло невозможность компромисса с римской курией, к которому до этого склонялся реформатор. В том же 1520 г. он написал трактат «К христианскому дворянству немецкой нации», который стал важной вехой в деятельности реформатора и в обосновании им нового вероучения.

В этом трактате реформатор ведет острую полемику с римской курией, затрагивая в ней злободневные вопросы политической жизни общества. Лютер резко критикует так называемую теократическую программу папства, ставившую церковную власть выше светской; он утверждает, что все беды «немецкой нации» проистекают из-за «притеснений» со стороны римских первосвященников и римского папу Юлия II называет «кровопийцем». Здесь же реформатор формулирует положение принципиальной значимости о том, что «папа не должен возвышаться над светской властью, разве что в духовных делах... во всем остальном [он] ниже» светских правителей¹². Лютер высказывает также мысль о том, что национально-политическая задача немцев – освобождение от папского засилья – решается прежде всего тем, что служение Богу рассматривается не как дело одного только духовенства, а как функция всей жизни христиан, их мирских учреждений и самой светской власти. Это означало, с одной стороны, обоснование тезиса о «всеобщем священстве», согласно которому любой верующий может публично провозглашать «слово божье», с другой – признание того факта, что светский порядок имеет прямое отношение к религиозной жизни христианина. Отсюда, казалось бы, должен следовать вывод о необходимости преобразования всего общественного правопорядка, поскольку Лютер придает первостепенное значение мирской жизни христианина и далек от проповеди средневекового аскетизма. «Мирской порядок», по Лютеру, должен был создать верующим благоприятные условия для отправления ими религиозного культа и

обрядов. Все это придавало деятельности реформатора исключительное значение и превращало его в лидера широкого общественного движения.

Переломной вехой в истории реформационного движения в Германии стал 1521 г. Лютер продолжал непримиримую борьбу с Римом. Но в этом же году ему пришлось столкнуться с недавно избранным на престол Священной Римской империи Карлом V Габсбургом и предстать перед «сословиями рейхстага», собравшимися в Вормсе. Заручившись поддержкой саксонского курфюрста Фридриха Мудрого, Лютер, которому на одном из заседаний рейхстага было предложено отречься «от ереси», ответил гордым отказом: «На этом я стою и не могу иначе!» В мае того же года последовало издание так называемого «Вормского эдикта», объявившего Лютера еретиком, которого необходимо было немедленно арестовать, имущества его сторонников – конфисковать. Эдикт запрещал поддерживать и распространять учение Лютера, читать его сочинения. Однако арест реформатора не состоялся – он получил надежное убежище в замке Вартбург, принадлежавшем саксонскому курфюрсту.

Эти события принято считать вершиной всей деятельности Лютера. Еще на рубеже 1520–1521 гг. имя реформатора приобрело такую популярность, что папский легат доносил в Рим: «Девять десятых Германии кричат: “Лютер!”; оставшая десятая – по крайней мере – “Смерть римскому двору!”». Вопреки ожиданиям императора, Вормский рейхстаг не только не способствовал осуждению общественным мнением Лютера и его учения, но и, напротив, сильно укрепил авторитет реформатора в немецком обществе. Во время этих же событий Лютер в последний раз сыграл роль вождя общенациональной оппозиции католической церкви. В том же 1521 г. начался процесс распада антиримского движения на различные течения. Находясь в Вартбургском замке, реформатор писал: «Я не хотел бы, чтобы евангелие *отстаивало насильем и пролитием крови*. Слово создало мир, благодаря слову сохранилась церковь, словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет»¹³. Теперь Лютер стал постоянно подчеркивать, что он ограничивает свою задачу только реформой вероучения («христианского благочестия») и преобразованием церковной организации. Такое понимание целей реформационного движения не удовлетворяло многих из числа тех, кто сначала шел за ним.

Процесс радикализации движения в 1521–1524 гг. в известной мере являлся следствием кризиса направления умеренно-бюргерской реформации. Адепты «евангелического учения» все чаще стали связывать реформу церкви с необходимостью перемен в жизни всего общества. В Виттенберге такого мнения придерживался Андреас Карлштадт, который стремился не только к устранению старой церковной организации, но и к секуляризации всего церковно-монастырского землевладения, закрытию монастырей, расширению прав городских общин, установлению принципа выборности священников¹⁴. В Цюрихе Ульрих Цвингли, не ограничиваясь реформой только церкви, поставил в повестку дня вопрос о крупных социально-политических преобразованиях, затрагивающих интересы широких слоев общества. С новым пониманием задач реформационного движения выступил Томас Мюнцер, который поставил своей целью воздвигнуть здание «божьего царства» на «грешной земле». Все это свидетельствовало о появлении рядом с умеренно-бюргерским радикально-бюргерского и так называемого «народного» направлений в реформационном движении. В изменившейся ситуации Лютер вынужден был внести некоторые принципиальные уточнения в те формулировки своего учения, которые допускали довольно широкую его трактовку и даже давали основания для революционных выводов, сводившихся к требованию распространения начатых в церкви реформ и на «мирские порядки». Причем радикальные элементы в проведении общественных преобразований допускали и применение насилия.

Социально-политические воззрения Лютера получили наиболее яркое отражение в его теории о «двух царствах», или «двух сферах права»¹⁵. Основные положения этой теории были изложены в таких трактатах реформатора, как «Пастырское увещание всем христианам остерегаться мятежа и возмущения» (1522 г.) и «О светской власти, в какой мере расе ей следует повиноваться» (1523 г.). Поэтому есть основания рассмотреть содержание упомянутых выше сочинений, бросающих свет и на программу деятельности реформатора в целом.

В первом из этих трактатов Лютер выражает серьезное опасение относительно возможности мятежа, во время которого «попы, монахи и все духовное сословие будут перебиты или изгнаны, если они сами не предупредят опасность серьезными и значительными реформами». Поскольку же Лютер не верит в способность самой церкви на такие реформы, он обращается к светским правителям, чтобы они «уже по обязанности» применили

«законную власть» и осуществили необходимые преобразования. «Простой же люд нужно успокоить и указать ему, чтобы он воздержался от мятежа и в словах и помыслах и ничего бы не предпринимал без повеления начальства, без указаний законной власти». По убеждению Лютера, «в мятеже мало разумного: вся тяжесть его обрушивается обыкновенно более на невинных, чем на виновных. Поэтому ни один мятеж не находит оправдания, хотя бы самое дело и было праведным: всегда следствием является не исправление, а вред...» Именно в силу данной причины «установлена власть и вручен ей меч карать нечестивых и охранять благочестивых»¹⁶. Следовательно, реформатор подчиняет духовную власть светской и поручает последней осуществление преобразований не только в обществе, но и в церкви. Причем «простой народ» в концепции Лютера «двух царств» выступает скорее в роли не субъекта, а объекта реформ «сверху», и ее автор отказывает этому «народу» в праве, прибегая к насилию, оказывать сопротивление «избранным Богом» и «законным» уже в силу данного обстоятельства властям.

Преамбула второго трактата содержит резкую критику правления князей и их «бессовестного насилия над простыми людьми», и в ней выражено твердое убеждение в необходимости исправления такого положения. Далее Лютер формулирует положение, образующее, если так можно сказать, краеугольный камень его социально-политических воззрений. Он пишет: «Если бы весь мир состоял из настоящих христиан, т. е. истинно верующих, то не нужно бы ни князей, ни королей, ни господ, ни меча, ни закона». Но поскольку «между тысячью едва ли (найдется. – Ю.Н.) один истинный христианин – один пожирал бы другого, и никто не мог бы обзавестись женой или детьми, не мог бы мирно трудиться и служить господа; мир превратился бы в пустыню». Ради предотвращения анархии в государстве и обществе Бог установил два порядка: «духовный строй» и «строй светский». В рамках первого строя все люди – братья и сестры и равны перед Богом, в рамках второго – подчинены властям и обязаны им послушанием. В то же самое время оба эти порядка образуют нерасторжимое единство, на котором зиждется христианское сообщество. Причем светскую власть Лютер объявляет «божьем установлением». Однако пределы светской власти ограничены «материальным миром» и не простираются на веру подданных, так как вера – дело совести каждого индивида. В мирской же жизни подданные обязаны безусловным послушанием любым правителям, даже тиранам. Подданные не

3.1. Антиримское движение и реформация Мартина Лютера

имеют права восставать против правителей с оружием в руках, а могут лишь взывать к христианскому милосердию последних в надежде смягчить суровые приговоры. Правитель же в своих действиях обязан строго следовать принципам разумности и целесообразности и защищать интересы своих подданных. Лютер, вопреки средневековым представлениям об институте власти как эманации («снисхождении») на «земное царство» «божественной воли», выражает точку зрения, согласно которой правитель лишь занимает общественную должность и исполняет таким образом «службу»¹⁷. Тем самым Лютер предвосхитил теории нового времени о политической власти, ее функциях и назначении в жизни гражданского общества.

Так учение Лютера приобретало черты, которые дают основание трактовать это учение как «умеренно-бюргерскую реформацию». Но какие критерии мы принимаем во внимание, употребляя данную дефиницию? Насколько точно последняя отражает социально-политическую сущность лютеранства и практической деятельности самого реформатора?

Лютер выступал в роли последовательного борца за освобождение немецкой церкви от власти римских первосвященников. Его учение, освобождая церковь от обязанности посредника между верующим и Богом, с необходимостью выдвигало в повестку дня вопрос не только об упрощении религиозного культа и сокращении расходов на него, но и о секуляризации церковных имуществ, прежде всего монастырского землевладения. Учение Лютера не только объявляло первоосновой христианства Священное Писание, но и отвергало значение постановлений церковных соборов о непогрешимости римских пап. Все это в первую очередь отвечало интересам средневекового городского бюргерства, что, однако, не исключало возможности использования учения реформатора и другими социально-политическими группировками, в том числе князьями. Интересам последних вполне отвечало учение Лютера о божественной природе светской власти, подчинении компетенции этой власти церковных организаций и требование о послушании подданных любым государственным учреждениям. К тому же Лютер был противником радикальных социальных преобразований и с 1521 г. вел борьбу не только с католической церковью, но и с представителями других направлений в реформационном движении. В то же самое время учение Лютера включало положения, которые мы сегодня называем «общечеловеческими ценностями». Главные из них – принцип *личной ответственности* человека за

свою судьбу, с одной стороны; принцип *индивидуализма*, действующий на пути спасения верующего, – с другой. То и другое, казалось бы, сближало участников гуманистического и реформационных движений. Но между ними существовали и непреодолимые противоречия.

Весьма показательна в этой связи полемика Лютера с Эразмом Роттердамским по вопросу о свободе воли¹⁸. Если гуманисты, в том числе Эразм, придавали исключительное значение обособлению тезиса о праве каждого индивида на выбор жизненного пути и определенной самостоятельности человека в вопросах «спасения души», Лютер в категорической форме отвергал гуманистический принцип «свободы воли». Он писал о человеческой воле, что она подобна вьючному животному. Ее может оседлать Бог или дьявол, и она пойдёт туда, куда оседлавший захочет ее направить. На практике это означало, что в своей деятельности человек должен опираться не только на личную инициативу и доводы разума, но и, с одной стороны, на предписания освященных авторитетом божественного происхождения светских правителей, с другой – на постулаты «евангелического учения». Однако здесь важна и еще одна сторона учения Лютера, лишней раз подчеркивающая сложность и даже противоречивость религиозной философии реформатора.

Для понимания сущности религиозной доктрины Лютера большое значение имеет ответ на вопрос об экономических воззрениях реформатора. Ответ на него позволит бросить дополнительный свет и на социальную природу самого лютеранства. Данный вопрос, однако, по-разному трактуют историки.

По мнению А.Д.Эпштайна, «истинный идеолог средневекового бюргерства» Мартин Лютер был провозвестником «золотой середины» в экономической жизни и деятельности. Богатство и бедность представлялись ему крайностями, которых должен остерегаться слабый (материально и морально) человек. Его идеал – умеренное благосостояние труженика, сохраняющего экономическую независимость. В соответствии с этим наиболее почетными занятиями он объявляет земледелие и ремесло. Интересами средневекового бюргерства определялось и отношение Лютера к крупным торговым компаниям: он призывал бюргеров «сдерживать уздой принуждения вредоносную для них капиталистическую инициативу». Как полагает Эпштейн, Лютер стоял на защите «феодального цехового способа производства»¹⁹. Но насколько точно такие оценки соответствуют действительному положению вещей?

Монографическое исследование экономических воззрений Люте-

ра привело Г.Фабиунке к выводу, что Лютер в своем учении известным образом ориентировался на возникающий капиталистический уклад, одобрительно относился к хозяйственной сметливости и деловой инициативе, резко критиковал католическую церковь «за поощрение безделья», наделял производительный труд атрибутами святости. Но тот же Лютер стоял на защите натурального хозяйства и, принимая во внимание развитие товарно-денежных отношений, ничего не говорил о капиталистических формах организации общественного производства. В товаре он видел только потребительскую стоимость, выступал против торгового капитала и его носителей – владельцев крупных компаний-монополистов. По мнению Фабиунке, Лютер в конечном счете оказался противником прогресса и перехода к капиталистическому способу производства. Поэтому, как он утверждает, Лютер в конечном счете был типичным мелкокрестьянским, мелкофеодальным и мелкобюргерским политэкономом. Необходимо также иметь в виду, что в оценке экономических взглядов Лютера тот же Фабиунке, разделяя мнение Ф.Энгельса, руководствуется постулатом марксистской историографии, согласно которому реформатор «предал» интересы немецкого народа и выступил в роли апологета феодального строя²⁰.

С точки зрения В.Г.Павленко, «все симпатии Лютера и всяческая его поддержка... на стороне представителя мелкотоварного хозяйства». По его словам, Лютер – «типичный консервативный бюргер эпохи позднего средневековья, даже не пытающийся мыслить вне существующего общественного строя»²¹. Другой советский историк, О.И.Чернушевич, упрекая Г.Фабиунке в «упрощенном решении вопроса» и опираясь на изучение трудов самого реформатора, выражает сомнение в том, что взгляды Лютера на ростовщичество, которое им все же допускалось, носили антикапиталистический характер²². К сожалению, Чернушевич также даже не пытается установить, какое влияние на экономические взгляды Лютера оказало развитие товарного производства и возникновение зачаточных форм капитализма. Между тем ответ на поставленный таким образом вопрос позволил бы пролить дополнительный свет на характер программных установок деятельности реформатора и на ее социальную ориентацию. Эта проблема привлекла внимание и других историков-марксистов.

Как полагает Г.Щебиц, новый церковный и общественный порядок, к установлению которого Лютер призывал светские власти, в наибольшей степени отвечал интересам бюргерства, так как он выражал потребности простого товарного производства и

раннего капитализма. Об этом свидетельствует осуждение Лютером роскоши, неумеренности в потреблении, ростовщичества и деятельности крупных торговых компаний²³. Уделяет этому вопросу внимание и Г.Леман, который ставит в прямую связь взгляды реформатора с экономическими интересами и классовой борьбой трудящихся масс города и деревни того времени. Экономическим идеалом Лютера, как он полагает, являлось простое товарное производство. Именно с позиций интересов последнего Лютер выступал против монополистических тенденций в деятельности крупных торгово-ростовщических компаний и торговой буржуазии. Это создавало предпосылки для развития свободной конкуренции. Эксплуатация наемных рабочих капиталистами еще не стала господствующей формой производственных отношений, поэтому на нее Лютер даже не указывает. Сосредотачивая внимание на простом товарном производстве, Лютер в то же время не стоит на защите феодального способа производства в целом или «феодальных поборов» в частности. Но он же, в отличие от Мюнцера, и не осуждает «систему феодализма» как таковую²⁴. Близкую мнению Лемана точку зрения высказывает Э.Ю.Соловьев. Согласно точке зрения последнего, «Лютер протестует против такого банкира и коммерсанта, который паразитирует на феодальном хозяйстве». Соловьев обращает также внимание и на то, что «в официальной культуре до Лютера не было противопоставления труда и праздности как чистых форм добродетели и порока». Реформатор возвышал труд и осуждал праздность, что также вполне соответствовало первоочередным задачам капиталистического развития²⁵. Отношение Лютера к категории общественного труда, несомненно, отразило потребности не только простого товарного производства, но и в меньшей мере и возникающего капиталистического уклада.

Разнобой во мнениях историков о «Лютере-экономисте» объясняется рядом обстоятельств. В оценках современного ему общества и его экономической жизни Лютер всегда имеет в виду прежде всего простое товарное производство. Элементы натурального хозяйства в его «модели» идеальной экономической структуры общества присутствуют лишь в той мере, в какой они были присущи этому производству в условиях «системы феодализма». Лютер выступал за полное и всестороннее развитие товарного хозяйства ремесленника и крестьянина, укрепление связей последнего с городским рынком и повышение рентабельности крестьянского хозяйства. Между тем, как известно, капитализм вырос из любой формы

простого товарного производства. Поэтому вряд ли есть основания в осуждении Лютером ростовщичества и деятельности крупных компаний видеть проявление антикапиталистического характера его воззрений. Позитивным моментом в критике реформатором ростовщичества является требование установления твердого процента (коммерческого кредита) и борьба с практикой сверхцензов, ложившихся тяжелым бременем на крестьянские хозяйства. В критике торговых компаний он выражал широкое общественное мнение и осуждал те стороны деятельности этих предприятий, которые свидетельствовали об использовании их владельцами и в экономической сфере феодальных институтов, подавляя с помощью последних конкурентов и по существу препятствуя свободному развитию капитализма.

Подводя некоторые предварительные итоги рассмотрению лютеровской реформации, необходимо сказать следующее. Лютер действовал как радикальный реформатор и даже, быть может, как революционер только в борьбе с католической церковью. Здесь он выступал за равенство всех христиан перед Богом. В то же время следует иметь в виду и другое, а именно: Лютер не был сторонником радикальных социальных преобразований и ограничивал программу своей деятельности проведением лишь частичных реформ «сверху». Выдвинув доктрину о божественной природе светской власти и требование послушания подданных любым властям, реформатор тем самым выступил против разрешения общественных конфликтов с помощью насильственных средств. Однако позиция Лютера, как показал ход дальнейших событий, была уже не в состоянии предотвратить процесс перерастания реформационного движения в политическую революцию.

3.2. Народная реформация и Томас Мюнцер

На первом этапе революции реформационное движение в основном ограничивало свои задачи борьбой против римской курии. Эта борьба объединяла различные социально-политические силы, в том числе бюргерство, рыцарство и даже некоторых князей. Но по мере перерастания Реформации в массовое общественное движение из единой антиримской оппозиции выделились, о чем уже было сказано выше, в качестве самостоятельных фракций умеренно-бюргерское, радикально-бюргерское и народное направления.

Правда, до 1524 г. крестьяне еще не выдвигали собственных требований и фактически не принимали участия в реформационном движении. Но последнее пропагандой идеи «всеобщего священства» и мотивацией принципов «естественного права» и особенно – «божьей справедливости» оказало влияние на «пробуждение сознания» и рост общественной активности крестьян²⁶. И все же до середины 1524 г. Реформация продолжала оставаться по преимуществу бюргерским движением, которое до лета этого года не успело пустить прочные корни в деревне. Активное участие крестьян в общественном движении началось с лета 1524 г., и только в условиях восстания в первые месяцы 1525 г. крестьяне сформулировали собственные программные требования.

По мере радикализации реформационного движения Тюрингия превращалась в один из значительных его центров²⁷. Импульс данной тенденции в развитии общественного движения здесь был обусловлен деятельностью радикально настроенных проповедников евангелического учения. Самыми заметными среди них фигурами были Карлштадт, Рейнхарт и Штраус, проповедовавшие в Орламюнде, Иене и Эйзенахе. После конфликта в Виттенберге со сторонниками Лютера Карлштадт осуществил программу церковных преобразований в Орламюнде. В Иене действовал сторонник последнего Рейнхарт. Карлштадт и его сторонники и последователи опирались в своих действиях на принципы раннего христианства и отстаивали идею автономии церковных общин. Для большинства бюргеров это служило средством обоснования их требования свободы выборов евангелических священников. И это требование в начале 1524 г. в Орламюнде было осуществлено на практике. Интересам бюргерства отвечали и требования секуляризации церковных имуществ, запрещения нищенства («из-за нежелания работать»), упрощения церковных обрядов, воспитания строгих нравов в «простом народе» и установления жесткой производственной дисциплины. В соответствии с этой программой в Эйзенахе с января 1523 г. проповедовал Штраус, который, однако, затем стал выступать и с критикой социальных пороков общества, особенно ростовщичества. Он заявлял в своих проповедях, что тот, кто берет или дает проценты, нарушает заповеди Евангелия. Эта критика была направлена прежде всего против духовенства, которое в Тюрингии активно занималось ростовщичеством. Штраус изображал ростовщичество основным злом общества и вел с ним неустанную борьбу. Борьба Штрауса с ростовщичеством увенчалась успехом: Эйзенах стал первым немецким

городом, где законодательным актом кредитный процент был ограничен 5-ю годовыми, что, помимо прочего, означало вытеснение с поля банковской деятельности средневекового ростовщичества коммерческим кредитом.

Городские движения в Тюрингии и Саксонии в 1521–1524 гг. были различными по своему характеру²⁸. Первый их тип образуют движения, в которых бюргерство занимало умеренные позиции. Оно стремилось в этом случае осуществить преобразования мирными средствами и в основном ограничивалось требованием реформы церкви (Виттенберг и Лейпциг); его идеологией было учение Лютера. Вторым типом были движения, в ходе которых бюргерство занимало радикальные позиции (Орламюнд, Эйленбург и Шнееберг). Здесь бюргерство последовательно реализовывало принцип «дешевой церкви», выдвигало проекты, направленные на улучшение экономического и правового положения горожан, ограничение княжеского произвола и расширение автономии городских общин. Горожане активно участвовали в нападениях на монастыри и погромах церквей, из которых выбрасывали иконы, раки святых и богатое убранство. Они же бойкотировали обряды католического богослужения и прежде всего мессу. Идеологией таких движений было учение Карлштадта. Для третьего типа городских движений характерна острая борьба между умеренными и радикальными элементами в самом общественном движении (Лейпциг и Мюльхаузен). Радикально-бюргерская оппозиция объединяла в своих рядах прежде всего мелкое бюргерство и плебейство, но к ней же примыкала и часть зажиточного бюргерства, особенно его представители, вставшие на путь капиталистического предпринимательства. Эта оппозиция вела решительную борьбу против католической церкви, патрициата, городских правящих советов и даже против всей «системы феодализма» в целом. Сравнительно редким (четвертым) типом было движение, развернувшееся в Альштедте в 1523–1524 гг., где бюргерство активно вело борьбу за реформационные преобразования в союзе с плебейскими массами и занимало антифеодалные позиции. Бюргерство и плебейство Альштедта добивалось объединения широких слоев городского и деревенского населения в борьбе за радикальные социально-экономические и политические преобразования. Идеологией этого типа движений было учение Мюнцера или радикального крыла близко стоявших к нему анабаптистов.

Особое внимание следует обратить на события в имперском городе Мюльхаузене²⁹. Здесь еще 3 июля 1523 года произошло

восстание, которое, однако, закончилось компромиссом между бюргерской оппозицией и правящей олигархией. Плебейство в этом восстании хотя и являлось одной из движущих сил, но не имело собственной программы и выступало в роли лишь фракции в бюргерском движении. Крестьяне городской округи вообще не принимали участия в восстании. Активная деятельность радикально настроенных проповедников началась в Мюльхаузене с конца 1523 – первых месяцев 1524 г. С марта 1524 г. в городе развернулось иконоборческое движение, участились случаи отказов вносить чинши в пользу местных монастырей. К тому времени городские низы уже имели собственную идеологию – учение Мюнцера. Но общественное движение в Мюльхаузене и его округе приобрело характер борьбы за программу народной реформации только уже во время Крестьянской войны.

Другим фактором, оказавшим влияние на расстановку социально-политических сил в Тюрингско-Саксонском районе, были горные промыслы. Еще до начала революции горняки выдвигали требования, которые отражали специфику их положения и свидетельствовали об их борьбе против княжеской администрации (бергамта). Но тогда эти требования не совпадали с требованиями крестьян и не отражали интересы последних. Ситуация изменилась с началом Реформации. Теперь требования свободы «евангелической проповеди» и права избрания общинами священников не только создавали предпосылку для их совместной идеологической борьбы, но и позволяли горнякам и крестьянам выдвинуть общую программу реформы церкви, которая предусматривала секуляризацию церковных имуществ, передачу «светским сословиям» и государственным органам власти десятин, создание касс помощи беднякам и ограничение компетенции церковных судов «духовными делами». Эта программа так или иначе затрагивала интересы всех оппозиционных «системе феодализма» группировок и вполне могла служить основой для их солидарных акций. В условиях подъема общественного движения на промыслах Рудных Гор активизировали свою деятельность сторонники Карлштадта – радикально настроенные проповедники Вольфганг Акерман, Георг Амандус и Хартман Ибах. Все они, особенно Амандус, отвергали поставленные над народом власти и возглавили борьбу против княжеской администрации. Они же поддержали и социальные требования горняков (особенно требование уравнивания горняков в правах с другими сословиями)³⁰. Нельзя также не отметить, что на горных промыслах, с одной

стороны, складывались объективные условия для совместных выступлений против феодального режима горнорабочих и капиталистов-предпринимателей, с другой – от участия горняков в конфликте во многом зависел исход революционных событий. Именно последнее обстоятельство объясняет внимание Мюнцера к положению в горнорудной промышленности Эрцгебирге и Мансфельда и его попытку привлечь горняков на свою сторону.

Томас Мюнцер сначала участвовал в реформационном движении в качестве сторонника и последователя Лютера. Но уже в 1520 г., проповедуя в Цвиккау и выступая заодно о лютеранами против францисканцев, Мюнцер вел эту борьбу с иных, чем лютеране, позиций. Уже тогда он ориентировался прежде всего на городские низы и деревенскую бедноту. Летом 1521 г. Мюнцер был изгнан из Цвиккау и посетил Прагу, где выступил со следующим воззванием: «... возрадуйтесь, и всходы ваших пашен побелели и готовы к жатве. Небо наняло меня в поденщики по грошу в день, и я точу серп, чтобы жать колосья. Голос мой возвестит высшую истину, уста мои проклянут безбожников; я пришел в ваши благословенные пределы, о любезные чешские братья, чтобы отличить и истребить всех безбожников. Не мешайте, но помогите мне. Я обещаю вам вечную славу и честь»³¹. Это воззвание («Пражский манифест»), в котором Мюнцер изложил основные положения своего революционного учения, было издано на чешском и немецком языках.

Отход Мюнцера от умеренно-бюргерской реформации Лютера стал вполне очевидным фактом еще в 1520–1521 гг. и принял характер открытого разрыва во время пребывания Мюнцера в 1522 г. в Нордхаузене в Гарце и Мюльхаузене в Тюрингии. В 1524 г. Мюнцер выступил с проповедью перед саксонскими князьями (курфюрстом Фридрихом Мудрым и герцогом Георгом). В этой проповеди он заявил: «Господа сами восстанавливают против себя народ. Они не хотят устранить причину мятежей; какого же добра ждать? О, любезные господа, как славно господь переколочит железной палкой старые горшки! Я теперь же говорю, что непременно взбунтуюсь»³². Содержание этой страстной проповеди не оставляет сомнения в том, что к 1524 г. Мюнцер завершил эволюцию от бюргерского реформатора к революционеру, который ориентировался, по всей видимости, на принципы и идеологию уравнилельного коммунизма. Программные установки адептов последнего, однако, сильно «опережали время» и не могли пользоваться поддержкой большинства народа.

Религиозная доктрина Мюнцера в то же время была идеологией народной реформации, концепция которой получила обстоятельное обоснование в трудах М.М.Смирин³³. В соответствии с условиями того времени учение народной реформации включало в себя все оппозиционные официальной идеологии феодального общества элементы средневекового мистицизма и сектантства. У Иоахима Флорского Мюнцера привлекла идея о переходящем состоянии современной церкви и общества, у немецких мистиков XIV в. – их настойчивые поиски путей верующего к «постижению Бога», у чешских таборитов – революционная практика. Однако активную натуру Мюнцера не могло удовлетворить пассивное ожидание грядущего наступления «тысячелетнего царства Христа», которое предсказывал Иоахим Флорский, или поиски Бога «в самом себе», чем усердно занимался Таулер и его последователи. Критически относился Мюнцер и к сектантству таборитов, так как он намерен был осуществить общественный переворот и установить «царство божье на земле» для всего страждущего человечества. Все это придавало учению Мюнцера особую историческую значимость, состоявшую в том, что адепты этого учения выражали настроения и интересы прежде всего плебейско-предпролетарских слоев населения города и деревенской бедноты. Социальной ориентацией адептов учения народной реформации в значительной мере были обусловлены и их религиозно-философские воззрения.

Под верой Мюнцер понимал пробуждение сознания людей. Это пробуждение сознания проявлялось в их общественной активности. Сама активность, по Мюнцеру, должна быть направлена не на достижение корыстных и эгоистических целей, а на честное служение обществу, на подчинение единичного и частного общему. Учение Мюнцера нельзя назвать материалистическим: мировое целое выступает в его концепции как сознающий себя субъект, требующий исполнения воли этого субъекта и достижения цели последнего. В то же время религиозно-философское учение Мюнцера направлено было, как считает Ф.Энгельс, «против всех основных догматов не только католицизма, но и христианства вообще». Определяя мировоззрение Мюнцера как пантеистическое, Энгельс писал, что «религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму»³⁴. Мюнцеровский пантеизм (по Энгельсу) – социальное учение: все «творения» (креатуры), образующие мировое целое, только в нем – целом – могут существовать. Мюнцер нигде не говорит о потустороннем бытии – все его

помыслы направлены на преобразование посюсторонней действительности. С религиозно-философскими идеями Мюнцера тесно связаны и его социально-политические взгляды. Идеальное общество будущего, согласно его учению, это – общество, в котором будет установлено полное равенство людей и все станет общим. Идеал далекого будущего Мюнцер представлял себе в весьма фантастическом образе. Он считал, что переход к идеальному общественному устройству требует такого уровня общественного сознания народных масс, которое, как полагал Мюнцер, невозможно при настоящем их униженном и бедственном состоянии. Отсюда, однако, он делал вывод не столько о необходимости просвещения народа, сколько об установлении справедливого общественного строя в результате борьбы этого народа против своих угнетателей.

Основное препятствие на пути построения «царства божьего» на земле Мюнцер видел в господстве феодальной собственности, эксплуатации и угнетении. Он говорил: «Смотрите, главная причина ростовщичества, воровства и разбоя – наши господа и князья. Они захватывают, что вздумается: рыбу в воде, птицу в воздухе, растения на земле – все должно принадлежать им»³⁵. В то же самое время источники не содержат прямых указаний на то, что Мюнцер призывал к немедленному обобществлению имущества. Вероятно, он намерен был это сделать только после завоевания власти «простыми людьми» и ликвидации института феодальной собственности. Поэтому, призывая «простых людей» к совершению общественного переворота, Мюнцер, по всей видимости, в своих планах преобразования отношений собственности включал в понятие «общности имущества» и мелкую трудовую собственность крестьян и ремесленников³⁶. Впрочем, к этому сюжету автор считает необходимым вернуться в следующей главе книги. Здесь он лишь отмечает, что социальное зло Мюнцер видел в собственности не только феодалов, но и вообще всех «Больших Гансов», поскольку их собственность лишала этих «простых людей» возможности в полной мере пользоваться благами природы. Поэтому борьбу крестьян с феодалами за землю и личную свободу он считал справедливой. Более того, борьба за насущные интересы крестьян и плебеев представлялась Мюнцеру неизбежным звеном на пути человечества к достижению общественного идеала, построения «царства божьего» в посюстороннем мире, в чем он видел реализацию заповедей Иисуса Христа на практике.

О программе деятельности Мюнцера Ф.Энгельс писал, что она «близка к коммунизму», видел в ней «гениальное предвосхищение освобождения едва начинавших тогда развиваться

среди... плебеев пролетарских элементов», программу «немедленного установления царства божьего на земле»; под ним «он понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти»³⁷. При этом, по мысли Мюнцера, установлению нового общественного строя будет предшествовать переход власти к «простому народу», что станет результатом борьбы последнего против эксплуататоров и угнетателей. Под «простым народом» он подразумевал только «трудящихся» – крестьян и ремесленников – и исключал из рядов этого «народа» феодалов и вообще всех богачей. Поэтому те, кто «возвысился» над «простым народом», но не желал подвергнуться светскому отлучению, должны были добровольно покинуть дворцы и замки и начать жить, «как все». В уже упоминавшейся выше проповеди перед саксонскими князьями Мюнцер заявлял, что власть лишь тогда может считаться законной, если она осуществляется от имени всего народа и в его интересах. Это и дает основание видеть в Мюнцере представителя радикально-экстремистского течения в общественном движении, которое в историографии получило название «народной реформации».

3.3. Радикально-бюргерская реформация и Ульрих Цвингли

Промежуточное положение между двумя по сути дела противоположными по своей не только религиозно-идеологической, но и социально-политической сущности течениями в реформационном движении – умеренно-бюргерским во главе с Лютером и народным во главе с Мюнцером – занимало радикально-бюргерское направление (последнее, говоря современным языком, можно назвать партией центра). В Тюрингско-Саксонском районе в роли лидера радикально-бюргерского направления действовал Карлштадт³⁸. Однако рост значимости этого течения в общественном движении в первую очередь связан с именем цюрихского реформатора Ульриха Цвингли. Именно под влиянием его учения и деятельности Верхняя Швабия и «городские» кантоны Швейцарского Союза сыграли весьма заметную роль в истории революции XVI в. в германских землях.

С критикой некоторых догматов католической церкви, главным образом под влиянием трагической для швейцарского народа

битвы при Мариньяно (1515 г.) во время Итальянских войн, когда швейцарцы сражались и проливали кровь друг друга под стягами полков французского короля и германского императора, Цвингли выступил еще до Лютера. Однако, несмотря на то, что цвинглианство оформилось в качестве самостоятельного течения в «евангелическом» движении, религиозное учение Цвингли имело много общего с учением профессора Виттенбергского университета. Так же, как и Лютер, Цвингли проповедовал спасение немногих избранных, даруемое божественной благодатью через веру. Первоосновой христианства цюрихский реформатор объявлял Священное Писание (для него истинно лишь то, что подтверждается Библией), отвергал индульгенции, отрицал безбрачие духовенства, поклонение иконам и мощам святых, иерархию католического клира, монашество, пышный церемониал католического богослужения (мессу). Цвингли энергичнее и последовательнее Лютера осуществлял на практике идею «дешевой церкви». Порывая в ряде случаев с мистикой, Цвингли под влиянием прежде всего идеологии гуманизма стремился рационалистически толковать догматы и таинства. Так, в причастии он видел не магическое таинство передачи «благодати божьей», а лишь воспоминание о «тайной вечере», во время которой, согласно евангельской легенде, Христос поведал своим ученикам о предстоящих страданиях и мучительной смерти во искупление «грехов человеческих». Позднее различия в понимании таинства причастия послужат поводом для острых разногласий между Лютером и Цвингли. Однако это случилось лишь в 1524 г., когда буквально на пороге Крестьянской войны произошло резкое размежевание между сторонниками умеренного и радикального направлений в реформационном движении.

Цвингли начал реформационную деятельность в Цюрихе еще в 1518 г., но только в январе 1523 г. он изложил свое учение в «67 Тезисах или Статьях»³⁹, которые стали официальной программой деятельности правящего совета Цюриха. В этом документе Цвингли сформулировал не только основные положения вероучения, но и социально-политическую платформу своей деятельности. Большой интерес при анализе «67 Статей» вызывает вопрос об отношении реформатора к самому институту государственной власти и ее назначению⁴⁰, так как именно это отношение дает основание говорить о цвинглианстве как самостоятельном направлении в реформационном движении и его особой роли в истории революции. Однако этим значение цвинглианства не ограничивалось, поскольку оно имело и достаточно определенно

выраженную социальную направленность, которая и привлекла к учению Цвингли внимание восставших крестьян Швабии, увидевших в цвинглианстве способ обоснования своих требований на идеологическом (или теоретическом) уровне.

В толковании 13-й главы «Послания апостола Павла к Римлянам»⁴¹ Цвингли исходил из принципа «божественной природы» государственной власти и невозможности устранения силой даже «дурных правителей»⁴². В 35-м тезисе Цвингли провозглашал, что светская власть находит обоснование и опору в «учении и деяниях Христа», а 37-й тезис требовал от всех подданных подчинения и послушания даже «злым властям» по той причине, что они поставлены Богом. Цвингли обязывал к послушанию официальным властям не только мирян, но и служителей церкви. Противоречивость его учения становится особенно очевидной при знакомстве с 36-м тезисом, где реформатор отказывал в послушании властям, которые приказывают «противное Богу», поскольку Бог не имел в виду тиранов среди тех, кому следовало повиноваться. В 39-м тезисе Цвингли подвергал князей резкой критике за тиранический образ правления, порождающий мятежи, и требовал от них соразмерять свои действия с божественной природой самой власти. В 41-м тезисе Цвингли формулирует этические принципы правления князей (причем делает это вполне в духе политической концепции Эразма Роттердамского) и в сильных выражениях вновь подвергает критике тиранов, которых, по словам реформатора, развелось так же много, как цветов в августе. В 42-м тезисе Цвингли еще раз указывает на то, что с помощью Бога могут быть отстранены от власти «неверные» и «презревшие» заповеди Христа правители. Таким образом, цюрихский реформатор проявляет большой интерес к институту власти в целом и к вопросу о возможности устранения «отвергнутых Богом правителей» в особенности.

Каким же образом должно было происходить это? По верному замечанию М.М.Смириня, «вопрос о путях смены властей очень смущает Цвингли»⁴³. Если правитель, заявляет Цвингли, избран общиной и творит зло, избравшая правителя община лишает его доверия. Подобные рекомендации, по всей видимости, применимы только при республиканском строе и не осуществимы в условиях феодально-княжеских режимов. Поэтому, утверждает реформатор, если тиран не избран народом и его, следовательно, нельзя устранить законным путем, он своими несправедливыми действиями может вызвать мятеж, который и явится «божьей

карой». Но поскольку насильственное низложение тирании народом является еще «большим грехом перед Богом» и может иметь «дурные последствия», Цвингли рекомендует избегать такого ниспровержения тирании и призывает подданных терпеливо нести ее ярмо. Таким образом, он отвергает, казалось бы, идею самой революции в качестве средства преодоления политического кризиса. В то же время в отличие от Лютера Цвингли допускает не только субъективное воздействие подданных на тирана, но и устранение последнего всей «совокупностью народа» с помощью представительных учреждений. Противоречивость и непоследовательность концепции Цвингли об общественных функциях светской власти отражает недостаточную социально-политическую зрелость той группировки радикального бюргерства, на которую, можно полагать, ориентировался реформатор. С другой стороны, такая его позиция могла быть обусловлена стремлением к сохранению и поддержанию гражданского мира.

И все же антифеодалная направленность учения и деятельности Цвингли очевидна. Об этом свидетельствует осуществление под его руководством таких мероприятий, как запрещение военного наемничества, закрытие монастырей, роспуск монашеских орденов и привлечение монахов и монахинь к «общественно полезному труду», секуляризация церковных имуществ (особенно монастырского землевладения) и их использование на нужды благотворительности и народного образования⁴⁴. Ведя энергичную борьбу с феодальным дворянством, Цвингли выражал в то же самое время готовность удовлетворить некоторые требования крестьян, что должно было существенно улучшить их правовое и экономическое положение. Лично-наследственную зависимость крестьян он называл несовместимой со свободой христианина и не признавал проистекающих из этого института повинностей и поборов. Все это и придавало учению Цвингли особую социально-политическую значимость.

Учение и программа деятельности Цвингли находили понимание и поддержку не только со стороны бюргерства, но и многих крестьян. Причем особенно энергично в поддержку реформатора выступали феодально-зависимые крестьяне фогтств и «союзных земель» самого Швейцарского Союза. Крестьяне подвластных магистрату Цюриха территорий еще в 1523 г. выдвинули требование отмены церковных десятин. «Евангелические проповедники» расположенных в окрестностях Цюриха деревень Виттикон, Хенг и Цолликон Вильгельм Рейбли, Симон Штумпф и

Иоганнес Бретли, которые вскоре станут активными участниками движения анабаптистов, обосновали требование крестьян с помощью ссылок на Библию. Правомерность этого требования сначала вполне признавал и Цвингли, но затем под давлением правящего совета Цюриха дал согласие на отмену только малой десятины, которую крестьяне перестали вносить на территориях кантонов, принявших Реформацию.

29 января 1523 г., как известно, «67 Статей» Цвингли были приняты Большим Советом Цюриха и таким образом приобрели силу закона. По «цвинглианскому образцу» реформа церкви была осуществлена Иоахимом фон Ваттом (Вадианом) в Санкт-Галлене, Себастьяном Хофмейстером – в Шафхаузене, Никласом Мануэлем Дойчем – в Берне. Еще в 1522 г. развернул свою деятельность в Базеле Эколампад, в Констанце – Иоганн Ваннер, Амброзиус Бларер и Иоганн Цвик, в Ульме – Конрад Зом, в Меммингене – Кристоф Шаппелер, в Вальдсхуте – Бальтазар Хубмайер⁴⁵. Все они в то время выступали в роли эмиссаров Цвингли, учение которого вышло за пределы Швейцарского Союза и распространилось на Юго-Западную Германию. Каким было это влияние, попытаемся показать на примере Меммингена и Вальдсхута, которые стали значительными центрами пропаганды реформационного учения и общественного движения, сыграв уже в силу данного обстоятельства весьма заметную роль в событиях.

Упомянутый выше Кристоф Шаппелер стал выступать с проповедями в имперском городе Меммингене еще в 1521 г. Он хотя и осуждал «мятежные действия», за которые, по его словам, бедняки должны быть наказаны еще более строго, чем богачи, в то же самое время не только подвергал резкой критике католическую церковь, но и требовал немедленной отмены мессы, почитания икон и церковных десятин⁴⁶. Летом 1524 г. Шаппелер возглавил массовое движение в городе и его округе за реформу церкви, отмену десятин и демократизацию магистрата. Движение увенчалось успехом: церковь была преобразована на цвинглианской реформационной основе, принято решение об отмене десятин и изменении порядка формирования городского правящего совета⁴⁷. Эти события, особенно согласие бюргерской оппозиции на отмену церковных десятин, способствовали установлению союза горожан с крестьянами, что и было предпосылкой той роли, которую сыграл Мемминген во время Крестьянской войны. Однако Мемминген не был единственным городом этого региона, где в реформационном движении преобладало радикально-бюргерское направление.

3.3. Радикально-бюргерская реформация и Ульрих Цвингли

Деятельность Хубмайера началась с конца 1523 г. в городке Вальдсхут, расположенном на швейцарско-германской границе и находившемся под властью переднеавстрийского правительства Габсбургов. Его деятельность протекала под влиянием учения Цвингли. В результате проведенной здесь реформы церкви служба стала совершаться на немецком языке, статуи и иконы удалены из церквей. По словам одного из очевидцев, Хубмайер «стал вести мессу на немецком [языке], разорил церкви, сжег иконы, продал церковные одежды, дароносицы и утварь». Хубмайер разрешил прихожанам во время поста по субботним и воскресным дням кушать мясо и отвергал целибат⁴⁸. Однако в начале 1524 г. Хубмайер написал «Восемнадцать Тезисов», ознакомившись с содержанием которых епископ Констанца обвинил их автора в том, что будто бы, согласно их «статьям», «никто не обязан давать чинши, десятины, ренты, оброки и пребывать в послушании или быть подданными своего начальства»⁴⁹. Вряд ли эти обвинения полностью соответствовали действительному положению вещей, но очевиден тот факт, что уже тогда цвинглианство приобрело ярко выраженную тенденцию к превращению в идеологию социального протеста массового общественного движения. Именно это обстоятельство придало цвинглианству особую значимость во время Крестьянской войны.

Важнейшие задачи реформационного движения своеобразно преломились в проекте реформ уроженца южнонемецкого города Гюнцбурга Иоганна Эберлина («Пятнадцати Союзниках», или «Вольфарии»)⁵⁰. Проект Эберлина предусматривал преодоление политической раздробленности Империи и создание национального централизованного государства. Достижению этой цели должны были служить такие меры, как ликвидация «монополий», запрещение ростовщичества, ввоза в страну иностранных товаров, установление единых цен на товары первой необходимости, единой монеты и единой системы мер и весов, введение прогрессивного налогообложения в пользу государства. В реформированной церкви Эберлин значительное внимание уделял реализации принципа выборности священников. Он же предлагал отменить малую церковную десятину. Церковь полностью подчинялась государственной власти. Проект не выдвигал требования реформы отношений собственности, но восстанавливал свободу пользования лугами, рыбными ловлями и лесами. Однако в трактовке проекта общественных преобразований Эберлина имеют место принципиальные разногласия между исследователями этого документа эпохи Реформации.

В.В.Первухин утверждает, что «Вольфария» Эберлина отражает интересы мелкого и среднего бюргерства и ее политический строй по существу являет собою пример «примитивной буржуазной республики»⁵¹. В.Г.Павленко также полагает, что в проекте реформ Эберлина «наглядно проявляется буржуазный принцип всеобщего равенства, заключенный в религиозную оболочку»; предлагаемые автором «Вольфарии» преобразования «хотя не подорвали бы основ феодального способа производства в Германии, но устранили бы препятствия на пути... развития производительных сил и в целом имели... прогрессивное значение»⁵². Более скептическую точку зрения на проект общественных преобразований Эберлина высказывает Г.Фоглер. Он считает, что государственный строй, картину которого рисует Эберлин в «Вольфарии», носит типично феодальные черты, и поэтому его проект нельзя отнести ни к социальной, ни к политической программе самой революции⁵³. Кто же из историков прав?

По мнению автора этих строк, В.В.Первухин и В.Г.Павленко в своей оценке «Вольфарии» Эберлина стоят ближе к истине, чем Г.Фоглер. Проект Эберлина, предполагавший установление государственного единства Германии, преобразование церкви и ее подчинение светской власти, введение выборности всех государственных учреждений, уравнивание «третьего сословия» (бюргерства) в правах с дворянством, улучшение материального положения всего народа, в том числе крестьянства, решал первоочередные задачи антифеодальной революции. В такой же мере вполне очевиден и тот факт, что Эберлин опирался на основополагающие идеи Реформации, развивал и обосновывал в своем проекте точку зрения, по существу близкую реформационной доктрине Ульриха Цвингли.

Цвинглианство, возникшее в специфических условиях Швейцарского Союза начала XVI в., еще до начала Крестьянской войны получило широкое распространение в соседних с кантонами этого Союза германских землях. Идеи реформационного учения Цвингли, предусматривавшие преобразование церкви, республиканские принципы государственного устройства, неприятие тирании, демократизацию городских магистратов, и социальная направленность его учения – все это находило благодатную почву во многих городах Верхней Германии⁵⁴. Учение цюрихского реформатора с его отрицательным отношением к институту лично-наследственной зависимости крестьян и постановкой вопроса об отмене или сокращении размера церковных десятин, с его

концепцией о назначении «христианской власти» и требованием расширения автономии деревенских общин быстро проложили путь и в крестьянские массы. Поэтому с переходом этих масс к вооруженному противостоянию феодальному режиму цвинглианство приобрело самостоятельное значение и оказало существенное влияние на программные требования не только бюргерства, которому прежде всего адресовал свое учение реформатор, но и на требования поднявшихся на борьбу крестьян. Однако цвинглианство представляет несомненный интерес и с другой точки зрения.

Ульрих Цвингли в обосновании своего реформационного учения и программы практической деятельности значительное внимание уделяет проблеме взаимоотношений между гражданским обществом и государством, месту и роли человека в системе этих взаимоотношений. При рассмотрении политических аспектов данной проблемы необходимо различать теолого-теоретический и историко-прагматический подходы самого реформатора к ее решению. Первым в отечественной историографии обратил на это внимание В.В.Иванов⁵⁵, что и позволило ему внести корректив в традиционные представления об учении и программе деятельности Цвингли.

Согласно точке зрения В.В.Иванова, политическая власть, по Цвингли, является воплощением и гарантом «человеческой справедливости». Только реализация принципа «человеческой справедливости» создает необходимые условия для нормального функционирования гражданского общества, поскольку предоставляет каждому его члену возможность удовлетворять насущные потребности и защищает, с одной стороны, от анархии, источником которой выступает плебс, с другой – от произвола «тиранов» и коррупции государственных чиновников. «Человеческая справедливость», средоточием которой является светская власть, по своей значимости, как полагает цюрихский реформатор, неопоставима с «божественной справедливостью», под которой он подразумевал «абсолютный христианский идеал». Однако это не означает, что правители могут предавать этот «идеал» забвению. Напротив, Цвингли требует, чтобы светские правители в своей практической деятельности постоянно помнили об «абсолютном христианском идеале» и стремились к его достижению. Отказ от следования этому правилу, по убеждению Цвингли, чреват превращением правителя в тирана, который может быть отстранен от власти своими же подданными. Так цюрихский

реформатор преодолевает дуализм учения Лютера о «двух царствах», который находил выражение в противопоставлении двух сфер права – «естественного» и «божественного». В своем учении Лютер отделял «плотское начало» в человеке от его «духовной, или божественной, субстанции». В отличие от Лютера у Цвингли мирская жизнь и «светское правление» в конечном счете находят обоснование в едином «божественном порядке».

В соответствии с историко-прагматическим подходом Цвингли различает такие типы государственного управления, как монархия, аристократия и демократия. Несостоятельность монархии он видит в ярко выраженной тенденции ее превращения в тиранию, порок демократии – в опасности, которую таит в себе порождаемая ею охлократия. Поэтому в конкретно-исторических условиях того времени наиболее приемлемой формой политической власти реформатор считает «аристократическое правление». По его мнению, именно последняя форма правления как предотвращает тиранию, так и, допуская «умеренную демократию», воздвигает надежную преграду на пути охлократии⁵⁶. Такая трактовка Цвингли вопроса о назначении светской власти была результатом изучения античной традиции и одновременно – попыткой осмысления на теоретическом уровне не только опыта возникновения и становления (в борьбе с «тиранией» Габсбургов) Швейцарского Союза, но и даже политической истории всей Западной Европы в средние века.

Сказанное выше дает основание для заключения, что по взглядам, говоря современным политическим языком, Цвингли можно назвать республиканцем, «умеренным демократом» и противником монархии. Не вызывает сомнения и тот факт, что Цвингли испытал сильное влияние гуманизма. Это, в частности, выразилось в том, что он в поисках смысла истории возвращается к античной теории общественного развития и руководствуется ею в объяснении происходящих событий современности. Заслуживает внимания и тот факт, что теорию цикличности приняли и ввели в повествование о Крестьянской войне хронисты «протестантской ориентации», в том числе Себастьян Франк⁵⁷. Причем такой поворот в сознании хронистов произошел как под влиянием идеологии гуманизма, так и особенно под влиянием того направления реформационной мысли, которое было связано с именем Цвингли. Этим была нарушена многовековая традиция западноевропейской средневековой христианской историографии, основы которой были заложены еще Аврелием

Августином Блаженным. По мысли Августина, «история – это непрерывный прогресс, движение только вперед из прошлого через настоящее в будущее. Подлинное, историческое время необратимо; оно не циклично, а линейно». Все происходящее уникально по своей сущности и не может быть повторено. Уникальна и не имеет аналогии и искупительная жертва Христа. «История земного человечества заключена, согласно Августину, между двумя катастрофическими событиями: грехопадением Адама и Евы и Страшным судом»⁵⁸. В интерпретации Августина и других «отцов» католической церкви учение о «божественном предопределении» придавало второстепенное значение индивидуальным усилиям человека, что освобождало этого человека от личной ответственности и превращало его в слепое орудие «божьего промысла». Против такой интерпретации предопределения гуманисты выступали еще в XIV в. Причем, если гуманисты, можно так сказать, делали это на уровне интеллектуальной элиты средневекового общества, реформационная идеология привнесла новые представления о предопределении, времени и истории в сознание «простых людей». В таком просвещении народа заслуга Цвингли несомненна.

3.4. Рыцарское восстание 1522–1523 гг.

Первой вооруженной акцией, которую можно назвать прелюдией к самой революции, стало выступление рыцарства. Оно уже давно выражало недовольство своим положением и порядками в Германской империи, но Реформация дала этому недовольству новый импульс. Сословие имперского рыцарства уже с XV в. переживало состояние глубокого кризиса, который выразился прежде всего в утрате рыцарством земельных владений и сокращении сеньориальных доходов. Это обстоятельство вполне объясняет активное участие мелкопоместного дворянства в военно-политических авантюрах вожаков так называемых «рыцарей-разбойников», порою наводивших ужас на всю Германию.

Предводитель немецкого рыцарства Франц фон Зикинген в своих наследственных владениях в Эренбурге, Нанштейне и других местах построил укрепленные замки, откуда совершал грабительские походы. Эти походы увеличивали его богатства и усиливали политическое влияние в «имперских делах». Папский нунций в 1521 г. в донесении в римскую курию называл Зикингена

«некоронованным королем Германии». В своих военных предприятиях последний использовал как тяжеловооруженную рыцарскую конницу, так и отряды пеших ландскнехтов. С 1515 г. Зикинген служил всем, кто ему платил: немецким князьям, французскому королю Франциску (Франсуа) I и, наконец, самому императору. В 1518 г. Зикинген с 10-тысячной армией буквально опустошил Пфальц и Гессен, причинив этим территориям большой материальный ущерб в 300 тысяч гульденов. Так же, как и герцог Ульрих Вюртембергский, Зикинген «был изгнан из страны», что, однако, не помешало ему сыграть заметную роль в «избирательной кампании» в 1519 г. молодого претендента на императорский трон Карла Габсбурга. Но уже в начале Реформации Зикинген привлек на свою сторону Ульриха фон Гуттена, который и придал деятельности военного предводителя имперского рыцарства соответствующую идейно-политическую направленность и общественную значимость.

В Эренбурге нашли кров и защиту многие «евангелические проповедники», изгнанные из родных мест католическими властями. Здесь получили политическое убежище такие видные деятели реформационного движения, как Буцер, Эколампад и Швельбель. Последний по просьбе Зикингена написал и издал еще в июне 1522 г. памфлет, в котором рыцарь выступал в роли ревностного защитника «мирской церкви»: он поддерживал требование реформационной программы об изгнании монахов и монахинь из монастырей, в очень резком тоне высказывался против почитания святых, за удаление из церквей икон и богатого убранства. Еще в 1521 г. Зикинген предложил Лютеру свою защиту. Вместе с Гуттенем он делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой реформатора в борьбе против римской курии и католической церкви, в которых лидеры рыцарской оппозиции видели главное препятствие на пути осуществления крупных государственных преобразований и объединения страны. Гуттен выступил в роли идеолога рыцарского движения.

По примеру Лютера Гуттен отказался от языка средневековой схоластики и гуманизма – латыни – и стал писать на немецком языке. Первым произведением Гуттена на этом языке был памфлет «Жалоба и предостережение против непомерного, нехристианского насилия папы и недуховного духовенства», где он заявлял: «Писал я прежде по-латыни – не всем ясна латынь моя. Теперь же по-немецки я немецкой нации кричу: пора отмстить! Пора к мечу!» Найдя вслед за другими сторонниками Реформации

убежище в Эренбурге, Гуттен обратился с призывом к Лютеру встать в ряды активных борцов за преобразование церкви и всего общества⁵⁹. Зикинген также надеялся привлечь на свою сторону реформатора и, опираясь на авторитет последнего, возглавить широкое общественное движение. Однако Лютер, окончательно к тому времени определившийся в отрицательном отношении к любым формам насилия и радикальным реформам государства и общества, отклонил предложение руководителей рыцарской оппозиции. Теперь руководители этой оппозиции обратились с призывом к крестьянам и горожанам подняться на борьбу против римского папы и имперских князей. Призыв лидеров рыцарской оппозиции не нашел поддержки в народных массах, так как в их памяти были живы воспоминания о недавних военных предприятиях Зикингена и «рыцарей-разбойников». Феодалное дворянство и народ разделяла пропасть: крестьяне и бюргеры не пошли за рыцарством. Такая диспозиция сил исключала саму возможность успеха рыцарского движения.

Между тем назревал политический конфликт⁶⁰. 13 августа 1522 г. по инициативе Зикингена в Ландау собрался съезд представителей рыцарского сословия ряда областей Германии. На съезде было образовано «Братское Объединение», а Зикинген избран его главой. Еще с весны этого года Зикинген приступил к формированию армии. Военные приготовления были направлены против курфюрста и архиепископа Трирского Рихарда фон Грейфенклау. Зикинген намерен был осуществить секуляризацию владений этого духовного князя и провести на их территории «имперскую реформу». 27 августа Зикинген объявил войну курфюрсту. Однако надеждам самого Зикингена на то, что светские князья по крайней мере сохраняют нейтралитет, не суждено было сбыться. 7 сентября его армия, состоявшая из 1,5 тысячи конницы, 5 тысяч пехоты и сильной артиллерии, подошла к Триру. Но овладеть городом рыцарскому войску не удалось. Уже 14 сентября Зикинген вынужден был снять осаду и отступить. Это означало провал всего предприятия. Отступление превратилось в катастрофу, когда курфюрст Трира получил помощь от князей Гессена и Пфальца. Герцог княжества Клеве и Юлиха (он же – архиепископ Кельнский) запретил в своих владениях вербовку ландскнехтов в армию Зикингена. Отряд направлявшихся в армию последнего рыцарей Брауншвейга неожиданно для руководителей восстания «насильственным образом» был привлечен на службу ландграфом Филиппом Гессенским, а рыцари Вестфалии

и Люнебурга, вопреки расчетам Зикингена, вообще отказались принять участие в предприятии. В этот трудный час Зикингена покинули и некоторые его давние союзники. Энергичную подготовку военных акций, направленных против «мятежного рыцарства», развернул также и Швабский Союз⁶¹, вооруженные силы которого были приведены в боевой порядок. Эти силы возглавил Георг фон Вальдбург (Трухзес).

10 октября 1522 г. «императорским мандатом» Зикинген, как нарушитель «земского мира», был объявлен в «имперской опале». Правда, имперские власти, не без основания опасаясь усиления «княжеской партии», избрали тактику переговоров. Однако князя и руководство Швабского Союза торопили время, настаивая на необходимости подавления рыцарского движения вооруженными средствами. Не оправдались надежды Зикингена и на помощь со стороны принявших Реформацию швейцарских кантонов и Чехии. 13 апреля 1523 г. начался военный поход князей против Зикингена. Уже 7 мая рыцарская армия капитулировала на тяжелых для себя условиях. Все принадлежавшие Зикингену замки и крепости были разрушены. В середине июня Трухзес предпринял карательную экспедицию во главе армии Швабского Союза, во время которой были разрушены еще 32 крепости и замка сторонников Зикингена в Оденвальде и Вюртемберге. Сам Зикинген 30 апреля во время осады принадлежавшего ему замка Ландштуль был смертельно ранен и вскоре скончался. Тяжело больной Гуттен в конце мая или начале июня того же года оказался у Цвингли в Цюрихе. Здесь на одном из уединенных островов Цюрихского озера он через несколько недель и умер. Таким образом, восстание завершилось не только военным поражением рыцарства, но и гибелью его вождей.

Характеризуя рыцарское восстание, Ф.Энгельс писал, что Гуттен от имени всего имперского рыцарства сформулировал его программные требования в «весьма радикальном духе». В программе рыцарской оппозиции речь шла «об устранении князей, секуляризации всех духовных княжеств и имуществ, установлении *дворянской демократии* с монархом во главе...» Энгельс также отмечает, что «дворянство само не обладало достаточными силами для выполнения этого предприятия». Поэтому его «единственно возможными союзниками были города, крестьяне и влиятельные теоретики реформационного движения. Но города хорошо знали дворянство, чтобы не доверять ему и отказаться от всякого союза с ним. Крестьяне с полным основанием видели в

высасывавшем из них последние соки и жестоко обращавшемся с ними дворянстве своего злейшего врага. Теоретики же реформации были на стороне либо бюргеров и князей, либо крестьян». «Об отмене крепостного состояния и повинностей, которые крестьянин нес в пользу дворянства, у Гуттена нигде не говорится ни слова». В конечном счете союз рыцарства с другими сословиями и классами феодального общества, как показали события, оказался невозможным, по крайней мере в том варианте, каким этот союз видели руководители рыцарского движения. «В результате, когда дело дошло до столкновения, дворянство оказалось совершенно одиноким против князей»⁶². Эти жестко сформулированные Энгельсом оценки рыцарского восстания хотя и несколько односторонне (о чем речь ниже), но в основном верно отражают расстановку социально-политических сил накануне решающих событий революции и роль в последней рыцарской оппозиции. Эта оппозиция могла привлечь на свою сторону крестьянство только обещанием отменить лично-наследственную зависимость крестьян и проистекающие из нее повинности, бюргерство – признанием его равноправия с «благородными сословиями» феодального общества. Ни того, ни другого программа рыцарской оппозиции не предусматривала. События 1522–1523 гг. убедительно показали, что немецкое рыцарство не было способно выдвинуть программу, которая объединила бы в борьбе за централизованное государство все оппозиционные политическому режиму княжеского мелкoderжавия элементы феодального общества, поскольку социальная направленность программы имперского рыцарства вступала в противоречие с интересами этих элементов. Поэтому главная причина поражения рыцарства состояла в том, что его программа не принимала в достаточной мере во внимание интересы «третьего сословия». Между тем последнее иначе, чем рыцарство, намерено было решать и проблему политических преобразований. Бюргерство полагало необходимым начать эти преобразования «снизу», придавая первостепенное значение развитию автономии городских общин и местному самоуправлению, в то время как рыцарство ограничивало свою задачу «реформами сверху» и укреплением института центральной власти.

После поражения восстания имперское рыцарство окончательно утратило самостоятельное политическое значение и было подчинено власти духовных и светских князей⁶³. Отныне оно уже не было в состоянии выступить не только в роли гегемона, но и сколько-нибудь значительной силы в политической борьбе. В то

же самое время необходимо признать, что поражение имперского рыцарства известным образом ослабило коалицию антифеодальных сил, которая, если иметь в виду перспективу успешного развития революции, потеряла своего потенциального союзника в борьбе за общественные преобразования и особенно – за преодоление княжеского мелкoderжавия и создание централизованного государства. До сих пор попытки «реформ сверху» затрагивали в основном только организационную структуру церкви и нормы «христианского благочестия», но не разрешали кардинальных противоречий, присущих «системе феодализма» в целом, и не вносили заметных перемен в условия жизни и производственной деятельности подавляющего большинства населения самой Империи. В силу данного обстоятельства поражение рыцарского восстания было уже не в состоянии предотвратить перерастания «революционной ситуации» в революцию, т. е. в массовые социально-политические акции оппозиционно настроенной к существующему строю части как городского, так и деревенского населения Империи. Общественное движение стремительно набирало силу. С этой точки зрения поражение рыцарского восстания скорее приблизило, чем отдалило Крестьянскую войну. Последняя все более становилась трагически неотвратимым событием истории.

Примечания

- ¹ См.: *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации... С. 155–160; *Соловьев Э.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 97–106; *История Европы. Том третий: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.).* М., 1993. С. 276–277.
- ² *Мартин Лютер.* Диспут... С. 11.
- ³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 392. В этой связи отметим, что по сути дела такого же мнения придерживается Т.Лейн, хотя и выражает его другими словами. Лейн, которого трудно заподозрить в симпатиях к марксизму, пишет: «Тезисы быстро стали бестселлером, и вся Германия поднялась на ноги. Во мгновение ока Лютер стал героем» (см.: *Лейн Т.* Христианские мыслители. СПб., 1997. С. 159).
- ⁴ *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. СПб., 1892. С. 209. Еще дальше идет А.Маграт. «Строго говоря, – пишет он, – Лютеранская Реформация началась лишь в 1522 г.». Это произошло только после того, как Лютер вернулся из Вартбурга в Виттенберг и

- приступил к реализации своей программы (см.: *Маграт А. Богословская мысль Реформации. Одесса, 1994. С. 18*). Правда, следует оговориться, что на этом основании Маграт не предлагает новой периодизации истории Реформации в Германии.
- ⁵ *Шестов Л. Sola fide. Только верою. Греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь. Париж, 1966. С. 117. Об учении Лютера об оправдании верою см.: Маграт А. Богословская мысль... С. 126–139.*
- ⁶ *Басовская Н.И. Предисловие // Мартин Лютер. Диспут... С. 6–7.*
- ⁷ *Рубан Ю. Гуманизм, Реформация и 95 Тезисов августинского монаха Мартина Лютера // Мартин Лютер. Диспут... Приложение. С. 51–62.*
- ⁸ Цит. по: *Мартин Лютер. Диспут... Примечания и комментарии к русскому переводу... С. 34. О Петре Ломбардском также см.: Лейн Т. Христианские мыслители... С. 116–118.*
- ⁹ *Мартин Лютер. Диспут... С. 25.*
- ¹⁰ *Рутенбург В.И. Титаны Возрождения... С. 80. Ср. также: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 16–19, 50, 86–99; Thesen über Martin Luther: Zum 500. Gebutstag // ZfG. 1983. H. 10. S. 881.*
- ¹¹ *Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 2. С. 120.*
- ¹² *Источники по истории Реформации. Вып. 1. С. 3–13; Мартин Лютер. Избранные произведения... С. 55–119, 384–395.*
- ¹³ *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 366.*
- ¹⁴ *Hofer S. Zu den Ursachen... S. 668.*
- ¹⁵ См.: *Смирин М.М. Народная реформация... С. 208–221; Он же. Германия эпохи Реформации... С. 167–171, 181–187; Он же. Эразм Роттердамский... С. 196–211; Голубкин Ю.А. Эволюция представлений Мартина Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1517–1525 годы) // ЕГИ. 1978. М., 1979. С. 256–274; Павленко В.Г. Социально-политические воззрения М.Лютера по «Застольным речам» // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 138–147; Соловьев Э. Непобежденный еретик... С. 176 след.; Zschäbitz G. Martin Luther... S. 168–169; Illustrierte Geschichte... S. 64–65; Thesen über Martin Luther... S. 883.*
- ¹⁶ *Источники по истории Реформации. Вып. 1. С. 16–20; Мартин Лютер. Избранные произведения... С. 120–130, 395–397.*
- ¹⁷ *Источники по истории Реформации. Вып. 1. С. 20–33; Мартин Лютер. Избранные произведения... С. 131–163, 397–400.*
- ¹⁸ См.: *Эразм Роттердамский. Философские произведения... 163*

- С. 218–545; *Мартин Лютер*. Избранные произведения... С. 185–382, 403–427. О полемике Лютера с Эразмом также см.: *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации... С. 186–188; *Он же*. Эразм Роттердамский... С. 34–100, 203–204; *Лейн Т.* Христианские мыслители... С. 155, 161–162.
- ¹⁹ *Эпштейн А.Д.* История Германии... С. 84–85, 87.
- ²⁰ *Fabiunke G.* Martin Luther als Nationalökonom. Berlin, 1953. S. 52–53, 72, 88–89. 91. 112, 153–154.
- ²¹ *Павленко В.Г.* Социально-политические воззрения М.Лютера... С. 142, 147.
- ²² *Чернушевич О.И.* Вопрос об экономических взглядах Мартина Лютера в исторической литературе // Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972. С. 71–81; *Он же*. Взгляды Мартина Лютера на ростовщичество // Там же. С. 95–96.
- ²³ *Zschabitz G.* Martin Luther... S. 118.
- ²⁴ *Lehmann H.* Ökonomische Erkenntnisse aus der Zeit der frühbürgerlichen Revolution // WW. 1975. № 7. S. 1029, 1037, 1039.
- ²⁵ *Соловьев Э.* Непобежденный еретик... С. 230. Ср. также: *Он же*. Мартин Лютер – выдающийся деятель немецкой и европейской истории // ВИ. 1983. № 10. С. 38, 51, 54.
- ²⁶ *Heitz G., Vogler G.* Agrarfrage, bauerlicher Klassenkampf und bürgerliche Revolution in Übergangsperiode von Feudalismus zum Kapitalismus // ZfG. 1980. H. 11. S. 1071. Ср. также: *Майер В.Е.* Крестьянство Германии... С. 108–114.
- ²⁷ *Illustrierte Geschichte...* S. 180–182.
- ²⁸ *Ibid.* S. 156–158.
- ²⁹ *Фадина М.Ф.* Мюльгаузенское движение 1523–1525 гг. // УЗ МарГПИ. Ист.-фил. фак. Йошкар-Ола, 1958. Т. XVII. С. 27–28, 32–33, 35–36; *Bensing M.* Thomas Müntzer... S. 65–66; *Günter G.* Bemerkungen zum Thema Thomas Müntzer und Heinrich Pfeifer in Mühlhausen // Der Bauer im Klassenkampf... S. 170–171.
- ³⁰ *Laube A.* Zum Problem des Bündnisses... S. 94, 99–100. Ср. также: *Смирин М.М.* К истории раннего капитализма... С. 328, 330–337, 339, 340 след.
- ³¹ См.: *Томас Мюнцер*. Пражский манифест... Ср. также: *Циммерман В.* История Крестьянской войны... Т. 1. С. 141; *Штекли А.* Томас Мюнцер. М., 1961. С. 84–89.
- ³² *Циммерман В.* История Крестьянской войны... Т. 1. С. 145. См. также: *Штекли А.* Томас Мюнцер... С. 155–171; *Соловьев Э.* Непобежденный еретик... С. 211–216.

- 33 См.: *Смирин М.М.* Народная реформация... Гл. I–IV; *Он же.* Германия эпохи Реформации... С. 190–210; *Он же.* Эразм Роттердамский... С. 111–143.
- 34 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 370, 371. Ср.: *Смирин М.М.* Народная реформация... С. 251–287; *Он же.* Германия эпохи Реформации... С. 200 след.
- 35 Хрестоматия по истории средних веков. Т. 3. С. 114; Практикум по истории средних веков. (1971). С. 241.
- 36 См.: *Некрасов Ю.К.* Томас Мюнцер... С. 217–222, 232–234.
- 37 *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 371.
- 38 См.: *Голубкин Ю.А., Дятлов В.А.* Общественно-политические взгляды А.Карлштадта и его позиция в Реформации // Вестник Харьковского университета. 1986. № 296.
- 39 *Huldrych Zwingli.* Werke. Zürich, 1828. Bd. 1. S. 175 f.
- 40 См.: *Некрасов Ю.К.* Социально-политические вопросы... С. 191–192.
- 41 Библия. Новый Завет. Послание апостола Павла к Римлянам, 13.
- 42 *Hoyer S.* Zu den Ursachen... S. 669.
- 43 *Смирин М.М.* Народная реформация... С. 339.
- 44 *Kohler W.* Huldrych Zwingli. 2. Aufl. Leipzig, 1954. S. 120–121.
- 45 *Illustrierte Geschichte...* S. 154–156.
- 46 *Schlenck W.* Die Reichsstadt Memmingen und die Reformation // MGBI. 1969. S. 30.
- 47 *Dobel F.* Memmingen im Reformationszeitalter. 2. Aufl. Memmingen, 1877. S. 44–45, 160.
- 48 *Loserth J.* Doktor Balthasar Hubmeier und Anfänge der Wiedertäufer in Mähren. Brunn, 1893. S. 44–45.
- 49 *Ibid.* S. 39–41.
- 50 См.: *Первухин В.В.* Реформационный проект Иоганна Эберлина из Гюнцбурга (1521 г.) // СВ. 1965. Вып. 28; *Павленко В.Г.* Религиозно-философские и социально-политические взгляды Иоганна Эберлина // История средних веков. УЗ МГПИ. 1965; *Vogler G.* Reformprogramm oder utopischer Entwurf? Gedanken zu Eberlin von Günzburg «Wolfaria» // JbGF. 1979. Bd. 3.
- 51 *Первухин В.В.* Реформационный проект... С. 165.
- 52 *Павленко В.Г.* Взгляды Эберлина... С. 73, 82.
- 53 *Vogler G.* Reformprogramm... S. 225–226.

- ⁵⁴ *Moeller B.* Reichsstadt und Reformation. Berlin, 1987. S. 34–39, 50–59, 88–89, 90–94.
- ⁵⁵ См.: *Иванов В.В.* У.Цвингли и военные программы немецкого крестьянства в 1525 г. // Проблемы истории Западной Европы эпохи развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986. С. 128–143; *Майер В.Е., Иванов В.В.* Pamфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992. С. 47, 50–53, 56–58.
- ⁵⁶ *Маграт А.* Богословская мысль... С. 259.
- ⁵⁷ См.: *Некрасов Ю.К.* Социально-политические вопросы... С. 192 след.
- ⁵⁸ См.: *Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979. С. 299–300, 332.
- ⁵⁹ *Ульрих фон Гуттен.* Диалоги... С. 389, 303–304, 372–382.
- ⁶⁰ См.: *Циммерман В.* История Крестьянской войны... Т. 1. С. 116–127; *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации... С. 146–147; *Он же.* Германия в преддверии нового времени... С. 37–38; *Illustrierte Geschichte...* S. 175–180.
- ⁶¹ *Wilhelm Rem.* Cronika der newer geschichten... S. 220.
- ⁶² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 393–396.
- ⁶³ *Meyer M.* Sickingen, Hutten und revolutionäre Ritterschaft in der deutschen frühbürgerlichen Revolution // *JbGF.* 1983. Bd. 7. S. 244–246.

Глава 4.
Кульминация
революции:
Крестьянская война
(1524-1526 гг.)

4.1. Швабский район Крестьянской войны и программа «Двенадцати Статей»

Перспектива перерастания Реформации в массовое социально-политическое движение раньше чем где-либо обозначилась на юго-западе германских земель. Здесь феодальная реакция была особенно сильной, и недовольство под влиянием реформационной пропаганды приняло всеобщий характер, поэтому здесь адепты лютеровской реформации довольно быстро утратили безраздельное влияние, и большую популярность в народе, в том числе среди крестьян, завоевало учение Цвингли. Причем роль решающего фактора в таком повороте сознания народных масс и прежде всего крестьянства, о чем уже знает читатель, сыграла поддержка реформатором требования отмены лично-наследственной зависимости крестьян. Однако опасность возникшей ситуации для властей состояла и в другом. Член городского совета Берна Каспар фон Мюлинен еще в июне 1523 г. на съезде (таге) представителей швейцарских кантонов утверждал, что под воздействием реформационной идеологии «крестьяне больше не желают давать ни чиншей, ни десятины и намерены установить... неслыханный до сих пор порядок»¹. И нужно сказать, у Мюлинена были определенные основания для такого заявления уже летом 1523 г. Однако пройдет время (больше года), прежде чем «мятежные настроения» и акты неповиновения «установленным Богом» властям приобретут характер открытой и непримиримой конфронтации «двух партий».

Волнения крестьян и горожан, сыгравшие роль прелюдии к событиям Крестьянской войны, на юго-западе Германской империи начались еще на исходе весны и летом 1524 г.² В середине мая подданные монастыря св. Блазия в Шварцвальде заявили, что они, по примеру своих братьев в других местах, желают быть свободными и отказываются выполнять повинности в пользу монастыря. Это заявление нашло отклик у крестьян Эшбаха, также отказавшихся вносить в пользу церкви не только десятины, но и «чинши с оброками». Когда же местные власти попытались указать на неправомерность их действий, крестьяне пригрозили «перебить всех дворян и попов». Причем такие настроения крестьян официальные власти не без основания связывали с деятельностью «евангелического проповедника в Вальдсхуте» Балтазара Хубмайера³. Этот тревожный симптом свидетельствовал о влиянии реформационных идей на крестьянское движение. В самом крестьянском движении повсюду наблюдался опасный поворот для

«власть предержажих»: крестьяне переходят от «тайных собраний» к публичным формам выражения социального протеста.

23 июня 1524 г. поднялись на борьбу крестьяне ландграфства Штюлинген. Они не были настроены радикально и передали своим господам (графам фон Лупфен) жалобу, в которой требовали устранения наиболее вопиющих проявлений феодального произвола во владениях Лупфенов и не покушались на сами основы феодального строя⁴. Но вскоре штюлингенские крестьяне, так и не получив удовлетворения по своей жалобе, обратились за помощью к бюргерам города Вальдсхута и договорились с ними о солидарных действиях в борьбе против феодального дворянства. Это обстоятельство сообщило волнению в ландграфстве такой характер, что дало анонимному хронисту графов фон Циммерн основания категорически заявить: Крестьянская война «началась во владениях графов Лупфенов в Штюлингене и там же она закончилась»⁵.

Летом 1524 г. тревожной была обстановка на швейцарско-германской границе в Тургау. Арест «евангелического проповедника» по фамилии Эксли послужил поводом для нападения крестьян на богатый монастырь в Иетингене. Монастырь был подвергнут погрому, и ему причинен большой материальный ущерб. Ландфогт Тургау высказывал в те дни опасение, что «простые люди» повсюду «стали совсем дикими» и открыто угрожают монастырям, дворянам и вообще всем богачам, вышли из повиновения фогтам и с помощью крестьян округа Цюриха, Санкт-Галленского аббатства и всей долины Верхнего Рейна «усилились настолько, что пожелали сами стать господами и уже сейчас отказываются давать церкви малую десятину, а светским сеньорам — фогтский побор и пасхальных куриц».

Более того, ландфогт даже утверждал, что если события и дальше будут развиваться в таком направлении, крестьяне перестанут вообще давать всем без исключения землевладельцам чинши, десятины и «приступят к всеобщему разделу имущества»⁶. Вероятность «всеобщего раздела имущества» ландфогт, скорее всего, сильно преувеличивал, хотя в то же самое время вполне очевидно, что движение крестьян приобрело ярко выраженный антифеодальный характер и стало угрожать самим устоям «старого порядка».

Уже летом того же года крестьянскими волнениями был охвачен не только Шварцвальд, но и Хегау с Клетгау. Восставшие против властей и господ крестьяне, по словам цюрихского хрониста Иоганнеса Штумпфа, выдвинули требование свободы евангелической проповеди, понимая эту свободу таким образом, что ни

у кого не следует быть в повиновении и никому не платить чиншей и десятин. Именно на этой почве, как полагает хронист, сложился союз бюргеров Вальдсхута с крестьянами Клетгау⁷. На этом этапе общественного движения требование свободы «евангелической проповеди нового учения», отмечает М.М.Смирин, приняло форму «борьбы за популярных народных проповедников». Он же подчеркивает, что пропаганда в духе учения народной реформации способствовала «революционному толкованию божественного права». По этой причине «каждая революционная или радикальная группа крестьян черпала из него то, что ей было понятнее всего и что наиболее отвечало ее настроениям»⁸. События лета 1524 г. свидетельствовали о тесной взаимосвязи двух линий в развитии общественного движения: участники последнего боролись как за свои насущные материальные интересы, так и одновременно «за свободу провозглашения слова божьего». Именно в этом можно видеть соединение социального протеста крестьянства с его борьбой за преобразование церкви.

Выступления крестьян совпали с волнениями горожан по времени. В качестве выразительной иллюстрации последних приведем события в Аугсбурге⁹. Здесь уже с мая 1524 г. должность проповедника церкви барфюсского монастыря (ордена св. Франциска) занял популярный в народе монах-проповедник Иоганн Шиллинг, выступавший против духовных и светских властей; он говорил о приоритете общины над городским советом и утверждал, что «все вещи должны были бы стать общими», чем привлек на свою сторону городских бедняков, которые охотно поделили бы имущества богачей. Изгнание неугодного и опасного для властей проповедника привело к стихийным выступлениям городских низов и мелкого бюргерства 6 и 9 августа того же года. И магистрат вынужден был дать горожанам обещание вернуть изгнанного проповедника в Аугсбург.

В том же августе 1524 г. представители городской бедноты и средних слоев горожан создали «революционный комитет». Этот комитет на одном из своих заседаний в первых числах сентября принял программу «Двенадцати Статей», из которых нам известны только девять. Четыре статьи посвящены реформе католической церкви. Ст. 1 требовала изгнания из города католического духовенства и свободы евангелической проповеди. Ст. 3 предусматривала отмену поборов, которые горожане обязаны были давать бурграфу с принадлежавших церкви имуществ, а ст. 4 выдвигала требование отмены вообще всех чиншей в пользу католической церкви. Таким образом, приведенные выше статьи предполагали не

только отмену десятины, но и по существу хотя бы частичную секуляризацию церковного землевладения. Ст. 8 радикальным образом отменяла податные привилегии духовенства, поскольку впредь «попы должны платить прямые налоги и ассизы» наравне со всеми бюргерами. Реализация данной программы, подрывая экономическое могущество церкви, указывала на материальную основу, которая могла в перспективе объединить различные слои городского населения и крестьян в борьбе против католической церкви. Ст. 2, 5 и 6 отразили экономические интересы бюргерства. В ст. 2 и 5 речь шла о восстановлении старой системы мер и весов, свободе занятий пивоварением. Эти требования отвечали интересам имущих слоев местного бюргерства и не включали специфических требований плебейской оппозиции. Только ст. 6, в которой сформулировано требование «упразднить все компании», чтобы отныне «каждый торговал от своего имени», выходила за рамки интересов аутсбургского бюргерства, так как являлась отражением борьбы, которая еще до Реформации, как уже знает читатель, развернулась по вопросу о так называемых «монополиях». Это требование, в чем еще предстоит убедиться, было включено в ряд других программных документов Крестьянской войны и заняло особое место в «Гейльброннской программе». Ст. 7 по существу выражала вотум недоверия правящему совету. Наиболее радикальная по содержанию ст. 9 утверждала, что, если «кто из членов [городского] совета воспротивится им (т. е. участникам заговора. — Ю.Н.), того они намерены принудить к повиновению силой». Именно эта статья указывала на то, что заговорщики предполагали свергнуть «старый совет» и установить на его месте в соответствии с принципом «божественного права» новые органы власти, связывая с деятельностью последних надежды на улучшение положения городских низов и средних слоев населения.

Деятельность самого «комитета» заговорщиков развивалась в весьма опасном для городской олигархии направлении. Поэтому по приказу магистрата с 10 по 13 сентября 1524 г. были произведены аресты руководителей заговора; двое из них (ткачи-бумазейщики Ганс Кагер и Ганс Шпайзер) после скоротечного и предвзятого судебного разбирательства были казнены. Так еще до начала Крестьянской войны потерпело поражение общественное движение в одном из крупнейших городов Швабии.

Между тем еще примерно с 20 августа 1524 г. крестьяне Штюлингена в надежде на помощь горожан Вальдсхута и швейцарцев стали вооружаться и перешли к организованному сопротивлению властям. Последние были сильно обеспокоены тем, что

Глава 4. Кульминация революции: Крестьянская война (1524–1526 гг.)

«непослушные подданные в Вальдсхуте» действуют заодно с «мятежными крестьянами». В этой необычайно напряженной ситуации переднеавстрийское правительство в Энзисхейме пошло на заключение соглашения с крестьянами Штюлингена. Но 11 сентября того же года крестьяне неожиданно для «власть имущих» наотрез отказались признать соглашение. Узнав об этом, брат императора Карла V и наместник последнего в Германии эрцгерцог Фердинанд Австрийский приказал тут же оказать местным властям вооруженную помощь, что означало вступление событий в новый этап, который характеризуется конфронтацией между феодально-католическими и оппозиционными им силами, организационным оформлением повстанческого движения и появлением программных требований этого движения, нашедших отражение в ряде документов¹⁰. Одно из центральных мест в этих программных документах занимает вопрос о власти, ее назначении и функциях¹¹. Теперь от ответа на этот вопрос зависело разрешение конфликта между владетельными князьями и феодалами («господами») и «простыми людьми» («подданными»).

2 октября 1524 г. началось восстание крестьян Херау. Однако, когда в середине этого месяца суд признал правомерность их требований и согласился рассмотреть эти требования, крестьяне сложили оружие и разошлись по домам. Только небольшая группа инсургентов во главе с Гансом Мюллером не последовала общему примеру и развернула энергичную деятельность на территории владений имперского города Филлингена, где положение крайне обострилось к началу декабря¹². 13 декабря произошло первое в истории Крестьянской войны вооруженное столкновение: отряд магистрата Филлингена разгромил крестьян Брегской долины¹³. Но это поражение уже не могло остановить повстанческого движения на юго-западе германских земель. Оно стремительно набирало силу. С конца 1524 г. все более отчетливо стала проявляться и социально-политическая направленность крестьянского движения.

Хронист имперского города Филлингена Генрих Хуг, рассказывая о походе крестьян еще в октябре 1524 г. на Вальдсхут, сообщает о том, что восставшие создали «евангелическое братство», чтобы не быть больше в послушании господам и вообще не иметь над собою никаких господ, кроме императора, которому только и следовало давать налоги. Крестьяне намерены были разрушить все замки и монастыри. Об этом своем намерении, по словам Хуга, они хотели оповестить «все земли»¹⁴. В этой связи необходимо отметить, что настроения и намерения участвовавших в походе

на Вальдсхут повстанцев, если принять версию Хуга в изложении хода событий, вполне соответствовали букве и духу «Статейного Письма». История появления этого документа заслуживает особого внимания, поскольку сам этот документ может служить наглядной иллюстрацией планов радикальных элементов в общественном движении.

Осенью 1524 г. пришли в движение крестьяне Клетгау, на настроения которых, вполне возможно, оказала влияние пропагандистская деятельность Мюнцера и его сторонников. К концу года движением оказались охвачены все территории, расположенные в бассейнах верхнего течения Рейна и Дуная, а также притока последнего – Леха. Именно тогда (в декабре 1524 или январе 1525 г.) был составлен документ, известный под названием «Статейного Письма», популярность которого в основном ограничивалась Швабией. Г.М.Лившиц отмечает, что в исторической литературе существуют различные точки зрения по вопросу о происхождении и авторстве «Письма». Одни приписывают его Мюнцеру, другие – Хубмайеру, третьи – цвинглианскому кружку реформаторов в Меммингене. Лившиц полагает, что наиболее правильной является точка зрения первых. По его мнению, имеется достаточно данных для утверждения, что автором «Статейного Письма» является Мюнцер. Во всяком случае документ определенно был составлен в кругу его последователей. Поскольку в основу «Письма» положены социально-политические воззрения Мюнцера, оно резко отличается от других программных документов Крестьянской войны¹⁵. И хотя мы не располагаем свидетельствами источников, подтверждающими авторство Мюнцера, в то же время не вызывает сомнения тот факт, что документ исходил от «мюнцеровской партии» и его автор в случае отказа «господ» добровольно покинуть «свои замки» намерен был прибегнуть к насилию. Обратимся, однако, к тексту самого «Статейного Письма»¹⁶.

В первых же его строках речь идет о том, что «до настоящего времени на бедный и простой люд в городах и деревнях вопреки Богу и всякой справедливости налагались большие тяготы духовными и светскими господами и властями». В силу данной причины «Статейное Письмо» провозглашает, что «программа и план... христианского объединения заключаются в том, чтобы с помощью Бога освободиться» не только от всех отягощений, но и самих господ. С целью реализации таких намерений повстанцев и создается «христианское объединение». Все, кто не вступит в него, объявляются в светском отлучении, которому подлежат все «замки, монастыри и поповские церкви». Это означает, что они будут

«исключены из общества» и «оставлены, как отрезанные и мертвые члены». Таким образом, в «Статейном Письме» в самом общем виде сформулирована идея антифеодальной революции и общественного переворота. Единственным путем к достижению этой цели могло быть завоевание власти «простыми людьми».

Документ обнаруживает тесную связь с социальной борьбой, которую вели широкие народные массы, в том числе крестьянство, против существующего режима. Так, 23 января 1525 г. подданные графов фон Зульц в Клетгау писали совету Цюриха: «Мы в такой мере отягощены повинностями и поборами, что они могут пустить по миру нас и наших малых детей». Крестьяне решительно и категорично заявляли о своем нежелании больше «терпеть» такой порядок¹⁷. Г.Фоглер обращает внимание на то, что высказывание клетгауских крестьян близко по смыслу и соответствует самому духу «Статейного Письма»¹⁸. Однако сформулированные в этом «Письме» положения об общественном перевороте не пользовались поддержкой большинства крестьян, которые все же скорее следовали учению Цвингли, чем Мюнцера. Это обстоятельство наложило отпечаток на требования крестьян, которые почти повсеместно в Швабском регионе Крестьянской войны испытали на себе влияние цвинглианства.

Крестьянское движение между тем достигло большого размаха и приобрело действительно массовый характер. В феврале и марте 1525 г. в бассейне верхнего течения Дуная и Рейна образовались шесть крупных крестьянских отрядов: Бальтрингенский, Озерный, Нижнеальгауский, Верхнеальгауский, Шварцвальдский и Лейпгеймский. Самым большим из них был Бальтрингенский отряд, который объединял в своих рядах более 10 тысяч инсургентов. Во главе этого отряда стоял зажиточный деревенский кузнец Ульрих Шмид из Зульмингена. Верхнеальгауский отряд возглавляли подмастерье-белильщик Йерг Шмид по прозвищу Кнопф (Коротышка) и Йерг Таубер; оба, по словам одного из очевидцев событий, «на собственной шкуре познали господский произвол» и до конца остались верны движению и его целям. Они создали «Христианское Объединение», положив в основу его деятельности «Статейное Письмо» и подвергая врагов светской опале¹⁹. Центр Озерного отряда находился в Рапперсвиле близ Линдау. Руководителями этого отряда крестьяне избрали дворянина и линдауского патриция Дитриха Хурлевангена и разорившегося представителя старинного купеческого рода Равенсбурга Ганса Якоба фон Зенфтенау (предки последнего входили в число основателей знаменитой «Большой компании»). Оба эти руководителя ориентировались на

переговоры с «господской партией», отрицательно относились к самостоятельным действиям отряда и отказывались вступать в контакты с соседними крестьянскими отрядами²⁰. В противоположность Озерному, Лейпгеймский отряд, в котором заметную роль играл радикально настроенный проповедник Якоб Вез, признавал насильственные формы социальной борьбы. И все же в целом в руководстве крестьянского движения преобладали умеренные элементы; они были сторонниками переговоров с представителями феодально-католических сил и отрицали насилие как способ разрешения общественных противоречий. Именно таких руководителей поддерживало большинство восставших крестьян.

Центром деятельности Бальтрингенского, Верхнеальгауского и Озерного отрядов был избран имперский город Мемминген: один из немногих имперских городов всей Верхней Германии, которые открыто выступили на стороне восставших крестьян. Здесь и был составлен самый популярный документ Крестьянской войны – программа «Двенадцати Статей»²¹. Остановимся на истории его появления. Только в районе действий Бальтрингенского отряда крестьянами были составлены и переданы на рассмотрение судей Швабского Союза более 300 жалоб деревенских общин. В этой ситуации Ульрих Шмид обратился с просьбой к совету Меммингена найти людей, способных составить общую редакцию требований. Такими людьми оказались городской проповедник Кристоф Шаппелер и скорняк-подмастерье Себастьян Лотцер. Оба по религиозно-политическим убеждениям были цвинглианцами. Лотцер свел многочисленные жалобы крестьян в единую программу требований, а Шаппелер написал к ней преамбулу и, вероятно, 12-ю статью. Проект программы в начале марта 1525 г. был рассмотрен на съезде представителей крестьянских отрядов Верхней Швабии, который прошел в Меммингене. После острой дискуссии между сторонниками радикального и умеренного течений в повстанческом движении проект был принят в основном в редакции, которую предложили умеренные элементы, обладавшие большинством на упомянутом выше съезде.

Рассмотрим содержание этого документа²².

Преамбула Программы отвергает восстания и бунты как средство разрешения общественных конфликтов, но одновременно содержит «христианское оправдание непослушанию и даже восстанию всех крестьян». Формулируя это положение, Шаппелер руководствуется реформационным принципом «христианской свободы и справедливости», предполагавшим отрицание несвободного состояния любого христианина. К числу «реформационных» следует

отнести 1, 2 и 12-ю статьи. Ст. 1 требует признания за общинами права избирать и отстранять от должности священника. Ст. 2 признает справедливой большую, или зерновую, десятину, но требует, чтобы право распоряжения ею принадлежало самой общине. В то же самое время крестьяне решительно заявляют: «Малой же десятины мы не хотим давать вовсе». Ст. 12 объявляет критерием правоты крестьянских требований «слово божье» и «Евангелие».

Ст. 3 и 11 посвящены институту лично-наследственной зависимости крестьян и проистекавшему из него «посмертному побору». Ст. 3 гласит: «До сих пор было в обычае считать нас «собственными» людьми, что жалости подобно, принимая во внимание, что Христос пролитием своей драгоценной крови освободил и искупил всех нас... Поэтому соответствует Писанию, чтобы мы были и хотим быть свободными». Также категорично ст. 11 требует «отменить совершенно» «посмертный побор». Эти статьи, пожалуй, самые радикальные в программе «Двенадцати Статей», и есть основания полагать, что в их формулировках сказалось влияние реформационной идеологии (прежде всего цвинглианства).

Ряд статей Программы (ст. 6–9) регулируют отношения между крестьянами и помещиками. Ст. 6 выражает протест крестьян по поводу роста барщины и настаивает, чтобы барщины были возвращены к нормам, «как служили наши отцы». В ст. 7 по существу речь идет о фиксированной ренте и строго договорных отношениях между помещиками и крестьянами: всякая работа сверх установленной нормы возможна только «за подобающую плату». Ст. 8 предполагает введение такой арендной платы с держаний, которая позволила бы сделать крестьянские хозяйства рентабельными. Ст. 9 определенно выступает против рецепции римского права и, отражая недовольство крестьян «большими штрафами», требует, чтобы их судили «по писаным законам сообразно обстоятельствам дела» (т. е. в соответствии с нормами обычного права). В такой же мере очевидно, что эти статьи могли появиться только в условиях достаточно высокого уровня развития товарно-денежных отношений и даже, как считает Г.Фоглер, «отразили субъективную реакцию крестьян на процесс зарождения капитализма и переходный характер эпохи»²³. Однако как проявилась эта «субъективная реакция крестьян в других статьях и программе «Двенадцати Статей» в целом?

Особое место в Программе занимают ст. 4, 5 и 10. Они требуют установления свободы охоты, рыбной ловли (ст. 4), пользования лесами (ст. 5), а также возвращения общинам узурпированных у них

феодалами лугов и пашен (ст. 10). С одной стороны, эти статьи направлены против проявлений феодальной реакции и на улучшение условий хозяйственной деятельности самих крестьян, с другой – они не посягали на институт частной собственности, и в них выражена готовность крестьян «войти в соглашение» с теми, кто приобрел земли альменды за деньги и на «законных основаниях». Данная оговорка отвечала интересам как бюргеров-землевладельцев, так и крестьянской верхушки. «Борьба за общинные земли и права пользования сельских общин, за сохранение и восстановление общинного фонда, как полагает А.В.Адо, занимала «очень большое место в крестьянских требованиях в ходе буржуазных революций» XVI–XVIII вв. в Европе²⁴. Успешный для крестьян исход этой борьбы создавал более благоприятные, чем при сохранении монополии собственности помещиков на землю, условия для крестьянско-фермерского («американского») или близкого к последнему по своей сущности пути развития капитализма в деревне.

Итак, «Двенадцать Статей» швабских крестьян в основном носили умеренный характер и были ориентированы в большей мере на *реформу*, чем *революцию*. Однако эта же Программа удовлетворяла насущные требования крестьян, и ее реализация существенным образом улучшала их экономическое и правовое положение, укрепляла автономию общин, что открывало перспективу повышения «товарности» крестьянских хозяйств, способствовало расширению их связей с рынком и в конечном итоге создавало необходимые условия для развития капитализма. Программа одновременно была инструментом, с помощью которого реформационное движение пыталось оказать влияние на деревню и провести в ней соответствующие преобразования²⁵. На этом основании можно сделать вывод, с одной стороны, о тесной связи крестьянского движения с Реформацией, с другой – о том значении, какое приобрело цвинглианство в Швабском районе Крестьянской войны. Последнее обстоятельство указывает на весьма примечательную черту революционных событий в Швабии, красноречиво свидетельствующих о том, каким образом совершалось перерастание реформационного движения в акты социального протеста широких народных масс. Отметим также, что как «Двенадцать Статей», так и другие программные документы отразили стремление крестьян осуществить преобразования, прибегая к насилию лишь в качестве крайнего средства.

К концу марта 1525 г. крестьянское движение в Швабии превратилось в грозную военно-политическую силу и достигло своего апогея. Ситуация была благоприятной для успешного развития

восстания: военные силы Империи были заняты войной с Францией за обладание Италией. Однако руководители большинства крестьянских отрядов придерживались мирной тактики, не сумели преодолеть разногласий даже в собственных рядах и установить такое единство действий, которое могло бы привести общественное движение к успеху. В начале апреля Крестьянская война в Швабском районе вступила в третий и решающий этап. 4 апреля армия Швабского Союза под командованием Трухзеса разгромила Лейпгеймский отряд крестьян, но уже 15 апреля она же оказалась в катастрофическом положении под Гейбронном, где ее встретил Озерный отряд. Трухзеса спасла только нерешительность командиров этого отряда, которые так и «не отважились» отдать приказ о начале боевых действий. 17 апреля в стенах монастыря Вейнгартен они подписали договор с Трухзесом, по которому брали на себя обязательство распустить свой отряд и «до особого урегулирования» вносить в пользу помещиков и церкви «все чинши, десятины и другие поборы». Повстанцы возвращали захваченные ими монастыри, замки и города их прежним владельцам. Необходимо также отметить, что Вейнгартенский договор позволил Трухзесу направить армию Швабского Союза на подавление восстания во Франконии, чтобы позднее вернуться обратно и завершить разгром повстанческого движения и в самой Швабии. Но к тому времени Крестьянская война успела набрать силу на крайнем юго-западе Германии, где возникла реальная возможность вовлечь в повстанческое движение и население франкоязычных территорий.

После заключения Вейнгартенского договора повстанческое движение переместилось в Брейсгау и Эльзас²⁶. Здесь, особенно во владениях страсбургского епископа, активную деятельность развернул сторонник Карлштадта Клеменс Циглер. 14 апреля 1525 г. в Эльзасе началось вооруженное восстание, а к концу месяца на территории Эльзаса образовалось несколько крестьянских отрядов; самый крупный из них разбил свой лагерь в расположенной недалеко от Страсбурга деревне Альтдорф. Программой движения здесь стали «Двенадцать Статей» швабских крестьян, в которые, однако, были внесены некоторые коррективы, учитывавшие специфику местных условий. 20 апреля крестьяне передали правящему совету Страсбурга «семь статей», в которых они требовали свободы «евангелической проповеди», отмены лично-наследственной зависимости крестьян, посмертного побора и свободы пользования землями альменды. Во главе Альтдорфского отряда инсургентов встал ремесленник из Мольсхейма Эразм

Гербер, зарекомендовавший себя хорошим организатором. 11 мая состоялся съезд представителей всех повстанческих отрядов Эльзаса, избравший военным руководителем движения Гербера и принявший программу «Одиннадцати Статей». Эта программа по сути дела являлась более радикальной редакцией «Двенадцати Статей» швабских крестьян. «Одиннадцать Статей» главной целью движения объявляли «распространение слова божьего, святого Евангелия и справедливости». Все, «кто был против Евангелия» (т. е. реформационного учения. – Ю.Н.), должны были покинуть города и деревни и подвергнуться «светскому отлучению».

Мелкие и средних масштабов земские и княжеские города присоединились к движению и приняли программу «Одиннадцати Статей». Имперские города Кальмар, Хагенау и Мюльхаузен, напротив, закрыли перед крестьянами ворота. Совет Страсбурга попытался сыграть роль посредника. Он направил в крестьянский лагерь в Альтдорфе проповедников Буцера и Целля, которые призвали крестьян к послушанию властям и прекращению мятежа. Однако движение уже достигло такого размаха, что остановить его было невозможно. Оно распространилось и на Франш-Конте, где перед крестьянами открыли городские ворота Безансон и Мельпергард. К движению примкнули немецкие территории Лотарингии, французские – готовы были последовать их примеру. 12 мая 1525 г. Гербер с большим шестнадцатитысячным отрядом занял город Цаберн – резиденцию страсбургских епископов. Это событие побудило «власть имущих» к энергичным контрдействиям.

Против крестьян Эльзаса выступил правоверный католик герцог Антон Лотарингский, который 15 мая предпринял попытку штурма Цаберна. В тот день, однако, повстанцам удалось отразить атаки княжеской армии. На следующий день ситуация изменилась: в рядах крестьян верх взяла группировка, за которой пошло большинство повстанцев, как оказалось, на гибель. Руководители этой группировки вступили в переговоры с герцогом, согласились добровольно сложить оружие и сдаться «на милость победителя». Но в тот момент, когда инсургенты уже сдали оружие, озверевшие ландскнехты напали на них и перебили около 8 тысяч безоружных крестьян. Это событие вошло в историю под названием «цабернской кровавой бани». Непосредственное отношение к трагедии в Цаберне имела «соглашательская» политика магистрата Страсбурга и «партии» бюргерской реформации²⁷. Кровавые события в Цаберне по сути дела означали окончание Крестьянской войны в Эльзасе. С этого времени Эльзас и его столица Страсбург, в которой были сильны позиции не только лютеран, но и

Глава 4. Кульминация революции: Крестьянская война (1524—1526 гг.)

двинглианцев, утратила значение одного из центров массового народного движения.

После этих событий восстание еще продолжалось лишь в Ортенау и Брейсгау. Однако 25 мая 1525 г. власти Ортенау приняли ряд требований, изложенных в программе «Двенадцати Статей» швабских крестьян: священники отныне избирались деревенскими общинами, упраздняялась малая десятина, отменялся посмертный побор, а барщины ограничивались четырьмя днями в году. Такой же договор с властями 5 июля 1525 г. заключили представители «крестьянских общин» Брейсгау. Только Ганс Мюллер с небольшим отрядом повстанцев продолжал вооруженную борьбу и предпринял попытку осады Радольфцеля, где укрылись от народного гнева местные дворяне. Но осада закончилась полной неудачей, и 16 июля его отряд был разгромлен. Мюллер попал в плен и был предан мучительной казни.

30 июля 1525 г., проделав путь через Швейнфурт, Бамберг, Нюрнберг и Нердлинген, вернулся из Франконии с войском Швабского Союза Трухзес. В Швабии борьбу продолжал лишь Альгауский отряд, не признавший Вейнгартенского договора. Между тем вооруженные силы Швабского Союза заняли Мемминген, где еще в середине мая произошло восстание, в котором самое активное участие принял городской плебс. В ответ на действия Швабского Союза крестьяне осадили Мемминген, но после двухнедельной безуспешной осады отступили от города. 14 июля между армией Швабского Союза и Альгауским отрядом произошло упорное сражение. Сражение не принесло перевеса ни одной из противоборствующих сторон. Однако на следующий день, 15 июля, крестьяне, вероятно, под влиянием своих командиров — Вальтера Баха и Каспара Шнейдера — «во избежание еще большего кровопролития» приняли решение о самороспуске отряда и прекращении вооруженной борьбы.

Теперь борьбу продолжали только крестьяне Клетгау и горожане Вальдсхута. Клетгауцам при активном содействии Балтазара Хубмайера вооруженную помощь оказали швейцарцы. Но 4 ноября 1525 г. граф Рудольф фон Зульц нанес им поражение. 13 ноября повстанцы сложили оружие и вновь присягнули «властям и господам». 6 декабря отряд Швабского Союза вступил в Вальдсхут — последний очаг антифеодального сопротивления в Юго-Западной Германии. Хубмайер бежал в Швейцарию. Так Крестьянская война не только в Швабии, но и во всей «Старой Германии» на самом деле закончилась, как писал хронист, «там, где она и началась».

4.2. Франконский район Крестьянской войны и «Гейльброннская программа»

Прелюдией Крестьянской войны во Франконии явились события в небольшом княжеском городе Форхейме²⁸. Начавшееся в Форхейме общественное движение было типичным для княжеских городов того времени явлением и оказалось тесным образом связано с реформационной пропагандой²⁹. Движение против десятин здесь возникло еще в середине 1523 г. В следующем году оно усилилось. Толчок к волнению в конце мая 1524 г. дало выступление «евангелического проповедника» Йерга Кройцера. После его «пламенной проповеди» все недовольные сбежались на церковный двор, ударили в набат и захватили несколько зданий в городе. «Правящий бургомистр» и совет вынуждены были присягнуть общине и передать представителям последней ключи от городских ворот. Эти события имели резонанс, неожиданный для многих их очевидцев.

Население близлежащих деревень немедленно поддержало горожан, и уже утром следующего дня отряд примерно из 500 крестьян с развернутыми знаменами торжественно вступил в город. В несколько дней, по словам одного из очевидцев, «бунтующий и мятежный» стали все территории между Нюрнбергом и Бамбергом. Жители Ферхейма выдвинули программу («Пяти Статей»), которая требовала: 1) свободы охоты и рыбной ловли; 2) уменьшения десятин в три раза; 3) отмены поборов за пользование выпасами скота; 4) уплаты всеми лицами духовного звания и дворянами, проживающими в городе, налогов наравне с бюргерами; 5) юрисдикции светских судов по долговым обязательствам духовенства³⁰. Этот документ красноречиво свидетельствует о близости социально-экономических интересов жителей города и крестьян из деревень его округа, достаточно убедительно указывая на причину их солидарных действий. Однако волнение в Форхейме оказалось весьма скоротечным. Уже через неделю после его начала, т. е. в первых числах июня, в город вступил отряд ландскнехтов, которых направил на усмирение своих «мятежных подданных» епископ Бамберга Вейганд фон Редвиц.

С конца мая 1524 г. в сельской округе Нюрнберга, как показал Г.Фоглер³¹, постоянно происходили собрания крестьян – подданных и феодально-зависимых людей имперского города и его патрицианско-бюргерской верхушки. На этом этапе общественного движения на собраниях крестьян главным образом обсуждался

Глава 4. Кульминация революции: Крестьянская война (1524–1526 гг.)

вопрос об отмене церковных десятин. Однако уже на собрании в начале июня в Поппенройте, на котором присутствовали представители около 60 деревень, речь шла не только о десятинах, но и о свободе рыбной ловли и праве избрания священников самими крестьянскими общинами. Впрочем, эти события быстро вышли за рамки сельской округи и распространились и на городскую общину. На такой поворот событий несомненное влияние оказала реформационная идеология.

Движение против десятин в сельской округе нашло отклик и в самом Нюрнберге³². Еще 20 мая 1524 г. некий Лоренц Зе-геншмидт был предупрежден властями «за его речи и дискуссии о том, могут ли светские лица владеть десятинами». Причем многие городские ремесленники открыто поддерживали крестьян в их борьбе против десятин. Под влиянием крестьянского движения горожане выдвинули требование об отмене косвенных налогов (унгельтов, или ассиз). Вожаки этого движения – трактирщик Ульрих Аберхан и слуга постоялого двора некий Ганс по прозвищу Нюрнбержец – требовали отмены ассиз не только в городе, но и его сельской округе. В начале июля оба в нарушении обычной процедуры тайно были казнены по приговору городского суда. У крестьян и бюргеров, делает вывод Г.Фоглер, были общие причины для недовольства. Такой причиной в деревне были десятины, в городе – ассизы. Эта социальная проблема объединила крестьян и большинство горожан в борьбе с католической церковью и патрицианским советом. Поэтому городские власти срочно прибегли к крайне жестким мерам, чтобы не допустить наметившейся тенденции перерастания солидарных акций крестьян и горожан в вооруженное восстание. И нужно признать, что магистрат достиг своей цели: волнения как в самом Нюрнберге, так и в его обширной сельской округе прекратились до того, как события самой Крестьянской войны достигли своего апогея.

События Крестьянской войны во Франконии на первом ее этапе, собственно говоря, исчерпываются рассмотренными выше фактами. В отличие от Швабии здесь общественное движение конца весны и начала лета 1524 года не носило такого массового характера, как в последней, и быстро пошло на убыль. Новый этап Крестьянской войны во Франконии развернулся под непосредственным влиянием событий в других ее районах, прежде всего в той же Швабии. Только на этом этапе повстанческое движение охватило большую часть территории Франконии и приобрело действительно массовый характер.

Второй этап Крестьянской войны во Франконии³³ начался с середины марта 1525 г., когда «Двенадцать Статей» швабских крестьян стали широко известны и на территории Франконии. Теперь импульс движению во Франконии дали события в имперском городе Ротенбурге-на-Таубере, откуда оно распространилось на Оденвальд, долину Некара и епископства Вюрцбург и Бамберг. Ротенбург еще задолго до начала Крестьянской войны превратился в центр реформационного движения. Здесь должность городского проповедника занял Иоганн Тошлейн. Энергичную поддержку ему оказали и другие проповедники «евангелического учения». В проповедях адептов Реформации теперь стали все громче звучать социальные мотивы. По свидетельству анонимного автора одного из документов, Тошлейн говорил, что «никто не обязан давать (господам) чинши, оброки, десятины и другие поборы». Особенно яростно он критиковал введенную магистратом Роттенбурга в 1522 г. ассизу на торговлю скотом и требовал ее отмены. По словам самого Тошлейна, «он проповедовал: если какая-либо власть препятствует провозглашению слова божьего», то она является «злодейкой и шельмой»³⁴. В Ротенбурге бюргерская оппозиция усилилась благодаря приезду в город в начале 1524 г. известного и влиятельного реформатора Андреаса Карлштадта. Однако вскоре последовало изгнание городскими властями реформатора, что расстроило планы этой оппозиции и не позволило ей взять верх в борьбе за реформу церкви и секуляризацию монастырских имуществ. Положение кардинальным образом изменилось только с началом восстания, когда над городскими властями навис дамоклов меч массового крестьянского движения.

21 или 22 марта 1525 г. крестьяне 163-х деревень, принадлежавших имперскому городу Ротенбургу, поднялись на восстание против патрицианского совета, который угнетал и обирал не только городских ремесленников, но и крестьян своей округи. Уже 23 марта крестьяне объединились в Таубертальский отряд. Это сообщило толчок активизации деятельности городской оппозиции. Община Ротенбурга избрала «Комитет 42-х», чтобы он представлял ее интересы в правящем совете. 31 марта (или 1 апреля) ремесленники передали совету требования, составленные в довольно умеренном духе. В них речь шла главным образом о контроле общины над городскими финансами. Совет вынужден был признать эти требования. Опираясь на крестьян округи, бюргерская оппозиция одержала победу в борьбе с патрицианским советом. Но эта же оппозиция не пошла на то, чтобы призвать крестьян в город: крестьян она использовала в качестве

средства давления на правящий совет. Одержав победу, бюргерская оппозиция быстро порвала связь с крестьянским движением, в то же время она теперь уже самостоятельно приступила к реализации требований городского бюргерства и программы реформационных преобразований церкви.

Между тем восстание вышло за пределы округа Ротенбурга, распространилось по Тауберу до Мергентхайма, слилось с движением крестьян комтурства Тевтонского Ордена и достигло границ вюрцбургского епископства. Именно на территории последнего возникла «Таубертальская программа»³⁵, авторы которой, положив в ее основу принцип «божественного права», требовали осуществления революционных преобразований. Первая статья этой Программы утверждала, что с целью пропаганды Евангелия следует ниспровергнуть всех его противников. Отсюда ее авторы делали вывод, что господам не следует платить каких-либо поборов, пока «сведущие в Священном Писании люди» не установят новый порядок вещей и не решат, что *должно давать* духовным и светским властям. Во второй статье сказано, что «вредные замки и крепости, из которых до сих пор для простого человека пристраивают непомерные отягощения, необходимо разрушить или сжечь». Третья статья настаивала, чтобы «благородные сословия» имели такие же права, как и рядовые бюргеры и крестьяне; дворяне и прелаты церкви не должны были иметь каких-либо преимуществ перед «простыми людьми». Это означало установление сословного равенства на практике. Реализация данного требования была направлена на «подрыв» самих основ феодального общественного строя.

«Таубертальская программа» – революционный по содержанию документ, по существу исключавший возможность компромисса с феодально-католическими силами. Об этом же свидетельствует и воинский устав Таубертальского отряда. Заметную роль в этом отряде играл рыцарь по происхождению и опытный в военном деле Флориан Гейер. Гейер был одним из немногих дворян, которые перешли на сторону восставшего народа и до конца разделили с ним судьбу. Он сознательно порвал со своим классом, убедившись в его неспособности вывести государство и общество из состояния кризиса и осуществить крупные социальные преобразования в интересах народа. Будучи одним из авторов «Таубертальской программы», Гейер разделял убеждение представителей радикального крыла в общественном движении в необходимости устранения всех сословных привилегий и проведении реформ на территории всей Империи, в которой, по его мнению, «простой человек» в городе и деревне должен был стать «становым хребтом» всего государственного порядка.

26 марта 1525 г. восстали крестьяне Оденвальда. Они собрались поблизости от Мергентхайма и подняли знамена, на одном из которых был изображен крестьянский башмак, на другом – крест. Своим командиром они избрали трактирщика из Балленберга Георга Мецлера. Одним из наиболее влиятельных военных и политических руководителей отряда был дворянин Вендель Гиплер. К Оденвальдскому отряду присоединились крестьяне долины Некара во главе с крепостным держателем Яклейном (Яшкой) Рорбахом. Отряд принял в качестве программы «Двенадцать Статей» швабских крестьян и отказывался давать «господам» чинши и выполнять в их пользу барщины до тех пор, пока относительно всех феодальных повинностей не будет принято «общего решения». В Оденвальде восстание происходило по преимуществу на территории церковных и монастырских владений, что, хотя бы отчасти, можно объяснить особой ненавистью местных крестьян и крестьян долины Некара к католической церкви и ее духовенству. Объединенный отряд устранил старые органы власти и стал выполнять их функции. Это обстоятельство красноречиво указывает не только на рост активности участников массового движения, но и на радикальные перемены в их сознании, которые выразились в неприятии существующих феодальных порядков и признании необходимости крупных общественных преобразований.

От одного из промежуточных пунктов на пути своего движения, Шенталья, объединенный отряд направился к Вайнсбергу, который занимал с рыцарями и ландскнехтами граф Людвиг фон Хельфенштейн, известный в народе своей жестокостью и притеснениями крестьян. 16 апреля 1525 г. повстанцы атаковали гарнизон Вайнсберга, а жители этого городка, симпатизировавшие крестьянам, открыли перед ними городские ворота. Граф оказался в плену и 17 апреля по приговору крестьянского полевого суда вместе с 14 рыцарями был предан позорной и мучительной казни: осужденных прогнали сквозь строй с пиками³⁶. 18 апреля перед отрядом открыли ворота жители имперского города Гейльбронна. Однако события в Вайнсберге послужили поводом для острых дискуссий между умеренными и радикальными элементами в самом крестьянском движении. Умеренные элементы во главе с Мецлером выступили против Рорбаха, который вынужден был со своими сторонниками покинуть отряд. Руководство отрядом оказалось в руках Мецлера, твердо придерживавшегося тактики переговоров с феодально-католическими силами. Военным командиром отряда был избран знаменитый «рыцарь-разбойник» Гец фон Берлихинген. В отличие от Гейера он вряд ли был убежденным

сторонником восставших крестьян и примкнул к ним, есть основания полагать, прежде всего из авантюристических побуждений.

Еще один отряд повстанцев с центром в монастыре Бильдхаузен, расположенном рядом с городом Мюннерштадт на севере Франконии, образовался 12 апреля 1525 г. Произошло это после того, как бюргеры Мюннерштадта разгромили и разграбили монастырское подворье в городе и заняли Бильдхаузен. Самостоятельный отряд появился на территории аббатства Аура, который заключил, однако, «союзное соглашение» с бильдхаузенцами. В результате восстанием оказалось охвачено почти все епископство Вюрцбург. 16 апреля вожаки Бильдхаузенского отряда обратились с посланием к официальным органам власти, городам и деревням, в котором говорилось, что повстанцы выступили «за слово божье и евангелическое учение», чтобы с их помощью «освободиться от несправедливых и непомерных отягощений, но это не означает, что мы, — заявляли авторы документа, — не желаем ничего давать властям или господам, так как это было бы против божественного писания и порядка». Поэтому требования восставших сводились к тому, чтобы «власти и господа вступили с ними в переговоры на основе справедливости и евангелического учения»³⁷. Отсюда следовало, что официальные власти сохраняли свои позиции. Руководство отряда брало на себя обязательство не предпринимать военных действий, пока ландтаг в Вюрцбурге не рассмотрит проект реформ и не примет по нему «соответствующего решения». В ожидании такого «решения» крестьяне обязаны были выполнять все повинности «по старому обычаю».

Правда, в крестьянском движении на территории аббатства Аура определенным влиянием пользовались и радикальные элементы, центром деятельности которых был небольшой город Киссинген. Эти элементы признавали над собою только Бога и избранные общиной власти. Одной из причин склонности к компромиссам Бильдхаузенского отряда, доступ в который радикальным элементам был сильно затруднен, явилось то обстоятельство, что руководство в нем находилось в руках деятелей умеренного крыла в общественном движении — представителей княжеской администрации мелких городов. Во главе отряда стояли Ганс Шнабель и Ганс Шар из Мюннерштадта. Лишь резкие протесты крестьян заставили этих лидеров движения пойти на включение в состав совета отряда представителей от «простых людей». Примечательно также и то, что руководство отряда при проведении реформационных преобразований намерено было следовать учению Лютера. Все это объясняет, почему Бильдхаузенский отряд,

численность которого достигала 7 тысяч человек, вел себя довольно пассивно и по существу не прибегал к насильственным акциям. Руководство этого отряда было «сильно озабочено сохранением и поддержанием земского мира».

Еще двумя очагами Крестьянской войны во Франконском районе являлись герцогство Вюртемберг и долина реки Риз. Кратко рассмотрим события в каждом из них.

События Крестьянской войны в Вюртемберге³⁸ начались только 16 апреля 1525 г., когда поднялись на восстание жители земского города Ботвара и призвали крестьян близлежащей округи присоединиться к ним. Командиром быстро сформировавшегося отряда был избран Матерн Фойербахер, зажиточный трактирщик и землевладелец, сыгравший роль «отступника от [принципа] общей пользы»: он защищал права и привилегии дворянства и духовенства, препятствовал контактам вюртембержцев с «чужеземными» отрядами. В изданном 27 апреля мандате Фойербахер отвергал принцип «божественного права» и революционные цели движения; мандат ограничивался осуждением «богохульства, чревоугодия и пьянства», введением строгой дисциплины в рядах повстанческой армии. Отсюда проистекала и локальная ограниченность движения в Вюртемберге. Однако в общественное движение в Вюртемберге вскоре влились и радикальные элементы. 22 апреля здесь появились крестьяне Цабергау во главе с Гансом Вундерером, из Франконии прибыл отряд Яклейна Рорбаха, из Шварцвальда – Томаса Майера. Здесь же развернул кипучую деятельность проповедник радикального толка Антон Эйзенхут. «Умеренно-соглашательские» элементы утратили безраздельное влияние. К тому времени численность крестьянской армии достигла 12 тысяч человек. Собственной программы повстанцы не имели, но приняли «Двенадцать Статей» швабских крестьян. 25 апреля они овладели Штутгартом, и в их руках оказался почти весь Вюртемберг. Фойербахер был отстранен от командования, но на его место избран другой представитель умеренного крыла движения – дворянин Бернхард Шенк фон Винтерштеттен. Он продолжил стратегическую линию своего предшественника, направленную на достижение компромисса с феодально-католическими силами. Это, однако, не привело и вряд ли могло привести повстанческое движение к успеху.

Большой интерес представляют также и события Крестьянской войны в долине Риза³⁹. Восстание здесь началось еще во второй половине марта 1525 г., и в него в общей сложности было вовлечено 74 населенных пункта. Самое активное участие в событиях в

городах этого региона (особенно в Нердлингене) приняла как бюргерская, так и плебейская оппозиция. Недалеко от стен Нердлингена, в Дайнингене, образовался крестьянский повстанческий лагерь. Поводом для самих событий в Нердлингене послужили аресты проповедника «евангелической веры» Мельхиора Шарфбюндера и популярного в среде горожан лидера бюргерской оппозиции «младшего» бургомистра Антони Форнера. Волнение, стихийно вспыхнувшее в городе 22 марта, привело к освобождению из-под ареста Форнера, которому руководители Дайнингенского крестьянского отряда тут же предложили возглавить их отряд, назначив за это крупное денежное вознаграждение. Форнер не только отказался от предложения крестьян, но и, фактически придя к власти в городе, выступил против планов самой бюргерской оппозиции, которые предусматривали создание союза с городами Динкельсбюлем и Ротенбургом с целью осуществления и защиты реформационных и политических преобразований в долине Риза и на сопредельных с нею территориях.

Другое направление общественного движения в Нердлингене возглавил ремесленник-стеклодув Бальтазар Фенд, который выдвинул проект, предусматривавший закрытие монастырей, изгнание католического духовенства и графов Эттингенских, установление «евангелической веры», отмену феодальных чиншей, присоединение всей территории Риза к Нердлингену и провозглашение республики. Во время стихийно вспыхнувшего в городе ночью с 3-го на 4-е апреля 1525 г. восстания Фенд горячо убеждал горожан, что утраченная ими справедливость может быть восстановлена только с помощью крестьян. Но против союза с восставшими крестьянами выступил Форнер, и его точка зрения возобладала над другими: бюргерская оппозиция в Нердлингене отмежевалась от действий крестьянского отряда в Дайнингене. Деятельность самого Фенда, который в известной мере опирался и на плебейскую массу городского населения, не выходила, однако, за рамки программы радикально-бюргерской оппозиции и не имела в виду реализацию требований предпролетарских элементов в общественном движении.

Начало заключительного этапа Крестьянской войны во Франконии, вероятно, следует связывать с подписанием уже упоминавшегося выше договора Трухзеса с руководством Озерного отряда 17 апреля 1525 г. в Вейнгартене. Этот договор развязал Трухзесу руки и позволил, о чем также оказано выше, направить армию Швабского Союза на подавление восстания во Франконии. Поход этой армии кардинальным образом изменил социально-

политическую ситуацию во Франконии, поставив в повестку дня со всей остротой вопрос о вооруженной борьбе с феодально-католическими силами. Именно в такой критической ситуации возникла так называемая «Гейльброннская программа»⁴⁰. Ее вполне можно отнести к числу важнейших документов Крестьянской войны и даже всей революции XVI в. в германских землях. В силу данного обстоятельства возникает необходимость рассмотрения не только содержания самой Программы, но и историографии вопроса. Такое рассмотрение позволит приблизить границы истинности в познании этого явления.

Еще в «Крестьянской войне в Германии» Ф.Энгельс утверждал, что «из всех вождей движения Вендель Гиплер правильнее всего понимал существующее положение вещей... Гиплер, представитель... средней равнодействующей всех прогрессивных сил нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*». Энгельс отметил также, что Гиплером «дворянам были сделаны уступки, вполне приближавшиеся к современным выкупам и ведущие в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную»⁴¹. Точку зрения Энгельса о планируемых Гиплером выкупных операциях с крестьянскими повинностями нельзя признать по крайней мере бесспорной, хотя ее до сих пор разделяет большинство историков-марксистов; мнение же о наметившейся тенденции превращения феодальной собственности на землю в свободно отчуждаемую («буржуазную») собственность нашло подтверждение в историографической практике. Трудно согласиться с Энгельсом в том, что Гиплер не был «революционером с широким кругозором»⁴². Деятельность последнего все же скорее свидетельствует об обратном. В то же время Энгельс прав в другом: он с достаточным на то основанием видел в Гиплере представителя радикальной группировки немецкого бюргерства, которая намерена была осуществить по сути дела буржуазные преобразования. Отметим также, что точка зрения одного из основоположников исторического материализма оказала сильное влияние на оценки «Гейльброннской программы» в марксистской литературе⁴³. На эти оценки необходимо обратить особое внимание.

М.М.Смирин видит прогрессивное значение «Гейльброннской программы» прежде всего в том, что она предусматривала создание немецкого централизованного государства и осуществление вполне конкретных преобразований ради достижения этой цели. В то же время авторы Программы, как полагает Смирин, предали забвению интересы народных масс, особенно крестьянства, и поэтому

проект общественных преобразований бюргерской оппозиции во Франконии не мог стать на практике программой борьбы за реальные преобразования⁴⁴. А.Д.Эпштейн акцентирует внимание на антикапиталистическом характере требований «Гейльброннской программы»⁴⁵. По мнению В.Г.Павленко, эта Программа была документом, «исходящим от радикальных кругов немецкого бюргерства», которое, однако, вступило на арену политической борьбы в то время, когда на ней преобладало влияние «консервативного бюргерства»⁴⁶. Г.М.Лившиц утверждает, что «Гейльброннская программа» «в гораздо большей мере отражала интересы бюргеров и рыцарей, чем крестьян. В отношении крестьян она провозглашала необходимость освобождения от феодальной зависимости за выкуп, условия которого были весьма тяжелыми. Так, программа предусматривала уплату крестьянами двадцатикратной стоимости их обычных платежей в пользу феодалов. Такой выкуп был под силу только самой зажиточной верхушке крестьянства»⁴⁷. В общем и целом этой же версии в толковании содержания «Гейльброннской программы» следует и А.В.Адо, по словам которого, она «подразумевала широкое использование крестьянского движения в интересах бюргерства и оппозиционного рыцарства и определенно шла на некоторые уступки крестьянам, соглашаясь, с оговорками, на отмену крепостного состояния, свободу охоты и рыбной ловли, отмену малой десятины. Она, однако, не посягала на дворянское землевладение и предусматривала выкуп крестьянских повинностей за единовременную уплату 20-кратной суммы годовой ренты (т. е. 5 %)»⁴⁸.

Историки бывшей ГДР в оценках «Гейльброннской программы» в основном следовали за Ф.Энгельсом и высказывали мнения, близкие точке зрения на эту проблему советских медиевистов. Так, М.Штейнмец обратил внимание на то, что во Франконии была разработана программа, которая по преимуществу отвечала интересам бюргерства, ее реализация предполагала также усиление центральной государственной власти и улучшение судопроизводства. Тем самым в ней выдвигались вполне назревшие исторические задачи. Однако она не стала и не могла стать лейтмотивом в действиях широких народных масс, так как крестьяне потерпели поражение до ее обсуждения и распространения. К тому же, как полагает Штейнмец, проект программы не содержал специфических крестьянских требований⁴⁹. Г.Фоглер акцентирует внимание читателя на том, что «Гейльброннская программа» возникла тогда, когда умеренные руководители движения во Франконии прилагали усилия к тому, чтобы отмежеваться от крестьянской

массы и ее требований, поэтому интересы крестьян вообще будто бы не получили в ней отражения. Программа ничего не говорит о повинностях, от которых крестьяне сильно страдали. Сформулированное в ней право выкупить все феодальные чинши за двадцатикратную их стоимость было в интересах только зажиточных крестьян. Программа не отражала, как полагает Фоглер, и тех тенденций «классовой борьбы», которая развернулась в этих городах во время ранней буржуазной революции⁵⁰. По мнению А.Лаубе, Программа указала на «социальный размах движения под влиянием раннекапиталистических элементов». Осуществление требований этой Программы отвечало интересам торговой и промышленной буржуазии. Данную оценку, по его мнению, не может поколебать и антикапиталистическое требование Программы об ограничении учредительного капитала торговых компаний⁵¹. Однако Лаубе, к сожалению, не приводит достаточно веских аргументов, убеждающих читателя в правоте такой интерпретации самой Программы радикально-бюргерской оппозиции во Франконию.

Резюмируя приведенные выше суждения историков о «Гейльброннской программе», можно сделать вывод, что этим суждениям присуща некоторая двойственность. С одной стороны, историки-марксисты признают, что авторы Программы намерены были осуществить централизацию государства и вместе с нею буржуазные преобразования. С другой стороны, они же подчеркивают, что творцы Программы не учли в достаточной мере или даже «предали» интересы народных масс. Последняя точка зрения проистекает из вполне очевидного факта, что радикальная группировка немецкого бюргерства оказалась неспособной возглавить во время Крестьянской войны массовое народное движение и привести это движение к победе. И все же такое мнение о «Гейльброннской программе» и деятельности ее авторов с научной точки зрения нельзя признать бесспорным и доказанным — оно продиктовано в большей мере идеологическими мотивами, чем анализом действительного положения вещей.

Последнее слово в отечественной историографии и единственное монографическое исследование, посвященное этому документу, — относительно недавно увидевшая свет монография В.А.Ермолаева⁵². Ее автор еще в 50-е гг. пришел к выводу, что «Гейльброннская программа» отвечала интересам прогрессивных слоев Германии XVI в.». Он же обратил внимание и на тот факт, что Программа подчиняла «все частные интересы интересам бюргерства и капиталистического развития страны». Ермолаев указал также и на обстоятельство принципиальной значимости:

Программа «не оказала существенного влияние на развитие Крестьянской войны», так как ее положения «не успели широко обнародовать и превратить в программу действий»⁵³. В последнем монографическом исследовании путем скрупулезного изучения предпосылок, источников и всего комплекса документов, относящихся к Программе, он придал в известной степени гипотетическим предположениям своих предшественников силу научных доказательств и установил значение Программы в истории немецкой революции XVI в. Исследование Ермолаева вносит существенный корректив в научные представления о деятельности и проекте реформ радикально-бюргерской оппозиции во Франконии. Этот корректив (о нем см. ниже) принимает во внимание и автор настоящей книги. Теперь же обратимся к анализу текстов проекта самой Программы и сопутствующих ему документов.

Прежде всего необходимо указать на реформационную основу Программы. Ее авторы намерены были не только подчинить духовенство светским властям, но и лишить лиц духовного звания права заседать в государственных учреждениях, осуществить секуляризацию церковных (особенно монастырских) имуществ и использовать секуляризованные владения церкви в качестве своего рода материального фонда общественных преобразований. Программа также утверждала принцип выборности проповедников «слова божьего» и право общин смещать неугодных им пастырей. Она провозглашала реформу большой десятины с целью использования доходов от нее для вознаграждения проповедников, на другие общественные нужды (в том числе народного образования) и отмену малой десятины. Есть основания полагать (хотя бы на уровне рабочей гипотезы), что позиция авторов Программы во многом была близка реформационному учению Цвингли⁵⁴. Следует отметить и тот факт, что, согласно замыслу ее авторов, положения, сформулированные в «реформационных статьях», были подчинены достижению главной цели – установлению государственного единства и централизации всей Империи.

Ради достижения этой великой цели авторы Программы, Гиплер и Вейгандт, считали необходимым осуществить преобразования в экономической жизни общества. Они предполагали установить свободу торговли на территории всей Империи, упразднить пошлины на торговых путях, использовать государственные налоги на строительство и поддержание дорог и мостов, освободить торговые пути от различных феодальных поборов, ввести единую монету и единые меры веса и сыпучих тел. Ст. 10 самого проекта Программы по существу объявляла свободу предпринимательской

деятельности в горном деле и требовала ликвидации в этой отрасли народного хозяйства откупной системы. Нет сомнения в том, что реализация названных выше требований Программы создавала необходимые условия для успешного развития товарно-денежных отношений и образования национального рынка, что и являлось важнейшей предпосылкой генезиса капитализма как в промышленном производстве, так и в сельском хозяйстве в общегерманских масштабах.

В то же самое время ст. 12 проекта Программы содержала жесткое требование: «Чтобы такие компании, как Фуггеры, Гохштеттеры, Вельзеры и им подобные, были упразднены, ибо от их произвола и богатый и бедный [одинаково] терпят отягощение во всех товарах». И далее проект предусматривал установление максимального размера учредительного капитала компаний в 10 тысяч гульденов. Одна из «Статей Вейгандта» (18) формулировала данное требование еще более категорично: «Чтобы были уничтожены купеческие компании и всякое фуккерство»⁵⁵. В требовании, своим острием направленном против компаний-монополистов, некоторые историки, о чем уже упоминалось выше, увидели проявление антикапиталистической сущности самой Программы. Так ли это на самом деле?

В.Г.Павленко вполне резонно заявляет, что «требование ликвидации купеческих компаний следует расценивать прежде всего как требование свободы торговой деятельности...». Отсюда же он делает вывод, что «данное требование имело прогрессивное значение и является... бюргерским, буржуазным требованием»⁵⁶. По мнению В.А.Ермолаева, требования преобразований в экономической жизни, роспуска компаний-монополистов в том числе, отразили, с одной стороны, «насуточные интересы не только среднего и мелкого купечества, но и всего народа»; с другой стороны, «способствуя предпринимательской деятельности среднего масштаба», авторы Программы «воздвигали препятствия на пути развития крупного производства»⁵⁷. Признавая, что Ермолаев имел определенные основания для такого вывода, в то же самое время необходимо иметь в виду, что реализация требования устранения компаний-монополистов (типа Фуггеров) и ограничения «учредительного капитала» любой компании на практике была направлена в первую очередь против феодальных привилегий и регально-княжеских прав. В силу данного обстоятельства реализация этого требования должна была в конечном счете способствовать развитию свободной конкуренции и частной инициативы. Оба эти фактора опять-таки образовывали важнейшую предпосылку и

необходимое условие укрепления позиций возникающего капиталистического уклада в экономике и субъектов последнего в политике.

Краеугольный камень «Гейльброннской программы» – идея государственной централизации. Она требует: «Чтобы все ленники честно и добросовестно служили римскому императору» (декларация к ст. 1 проекта). По убеждению авторов Программы, с целью преодоления политической раздробленности и осуществления крупных государственных преобразований необходимо немедленно «создать особое имперское учреждение» с преобладанием в нем представителей бюргерства и обязать это учреждение реорганизовать всю политическую систему Империи сверху до низу. В связи с этим «должны быть также реформированы все светские князья, графы, бароны, рыцари и [простые] дворяне». Преобразования проводятся и во «всех без исключения городах, коммунах и общинах». Значение же центрального исполнительного органа государства приобретал «императорский камергерихт», в котором большинство мест также получали представители «третьего сословия». Отсюда вполне очевидна и ориентация авторов Программы на прогрессивные элементы общества, т. е. городское бюргерство и ту часть дворянства, которая разделяла и поддерживала идею политической централизации.

Программа предусматривала кардинальные изменения в судопроизводстве, так как в ст. 6 проекта речь шла о том, чтобы «в империи было отменено и устранено все светское право, которое применялось до сих пор». Та же ст. 6 у «Вейгандта» требует, чтобы «был установлен суд равный, безволочитный и правильный, в котором решались бы дела господ, городов и дворян одной и той же области, а также спорные дела поселков и апелляции бедных людей». Реформа должна была затронуть не только собственный имперский суд, но и распространиться на все земские (городские и деревенские) суды, создавая единую и централизованную систему судопроизводства на территории всей Германской империи. Реформа судопроизводства предполагала устранение римского права как орудия феодальной реакции и восстановление обычного права. Реализация намечаемых мероприятий ставила всех подданных Империи в равное положение перед законом. На это четко указывает «Инструкция Гиплера»: «Чтобы князья, бароны и дворяне, наряду со своими подданными, получали бы одинаково честное судебное решение, чтобы никто не пользовался никакими привилегиями, но чтобы богатому было, как бедному». Следовательно, проект судебной реформы, можно так сказать, носил «бюргерско-буржуазный» характер и был подчинен идее создания

единого централизованного государства. Более того, претворение в жизнь судебной реформы могло стать первым шагом на пути к правовому государству.

Однако чем объяснить, что авторы Программы сохраняют «Священную Римскую империю»? Само существование этого образования к тому времени стало политическим анахронизмом. В.А. Ермолаев полагает, что ее «авторы не имеют в виду коренной ломки существующего строя, они не революционеры, а лишь реформаторы, стремившиеся использовать... крестьянскую революцию» для создания «централизованной монархии и постепенного перехода от феодальных отношений к буржуазным»⁵⁸. С этими выводами исследователя вряд ли можно полностью согласиться. Во-первых, в практической деятельности в условиях Крестьянской войны Гиплер и Вейгандт, предполагая осуществить широкие государственные преобразования с помощью крестьянского восстания, вольно или невольно все же выступали в роли не только реформаторов, но и «бюргерско-буржуазных революционеров», хотя и делали все для разрешения конфликта с помощью реформ. Во-вторых, употребление авторами Программы дефиниции «священная империя» скорее свидетельствует о живучести традиционного стереотипа политического мышления, чем о сохранении средневековой империи как таковой: реализация Программы на самом деле превращала «священную империю» в достояние прошлого.

Особое место в Программе занимает аграрный вопрос. Как уже знает читатель, некоторые историки высказывают мнение, что Гиплер и Вейгандт хотя и намерены были осуществить государственные преобразования в союзе с крестьянами, но за счет интересов тех же крестьян. При этом сторонники такой точки зрения обычно ссылаются главным образом на декларацию к ст. 3 проекта самой Программы, где сказано: «Чтобы всегда можно было выкупить всякий ценз с земли, считая по 20 пфеннигов за 1 пфенниг». В этой связи приведем мнение В.А. Ермолаева, согласно которому авторами Программы «крестьянство рассматривается как свободное, самостоятельное сословие». И хотя, продолжает Ермолаев, «дворянское землевладение сохраняется», во всех документах, отражающих деятельность радикально-бюргерской оппозиции во Франконии, «нет ни слова о существовании власти феодалов»⁵⁹. Идея освобождения «простых людей» от «власти феодалов», которая по крайней мере не чужда Гиплеру и Вейгандту, предполагает принципиально иное, чем полагают «некоторые историки», отношение авторов самой Гейльброннской программы к крестьянству.

В цитированной выше декларации историки, как правило, видят свидетельство освобождения крестьян от феодальной зависимости за единовременный взнос в размере двадцатикратной годовой ренты. Доказательств этой точки зрения не приводится. Однако есть такие же основания и для другой гипотезы, а именно: декларация к ст. 3 проекта Программы имела в виду, есть основания так полагать, не возможность выкупа на тяжелых для крестьян условиях оброчных обязательств, а вполне благоприятные для последних условия освобождения от так называемых «выкупных рент», или сверхцензов, которыми, о чем уже было сказано в главе второй, оказались сильноотягощены крестьянские хозяйства. Реализация данного требования означала бы распространение выгодных для самостоятельных крестьян-держателей и фермеров условий коммерческого кредита на деревню и вообще весь сектор сельскохозяйственного производства.

В тексте самого проекта Программы аграрная проблема только обозначена. И дело не в том, что ее авторы не уделили этой проблеме должного внимания или предали забвению интересы крестьян, а в том, что Программа была посвящена решению принципиально иных задач. Однако в «Объяснении двенадцати статей» речь идет о том, что «личная крепость должна быть отменена совсем и не иметь больше силы и применения»; вместе с нею отменялся посмертный побор. В пользу крестьян решался и вопрос о праве общин на пользование землями альменды. Об этом упоминается и в «Статьях Вейганда». Что касается других крестьянских требований, Программа откладывала решение по ним «до общей реформации». В то же самое время авторы Программы заявляли, что «увеличение или уменьшение статей остается при установленном в двенадцати статьях содержании». Отсюда следует, что авторы намерены были выполнить требования, изложенные в программе швабских крестьян, на территории всей Империи. Поэтому есть основания для вывода, что Гиплер и Вейгандт имели в виду интересы крестьян и предпринимали достаточно энергичные усилия, чтобы удовлетворить наиболее насущные их требования. Рассматривая серьезный корректив аграрной программы радикально-бюргерской оппозиции, который ею был внесен в текст «Объяснения двенадцати статей», необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, этот корректив был вызван поисками ею общей платформы движения, принимающий во внимание интересы как городов и бюргеров, которые выступали в роли землевладельцев феодального типа, так и мелкого рыцарства, которое Гиплер надеялся привлечь на сторону бюргерской

оппозиции в качестве ее военной силы. Во-вторых, окончательное решение как о государственных преобразованиях в целом, так и по крестьянским требованиям должен был принять вполне демократическим путем съезд представителей всех крестьянских отрядов, получивший в исторической литературе название «крестьянского парламента».

И наконец, последнее. Идея выкупа феодальных повинностей чужда цвинглианской реформационной доктрине и требованиям, с которыми крестьяне выступали как накануне, так и особенно во время Крестьянской войны. В этом отношении весьма показательна самая популярная программа последней – «Двенадцать Статей» швабских крестьян. Однако в ряде программных документов Крестьянской войны, в том числе в «Двенадцати Статьях», речь шла о возможности выкупа крестьянскими общинами платежей и владельческих прав «нефеодального происхождения», которые были приобретены бюргерами или самими помещиками за деньги. Крестьяне в таких случаях выражали готовность «войти в положение» и выкупить ренты, земли альменды или даже пашни, владельческие права на которые были утрачены общинами и отдельными держателями за соответствующее денежное вознаграждение. В то же время крестьяне были убеждены, а реформационная идеология укрепила их в этом убеждении, что от «личной крепости» и проистекающих из нее платежей и повинностей их освободил сам Христос «пролитием своей драгоценной крови», поэтому поправная справедливость, согласно норме «божественного права», должна быть восстановлена безвозмездно. Это и дает основания для гипотезы, в соответствии с которой авторы «Гейльброннской программы» имели в виду в декларации к ст. 3 выкуп платежей «нефеодального происхождения». Последние под влиянием развития товарно-денежных отношений и неизбежного в тех исторических условиях их спутника – ростовщического капитала – приобрели характер крестьянских сверхцензов.

Литературным источником и своего рода «моделью» преобразований («реформации» по терминологии того времени) для авторов Программы послужил политический памфлет анонимного автора, который свой труд – «Реформация императора Фридриха III»⁶⁰ – создал в 80-е годы XV в. Однако положения этого памфлета были сильно переработаны и приспособлены к текущему моменту и первоочередным задачам общественного движения. К тому же авторы «Гейльброннской программы» гораздо дальше и вернее, чем большинство их современников, видели перспективу исторического развития Германии. Это дает основания еще для одного

вывода, а именно: при благоприятных военно-политических обстоятельствах и умелом руководстве повстанческими силами деятельность радикально-бюргерской оппозиции во Франконии могла бы стать центром Крестьянской войны во всей Германии и, следовательно, революции в целом.

Однако проект преобразований этой оппозиции, хотя и готовился с большой тщательностью, не был осуществлен на практике. Единства действий в общественном движении в достаточной для победы мере не удалось достичь даже в пределах Франконии. Разрозненные крестьянские отряды терпели поражения или капитулировали перед княжескими войсками. Военно-политические позиции феодально-католических сил укрепились со вступлением во Франконию войска Швабского Союза. 23 мая 1525 г. крестьяне по приказу своего командира Геца фон Берлихингена неожиданно оставили Вюрцбург. Это окончательно деморализовало повстанцев. 2 мая в битве при Кенигсхофене они потерпели сокрушительное поражение, оставив на поле брани около 6 тысяч человек убитыми⁶¹. После этой битвы Трухзесу уже не составляло большого труда подавить остальные очаги сопротивления крестьян. Мужество и стойкость франконские инсургенты проявили только в сражении при Беблингене еще 12 мая. Их вожаки – Рорбах и Гейер – пали в нем смертью героев. К концу 1525 г. крестьянское восстание во Франконии потерпело поражение и завершилось. Поражение крестьянского движения во Франконии, по всей видимости, имело решающее значение и для неблагоприятного исхода всей немецкой революции XVI в.

4.3. Тюрингско-Саксонский район Крестьянской войны и деятельность «мюнцеровской партии»

Крестьянская война в Тюрингско-Саксонском регионе отличалась ярко выраженными особенностями. С одной стороны, здесь находились промыслы Рудных Гор (Эрцгебирге), Мансфельда и крупный имперский город Мюльхаузен: с другой стороны, иной социально-экономический уклад образуют территории самой Саксонии. В первом случае мы имеем дело прежде всего с развитой горнорудной отраслью народного хозяйства, во втором – с традиционным, в том числе сельским, льноткачеством. Рассмотрим ход событий в каждом из них. Это позволит установить черты их своеобразия и даст основания для формулирования некоторых общих выводов.

Исследованиями М.Штраубе⁶², М.Бензинга и З.Хойера⁶³ установлено, что события Крестьянской войны в самой Саксонии принципиально отличались от развития событий в соседней Тюрингии, поскольку в Эрнестинской Саксонии как благодаря политике веротерпимости, которую проводили сначала курфюрст Фридрих Мудрый, а затем и его преемник на княжеском троне Иоанн, так и благодаря прочным позициям лютеранства 1525 г. прошел без вооруженных столкновений, хотя и Саксония испытала на себе сильное влияние революционных импульсов, источниками которых были прежде всего Франкония и та же Тюрингия. Поэтому и в Эрнестинской Саксонии часть населения оказалась вовлечена в антифеодальное движение. Штраубе это показывает на примере судебного округа (марки) Альтенбург, где крестьяне в 1525 г. выдвигали требование отмены всех феодальных чиншей и барщин⁶⁴. Но все же не эти требования, есть основания так полагать, в первую очередь определяли специфику событий Крестьянской войны в самой Саксонии.

В этой связи необходимо отметить, что крестьянское движение в Саксонии все же не отличалось массовостью, характерной для Тюрингии и других районов Крестьянской войны. Но и в Саксонии антифеодальные волнения также имели место. К примеру, еще в мае 1524 г. возник конфликт во владениях монастыря св. Томаса в Хольцхаузене, расположенном в округе Лейпцига. Что же там произошло? Оказывается, что крестьяне Хольцхаузена уже в течение двух лет отказывались выполнять в пользу монастыря барщины и вносить денежные и натуральные оброки, заявляя, что они желают «быть совсем свободными» (*gantz frey seyn*). По мнению К.Кцока, это требование было сформулировано под влиянием реформационного движения⁶⁵. Однако изолированная акция крестьян Хольцхаузена, которая не получила широкой общественной поддержки, в том числе со стороны бюргерско-плебейской оппозиции, в самом Лейпциге, была быстро подавлена усилиями герцогской администрации. Глава правящей династии Велинов герцог Георг в отличие от курфюрста Фридриха Мудрого (представителя династии Эрнестинов), сочувствовавшего Реформации и оказывавшего покровительство Люттеру, был убежденным католиком и противником Реформации. В борьбе как с бюргерской оппозицией, так и крестьянскими волнениями Георг опирался в первую очередь на силу. Именно эти обстоятельства хотя бы отчасти объясняют, почему упомянутыми выше фактами по сути дела исчерпываются акты социального протеста в саксонской деревне на первом этапе Крестьянской войны. Здесь дело так и не дошло до вооруженного противостояния сторон.

Одним из ярких проявлений социально-политической борьбы в Саксонии были события в ее столице – Лейпциге⁶⁶. Когда 18 апреля 1525 г. началось восстание крестьян и бюргеров в Фульде и Крестьянская война в соседней Тюрингии достигла своего апогея, Лейпциг также, по словам одного из современников и очевидцев событий, был «озабочен мятежом», официальные власти во главе с герцогом Георгом принимали энергичные меры к тому, чтобы восстание не распространилось на столицу самой Саксонии. В майские дни 1525 г. герцог Георг, на вербовав с помощью магистрата Лейпцига большой отряд ландскнехтов, приступил к подготовке похода «против Мюнцера». Известие об этом факте стало поводом для стихийного волнения, во время которого собравшаяся на площади толпа горожан попыталась отговорить ландскнехтов от участия в этом походе. Из толпы горожан раздавались голоса, что убивать «бедных людей» – значит «совершать большой грех и действовать против [воли] Бога»; собравшиеся на площади советовали ландскнехтам «тайно напасть» на монастыри и дома самых богатых бюргеров города. Они кричали, что герцог намерен пролить кровь невинных людей, что он – «кровопийца» и «кровавая собака тирании». Вожак городской бедноты Михель Румпфер публично заявлял о том, что он и его товарищи поддерживают восставших крестьян и «презирают власти». Основные требования мелкого бюргерства и плебейства во главе с Румпфером сводились к тому, чтобы радикальным образом преобразовать церковь, реформировать все органы политической власти в самом городе и изгнать из него князей и дворян. Причем эти требования Румпфер обосновывал ссылками на Библию. Изучение протоколов допросов участников движения убеждает в том, что их деятельность была направлена против самих основ феодального строя. Советник герцога и член городского совета Лейпцига Симон Пистори утверждал, что среди бюргеров находились люди, которые готовы были открыты восставшим крестьянам городские ворота, «отдать Лейпциг на разграбление бунтовщикам», предать смерти некоторых ратманов и всех «без исключения» князей, графов и дворян. Свидетельства других документов лейпцигского архива фактически подтверждают эту точку зрения, так как их анализ позволяет заключить: в столице княжества в рядах бюргерской оппозиции были представлены радикальные элементы, которые были убеждены в том, что, опираясь на Священное Писание, необходимо уничтожить всех имперских князей, графов, дворян и освободиться от всех чиншей, отягощений, оброков и поборов. Те же документы указывают на значи-

4.3. Тюрингско-Саксонский район Крестьянской войны

тельное влияние реформационной идеологии на настроения различных слоев городского населения, которые под ее воздействием проявили большую общественную активность.

Как показывают М.Штейнмец и К.Кцок, не только в Лейпциге, но и в других саксонских городах (Фульде и Нордхаузене) особенно активное участие в революционных событиях приняли льноткачи⁶⁷. Г.Хайц, напротив, полагает, что напряженные отношения между городом и деревней нашли отражение и в событиях Крестьянской войны, когда между ними (особенно в районах развитого льноткачества) так и не сложилось прочного и действенного союза. Города Хемниц, Эдеран и Шонау заняли враждебную позицию по отношению к крестьянскому движению⁶⁸. Отсюда следует, что оценка отношений между городами и восставшими крестьянами во время событий 1525 г. в Саксонии (как, впрочем, и в других районах Крестьянской войны) вряд ли может быть однозначной. В одних случаях (как это было в Лейпциге, Фульде и Нордхаузене) городской плебс и мелкое бюргерство выражали сочувствие восставшим крестьянам и готовность оказать им практическую помощь, в других случаях (пример тому — Хемниц, Эдеран и Шонау) отношение горожан к крестьянскому движению было враждебным. Позиция последних городов объясняется не только противоположностью интересов города и деревни, но и острой конкуренцией между сельскими и цеховыми ремесленниками, занятыми главным образом в текстильном производстве. Создается впечатление, что к союзу с крестьянами в большей мере тяготели города, уже подчинившие своему влиянию сельские промыслы. Отношение горожан к крестьянскому восстанию зависело также от расстановки социально-политических сил в самих городах.

В специфических условиях развивались события Крестьянской войны в центрах горнорудной промышленности. Во время восстания в Яхимове (на чешской стороне Рудных Гор), которое было направлено против графов Шликов и горной администрации, совместно выступили капиталисты-предприниматели, горнорабочие и крестьяне⁶⁹. Замечательным руководителем в ходе этих событий проявил себя Вольф Гефтель. Он намерен был изгнать «все старые власти» и лишить всех политических прерогатив саксонских князей. В отличие от большинства повстанцев ему были чужды местнические и узкословные настроения. Гефтель и его сподвижники стремились объединить для совместных действий крестьян и горняков и зарекомендовали себя убежденными сторонниками Мюнцера и последователями учения последнего⁷⁰.

Проблема солидарных действий крестьян и горняков приобрела большое значение и в деятельности самого Мюнцера. В последние дни апреля или первые дни мая 1525 г. он обратился с посланием к мансфельдским рудокопам. В нем Мюнцер заявлял, что настало время действовать и выступить на стороне восставших крестьян против угнетателей народа. Мюнцер призывал рудокопов к бодрости духа и стойкости, сообщал им о разрушении церковей в Фульде, напоминал о том, что крестьяне Клетгау, Хегау и Шварцвальда восстали числом более тридцати тысяч человек. Он предостерегал горняков, чтобы они не увлекались фальшивыми договорами, не поддавались уговорам врагов, если даже те будут обращаться к ним с добрым словом⁷¹. Мюнцеру в кульминационный момент Крестьянской войны в Тюрингии не удалось, однако, осуществить идею этого союза на практике. Горняки того же Мансфельда заключили договор с графом Альбрехтом и строго соблюдали его условия, что и не позволило привлечь на сторону восставших крестьян мансфельдских горняков. Последнее обстоятельство имело роковые последствия для исхода событий в этом регионе: без поддержки со стороны наемных рабочих и рудокопов-леэнхауэров крестьянское восстание оказалось обречено на поражение.

Особое место в истории Крестьянской войны занимают события в имперском городе Мюльхаузене в Тюрингии. Еще В.В.Стоклицкая-Терешкович, рассматривая события 1523–1525 гг. в этом городе и его округе, сделала вывод, что «мюльхаузенский плебс, руководимый Томасом Мюнцером, вел за собою бедное крестьянство и горнорабочих, которых было много в Тюрингии, и что масса, следовавшая за Томасом Мюнцером, стала носителем широкого революционного движения, распространившего свое влияние на отдаленные участки Крестьянской войны»⁷². Другой советский историк, М.Ф.Фадина, подчеркнула, что в Мюльхаузене уже в 1523 г. сложилась широкая оппозиция, направленная прежде всего против католической церкви. В этой оппозиции активное участие приняли городские низы, бюргерство и даже представители городской знати⁷³. Серьезное внимание событиям в Мюльхаузене уделили и историки ГДР М. Бензинг и Г. Гюнтер⁷⁴. Отсюда возникает необходимость ближе рассмотреть события в Мюльхаузене и попытаться установить, какое место они занимают в истории как Крестьянской войны, так и всей революции.

В этом городе идеи народной реформации пользовались популярностью прежде всего в плебейских массах. Еще 3 июля 1523 г. здесь произошло стихийное восстание, которое закончилось, однако, компромиссом между бюргерской оппозицией и пра-

вящей олигархией. Прибывший сюда 7 августа того же года Мюнцер сразу же, по словам одного из чиновников саксонского герцога, стал проповедовать, что городская беднота не обязана быть послушной существующим властям, давать чинши и ренты землевладельцам и этой бедноте в первую очередь следует изгнать из города и его сельской округи католическое духовенство. По мнению М. Бензинга, это было началом конституирования самостоятельной плебейской фракции в общественном движении. Эта фракция рекрутировалась из рядов разорившихся ремесленников, «вечных подмастерьев» и «люмпен-пролетариата». В конце марта 1524 г. жители деревни Аммерн в округе Мюльхаузена прогнали католического священника и отказались вносить чинши и ренты в пользу местного монастыря. Это событие сообщило импульс к совместным акциям феодально-зависимых крестьян и плебейско-бюргерской оппозиции в самом городе. На дальнейший ход событий решающее влияние оказала Крестьянская война.

К началу марта 1525 г. «правлящий совет» Мюльхаузена фактически утратил власть в городе. В середине этого месяца состоялись переговоры между магистратом и представителями оппозиции, продолжавшиеся в течение трех дней в церкви Всех Святых. Поскольку городские власти отказались выполнить требования оппозиции, все бюргеры 17 марта колокольным звоном были созваны в церкви Богоматери, и там было принято решение о свержении «старого правящего совета» и избран новый его состав. Избранный на собрании бюргеров орган власти получил название «Вечного Совета». Городской хронист по этому поводу восклицает: «О, божественное чудо: властители ниспровергнуты с трона, а униженные возвышены!»⁷⁵. Но образование «Вечного Совета» не было победой плебейства, а являлось результатом компромисса между различными группировками имущих слоев бюргерства. Представители городской бедноты не вошли в состав «Вечного Совета». Не были в нем представлены и жители предместий и деревень городской округи. Никто из членов этого органа власти не принадлежал и к созданной Мюнцером организации – «Вечному Союзу Божьему». О деятельности «Вечного Совета» известно лишь, что он пытался оказать противодействие процессу «замыкания цехов», открыв в ремесленные корпорации широкий доступ всем, кто желал заниматься ремеслом. Новый орган власти активно содействовал также демократизации общественной жизни в городе. События в Мюльхаузене побуждают обратить внимание читателя еще на одно обстоятельство.

Дело в том, что эти события тесным образом связаны с деятельностью Генриха Пфейфера и Томаса Мюнцера. Последний еще в середине февраля 1525 г. был избран проповедником самой большой в городе церкви Богоматери. В своих проповедях Мюнцер подвергал критике институт частной собственности и выступал с призывом к «всеобщему переделу имущества». «Вечный Совет» оказал содействие Мюнцеру и его сторонникам, осуществившим секуляризацию и передачу в пользу нуждающихся монастырских имуществ, но категорически высказался против обобществления имущества. Возникшие противоречия, по мнению В.М.Володарского, выразились в противоположности интересов сторонников Мюнцера интересам не только бюргерской оппозиции в лице «Вечного Совета», но и группировке мелкого бюргерства во главе с Пфейфером⁷⁶. Эту точку зрения разделяет и М.Бензинг, по словам которого, Пфейфер представлял интересы низших слоев городского бюргерства. В отличие от Мюнцера Пфейфер к тому же, как полагает Бензинг, стремился к осуществлению социальных преобразований не в масштабах всей Германской империи, а только в локальных рамках территории имперского города Мюльхаузена и его сельской округи. Такое различие во взглядах Мюнцера и Пфейфера, продолжает Бензинг, не было очевидным фактом до начала восстания. Тот и другой некоторое время представляли два крыла одного революционного лагеря, интересы которых, однако, не совпадали полностью⁷⁷. Возражая оппонентам, Г.Гюнтер вполне обоснованно утверждает, что между Мюнцером и Пфейфером не было принципиальных разногласий, так как оба принадлежали к одному направлению в общественном движении. Общность их судеб, отмечает Гюнтер, была скреплена совместной борьбой и мученической смертью 27 мая 1525 г. в княжеском лагере в Хельдруне⁷⁸. Есть основания согласиться с мнением Гюнтера, так как дошедшие до нас источники ничего не сообщают о противоположности позиций Мюнцера и Пфейфера: оба являлись представителями одного направления в общественном движении того времени – течения народной реформации.

Благодаря деятельности Мюнцера и Пфейфера Мюльхаузен превратился в крупный центр общественного движения Тюрингии⁷⁹. Исключительную значимость для установления связей между революционными силами Тюрингии, Гессена, Фульды, Херсфельда и Франконии приобрела деятельность таких незаурядных агитаторов и организаторов общественного движения, как Мельхиор Ринк, Генрих Фукс, Ганс Ремер и Ганс Зиппель, которые много сделали для привлечения на сторону этих сил городского плебейства.

Под влиянием мюнцеровской пропаганды руководство отряда повстанцев в Фульде установило контакты с далеко от него находившимся крестьянским отрядом в долине Риза (в Дайнингене). 26 апреля 1525 г. Мюльхаузенский отряд предпринял поход на Лангензальцу. В этом походе принял участие Генрих Пфейфер, а Томас Мюнцер остался в Мюльхаузене. Но к тому времени в Лангензальце верх взяла группировка, поспешившая отмежеваться от повстанцев и заставившая отряд повернуть обратно. Одна часть отряда направилась к монастырю в Фолькенроде и подвергла его разгрому, другая – возвратилась в Мюльхаузен. Оценивая возникшую ситуацию, М.Ф.Фадина отмечает, что во время Крестьянской войны по существу все города Тюрингии, за исключением только Вайсензеэ, с точки зрения официальных властей, оказались «полностью неблагонадежными» или даже открыто перешли на сторону восставших крестьян⁸⁰. Все это создавало благоприятную почву для продолжения восстания. Между тем поздно вечером 6 мая Мюнцер возвратился из Эйхсфельда в Мюльхаузен, а в ночь с 10 на 11 мая покинул город с отрядом своих сторонников и направился к Франкенхаузену, где 15 мая инсургенты потерпели сокрушительное поражение в битве с княжеской армией, во главе которой стоял молодой ландграф Филипп Гессенский⁸¹. Ответственность за поражение в битве при Франкенхаузене (такой вывод позволяет сделать исследование М.Бензинга) с достаточным на то основанием может быть возложена и на Мюнцера, который проявил полную некомпетентность в военном деле. Этот факт необходимо подчеркнуть и по той причине, что образ Мюнцера сильно идеализирован в отечественной (особенно советского периода) исторической литературе. В такой же мере очевиден и тот факт, что неблагоприятный для революционных сил исход этой битвы означал поражение восстания в Тюрингии. Однако ограничивается ли этим историческое значение событий в Тюрингии? В этой связи перед исследователем возникает задача рассмотрения некоторых теоретических аспектов истории «грубо-уравнительного коммунизма», нашедшего выражение в идее общности имущества, которую выдвигали радикальные элементы в общественном движении того времени.

Во время Крестьянской войны в Германии, полагает М. Бензинг, Мюнцер выступил в роли как «пророка-мессии класса общества далекого будущего», так и «подлинного демократа», боровшегося за повседневные интересы трудящихся классов феодального общества. Только принимая во внимание обе эти стороны учения и практической деятельности Мюнцера, можно создать «правдивый

его образ». В этом «образе» сочетались качества, с одной стороны, мыслителя, мечтавшего об идеальном общественном устройстве в духе религиозно-философских представлений той эпохи о неизбежности конца «старого мира», с другой – «социального революционера», который видел в «простом народе» исполнителя воли Бога в посясторонней действительности, связывая реализацию данного «закона» с единством категорий свободы и равенства всех людей⁸². Но что должно было стать материальной основой этого общества «единства свободы и равенства всех людей»? Именно в таком контексте следует поставить вопрос об отношении самого Мюнцера к идее общности имуществ и социального равенства.

Точка зрения, трактующая деятельность Мюнцера как сторонника общности имуществ, имела место и в западногерманской историографии. Так, К.Хиррикс, изучая альштедтский период деятельности Мюнцера, приходит к выводу, что уже тогда Мюнцер был противником частной собственности и последовательным приверженцем идеи общности имуществ⁸³. Однако Т.Ниппердай прибегает к более осторожной формулировке. По его словам, теология Мюнцера предусматривала революционные преобразования, в том числе отношений собственности, которые были направлены на удовлетворение насущных потребностей «простых людей»⁸⁴. Близкую последней точку зрения по вопросу об отношении Мюнцера к идее общности имуществ высказывал и Г.-Д.Плюмпер⁸⁵. Отсюда можно сделать заключение об отсутствии единства мнений по данному вопросу и среди историков ФРГ.

Острая полемика по вопросу об отношении Мюнцера к идее общности имуществ развернулась между советскими историками-марксистами. По мнению М.М.Смирина, «идея общности имуществ приписывается Мюнцеру на основании его призыва к народу освободиться от гнета господ и положить конец их излишества. Он же имел в виду только устранение господ и передачу всех богатств в общее пользование в практически мыслимой в то время индивидуальной трудовой или общинной собственности»⁸⁶. М.Ф.Фадина, по существу возражая Смирину, ссылается на «Историю Томаса Мюнцера», автором которой современные историки считают одного из ближайших сподвижников Мартина Лютера – «учителя Германии» Филиппа Меланхтона – и утверждает, что, выступая в марте 1525 г. на заседании «Вечного Совета» Мюльхаузена, Мюнцер по сути дела выдвигал требование о введении общности имуществ⁸⁷. А.Э.Штекли также полагает, что «трудно согласиться с М.М.Смириним, будто бы идея общности имуществ приписывается Мюнцеру на основании его призыва к

народу освободиться от гнета господ»⁸⁸. Кто же из историков прав? Чтобы найти более или менее удовлетворительный ответ на поставленный здесь вопрос, обратимся прежде всего к некоторым высказываниям Ф.Энгельса. Это позволит внести, как полагает автор настоящей книги, некоторый корректив и в научные представления о самой доктрине народной реформации.

Подводя итоги деятельности Мюнцера, необходимо принять во внимание слова Ф.Энгельса о том, что «немецкая Крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену вступили не только восставшие крестьяне, — в этом уже не было ничего нового, — но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и требованием общности имуществ на устах»⁸⁹. Энгельс писал о вожде и идеологе этого «пролетариата», что «подобно тому как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму». Смысл социально-политической программы Мюнцера Энгельс видел в установлении такого общественного строя, при котором не будет «ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти»⁹⁰. Однако среди историков существуют разногласия и ведется полемика по вопросу о программе практической деятельности и планах общественных преобразований, которые во время революции были выдвинуты лидером предпролетарских масс Мюнцером. Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку только он открывает путь к исследованию истоков и самой сущности «грубо-уравнительного коммунизма» эпохи Реформации как исторического явления⁹¹. С другой стороны, это же позволит пролить свет и на уровень общественного сознания «простых людей», живших в XVI в. Только так можно снять противоречие в объяснении историками отношения Мюнцера к идее общности имуществ.

Если иметь в виду практику социальной борьбы, которую вели Мюнцер и его сторонники за реализацию требований широких народных масс во время Крестьянской войны, следует признать правоту М.М.Смирин. Если же иметь в виду «предвосхищение» и «предчувствие» Мюнцером «коммунизма в фантазии»⁹², следует в этом случае признать, что не в меньшей мере, чем Смирин, правы М.Ф.Фадина и А.Э.Штекли. На допросе перед казнью, читаем мы в его протоколе, Мюнцер говорил, что подлинная христианская любовь требует, чтобы «никто не стоял над другим, чтобы каждый был свободен и существовала бы общность имуществ»⁹³. Эти

удивительные для того времени слова свидетельствуют не только о далеко идущих планах вождя адептов народной реформации, выполнение которых, по замыслу последнего, радикальным образом изменило бы в лучшую сторону положение всех обездоленных, но и о намерении самого Мюнцера ради достижения конечной цели общественного движения осуществить идею общности имущества на практике. Реализация этой идеи должна была произойти, согласно логике учения того же Мюнцера, только после того, как «власть будет отдана простому народу», и перед «революционной партией» откроется перспектива построения «царства божьего на земле». Но Энгельс, оценивая эту перспективу, писал также о Мюнцере, что тот «пошел значительно дальше обычных представлений и непосредственных требований плебеев и крестьян и только из избранной части тогдашних революционных элементов создал партию, которая, поскольку она стояла на уровне его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь незначительным меньшинством восставшей массы»⁹⁴. Именно в этом состояла трагедия и вместе с тем историческое значение «кульминационного пункта всей Крестьянской войны», как называет события восстания 1525 г. в Тюрингии тот же Энгельс. Сформулированная Мюнцером в самом общем виде программа построения общества без произвола властей, угнетения и эксплуатации человека человеком и без частной собственности далеко выходила за рамки задач, которые тогда можно было решить на практике. Все это превращало его программу в социально-политическую утопию. Поскольку же утопизм общественного сознания – характерная черта революционных эпох, такой была судьба не только учения Мюнцера.

4.4. Крестьянская война в альпийских землях и «Земское Устройство» Михаэля Гайсмайера

Последним очагом Крестьянской войны были альпийские земли и сопредельные с ними территории: Тироль, Зальцбург, Верхняя Австрия, Штирия, Каринтия и Крайна. Ход событий Крестьянской войны в этом регионе отличается ярко выраженными особенностями. Во-первых, они по большей части хронологически не совпадают с событиями Крестьянской войны в основных ее районах в «Старой Германии», точнее сказать, заключительный их этап в альпийских землях происходил в то время,

когда восстание в ней уже потерпело поражение. Во-вторых, здесь повстанческую армию возглавил такой незаурядный человек, как Михаэль Гайсмайер – автор «Земского Устройства», одного из тех документов эпохи Реформации, которые до сих пор вызывают большой интерес и порождают острые споры. [Рассмотрим, однако, прежде всего ход событий Крестьянской войны в альпийских землях на начальном ее этапе⁹⁵. Это позволит пролить дополнительный свет на исторические условия возникновения проекта общественных преобразований Гайсмайера и отчасти его содержание. Именно такой подход открывает возможность установления истоков и сущности социально-политической концепции и самого автора «Земского Устройства».

В центре тирольской горнодобывающей промышленности Шваце восстание горняков началось еще 20 января 1525 г.⁹⁶ Оно было направлено не только против княжеского бергамта, но и против «иноземных компаний», выступавших здесь в роли банкиров-ростовщиков, откупщиков княжеской горной регалии и предпринимателей-капиталистов на горных промыслах и владельцев плавильных предприятий. Горняки требовали отстранения ряда должностных лиц, изгнания Фуггеров и владельцев других южнонемецких компаний из Шваце, ужесточения мер властей против спекуляции, увеличения числа выходных дней для горнорабочих, расширения автономии горняцких общин. Между представителями горняков и территориальным князем эрцгерцогом Австрийским Фердинандом Габсбургом начались длительные переговоры, которые закончились тем, что горняки впервые были допущены на открывшиеся в июне заседания ландтага. Правительство, используя специфику требований горняков, поставило перед собою стратегическую цель: не только изолировать последних от общественного движения, но и превратить их в своих союзников в борьбе против «мятежников». И нужно сказать, этот замысел отчасти княжеской администрации удался: горняки Шваце сохранили спокойствие и верность присяге князю в тот момент, когда вспыхнуло вооруженное восстание на юге Тироля.

Восстание здесь началось 9 мая 1525 г. В этот день подданные местного епископа освободили из-под стражи приговоренного княжеским судом к смертной казни крестьянина Петера Песлера. Это событие знаменовало собою начало в Тироле второго этапа движения, продолжавшегося до открытия 12 июня заседаний ландтага. Солидарные действия крестьян и ремесленников позволили им сначала овладеть резиденцией епископа, а затем подвергнуть погрому и разграблению дома других прелатов церкви и

нескольких богатейших бюргеров. Восставшие избрали своим предводителем Михаэля Гайсмайера. Одна из бумаг княжеской канцелярии содержит словесный портрет, а также краткую и, отметим, вполне объективную его характеристику. Из этого документа мы узнаем, что Гайсмайер был сухощавым мужчиной высокого роста в возрасте 34 или 35 лет, носил небольшую темную бороду, у него было «красивое, некрупное, умное лицо» и его отличало «большое красноречие». Известно также, что Гайсмайер происходил из семьи местного горнозаводчика и обладал значительным опытом практической деятельности: он служил чиновником таможенной заставы, судьей, личным секретарем сначала командующего (ландесхауптмана) тирольской армией барона фон Фельса, а затем – бриксенского епископа. Теперь этот опыт и незаурядные дарования Гайсмайер отдает делу борьбы с ненавистным феодальным режимом и защите интересов «простых людей». Именно такой, по мнению автора этих строк, была мотивация его деятельности во время революции.

Между тем повстанцы овладели Боценом, где захватили дома прелатов церкви, банкиров-ростовщиков, Фуггеров и здания, принадлежавшие Тевтонскому Ордену. Из Боцена движение распространилось до Триента и поселений итальянских крестьян. Повсюду инсургенты занимали монастыри и рыцарские замки. Однако на этом этапе движение было направлено прежде всего против католического духовенства и торгово-ростовщических компаний. Еще 14 мая 1525 г. инсургенты вступили в Меран, где взяли приступом монастырь св. Клары, заставили перепуганных монахинь снять с себя орденские одежды и в светских платьях покинуть монастырь. В дальнейшем руководство движением в Боцене и Меране перешло к зажиточным бюргерам и крестьянской верхушке. Новое руководство и придало движению соответствующую организационную форму. Около 20 мая в его редакции была составлена «Меранская программа», включавшая требования оппозиционных властям сословий Тироля.

«Меранская программа» была направлена прежде всего против католической церкви и требовала закрытия всех, за исключением двух или трех, монастырей и введения выборности приходских священников. Малую десятину Программа передавала в распоряжение общин, земельные владения церкви – князю (графу Тироля). Требования Программы, затрагивающие интересы дворянства, сводились к следующему: они упраздняли должность ландесхауптмана и отстраняли дворян от судопроизводства, так как впредь общины сами получали право избирать судей. Статьи, касающиеся

городов и торговли, во многом аналогичны требованиям «Гейльсброннской программы». «Двенадцати Статьям» швабских крестьян созвучны требования свободы пользования землями альменды и отмены некоторых видов барщины. Программа, однако, признает «законными» все «умеренные» и фиксированные феодальные платежи и повинности, а равным образом – большую церковную десятину. Следовательно, в целом Программа далека от того, чтобы устранить систему феодальной эксплуатации и угнетения из жизни общества, отменяя лишь наиболее вопиющие ее проявления. Инсбрукский ландтаг, заседавший в июне и июле 1525 г., утвердил «Меранские Статьи» и увеличил их число с 62-х до 96-ти. Деятельность ландтага, который занимался главным образом обсуждением требований сословий, по крайней мере на время, смягчила социально-политические противоречия в Тироле, зародив в народных массах, как показал дальнейший ход событий, призрачную надежду на скорое улучшение их тяжелого положения и сыграв тем самым роль своего рода громоотвода большой социальной бури.

Но еще 25 мая 1525 г. началось восстание в Зальцбурге, архиепископом и территориальным князем которого был представитель аугсбургского патрицианского семейства Матеус Ланг. Поводом к восстанию явилась казнь без суда и следствия (по личному приказу самого князя) двух подозреваемых в ереси крестьян. В первых числах июля армия инсургентов появилась у стен Зальцбурга и при поддержке бюргеров быстро овладела городом. Архиепископ вынужден был спастись бегством. Центрами повстанческого движения в Зальцбурге стали также Пинцгау и Гоштейн, где находились многочисленные предприятия по добыче серебра и золота. Из Зальцбурга движение распространилось на Штирию и Крайну. Здесь, однако, ландсхауптману Сигизмунду фон Дитрихштейну удалось одержать победу в сражении с инсургентами. Победа над крестьянами Штирии и Крайны позволила ему начать поход в Зальцбург с целью подавления смертельно опасного для власти имущих восстания.

Дитрихштейн со своей армией направился к пограничному городку Шладмингу. Однако здесь зальцбургские инсургенты нанесли ему 3 июля 1525 г. сокрушительное поражение⁹⁷. Под непосредственным влиянием этой победы горняков и крестьян Зальцбурга началось восстание во внутренних областях Австрии. Восставшие австрийские крестьяне обратились к зальцбуржцам с просьбой о помощи. Полевым командиром последних и победителем в битве при Шладминге был Михаэль Грубер. Обладая незаурядным дарованием военачальника, он в то же время был человеком

консервативных убеждений и узкого политического кругозора. Внутренняя Австрия в глазах Грубера была «чужой страной», и на этом основании он отказал австрийским крестьянам в помощи. Так была упущена возможность распространения повстанческого движения фактически на все австрийские владения Габсбургов, открывавшая перспективу успешного продолжения революционного движения в германских землях. Упущенная возможность привела к ограничению восстания узкими территориальными рамками, к полной военно-политической изоляции, которую, несмотря на энергичные усилия Гайсмайера, так и не удалось преодолеть, и в конечном счете к поражению. Но поражение было впереди. Пока что общественное движение находилось на подъеме.

Во время восстания в Зальцбурге была принята еще одна программа — «Четырнадцать Статей». В этой программе восставшие горняки и крестьяне требовали введения выборности приходских священников, пресечения как произвола со стороны феодальных сеньоров, так и злоупотреблений чиновников княжеской администрации. Бюргерская оппозиция столицы княжества выдвинула собственную программу, которая также включала требование о выборности священников. Но в отличие от крестьянско-горняцких статей их программа содержала и политические требования. Бюргеры требовали не только восстановления в полном объеме их средневековых вольностей и автономии в управлении и суде, но и представительства в «правительстве трех сословий» (горожан, крестьян и дворян). Из этого представительства исключались, однако, не только «юристы римского права», католическое духовенство и «иноземцы», но и горняки. Отказ бюргерской оппозиции предоставить горнякам равные с другими сословиями политические права имел отрицательные последствия для революционного движения. В то же самое время «три сословия» не только получали право контроля за деятельностью княжеской администрации, но и по существу к ним переходила вся полнота исполнительной власти, поскольку отныне компетенция архиепископа ограничивалась «духовными делами». К концу августа руководство движением оказалось в руках «соглашательских элементов», которые пошли на заключение мира с Лангом. Грубер перешел на службу к князю Зальцбурга.

В июне 1525 г. Гайсмайер предпринял неудачную попытку снова поднять восстание в Бриксене. За участие в этом предприятии он был арестован и посажен под стражу в крепость. Но 7 августа того же года Гайсмайеру удалось совершить побег из крепости. Он бежит в Швейцарию, где получает политическое

убежище в Цюрихе и устанавливает дружеские отношения с Ульрихом Цвингли. Проведя осень и зиму 1525–1526 гг. в Цюрихе, в феврале (или марте) 1526 г. Гайсмайер выехал в Граубюнден, где находились его сторонники, занимавшиеся подготовкой вооруженного вторжения в Тироль. Во время пребывания в Граубюндене в монастыре Претигау Гайсмайером и было составлено «Земское Устройство»⁹⁸. Поэтому необходимо прежде всего рассмотреть содержание этого документа⁹⁹. Анализ текста последнего не только позволит сказать, что собою представляло «Устройство», но и сформулировать вывод о возможности претворения проекта общественных преобразований, которыми Гайсмайер предполагал создать свободную демократическую республику, в социально-политическую действительность XVI в., ограниченную территорией небольшого альпийского княжества.

«Земское Устройство», с одной стороны, является оригинальным и отмеченным печатью незаурядности личности автора произведением, с другой – обнаруживает черты сходства с рядом программных документов Крестьянской войны. В основу «Устройства» положен принцип «божественного права». Всех «безбожных людей», преследующих Евангелие, угнетающих «простых людей» и препятствующих торжеству «общей пользы», по убеждению его автора, необходимо изгнать из страны и установить такой «христианский порядок», при котором власти решали бы все дела, руководствуясь только «словом божьим». Большое значение придавалось также Священному Писанию, так как только оно являлось источником и критерием «божьей справедливости». Трое теологов «высшей школы» заседали в правительстве и выносили вердикты о том, принимает ли оно решения «по приказу Бога», т. е. им принадлежало право определять соответствие издаваемых властями законов и постановлений принципу «божьей справедливости» и наложения вето на те из них, которые вступали в противоречие о этим принципом. Таким образом, правительство страны в своей деятельности обязано было следовать принципу «божьей справедливости», что предполагало прежде всего удовлетворение насущных потребностей «простого народа».

Из этого же принципа Гайсмайер выводил необходимость секуляризации церковного и монастырского землевладения, десятина взималась и использовалась на содержание священников: из ее же фонда получали содержание бедняки. Монастыри и здания Тевтонского Ордена преобразовывались в богадельни, в которых находили приют и пропитание престарелые и получали образование дети: церковную утварь Гайсмайер рекомендовал обратить в

звонкую монету, а полученные таким образом средства использовать «на нужды страны». Из «слова божьего» он выводил принцип общности, используя который власти подчиняли интересы каждого индивида интересам всего общества. Опираясь на этот принцип, близкий учению Мюнцера, Гайсмайер предлагал проект общественного устройства Тироля, предусматривавший устранение феодального режима и передачу власти избранникам народа, которые и образовывали правительство страны. Узловыми пунктами его программы преобразований являлись требования реформы «старой церкви», устранения феодальных властей и изгнания из страны дворян, имущества которых подлежали конфискации и должны были служить целям поддержания нового общественного порядка. Все «четверти» (Viceteln) страны – общины, судебные округа, в том числе горные, – избирали депутатов, которые, о чем сказано выше, формировали правительство. В руках последнего сосредотачивалась вся полнота исполнительной власти, хотя в решении важнейших вопросов (например, о налогах) принимала участие «вся страна». Созданием демократическим путем избранного правительства преодолевалась разобщенность и изолированность друг от друга отдельных районов страны. Идея централизации у Гайсмайера органически сочеталась с идеей всестороннего развития местного самоуправления и республиканских принципов политического устройства. Согласно замыслу автора проекта, Тироль превращался в республику, порывал все связи с Габсбургами и вступал в союзнические отношения с кантонами Швейцарского Союза, принявшими Реформацию. Реализация этого замысла существенным образом изменяла положение в юго-восточном анклав Империи.

В «Земском Устройстве» внимательно рассматриваются – и в этом оно обнаруживает известную аналогию «Гейльброннской программе» – вопросы судопроизводства, монетного дела, пошлин и чиншей. Особый же интерес представляет преобразование в экономике. «Устройство» уделяет много внимания осуществлению болот, разведению виноградников, удовлетворению потребностей страны в зерновых культурах за счет внутренних ресурсов. Но главной заботой Гайсмайера является горное дело. Горные богатства в целом, рудники и плавильные предприятия после изгнания Фуггеров и других «иноземных компаний», отмены имперских привилегий и конфискации имущества дворян должны быть переданы правительству страны и управляться государственными «факторами». На торговых путях внутри страны пошлины отменялись, на ее границах повышались. Чтобы устранить ростовщичество

и спекуляцию товарами первой необходимости, создавалась сеть государственных магазинов, в которых можно было бы приобрести эти товары по ценам, доступным «тем, кто работает». Экономический базис общества образовывали крестьянские хозяйства и переходившее под контроль правительства горное дело. Ненависть народа к владельцам торговых компаний и патрициату автор перенес на все города. «Земское Устройство» устанавливало, что стены городов будут разрушены, а города, за исключением двух (Бриксена – политической столицы Тироля, Триента – центра ремесла и торговли страны), прекращали свое существование. Эта мера представлялась Гайсмайеру необходимой, чтобы преодолеть противоположность между городом и деревней и уравнивать в правах и жизненных возможностях крестьян, горняков и ремесленников.

Оценки проекта общественных преобразований Гайсмайера в современной историографии неоднозначны. Как уже знает читатель, разошлись во мнениях о «Земском Устройстве» Г.Франц и А.Ваас. Принципиальный характер в понимании сущности и источников этого документа носят разногласия между М.М.Смириньым и Й.Мацеком. Последний считает, что для Гайсмайера первым побудительным мотивом составления «Устройства» явилось реформационное учение и практическая деятельность Цвингли; второй источник мировоззрения и проекта общественных преобразований Гайсмайера он видит в революционных традициях «тирольского народа». На формирование его взглядов, как полагает Мацек, не оказали существенного влияния ни хилиазм таборитов, ни учение Мюнцера, так как программа Гайсмайера, согласно точке зрения того же Мацека, опиралась только на светское мировоззрение вождя тирольских крестьян и горняков¹⁰⁰. Смирин выражает несогласие с Мацеком в определении того направления в реформационном движении, идеи которого оказали влияние на Гайсмайера. Как утверждает Смирин, содержащееся в «Земском Устройстве» требование установления социального равенства не может быть согласовано с учением Цвингли. Обоснование закономерности перехода к общественным порядкам, о которых речь идет в «Устройстве», автор последнего находит в социально-политической концепции, примыкающей, как полагает Смирин, к религиозно-философским взглядам Мюнцера. В то же самое время, по мнению Смириня, необходимо иметь в виду, что Мюнцер и Гайсмайер принадлежали к тому направлению в реформационном движении, которое по своей сущности и политической ориентации принципиально отличалось от течения, связанного с именем Цвингли¹⁰¹. Однако насколько правомерны такое понимание и такая интерпретация самим Смириньым взглядов и программы деятельности Гайсмайера?

В этой связи возникает необходимость высказать некоторые соображения по поводу полемики М.М.Смирин с Й.Мацеком по вопросу о содержании и сущности проекта общественных преобразований Гайсмайера¹⁰². Это, в чем убежден автор настоящей книги, приблизит границы истинности в познании социально-политических воззрений и программы деятельности лидера широкого общественного движения в альпийских землях эпохи Крестьянской войны.

Анализируя текст «Устройства», М.М.Смирин вполне правомерно связывает его содержание с принципами народной реформации, хотя очевиден и тот факт, что для Гайсмайера теологическое обоснование необходимости общественных преобразований не имело того большого значения, какое ему придавал Мюнцер. В отличие от Мюнцера, учение которого являлось «предчувствием коммунизма в фантазии», Гайсмайер, по мнению автора этих строк, с большей ясностью видел неизбежность переходного этапа на пути общества к установлению полного равенства, поскольку в сознании последнего удивительным образом сочеталась утопическая мечта о светлом будущем с трезвым рационализмом и, можно сказать, практичностью. В реализации своего замысла Гайсмайер особую роль отводил горнорудной промышленности, которая, как он утверждал, была главным богатством страны. Поэтому он намерен был в первую очередь передать правительству плавильные предприятия и ликвидировать откупную систему, осуществить конфискацию имуществ и состояний «иноземных компаний», а также предприятий и «долей» в паевых горных товариществах, занимавшихся добычей руды, которые принадлежали дворянам. Эти мероприятия, есть основания так полагать, не сводились только к изменению системы управления, но и означали изменение отношений собственности, так как реализация упомянутых выше положений проекта с необходимостью привела бы к упразднению института феодальной собственности в данном секторе народного хозяйства. Но свидетельствовало ли это о немедленной и полной ликвидации не только феодальной, но и частной собственности вообще?

Полемизируя с Й.Мацеком, М.М.Смирин, с одной стороны, по существу отвергает саму возможность влияния Цвингли на Гайсмайера, с другой — он же вслед за Ф.Энгельсом выражает убеждение, что учение Гайсмайера «примыкает к религиозным взглядам Мюнцера»¹⁰³. Оба эти положения нуждаются, однако, в пояснении.

Дело в том, что истолкование «Земского Устройства» как адекватного учению Мюнцера ведет к не совсем точному объяснению социальной программы Гайсмайера. Проект общественных преобразований последнего не отвергал идеи вовлечения в общенародный

фронт антифеодальных сил предпринимательских элементов. При оценке «Устройства» необходимо иметь в виду следующее. Гайсмайер, достаточно обстоятельно рисующий картину преобразований в горнорудной промышленности, ни слова не говорит о ликвидации или реорганизации товариществ, занимавшихся добычей руды и ведущих ее на капиталистической основе. Это делает вероятным предположение о сохранении, хотя бы временно, данных предприятий, что должно было способствовать укреплению «буржуазной» собственности и развитию капиталистических производственных отношений в горном деле. Имеет значение, по всей видимости, и тот факт, что Гайсмайер (как, впрочем, и Лютер) не только был выходцем из семьи горнозаводчиков, но и (в отличие от Лютера) сам владел паями горнорудных товариществ. Антифеодальные настроения нарождающейся местной буржуазии (прежде всего горнозаводчиков) усиливались по той причине, что предпринимательские элементы на горных промыслах и в плавильном производстве подавлялись «иноземными компаниями», опиравшимися в своей деятельности на поддержку территориального князя и его горной администрации. Это обстоятельство, очевидно, принимал во внимание Гайсмайер, который видел в предпринимательских элементах союзников в борьбе против Габсбургов и феодального дворянства. По крайней мере, именно такой вывод следует из анализа не только текста «Устройства», но и практической деятельности Гайсмайера.

И наконец, еще одно, с точки зрения автора настоящей книги, заслуживающее внимания обстоятельство. Отличие и даже противоположность программных установок деятелей народной реформации (Мюнцера и Гайсмайера), с одной стороны, и радикальной бюргерской реформации (Цвингли) – с другой, является, казалось бы, очевидным и даже общепризнанным фактом в отечественной историографии. В то же время необходимо иметь в виду, что деятели обоих направлений в общественном движении выступали в роли союзников, когда речь шла о борьбе с феодальным дворянством. Сравнение, к примеру, «Земского Устройства» Гайсмайера и «Плана военного похода» (Feldzugsplan) Цвингли¹⁰⁴ обнаруживает определенное сходство этих документов¹⁰⁵. Гайсмайера и Цвингли объединяло противоборство с Габсбургами, являвшимся в глазах того и другого олицетворением политического режима, который не соответствовал принципам «божьей справедливости» и «христианского государства». Это можно сказать и об их отношении к католической церкви, территориальным князьям и феодальному дворянству. Поэтому борьба, которую

Гайсмайер и Цвингли вели, вероятно, ради достижения различных конечных целей, имела под собою достаточно веские основания. Дело в том, что побудительным мотивом и главной программной установкой деятельности обоих являлся «подрыв» или даже «ниспровержение» самих устоев феодального режима и его политических институтов.

Логикой исторического процесса переходной от феодализма к капитализму эпохи выдвигается вопрос о соотношении теории и практики. Факты таковы, что деятельность Гайсмайера как практика показывает несоответствие его проекта общественных преобразований возможности их претворения в действительность. Попыток реализации «Земского Устройства» (как, впрочем, и «Гейльброннской программы» радикально-бюргерской оппозиции во Франконии) не предпринималось и предприниматься не могло. Гайсмайер, как известно, действовал в социально-политической ситуации, далекой от условий, в которых он смог бы осуществить свой проект радикальных общественных преобразований. По этой причине лишь гипотетически можно предполагать, что попытка реализации программы Гайсмайера могла бы принести результаты, отличные от задач, сформулированных в «Устройстве». И хотя Гайсмайер (в отличие от Мюнцера) знал, что делать, но и его проект (например, в отношении пути преодоления противоположности между городом и деревней) носил характер *социальной утопии*. \

Между тем весной 1526 г. центр повстанческого движения в альпийских землях сместился в Зальцбург. Это произошло после того, как собравшийся еще в январе того же года ландтаг княжества не только не поддержал требований оппозиции, но и предоставил архиепископу крупный заем в 100 тысяч гульденов. В Зальцбурге быстро росло недовольство, которое в конце марта вылилось в вооруженное восстание. В этой ситуации вновь поднялись на борьбу крестьяне и горняки Пинцгау, во главе которых встал все тот же неутомимый бунтарь Петер Песлер. Однако на этот раз восстание началось в гораздо менее благоприятной обстановке, чем в 1525 г. Крестьянские отряды в «Старой Германии» уже были разгромлены, и общественное движение там утратило былую силу. Теперь ничто не могло помешать Швабскому Союзу прийти на помощь зальцбургскому архиепископу. Не оправдались надежды Гайсмайера и его сподвижников и на то, что восстание станет всеобщим: большинство крестьян и горняков, особенно в Тироле, отказалось взять в руки оружие. Такой поворот в событиях по сути дела свел шансы на успех повстанческого движения в альпийских землях к минимуму.

Основные события Крестьянской войны в Зальцбурге развернулись вокруг занимавшего выгодное стратегическое положение города Радштадта, который отказался перейти на сторону инсургентов. 14 апреля 1526 г. повстанцы предприняли попытку штурма города, но он закончился неудачей, так как у них не было артиллерии, с помощью которой можно было бы пробить брешу в городских стенах. Между тем на помощь осажденному в Радштадте княжескому гарнизону двинулась большая армия ландскнехтов Швабского Союза. Правда, некоторое время инсургенты удерживали за собою горные перевалы, и эта армия сумела пробиться на территорию Зальцбурга лишь около 20 мая. Положение повстанцев даже изменилось к лучшему после того, как Гайсмайер из Граубюндена со своим отрядом совершил поход в Южный Тироль и продолжил этот поход через перевал Штерцинг в Зальцбург. Вскоре он принял командование над всеми повстанческими силами. В середине июня борьба за Радштадт вступила в решающую фазу. Именно во время этих событий ярко проявилось дарование Гайсмайера как полководца: он предвидел все ходы противника, умело и, главное, своевременно находил против них превентивные меры, неизменно приводившие ему успех. Однако после того как Песлер потерпел поражение в Пинцгау, Гайсмайер 2 июля 1526 г. вынужден был с оставшимся под его командой небольшим отрядом отступить от Радштадта к Линцу.

Такой поворот событий в значительной степени был обусловлен социально-политической обстановкой в альпийских землях и в первую очередь в Тироле. Еще в мае 1526 г., когда сложилась антигабсбургская коалиция Франции, Венеции, Флоренции и Милана, Гайсмайер предпринял военный поход в Тироль и развернул там энергичную агитацию, призывая местных горняков и крестьян к вооруженному восстанию. Но те и другие во время похода отряда Гайсмайера в Южный Тироль хотя и выражали его предводителю чувства искренней симпатии, в большинстве случаев отказывались вступать в ряды повстанческой армии. Причиной тому были репрессии и контрибуции, осуществленные феодальными властями еще осенью 1525 г., а также отчуждения с тем фактом, что сам Гайсмайер поддерживал союзнические отношения с республикой св. Марка (Венецией), которая в глазах большинства местных жителей была заклятым врагом их маленькой родины – графства Тироль.

Гайсмайер, есть основания так полагать, верно оценил создававшуюся военно-политическую ситуацию и, поскольку многократное превосходство в силах было на стороне феодально-католического лагеря, принял решение о прекращении вооруженной борьбы на территории архиепископства Зальцбург. 11 июля 1526 г. его отряд,

сохраняя боевые порядки, начал блестящий и героический переход через Альпы на территорию Венецианской республики.

Поражение восстания в Зальцбурге не означало, однако, что Гайсмайер отказался от продолжения борьбы против Габсбургов. Находясь на венецианской службе, он сформировал армию, ядро которой составили спасшиеся бегством участники Крестьянской войны, и уже в 1527 г. возглавил ее в боевых действиях против Габсбургов в Италии. Гайсмайер продолжал также, проявляя качества незаурядного дипломата, энергичную деятельность по созданию антигабсбургской коалиции. В его планах борьбы с Габсбургами значительное место отводилось принявшим «евангелическую веру» «городским кантонам» Швейцарского Союза. Но гибель в октябре 1531 г. в битве при Каппеле Ульриха Цвингли означала полное крушение этих планов. Через несколько месяцев после смерти Цвингли, 15 апреля 1532 г., удар кинжала наемного убийцы, подосланного, по всей видимости, «по приказу Габсбургов» и «на деньги Фуггеров»¹⁰⁶, оборвал жизнь великого тирольского революционера, оставившего заметный след в истории не только бурных социально-политических событий XVI в. в германских землях, но и в истории общественной мысли переходной от средних веков к новому времени эпохи.

Прежде всего качества революционера привлекли внимание Ф.Энгельса и явились причиной высокой оценки деятельности и личности Гайсмайера, которую он дал последнему в «Крестьянской войне в Германии». Он назвал Гайсмайера, как уже знает читатель, одним из последователей Мюнцера и единственным предводителем среди вожаков крестьянского движения, обладавшим незаурядными способностями полководца. Энгельс отметил также, что «с отступлением Гайсмайера в Венецианскую область закончился последний, заключительный акт Крестьянской войны»¹⁰⁷. Мнение Энгельса о том, что Гайсмайер был «последователем Мюнцера», вызывает сомнения и возражения¹⁰⁸. В то же самое время Энгельс, вероятно, прав, когда относит Гайсмайера к числу выдающихся деятелей эпохи Реформации. Достижения современной науки не только не поколебали, но и, напротив, как считает автор этих строк, подтвердили высокую оценку, которую дал Энгельс Гайсмайеру¹⁰⁹. «Заключительный акт Крестьянской войны», история которого неразрывно связана с именем Михаэля Гайсмайера, и на самом деле характеризовался не только острой социально-политической конфронтацией между защитниками и противниками феодального правопорядка, которая переросла в вооруженную борьбу, но и появлением удивительного

по своему замыслу и отмеченного незаурядностью личности автора документа – «Земского Устройства», – в котором нашла отражение мечта всех обездоленных, в том числе предшественников пролетариата нового времени, об обществе равенства и социальной справедливости. Парадокс истории, как показали события нового и новейшего времени, состоит, однако, в том, что попытки претворения этой замечательной мечты в жизнь уже неоднократно имели трагические для человечества последствия. Впрочем, об этом будет сказано в Заключении настоящей книги.

Примечания

- ¹ *Bonjour E.* Die Bauernbewegung des Jahres 1524 im Staat Bern. Bern, 1923. S. 37.
- ² См.: Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город... С. 267 след.
- ³ Akten zur Geschichte der Stühlinger Erhebung des Jahres 1524 // ZGOR. NF. 1929. Bd. 42. S. 276–277.
- ⁴ См.: Сапрыкин Ю.М. Крестьянские движения в Западной Европе в XIV–XVI вв. М., 1960. С. 35–47; Смирин М.М. Народная реформация... С. 293–296.
- ⁵ Zimmerische Chronik. Bd. 2. S. 523.
- ⁶ Egli E. Schweizerische Reformationsgeschichte. Bd. 1 (1519–1525). Zürich, 1910. S. 280–281, 286–287.
- ⁷ Johannes Stumpf. Schweizer- und Reformationschronik. Basel, 1952. T. 1. S. 262.
- ⁸ См.: Смирин М.М. Народная реформация... С. 291 след.
- ⁹ См.: Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город... С. 269–273, 276–283, 286–292.
- ¹⁰ См.: Некрасов Ю.К. Города и крестьяне... Вып. 6. С. 84–85 след.; Он же. Об отношении... С. 88 след.; Он же. Города и бюргерство... С. 56 след.
- ¹¹ См.: Майер В.Е. Крестьянство Германии... С. 137–156; Он же. Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны // Классы и сословия... С. 203–208.
- ¹² Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg... S. 63–64.
- ¹³ Смирин М.М. Германия эпохи Реформации... С. 214.
- ¹⁴ Heinrich Hug. Villinger Chronik von 1495 bis 1533. Tübingen, 1883. S. 116 f.
- ¹⁵ Лившиц Г.М. Реформационное движение... С. 175–176.
- ¹⁶ Хрестоматия по истории средних веков. Т. 3. С. 126–128; Практикум по истории средних веков. (1971). С. 243–244.
- ¹⁷ Der deutsche Bauernkrieg: Gleichzeitige Urkunden. Freiburg, 1864. S. 4.
- ¹⁸ Vogler G. Die Gewalt... S. 33.
- ¹⁹ Deutsche Geschichte. Bd. 1. S. 532.
- ²⁰ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg... S. 116.

- ²¹ См.: *Смирин М.М.* Народная реформация... С. 425–442; *Он же.* Германия эпохи Реформации... С. 224–228; *Он же.* «Двенадцать статей» // СИЭ. 1963. Т. 4. Стлб. 1045–1046; *Адо А.В.* Крестьянство в буржуазных революциях... С. 456, 478; *Майер В.Е.* Крестьянство Германии... С. 121–123.
- ²² См.: *Хрестоматия по истории средних веков.* Т. 3. С. 122–126; *Практикум по истории средних веков.* (1971). С. 246–251.
- ²³ *Vogler G.* Die revolutionäre Gehalt und räumliche Verbreitung der oberachwäbischen Zwölf Artikel // *Revolte und Revolution in Europa...* S. 217.
- ²⁴ *Адо А.В.* Крестьянство... С. 456.
- ²⁵ *Vogler G.* Die revolutionäre Gehalt... S. 215.
- ²⁶ *Franz G.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 146–148; *Deutsche Geschichte.* Bd. I. S. 534; *Illustrierte Geschichte...* S. 252–253; *Vogler G.* Die Gewalt... S. 103–105.
- ²⁷ См.: *Иванов В.В.* Социально-этические представления М.Буцера в ранний период // *Проблемы германской истории: Эпоха феодализма...* С.71. О Мартине Буцере и его реформационной доктрине см.: *Лейн Т.* Христианские мыслители... С. 175–177; *Маграт А.* Богословская мысль... С. 142–143, 260–261.
- ²⁸ *Vogler G.* Ein Vorspiel des deutschen Bauernkrieges in Nürnberger Landesgebiet 1524 // *Der Bauer im Klassenkampf...* S. 49.
- ²⁹ *Ibid.* S. 51 f.; *Güchel M.* Beitrag zur Geschichte der Stadt Forcheim im 16. Jahrhundert. Bamberg, 1898. S. 20 f.; *Franz G.* Der deutsche Bauernkrieg... S. 94; *Kupfer K.* Forcheim: Geschichte einer alten fränkischen Stadt. Nürnberg, 1960. S. 57; *Endres R.* Probleme des Bauernkrieges im Hochstift Bamberg // *Jahrbuch für fränkische Landesgeschichte.* Nürnberg, 1971. Bd. 31. S. 105 f.
- ³⁰ *Quellen zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges / Hrsg. von G.Franz.* München, 1963. S. 315.
- ³¹ *Vogler G.* Ein Vorspiel... S. 57 f.
- ³² *Ibid.* S. 60 f.
- ³³ *Illustrierte Geschichte...* S. 236–242.
- ³⁴ *Der deutsche Bauernkrieg: Aktenband.* München, 1935. S. 355 f.
- ³⁵ *Franz G.* Quellen... S. 368–369.
- ³⁶ *Циммерман В.* История Крестьянской войны. Т. 1. С. 370–383.
- ³⁷ *Franz G.* Quellen... S. 464–465.
- ³⁸ *Illustrierte Geschichte...* S. 253–255.
- ³⁹ См.: *Некрасов Ю.К.* Города и крестьяне... СГ. 1981. Вып. 6. С. 83–85; *Müller L.* Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges im Ries und seinen Umbländen // *ZHV.* 1889. Bd. 15. S. 24–128; 1890. Bd. 16. S. 38–73; *Strobach H.* Die Bauern sind aufrührig werden // *Der arm man.* Volkskundliche Studien. Berlin, 1975. S. 239–241.
- ⁴⁰ См.: *Хрестоматия по социально-экономической истории...* С. 147–162; *Хрестоматия по истории средних веков.* 1971. С. 260–271; *Ермолаев В.А.* Гейльброннская программа... Документы: С. 201–248; комментарии к документам: С. 249–261.

- 41 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 413–414.
- 42 Там же. С. 413.
- 43 См.: Микешин А.А. Гейльброннская программа в отечественной историографии // Германская история эпохи Реформации... С. 28, 31, 34.
- 44 Смирин М.М. Реформация и Великая крестьянская война... С. 180–182. Ср.: Он же. Германия эпохи Реформации... С. 236–238; Он же. Гейльброннская программа // СИЭ. 1963. Т. 4. Стлб. 176; Он же. Германия в преддверии нового времени... С. 51–52.
- 45 Эпштейн А.Д. История Германии... С. 65.
- 46 Павленко В.Г. О происхождении и сущности «Хайльброннской программы» // УЗ КамГПИ. 1968. Вып. 16. С. 33–35.
- 47 Лившиц Г.М. Реформационное движение... С. 181–182.
- 48 Адо А.В. Крестьянство... С. 470.
- 49 Steinmetz M. Zum historischen Standort des deutschen Bauernkrieges in der Geschichte Bauernbewegung beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus // Der Bauer im Klassenkampf... S. 38; Deutsche Geschichte. Bd. I. S. 533–534.
- 50 Vogler G. Zur Entstehung und Bedeutung des Heilbronner Programms // Die frühbürgerliche Revolution... S. 123–125; Idem. Die Gewalt... S. 85–86.
- 51 Laube A. Die Herausbildung... S. 294.
- 52 См.: Ермолаев В.А. Гейльброннская программа...
- 53 Ермолаев В.А. Франковский город... С. 137.
- 54 См.: Микешин А.А. Гейльброннская программа и цвинглианская реформация // Проблемы эволюции... С. 105–113.
- 55 Вейгандт вполне определенно имел в виду крупнейшую в то время во всей Германской империи аугсбургскую компанию Фугтеров. Торговая, банковско-ростовщическая и предпринимательская деятельность этой компании приобрела такой размах и известность (в том числе далеко за пределами германских земель), что сама фирма Фугтеров стала именем нарицательным.
- 56 Павленко В.Г. О происхождении... С. 21.
- 57 Ермолаев В.А. Гейльброннская программа... С. 176, 180.
- 58 Там же. С. 147, 194.
- 59 Там же. С. 192–193, 151.
- 60 См.: Ермолаев В.А. Гейльброннская программа... Документы. С. 218–248. Ср.: Там же. С. 5, 17–27, 145–146, 162–165, 171–174, 180, 181–182; Смирин М.М. Германия эпохи Реформации... С. 238; Он же. Германия в преддверии нового времени... С. 52.
- 61 Illustrierte Geschichte... S. 282.
- 62 Straube M. Über Teilnehmer und Folgen bauerlicher Unruhe im kursächsischen Amt Altenburg während des Bauernkrieges // Der Bauer im Klassenkampf... S. 215.
- 63 Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg... S. 180.
- 64 Straube M. Über Teilnehmer... S. 218.

- ⁶⁵ Czok K. Der Widerhall des Bauernkrieges in Leipzig 1524/25 // Der Bauer im Klassenkampf... S. 118, 120.
- ⁶⁶ Ibid. S. 120–121, 123–126; Steinmetz M., Czok K. Leipziger Land im Bauernkrieg... S. 34, 36.
- ⁶⁷ Steinmetz M., Czok K. Leipziger Land... S. 34.
- ⁶⁸ Heitz G. Ländliche Leinenproduktion... S. 100.
- ⁶⁹ Mittenzwei I. Der Joachimsthaler Aufstand 1525, seine Ursachen und Folgen. Berlin, 1967. S. 104 f.
- ⁷⁰ Deutsche Geschichte. Bd. I. S. 532.
- ⁷¹ Хрестоматия по истории средних веков. Т. 3. С. 115–116; Практикум по истории средних веков. (1971). С. 245–246.
- ⁷² См.: Стоклицкая-Терешкович В.В. О деятельности Томаса Мюнцера как вождя мюльхаузенского плебса во время Крестьянской войны в Германии // ИМ. 1936. Кн. 6. С. 199.
- ⁷³ Фадина М.Ф. Мюльхаузенское движение... С. 27–28.
- ⁷⁴ Bensing M. Thomas Müntzer... S. 65–66; Günther G. Bemerkungen... S. 171 f.
- ⁷⁵ Franz G. Quellen... S. 498.
- ⁷⁶ См.: Володарский В.М. Пфейфер // СИЭ. 1968. Т. II. Стлб. 731–732.
- ⁷⁷ Bensing M. Thomas Müntzer... S. 81–82.
- ⁷⁸ Günther G. Bemerkungen... S. 180–182.
- ⁷⁹ Deutsche Geschichte. Bd. I. S. 528–529; Günther G. Bemerkungen... S. 177–180.
- ⁸⁰ Фадина М.Ф. Классовая борьба... С. 217.
- ⁸¹ См.: Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 2. С. 324–344; Смирин М.М. Народная реформация... С. 479–547; Он же. Германия эпохи Реформации... С. 238–248; Бензинг М. Поражение Тюрингенского восстания... С. 171–190.
- ⁸² Bensing M. Thomas Müntzer... S. 249.
- ⁸³ Hinrichs C. Luther und Müntzer: Ihre Auseinandersetzungen über Obrigkeit und Widerstandrecht. (West-) Berlin, 1952. S. 20.
- ⁸⁴ Nipperdev Th. Theologie und Revolution bei Thomas Müntzer // ARG. 1963. Bd. 54. S. 175.
- ⁸⁵ Plümper H.-D. Die Gütergemeinschaft bei den Täufern des 16. Jahrhundert. Göppingen, 1977. S. 20–22, 19.
- ⁸⁶ Смирин М.М. Народная реформация... С. 269.
- ⁸⁷ Фадина М.Ф. Мюльхаузенское движение... С. 44–46.
- ⁸⁸ Штекли А.Э. «Родоначальник утопического социализма» и «проблемски коммунистических идей» // ИСУ. 1992. С. 58; Он же. Утопии и социализм... С. 99, 104.
- ⁸⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 345.
- ⁹⁰ Там же. Т. 7. С. 371.
- ⁹¹ См.: Штекли А.Э. Утопии и социализм... С. 107–117.
- ⁹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 364.
- ⁹³ Flugschriften der Bauernkriegszeit... S. 531.
- ⁹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 376.
- ⁹⁵ См.: Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 2. С. 396–400;

- Смирин М.М. К истории раннего капитализма... С. 378–400; Норден А. Некоронованные властители. М., 1978. С. 133–136; Мацек Й. Крестьянский сейм в Инсбруке (12 июня – 21 июля 1525 года) // СВ. 1962. Вып. XXI. С. 81–96; Вып. XXII. С. 65–85; Он же. Der Tiroler Bauernkrieg und Michael Gaismair. Berlin, 1965; Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg... S. 287 f.; Deutsche Geschichte. Bd. 1. S. 535 f.; Illustrierte Geschichte... S. 266 f.; Der Bauernkrieg und Michael Gaismair. Innsbruck, 1982.
- 96 См.: Смирин М.М. К истории раннего капитализма... С. 374–378; Hollaender A. Ein Bergknappaufstand in Schwaz 1525 // THBl. 1935. S. 29 f.; Macek J. Der Tiroler Bauernkrieg... S. 102 f., 152, 254 f.; Laube A. Problem... S. 105.
- 97 См.: Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 2. С. 396–400; Hoyer S. Das Gefecht bei Schladming im deutschen Bauernkrieg // MG. 1973. H. 3. S. 340 f.; Illustrierte Geschichte... S. 288.
- 98 Michael Gaismair. Landesordnung Tirol // Franz G. Quellen... S. 282–290. (Русский перевод: Земское Устройство Тироля // Германская история эпохи Реформации... С. 105–110).
- 99 О «Земском Устройство» Михаэля Гайсмайера см.: Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 2. С. 407–409; Смирин М.М. К истории раннего капитализма... С. 380–400; Он же. Германия эпохи Реформации... С. 248–253; Он же. Гайсмайер // СИЭ. 1963. Т. 4. Стлб. 47; Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала... С. 198–203; Чуянов А.Ф. Политическое содержание «Земского Устройство» Михаэля Гайсмайера // Социальные отношения... С. 100–114; Он же. Михаэль Гайсмайер и его «Земское Устройство» // Германская история эпохи Реформации... С. 100–105; Deutsche Geschichte. Bd. 1. S. 536–538; Macek J. Der Tiroler Bauernkrieg... Illustrierte Geschichte... S. 268 f.; Bauernkrieg und Michael Gaismair...
- 100 Macek J. Der Tiroler Bauernkrieg... S. 378, 397 f.
- 101 Смирин М.М. К истории раннего капитализма... С. 390–400.
- 102 См.: Некрасов Ю.К. Проблема раннего капитализма в Германии в освещении М.М.Смиринина // ЕГИ. 1971. М., 1973. С. 447–448; Он же. О роли торгово-ростовщического капитала... С. 199 след.
- 103 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 429.
- 104 Rother S. Die religiösen und geistlichen Grundlagen der Politik Huldrych Zwingli. Erlangen, 1956. S. 40 f., 80 f.
- 105 См.: Михешин А.А. Гейльброннская программа и цвинглианская реформация // Проблемы эволюции... С. 110–111.
- 106 Норден А. Некоронованные властители... С. 134.
- 107 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 413–414.
- 108 См. выше: прим. 102 к этой главе.
- 109 Как уже было сказано выше, «Земское устройство» относится к числу «тех документов эпохи Реформации, которые до сих

пор вызывают большой интерес и порождают острые споры» (с. 209). Это можно сказать и о личности самого автора «Устройства» Михаэля Гайсмайера. Между тем весьма лестную характеристику Гайсмайеру давал еще В.Циммерман, который, ссылаясь на свидетельства современников и очевидцев событий, отмечал многосторонние дарования предводителя повстанческого движения в альпийских землях (см.: Циммерман В. История Крестьянской войны... Т. 2. С. 407—409, 412—421). Читатель уже знает, какую высокую оценку давал Гайсмайеру Ф.Энгельс. Историографическая практика подтвердила эти оценки. О том красноречиво свидетельствуют, в частности, материалы Международного симпозиума, который был проведен в 1982 г. в Инсбруке и посвящен Крестьянской войне XVI в. в альпийских землях и роли в ней Михаэля Гайсмайера. Заслуживает внимания и тот факт, что симпозиум состоялся ровно через 450 лет после трагической гибели «великого тирольского революционера» (см.: *Bauernkrieg und Michael Gaismaier...*). Между тем «тайна Гайсмайера» так и остается до сих пор «нераскрытой». Эта удивительная во многих отношениях и, по всей видимости, «харизматическая» личность и сегодня продолжает привлекать внимание исследователей. Поэтому не лишена основания надежда, что на этом пути нас еще ожидают большие открытия.

Глава 5.
Революция
отступает
и терпит поражение:
судьбы Реформации
после Крестьянской войны

5.1. «Княжеская реформация» и Шмалькальденский Союз

После Крестьянской войны территориальные князья и большинство имперских городов стали проводить политику, целью которой было использование реформационной программы в сугубо корыстных целях, главным образом ради приумножения собственных богатств за счет секуляризации церковных имуществ. Император, опираясь прежде всего на союз с католической церковью, оказывал противодействию такой политике, также руководствуясь собственными интересами, которые не всегда соответствовали задачам строительства единого национального государства. На открывшихся 25 июня 1526 г. в Шпейере заседаниях рейхстага брат отсутствовавшего императора Карла V эрцгерцог Фердинанд Австрийский настаивал на выполнении положений антилютеранского Вормского эдикта 1521 г. Князья-лютеране добились, однако, принятия рейхстагом постановления о предоставлении каждому князю права устанавливать религию для своих подданных на подвластных им территориях, что на практике неизбежно должно было привести и привело к еще большему усилению княжеской власти¹. Многие князья и имперские города, опять-таки вопреки воле императора, использовали для этого секуляризованные имущества и институт «реформированной церкви». Но в то же время внешнеполитическое положение «Священной Римской империи германской нации» было таковым, что ее глава не имел практической возможности подавить «ересь» силою.

Хотя плененный в битве при Падуе король Франции Франциск I и вынужден был 14 января 1526 г. подписать мирный договор с Империей, тут же появилась Священная Лига, в которую вошли римский папа, Милан, Флоренция и Венеция. Этот политический и военный альянс был направлен против гегемонии Карла V в Италии. Новая для Габсбургов проблема возникла с начавшейся экспансией турок. После того как 29 августа 1526 г. король Чехии и Венгрии Людвиг погиб в битве с турками при Мохаче, Габсбурги приложили все усилия, чтобы получить наследственные права на Чехию и Венгрию. После избрания 22 октября того же года Фердинанда королем Чехии они овладели этим королевством в центре Европы. Что касается венгерской короны, то притязания на нее Карла поддержало лишь меньшинство венгерских магнатов, избравших его королем еще 17 октября 1526 г. Большинство венгерских магнатов выдвинуло кандидатуру правителя Трансильвании Иоанна Заполяи. И хотя Фердинанд

сумел нанести последнему военное поражение, Иоанн, признав вассальную зависимость от турецкого султана Сулеймана I, продолжал играть заметную политическую роль в Юго-Восточной Европе и оказывать здесь сильное противодействие политике Габсбургов². Однако этим трудности последних не исчерпывались.

В самом центре Империи концентрировались силы князей, которые были яркими противниками Реформации. Еще в 1525 г. герцог Георг Саксонский попытался вовлечь в союз, направленный своим острием против реформационного движения, ландграфа Филиппа Гессенского и курфюрста Иоанна Саксонского. Поскольку, однако, Филипп и Иоанн сами выступали под знаменами Реформации, преследуя весьма далеко идущие политические цели, Георг заключил в июле 1525 г. союз с католическими князьями Альбрехтом Майнцким, Иоахимом Бранденбургским, Генрихом Брауншвейг-Вольфенбюттельским и Эрихом Брауншвейг-Каленбергским. Князья-лютеране тут же ответили энергичными контрмерами. Ландграф Филипп Гессенский уже в феврале 1526 г. вступил в союз с курфюрстом Иоанном Саксонским. К этому союзу некоторое время спустя присоединились также князья Брауншвейг-Грубенхагена, Брауншвейг-Люнебурга, Анхальт-Бернбурга, Мансфельда и Мекленбурга. 26 сентября того же года их примеру последовал герцог Альбрехт Прусский, который быстро осуществил секуляризацию владений Тевтонского Ордена и провел на их территории реформу церкви. В июне 1526 г. в союз вступил также имперский город Магдебург. Таким образом, уже в 1526 г. в общих чертах сложился военно-оборонительный союз князей-лютеран. Имперские города, за исключением опального Магдебурга, оставались в то время еще в стороне от княжеской политики. Четыре имперских города (Страсбург, Нюрнберг, Ульм и Аугсбург) предприняли попытку на съезде полномочных представителей этих городов создать самостоятельный военно-политический альянс, но успеха на этом пути не имели. Политическая инициатива полностью находилась в руках князей-лютеран, которые еще до заседаний Шпейерского рейхстага 1529 г. образовали союз, противостоявший «императорской партии» и выступавший против буквы и самого духа Вормского эдикта. «Евангелическая партия» возлагала некоторые надежды на достижение компромисса во время заседаний рейхстага. Однако на одном из заседаний эрцгерцог Фердинанд зачитал инструкцию императора Карла V, которая по существу отвергала саму возможность признания «законными» преобразования религии и церкви в Саксонии и других территориях. Поэтому «сословия

рейхстага» направили к Карлу депутацию, которая должна была убедить императора, что реализация Вормского эдикта невозможна, и для преодоления возникшего раскола следует созвать церковный собор или «свободное собрание всех сословий немецкой нации». Между тем князья, все сильнее подчиняя реформационное движение своему политическому влиянию, извлекали из самой реформы церкви немалую и материальную выгоду. На это указывают следующие факты.

Осуществление реформационных преобразований в курфюршестве Саксония началось сразу же после Крестьянской войны и продолжалось в течение нескольких лет. К марту 1528 г. все монастыри оказались под контролем княжеской администрации и около трети доходов женских монастырей стали использоваться на содержание княжеского двора. Во Франконии и Тюрингии доходы монастырей пошли на погашение долгов княжеских дворов. В Брауншвейг-Вольфенбюттеле большая часть доходов монастырей и часовен была использована на оплату чиновников государственного аппарата и удовлетворение финансовых претензий кредиторов герцога. В Вюртемберге церковные имущества перешли в почти полное распоряжение герцога. В Бранденбурге доходы епископов присвоил курфюрст. Подобным же образом действовали и магистраты многих городов. Если во время Крестьянской войны секуляризация церковных имуществ проводилась некоторыми отрядами в интересах «общей пользы», то теперь она осуществлялась исключительно в интересах феодально-патрицианских властей. В результате проведения секуляризации произошло, с одной стороны, ослабление позиций многих духовных князей, с другой – усиление позиций светских территориальных властителей. Интересам последних постепенно была подчинена и церковная организация. Именно этим целям служило введение новых церковных приходов, назначение особых должностных лиц (суперинтендантов), осуществлявших надзор за церковными приходами, принятие церковных уставов и учреждение консисторий. Все эти институты быстро превратились в орудие «внедрения» в сознание широких народных масс идеологии «княжеского абсолютизма». Своего рода придатками государственного аппарата стали также школы и университеты. Последние занимались главным образом подготовкой священников и чиновников административного аппарата. На реформационной основе Меланхтоном был преобразован университет в Виттенберге, а по его «модели» – и другие университеты (в основном в регионах политического влияния князей-лютеран). Сами университеты в новых исторических

условиях утратили средневековые вольности и были подчинены княжеским властям. С одной стороны, наука и образование освобождены были от необходимости следовать догмам католической церкви, что, казалось бы, открывало перед ними более широкие, чем прежде, перспективы. С другой стороны, в то же самое время образование и наука оказались под неусыпным надзором княжеской администрации и лютеранской церкви, что создавало серьезные препятствия на пути их свободного развития.

Борьба с движением анабаптистов, о которых речь пойдет ниже, на некоторое время, как казалось, примирила императора с «сословиями рейхстага», что, однако, не могло остановить ни распространения реформационных учений, ни партикуляристских тенденций в политике самих князей. Война в Италии, которую Империя вела не только против Франции, но и против папы Клементя VII, возобновилась в 1527 г. и крепко связала Карлу V руки. 6 мая того же года давно не получавшие жалованья немецкие ландскнехты штурмом овладели Римом и подвергли «вечный город» страшному разграблению; в июне капитулировал осажденный в замке св. Ангела римский папа. Но по той причине, что французские войска вторглись в пределы Италии, император вынужден был пойти на мирные переговоры с ведущими с ним борьбу силами. Результатом переговоров стало подписание в 1529 г. мира в Барселоне с папой и в Камбре – с французским королем³. Но желанный для императора мир, чтобы заняться самой Германией, так и не наступил.

Не успели завершиться военные действия в Италии, как возобновились вторжения турок⁴, которые взяли в осаду Вену. Падение Вены открывало перед турками перспективу продолжения наступления на германские земли. Изменившаяся ситуация, особенно турецкая угроза, усилили в немецком обществе настроения, которые нашли отражение в призывах к объединению германских земель перед лицом «османской опасности». Однако как Габсбурги, так и территориальные князья больше помышляли о собственных интересах и выгодах. Первые упорно стремились реализовать идею «всемирной христианской монархии», что ущемляло жизненные интересы многих европейских народов, вторые проводили, используя Реформацию, политику укрепления территориальной государственности. Поэтому, когда на рейхстаге 1529 г. в Шпейере Карл V обратился к «имперским чинам» с просьбой о помощи, чтобы отразить турецкую агрессию, князья-лютеране такую помощь императору готовы были предоставить только при условии предоставления им права на проведение реформационных преобразований. Ход дебатов на заседаниях

рейхстага определялся, однако, католическим большинством, которое подтвердило решение рейхстага 1526 г., запрещавшее вмешательство в отношения собственности «имперских чинов». «Евангелические сословия» 19 апреля 1529 г. ответили на это письменным протестом, который, собственно говоря, и дал им имя «протестантов»⁵. Подготовленный католиками проект решения рейхстага 22 апреля 1529 г. был зачитан и принят в отсутствие самих «протестантов» на его заседании. Принятое католиками решение устанавливало, что Вормский эдикт сохраняет свою юридическую силу, какие-либо «новшества» в церкви запрещаются. Реакцией на такое решение рейхстага было заключение уже на следующий день тайного союза, в который вошли Гессен, курфюршество Саксония, Нюрнберг, Страсбург и Ульм. Так был заложен краеугольный камень политики князей-лютеран и началась их деятельность, целью которой было образование Протестантского Союза⁶, хотя сам этот первый альянс вскоре распался по той причине, что имперские города Страсбург и Ульм тогда еще склонялись к цвинглианству, что создавало определенные трудности на пути формирования антигабсбургской коалиции.

Все это усиливало опасность военно-политического конфликта в Империи, так как князья-протестанты выдвигали проекты союзов, своим острием направленные против Габсбургов. Особую активность в этих политических инициативах проявлял ландграф Филипп Гессенский, который прилагал энергичные усилия к формированию широкой коалиции и установил контакты с рядом европейских суверенов, в том числе с правителями Франции и Трансильвании. По этой же причине он поддерживал политику Цвингли, целью которой было укрепление международного авторитета и влияния швейцарской реформации. Цвингли стремился предотвратить агрессию против принявших Реформацию кантонов со стороны Габсбургов и католических кантонов – Ури, Швица, Унтервальдена, Люцерна и Цуга. Гайсмайер, разделяя и поддерживая планы Цвингли, попытался оказать содействие заключению союза принявших Реформацию кантонов с Венецией, но не имел на этом пути успеха. В 1527–1528 гг. Цвингли удалось привлечь на свою сторону лишь города Берн и Констанц. Поскольку же политические планы Цвингли предусматривали распространение Реформации на всю территорию Швейцарского Союза, Габсбурги еще в апреле 1527 г. заключили соглашение с католическими кантонами. Но в первой «Каппельской войне», превентивной войне без применения оружия, Цвингли добился подписания мирного договора на таких условиях, которые расстроили планы

военного союза католических кантонов с Габсбургами Противоборствующие стороны (цвинглианцы и католики) заключили договор, согласно которому территориальные власти сами решали вопрос о вероисповедании своих подданных и высказывались против вмешательства в конфликт «третьей силы» (т. е. тех же Габсбургов). Таким образом, Швейцарскому Союзу удалось сохранить свою политическую независимость.

Препятствием на пути объединения «евангелических сословий» были разногласия по теологическим вопросам, которые проявились в начавшейся еще в 1524 г. полемике между Лютером и Цвингли о таинстве причащения⁷. Не устранив противоречий в трактовке этого таинства, трудно было в условиях того времени прийти и к политическому единству. Поэтому 30 сентября 1529 г. в Марбурге состоялась встреча, в которой приняли участие Мартин Лютер и Филипп Меланхтон (Виттенберг), Ульрих Цвингли (Цюрих), Иоганн Эколампад (Базель), Андреас Озиандер (Нюрнберг), Якоб Штурм фон Штурмек и Мартин Буцер (Страсбург). На этой встрече была предпринята попытка преодоления конфессиональных разногласий и укрепления антигабсбургской коалиции, в которую вошли осуществившие Реформацию княжества и имперские города. Но поскольку в дискуссии о причастии так и не было достигнуто согласия, совещание в Марбурге, несмотря на энергичные усилия Буцера и Меланхтона, не принесло практических результатов. Дело в том, что за спорами по теологическим вопросам были скрыты принципиальные разногласия между Цвингли и Лютером. Если Цвингли представлял интересы принявших Реформацию швейцарских кантонов, Лютер опирался на реформационное движение, которое не только поддерживали, но и контролировали князья. Это прежде всего и не позволило протестантам в Марбурге прийти к единству мнений.

Ситуация показала Карлу V благоприятной для того, чтобы заставить наконец-то подданных выполнить Вормский эдикт. После коронации в Болонье Карл направился в Аугсбург, где 20 июня 1530 г. открывались заседания рейхстага, надеясь с его помощью добиться достижения своей цели. Он поручил католическому теологу Иоганну Эку подготовить перечень «заблуждений» «закоренелых гуситов» и всех «отколовшихся от старой церкви», чтобы представить рейхстагу «еретические воззрения в целом». Эк «нашел» 404 «заблуждения» протестантов. Филипп Меланхтон на том же рейхстаге выступил с изложением содержания своего богословского трактата «Аугсбургское вероисповедание», в котором впервые в систематизированном виде были сформулированы

основы лютеранства. Выражая настроения некоторых сторонников Лютера к установлению единства церкви, Меланхтон острее критики направил не столько против догматов католицизма, сколько против цвинглианства и других радикальных течений в самом реформационном движении. Принявшие сторону Цвингли верхненемецкие города Страсбург, Констанц, Мемминген и Линдау выдвинули подготовленную Буцером и Капито концепцию «веры четырех городов». Сам Цвингли обратился к рейхстагу с посланием (реформатор дал ему выразительное название – «Разум веры»). Послание содержало резкую критику ряда положений учения Лютера. Все это свидетельствовало о расколе евангелического движения, который не был преодолен даже перед лицом серьезной для него опасности. На заседаниях рейхстага согласия по религиозному вопросу не было достигнуто и между сторонниками Реформации⁸. Решением рейхстага, которое было принято 19 ноября 1530 г., когда отсутствовало большинство представителей «евангелических сословий», запрещались все «новшества» в церкви, секуляризация церковных имуществ, а на Имперский Суд возлагалась обязанность контроля за выполнением этого постановления. Император и «католические сословия» были полны решимости реализовать «приговор еретикам», который был вынесен последним еще Вормским эдиктом, прибегая при этом даже к средствам вооруженной борьбы о адептами «евангелической веры».

Аугсбургский рейхстаг 1530 г., о чем уже сказано выше, примечателен также тем, что на нем впервые были изложены основы лютеранства. Они были названы «аугсбургским вероисповеданием» (по одноименному заглавию трактата Филиппа Меланхтона, представленному вниманию «сословий рейхстага»). Оно содержало положение, что главами церкви являются светские правители, а не папа. Кроме того, «аугсбургское вероисповедание» устанавливало обряды лютеранской церкви. Эти обряды были преобразованы в соответствии с бюргерско-буржуазным требованием «дешевой церкви». В лютеранской церкви упразднилось почитание икон и мощей святых, вместо католической мессы (обедни) вводилась проповедь, а из семи таинств католической церкви сохранились только два – крещение и причастие⁹. На том же рейхстаге «имперским чином» была предоставлена возможность ознакомиться как с учением Цвингли, так и с реформационной доктриной, которую выдвинули представители нескольких верхненемецких городов. Эта доктрина являлась симбиозом лютеранства и цвинглианства и содержала серьезные уступки первому со стороны южнонемецких реформаторов.

Решения аугсбургского рейхстага 1530 г. угрожали «евангелическим сословиям» наказаниями за нарушение «земского мира». Поэтому уже 23 сентября 1530 г., выступая перед депутатами рейхстага от имперских городов, курфюрст Иоанн Саксонский призвал последних к созданию союза князей-протестантов и имперских городов, принявших «евангелическую веру». Ландграф Филипп Гессенский и Цвингли продолжали проводить политику по формированию антигабсбургской коалиции. 18 ноября 1530 г. такую коалицию образовали княжество Гессен и города Цюрих, Базель и Страсбург. Цвингли приступил к подготовке войны против католических («лесных») кантонов Швейцарского Союза. Эта война в октябре 1531 г., как известно, закончилась поражением протестантов и гибелью в битве при Каппеле самого реформатора. Такой исход войны означал, что Реформация не будет распространена на католические кантоны и одновременно – крах планов Филиппа Гессенского, которые были рассчитаны на поддержку реформационного движения в Германии со стороны «городских кантонов» Швейцарского Союза.

Многочисленные проекты создания антигабсбургской коалиции явились поводом к острой дискуссии о праве подданных на активное, вплоть до вооруженного, противодействия главе Империи. Хотя князья постоянно демонстрировали всю бессмысленность разговоров о праве и конституции Империи, юристы и теологи в интересах тех же территориальных князей прилагали энергичные усилия к тому, чтобы придать враждебным по отношению к императору действиям черты легитимности. Общепринятая в то время точка зрения гласила, что император является главою всех «светских господ» и последние обязаны ему послушанием даже тогда, когда сам император действует вопреки праву, поэтому тот, кто оказывает ему сопротивление, нарушает «божий порядок». Участники этой дискуссии вполне сознавали, что может произойти, если подданные по примеру князей также потребуют предоставления им права на сопротивление властям. Но аугсбургским рейхстагом 1530 г. был создан прецедент, побудивший Лютера и других теологов поддержать точку зрения юристов, согласно которой право вооруженного сопротивления императору может быть применено в том случае, если глава «государства» сам нарушает «имперские законы», «земский мир» и права собственности «имперских сословий».

В антигабсбургскую коалицию вступили сторонники «аугсбургского вероисповедания». Союзный договор был заключен 27 февраля 1531 г. в городе Шмальхальдене (что позднее дало

название и самому союзу). Членами этого Союза стали курфюршество Саксония, Гессен, Брауншвейг-Грубенхаген, Брауншвейг-Люнебург, Анхальт-Бернбург, Мансфельд и города Биберах, Бремен, Исни, Констанц, Линдау, Мемминген, Любек, Магдебург, Ройтлинген, Ульм и Страсбург; позднее их примеру последовали города Брауншвейг, Эйнбек, Эслинген, Геттинген и Гослар. Целью деятельности Союза было противодействие любым попыткам вмешательства в дела вероисповедания и церковного устройства территориальных княжеств и имперских городов. Руководство Союзом оказалось сосредоточено в руках курфюрста Саксонии Иоанна и ландграфа Гессена Филиппа. Союз быстро превратился в военную и политическую организацию прежде всего князей, в совете которой они обладали большинством голосов. Союз установил тесные отношения с иностранными державами: он получал постоянную финансовую помощь со стороны Франции, эпизодически – и со стороны Англии¹⁰. Князья не только создали военно-политический инструмент оппозиции императору, но и с его помощью стали оказывать решающее влияние на реформационное движение на подвластных им территориях. В силу указанных выше обстоятельств Шмалькальденский Союз в короткий промежуток времени превратился в реальную политическую силу в Империи. Эта сила оказывала энергичное противодействие любым попыткам Карла V, направленным на укрепление позиций центральной власти.

Турецкая опасность побудила, однако, Карла V в июне 1532 г. присоединиться к так называемому «Нюрнбергскому религиозному миру». Согласием приостановить до заседаний ближайшего рейхстага процессы Имперского Суда против «еретиков» (т. е. протестантов) и отказом применения по отношению к ним силы Карл приобрел поддержку протестантов в борьбе против турок. Но когда большое имперское войско находилось у стен Вены, султан совершил опустошительный поход на Грац и повернул обратно. Преследование турецкой армии не было предпринято по той причине, что подняли бунт немецкие и итальянские наемники имперской армии.

Политическая обстановка делала реализацию Вормского эдикта невозможной и создавала, напротив, условия для вступления в Шмалькальденский Союз новых территорий и городов, в том числе Аугсбурга. Все они оказывались под защитой Союза. Большим успехом «княжеской реформации» было присоединение к Союзу Вюртемберга, который после изгнания в 1518 г. герцога Ульриха находился «под австрийским управлением» и в 1530 г. был передан Фердинанду Габсбургу. В этой ситуации ландграф Филипп Гессенский, получив финансовые средства на предприятие

от Франции, решил присоединить Вюртемберг к своим владениям. Австрийская армия потерпела сокрушительное поражение в битве при Лауфене-на-Некаре. Фердинанд вынужден был отказаться от Вюртемберга. Но князья, опасаясь «чрезмерного усиления» Филиппа, вернули опальному герцогу Ульриху его владения, но при условии, что он проведет в них Реформацию. Это настолько усилило позиции лютеран, что они, опираясь на поддержку владетельных князей, окончательно взяли верх над радикальными течениями в реформационном движении.

После присоединения Вюртемберга к протестантскому лагерю еще раз была предпринята попытка преодоления раскола между лютеранами и цвинглианцами и достижения политического единства между ними. Усилия Буцера, имевшие целью привлечение к переговорам швейцарцев, потерпели неудачу. Но они же увенчались успехом в отношении верхненемецких городов. С последними была согласована формула, которая в спорном вопросе о причастии предусматривала далеко идущее согласие. Это позволило 26 мая 1536 г. заключить «Виттенбергский конкордат о причастии». И хотя разногласия на идеологическом уровне в рядах протестантов не были полностью устранены и «Конкордат» не являлся компромиссом в духе марбургской дискуссии 1529 г., так как по существу отвергал цвинглианство, он же вместе с тем открывал двери верхненемецким городам в Шмалькальденский Союз и перспективу введения в этих городах лютеранства. На практике это означало, что лидеры бюргерского движения отказывались от использования в реформационных преобразованиях не только учения и программных установок Цвингли, но и ряда положений лютеровского вероучения. Однако это – другая страница в истории европейской реформации, когда место уходящего в прошлое цвинглианства прочно занимал кальвинизм. В этой связи отметим и тот факт, что вскоре после смерти Цвингли утратило общественное значение и цвинглианство.

5.2. Городские движения после Крестьянской войны

После Крестьянской войны влияние князей на реформационное движение стало преобладающим, но это же движение в ряде городов некоторое время, как полагает немецкий историк церкви Ф.Лау, еще не утратило народного характера¹¹. Реформация еще до 1525 г. была проведена в таких значительных городских центрах, как Страсбург, Нюрнберг, Магдебург и Штральзунд, а также в

многочисленных средних и мелких княжеских и имперских городах. В других городах реформационное движение пустило корни только после Крестьянской войны, когда его участники сначала выдвинули требование свободы «евангелической проповеди», а затем и преобразования общественных порядков и правящих советов. Причем противоречия в городах порою приобретали настолько острый характер, что вели к открытой конфронтации сторонников и противников реформ. Яркий тому пример – события в Герлице, заслуживающие внимательного рассмотрения, поскольку они бросают свет на тесное переплетение социально-экономического и политического факторов. К тому же события в Герлице во многих отношениях были типичным явлением для городов с развитым экспортным ремеслом.

Главной отраслью экономики Герлица являлось экспортное сукноделие. Производство в этой отрасли было организовано на капиталистической основе. Турецкая опасность и конкуренция со стороны чешского сукноделия создали трудности для сбыта герлицких изделий. Но оба эти обстоятельства не смогли нанести непоправимого урона суконной промышленности Герлица, которая и в 20-е гг. XVI в. в целом развивалась вполне успешно. Политическая же власть в городе была монополией небольшой прослойки патрициев, которым противостояли цеховые мастера и городская беднота. Несмотря на большое экономическое значение сукноделия, эту отрасль в правящем совете представляли всего лишь один или два цеховых мастера. В силу данной причины ремесленники не могли оказывать существенного влияния на политику магистрата. В таких условиях реформационное движение способствовало росту оппозиционных настроений, находивших выражение в резкой критике деятельности правящего совета. Однако вскоре оппозиция перешла от слов к делу. Почва для такого поворота событий была подготовлена всем ходом социально-экономического развития города.

Утром 1 сентября 1527 г. толпа горожан собралась на рыночной площади перед ратушей, а оттуда направилась к церкви св. Петра, где горожане избрали депутацию и поручили ей передать свои требования правящему совету. Оппозиция требовала введения свободы проповеди «евангелического учения», расширения представительства в правящем совете цеховых мастеров, установления общественного контроля над городскими финансами и деятельностью казначейства, изгнания из города враждебно настроенных к цехам ратманов. Один из руководителей движения, сукнодел Мартен Штольценберг, настаивал на установлении таких

порядков, которые полностью отвечали бы интересам ремесла и создали бы благоприятные условия для его развития. В то время, когда депутация вела переговоры в ратуше, народ вновь появился перед ее зданием. Совет ответил на это репрессиями, поскольку ему стало известно, что в городе возник заговор, участники которого намерены были достичь своих целей средствами вооруженной борьбы. Властям удалось в доме суконщика по фамилии Либиг захватить оружие и арестовать большинство руководителей заговора. Что же собою представлял заговор в Герлице и каков был социальный состав его участников?

Ядро заговора составили сукноделы. Но в заговор были вовлечены также ремесленники таких профессий, как мясники, пекари, кожевники, сапожники, скорняки и кузнецы. Среди сукноделов существовала группировка, которая, как только заговор был раскрыт, тут же перешла на сторону совета. Движение, однако, продолжалось: теперь его основной движущей силой стали мелкие и среднего достатка ремесленники, проявившие большую активность. После того как часть заговорщиков была арестована или бежала из города, радикальное крыло движения во главе с Либигом взяло в свои руки подготовку и организацию вооруженной акции по освобождению арестованных участников заговора. В этой чрезвычайно опасной ситуации патрицианский совет действовал быстро и энергично. 25 сентября 1527 г. по приказу магистрата Штольценберг и Либиг были арестованы и тут же в нарушение обычной судебной процедуры казнены. Рядом с входом в дом Либига «отцы города» распорядились высечь на камне для напоминания потомкам, что это – «двери предательской банды!» С помощью патрицианско-олигархических советов соседних городов и территориальных князей удалось арестовать и некоторых бежавших участников заговора. О масштабе заговора свидетельствует тот факт, что девять его участников были казнены, четырнадцать – наказаны длительными тюремными заключениями. Однако, по словам очевидца событий хрониста Иоганнеса Хаса, заговорщиками были или им сочувствовали почти все городские ремесленники¹². Это, хотя бы отчасти, объясняет, почему городские власти прибегли к столь жестоким наказаниям наиболее активных участников заговора.

Так завершился в Герлице политический конфликт бюргерской оппозиции с патрицианским советом, получившим поддержку и помощь со стороны магистратов соседних городов и территориальных князей. Заговор представлял собою попытку экономически самостоятельной прослойки среднего бюргерства, не обладавшего,

однако, политическими правами, добиться участия в «правлящем совете». В заговор была вовлечена или выражала сочувствие его целям большая часть малоимущего и даже неимущего населения города, но ее интересы не нашли отражения в программе деятельности бюргерской оппозиции. Очевиден и тот факт, что в Герлице борьба за проведение Реформации тесным образом переплеталась с борьбой против патрициата, и уже это придавало борьбе как бюргеров, так и плебеев антифеодалную направленность. В то же время в истории заговора до сих пор остаются «белые пятна». Нет полной ясности, что имело в виду требование заговорщиков – создать благоприятные условия для развития городского ремесла: свободу предпринимательской деятельности, которая велась бы в интересах капиталистов-суконщиков, или, напротив, цеховую регламентацию в интересах мелких самостоятельных товаропроизводителей? Сам факт активного участия в общественном движении «суконщиков», двое из которых (Либиг и Штольценберг) стали его вожаками, делает правдоподобной гипотезу, согласно которой заговорщики, пусть и недостаточно осознанно, вели борьбу за свободу капиталистической по своему характеру деятельности, накопленный к тому времени опыт придавал такой перспективе вполне реальные черты.

Аналогичным образом развивались события и в ряде городов Северо-Западной Германии. Так, в Госларе в 1527 г. оппозиция ремесленников и горняков добилась изгнания из города особенно ненавистных широким слоем его населения патрициев и потребовала проведения реформы церкви. В Лемпо бюргеры высказались за социальные преобразования и предоставление им широких политических прав. Оппозиционно настроенные элементы образовали «Комитет 24», осуществивший в 1531 г. реформу магистрата. Не получив, однако, поддержки со стороны оппозиционных сил соседних городов, руководители движения в Лемпо вынуждены были вскоре согласиться с восстановлением «старого порядка» и признать над собою власть территориального князя. В Брауншвейге в 1528 г. прокатилась волна иконоборческого движения, и правящий совет вынужден был согласиться с требованиями бюргеров и осуществить реформу церкви. В Миндене в 1529 г. в борьбе с аристократическим городским советом возник «Комитет 36», который в 1531 г. отстранил от власти «старых ратманов» и провел выборы нового «правлящего совета». В Гамбурге еще в 1528 г. был образован «Комитет 144», который получил от общины полномочия официально представлять ее интересы в совете. Здесь на одном из собраний всех полноправных бюргеров совет

признал по требованию последних программу оппозиции – так называемый «длинный рецесс», содержащий 132 статьи. В этих статьях речь шла главным образом о правах бюргеров, правилах судопроизводства и налогообложения, системе управления городом и «городской конституции». Оппозиция добилась низложения городского правящего совета, который, однако, быстро вернул утраченную было власть. Поэтому во всех этих событиях можно было услышать лишь слабое эхо недавно минувшей Крестьянской войны.

Другим направлением социально-политической борьбы в немецком городе после Крестьянской войны были заговоры. Причем эти заговоры преследовали более далекие цели, чем массовое общественное движение в 1525 г.¹³ Программные установки таких заговоров обычно носили утопический характер. Примером тому может служить деятельность Ганса Ремера.

Ремер родился в семье ремесленника-скорняка и во время Крестьянской войны проживал в Эйзенахе. Он был убежденным сторонником Мюнцера, входил в «Вечный Союз Божий» последнего и сопровождал Мюнцера и Пфейфера в поездке в Нюрнберг после их изгнания из Мюльхаузена. Затем он действовал в Мюльхаузене и его округе, принял личное участие в битве при Франкенхаузене. По окончании Крестьянской войны Ремер, преследуемый властями, вел бродячий образ жизни, в Нердлингене он установил тесную связь с бывшими участниками Крестьянской войны и к тому времени примкнул к анабаптистам. Вскоре Ремер и его сторонники развернули энергичную деятельность на территории почти всей Тюрингии.

Ремер составил план нападения в ночь на новый 1528 г. на Эрфурт. Он тайно пропагандировал эту идею в городах и деревнях Тюрингии и завербовал в них, в том числе и в самом Эрфурте, немало сторонников, кое-кто из них участвовал в событиях Крестьянской войны. Согласно плану Ремера, в ночь на Рождество 1527 г. в разных концах города следовало развесить десять экземпляров «призыва-послания к народу» и развернуть его пропаганду. И в тот момент, когда в городе начнется волнение, сторонники Ремера должны были поджечь в городском предместье Петерсберг четыре «поповских дома» и позаботиться о том, чтобы власти не закрыли городские ворота. Такие свои намерения Ремер позднее объяснял тем, что владельцы этих домов препятствовали «провозглашению слова божьего». Сторонники Ремера должны были затем собраться на «рыбном рынке», чтобы оттуда совершить нападение на ратушу и силою взять власть в городе. В протоколе допроса Ремера (1534 г.) читаем: «После того как он и

его сторонники получают деньги, они намерены были купить оружие и начать [новую] Крестьянскую войну». Заговорщик по фамилии Фишер признал на допросе, что участники заговора «имели намерение уничтожить огнем [и] мечом власти». Из показаний самого Ремера известно, что все заговорщики «обязаны были иметь по паре крепких башмаков, ножны [с мечом], кожаные куртки и внести в [общую] кассу по половине гульдена, полагая, что в случае успеха их предприятие не ограничится завоеванием города [Эрфурта]», и они перенесут свои действия на его сельскую округу¹⁴. Однако об этом плане узнали власти, и многие участники заговора немедленно были арестованы. На масштабы заговора красноречиво указывает тот факт, что из числа арестованных его участников 12 были казнены и еще около 50 подверглись другим строгим наказаниям. Ремер и его ближайшие сподвижники бежали. Фишер был арестован в 1534 г. в одной из деревень поблизости от Эрфурта и, вероятно, казнен. Ремер в эти годы действовал в роли одного из вожakov анабаптистов, с большой энергией создававших свои общины на территории между городами Мюльхаузенем и Геттингеном. В том же 1534 г. он был арестован и брошен в тюрьму. О дальнейшей его судьбе источники ничего не сообщают: «власть имущие» сделали все, чтобы предать забвению даже имя этого бунтаря. Однако вопрос состоит в том, что собою представлял заговор, во главе которого стоял Ремер, и могли этот заговор привести к каким-либо практическим результатам.

Вряд ли возможны сомнения относительно того, что в самом «плане Ремера» и его сторонников явно преобладали фантастические черты. И хотя антифеодальная направленность деятельности заговорщиков в достаточной мере очевидна, их намерение вести борьбу вооруженными средствами после поражения крестьянского восстания 1525 г. не имело реальных шансов на успех. Сама идея заговора была связана с эсхатологическими настроениями его участников и надеждой на вмешательство в «земные дела» самого Бога. В то же время история этого заговора свидетельствует о том, что и после Крестьянской войны еще были живы ее революционные традиции и «наследие Мюнцера». Теперь, однако, антифеодальное движение не имело под собою широкой социальной опоры. Кардинальное изменение социально-политической ситуации направляло народное недовольство в иное, по сравнению с 1525 г., русло.

Идея общественного переворота в новых условиях окончательно приобрела характер социальной утопии. В 1527 г. Михаэль Блом напечатал в Лейпциге памфлет «О новом преобразовании христианской жизни»¹⁵, автором которого современная историография

называет нюрнбергского книгоиздателя и книготорговца Ганса Гергота. Последний во время Крестьянской войны пропагандировал идеи народной реформации, о чем, в частности, свидетельствует следующий факт: еще в 1524 г. он опубликовал произведения Мюнцера, что вызвало резкое осуждение со стороны магистрата Нюрнберга. Реакцией на выход в свет памфлета Гергота было негодование представителей официальных властей и внимание к памфлету многих деятелей радикального толка в реформационном движении. Почему это произведение публицистической литературы привлекло к себе такое внимание как «власть предрержащих», так и общественности?

В созданном силою воображения Гергота образе общественного строя ключевую роль в качестве его первичной ячейки играл так называемый «плуг» (Flur). Несколько «плугов» объединялось в «божьем доме»¹⁶. С этой системой Гергот связывал установление справедливого общественного порядка, при котором устранялись эксплуатация и угнетение: деревни и города освобождались от всех тяготений, простые люди переселялись в дворянские дворцы, монастыри утрачивали чинши и ренты, восстанавливалось право каждого человека на свободное пользование лесами, текучими водами и лугами. По убеждению Гергота, там, где будет устранена эксплуатация, станет возможным труд в интересах всего общества. Автор памфлета с уверенностью в своей правоте утверждает: «И люди будут делать все для всех, каждый там, куда будет послан и сколько сможет; и на все вещи будет установлено общее пользование, так что никто не будет иметь [ничего] больше другого»¹⁷.

Образ общественного строя социального равенства, возникший не без влияния древнехристианских идеалов, после Крестьянской войны отражал несбывшиеся надежды «трудового люда» на освобождение от угнетения и своеобразно преломлял в себе революционные импульсы в самом реформационном движении. Но конкретные социальные требования крестьянских программ приобрели в утопии Гергота абстрактные черты, хотя ее автор продолжал ориентироваться на «простой народ». В основе утопии — идея аграрного общественного производства (автаркии), но с использованием некоторых достижений ремесла. По мнению В.Е.Майера и Б.Шройер-Кохман, утопия Гергота предполагала установление нового общественного строя с помощью насилия¹⁸. Г.Фоглер и К.Кцок, напротив, полагают, что в утопии выполнение этой задачи является исключительно «делом Бога» или «метафизическим чудом»¹⁹. По словам же В.М.Володарского, «утопия Гергота показывает, что надежду на ликвидацию кричащих

противоречий современной жизни он искал не в революционной борьбе самих масс», а «на пути острой критики современного строя и противопоставления ему новых хозяйственных, социальных, политических порядков»²⁰. И хотя нет оснований связывать утопию Гергота с призывом к революционному преобразованию общества, в то же время сформулированные в ней положения о равенстве людей, общности имущества и социальной справедливости обнаруживают известное сходство с идеями народной реформации Мюнцера, Гайсмайера и представителей радикального крыла в движении анабаптистов. Революция к моменту появления утопии Гергота по существу уже потерпела поражение, но ее участники, как показал ход событий, отнюдь не утратили способности к активным действиям.

Судьба самого автора утопии оказалась типичной для людей с подобным образом мыслей и отношением к официальным властям: Гергот был арестован и 20 мая 1527 г. предан мучительной публичной казни в Лейпциге. Этой казнью герцог Саксонский хотел преподать своим подданным «страшный урок», чтобы воспрепятствовать распространению революционных идей в собственных владениях. Но достигали ли князя такими мерами желаемых результатов?

Со вступлением городов в Шмалькальденский Союз влияние князей, принявших Реформацию, на преобразования религии и церкви еще более усилилось, но реформационное движение во многих из этих городов продолжалось. Известно, что города Верхней Германии приняли цвинглианство, активную роль в распространении которого играл Констанц. Это объясняется не только его близостью к центру цвинглианской реформации в Цюрихе, но и ролью общин в жизни имперских городов. Даже там, где инициатива в проведении реформационных преобразований принадлежала магистратам, принимая принципиальные решения, городские власти вынуждены были прислушиваться к мнению бюргерства. Так, к примеру, совет Ульма после заседаний аугсбургского рейхстага 1530 г. в ноябре того же года приказал опросить горожан, поддерживают или отвергают они решения рейхстага. Из 1864 опрошенных патрициев, цеховых мастеров и членов религиозных братств 1621 выступили против таких решений и только 243 поддержали их. Когда в ноябре 1531 г. такой же опрос провел совет Эслингена, оказалось, что из 1076 опрошенных только 142 высказались в поддержку решений рейхстага и против реформационных преобразований. В Кемптене также было определено отношение к иконам: 800 бюргеров высказались за их

удаление, 174 – за сохранение икон в церквах города и его округе²¹. Эти факты указывают на оживление демократических традиций в общественной жизни городов в эпоху Реформации. Эти традиции не были полностью утрачены и после Крестьянской войны. Приведенные выше факты свидетельствуют и о другом: абсолютное большинство бюргеров (86,2 процентов – в Эслингене, 80,5 процентов – в Ульме и 78,2 процентов – в Кемптене) одобряли и поддерживали программу реформы католической церкви.

Позже, чем в Южной и Средней Германии, реформационное движение началось в ее северных и северо-западных регионах²², где требования участников общественного движения встречали особенно яростное сопротивление со стороны патрицианских городских властей и территориальных князей, что придавало социальным противоречиям особый драматизм и приводило к тесному переплетению церковно-религиозных и политических мотивов в самом движении. В качестве весьма выразительного и в то же время типичного примера таких противоречий могут служить события в Геттингене.

В 1529 г. «попы и монахи в этом городе», как о том повествует городской хронист Франц Любекус, «подверглись осмеянию», а бюргерская оппозиция выдвинула требование полной свободы «евангелической проповеди» и реформы церкви. Причем особую активность во время одной из религиозных процессий проявили переселившиеся в город из Нидерландов «новые шерстоткачи». Прибывший из Ростока в Геттинген беглый монах-францисканец Генрих Хювенталь стал проповедовать вопреки запрету совета. Когда же городские власти потребовали, чтобы проповедник выступал перед народом только под их контролем и в одной из церквей города, это требование сторонники Реформации отклонили в категорической форме. Обстановка в городе обострялась, и 21 октября торгово-ремесленные гильдии избрали своими представителями на переговорах с правящим советом «так называемых посредников». Любекус сообщает: «Тогда явились [члены] совета, гильдий, все эти посредники и вся община к ратуше и училили там такое волнение и мятеж, что совет вынужден был примириться с происходящим и [признать], что [отныне] магистрат должен принимать только такие [решения], которые одобряют бюргеры... Затем вся община, что была евангелической, прибыла со своими мушкетами в ратушу. Совет был заточен в ратуше... для того, чтобы гильдии могли пообедать...»²³. После обеда начались переговоры о злоупотреблениях совета, особенно о расхищении ратманами казны. Совет вынужден был принять требования оппозиции и 18 декабря зафиксировать ограничение собственной

власти и расширение представительства бюргеров в правящем совете в специальном документе. Это была впечатляющая победа бюргерской оппозиции над патрициатом, обладавшим фактически монополией на власть в городе.

Спонтанный рост оппозиционного правящим советам движения и тесная связь реформационных требований с борьбой городского населения против олигархии имела место во многих городах. Так, в Бремене оппозицию возглавил купец Генрих Шванкер. Когда в декабре 1530 г. он был приговорен судом к смертной казни, которая, правда, была заменена изгнанием из города, бюргерская оппозиция потребовала его возвращения. Возникший в ходе этих событий «Комитет 104» выдвинул требование об ограничении привилегий крупных торговцев, отвечавшее интересам среднего и мелкого купечества. Однако 5 сентября 1532 г. патрицианскому совету удалось нанести поражение оппозиции, а ее руководители были казнены. В 1531 г. волнение бюргеров по существу было спровоцировано властями в Зоэсте, когда магистрат приказал арестовать проповедника Вульфа ван Кампена. Тысячи людей сбежали к ратуше, освободили проповедника и посадили вместо него в тюрьму обоих правящих бургомистров. Вскоре был образован «Комитет 24». Волнения в городе возобновились в 1533 г. Поводом для них стали «издевательства католиков над евангелическим проповедником». На этот раз произошло последовательное осуществление реформационных преобразований церкви, а католики были изгнаны из города. Бюргерской оппозиции удалось также отстранить патрициат от власти в соседнем Липштадте и передать эту власть особому бюргерскому «Комитету». Однако в 1535 г. оба города были подчинены княжеской администрации и лишились политической самостоятельности. Оппозиционное движение в Ростоке началось с требования свободы евангелической проповеди. Здесь почва для введения в 1531 г. нового церковного распорядка была подготовлена проповедями Иоахима ван Шлютера и деятельностью юриста Иоганна Олдендорпа. Участие этого ганзейского города на стороне Любека в войне против Дании и рост по этой причине налогов ускорили процесс формирования бюргерской оппозиции совету. В июне того же года бюргеры избрали «Комитет» и заставили совет признать его в качестве полномочного представителя общины. В сформулированных осенью того же года статьях программы на первом месте стояли требования об отчетности магистрата общине в финансовых вопросах, гарантиях экономических интересов как бюргерства, так и городской бедноты. «Комитет» фактически взял власть в

городе в свои руки. Большинство членов этого «Комитета» по социальному положению были купцами или зажиточными и среднего достатка ремесленниками; плебейские слои в нем не имели представительства. Однако по мере того как сам «Комитет» переходил к политике своего предшественника, он утрачивал поддержку большинства горожан. Воспользовавшись этим, патриции усилили нападки на «Комитет», угрожая, в частности, что город придет в полный упадок, если им и дальше «будут править рыбаки и кузнецы»²⁴. После поражения Любека в войне с Данией этот «Комитет» 4 марта 1536 г. был распущен. В 1537 г. такие же «комитеты» были образованы в Висмаре и Штральзунде. Но вскоре и эти «комитеты» разделили судьбу своих предшественников. Эти факты были предвестниками неминуемой утраты имперскими городами своей автономии.

Борьба за реализацию реформационных требований во многих городах Северо-Западной и Северной Германии, как показывают приведенные выше примеры, продолжала носить характер антифеодального освободительного движения и после 1525 г. Тесное переплетение религиозно-церковных, политических и социальных требований для этого движения также типично, как и организация бюргерской оппозиции в «комитетах», которые в большинстве своем состояли из городских служащих, членов гильдий и цехов, деятелей церкви. Эти «комитеты» порою находили поддержку и в плебейских массах. Борьба за новое вероучение и введение «евангелической проповеди», как правило, перерастала в оппозицию правящим советам, кафедральным соборам или территориальным князьям. Ее деятельность являлась политическим движением, целью которого было улучшение правового положения бюргерства и реализация его программных требований. В отдельных случаях при участии широких слоев городского населения происходило свержение патрицианско-олигархических советов. При этом повсюду возникали «комитеты», которые представляли интересы широких слоев бюргерства в городских «правлящих советах», контролировали деятельность этих советов или после их свержения брали власть в свои руки. В лице «комитетов» был создан орган власти бюргерской оппозиции. В то же самое время нигде политический успех движения не был продолжительным и стабильным. Патрициату и олигархии удавалось в союзе с территориальными князьями восстановить «старый порядок». Причем силы феодальной реакции находили поддержку у значительной части бюргерства, так как «новая власть» скоро начинала управлять прежними методами и утрачивала прочную социальную опору в широких слоях городского населения.

Представляет интерес и тот факт, что «новшества» в церковной жизни в условиях того времени имели большое социальное значение. Сокращение числа праздничных дней и, следовательно, увеличение числа рабочих дней, создание касс помощи беднякам, введение новых уставов благотворительной деятельности, открытие большого числа общеобразовательных школ – все это были непреходящие результаты бюргерской реформации. Однако все попытки преобразования самого механизма политической власти неизменно терпели неудачи. Это лишний раз показывает, каким было влияние на внутригородские конфликты массового крестьянского движения. Хотя борьба горожан против «правления патрициата», привилегий кафедральных соборов или территориальных князей продолжалась и после 1525 г., теперь она могла привести только к относительному или краткосрочному успеху. Бюргерская оппозиция была уже не в состоянии возглавить борьбу широких народных масс за радикальные общественные преобразования. Дело Реформации все более и более переходило в руки патрицианско-олигархических советов и территориальных князей. Те и другие использовали происшедшие перемены в жизни церкви в собственных интересах, главным образом в целях укрепления своей власти.

С таким ходом Реформации много общего имели события в Любеке. Но под влиянием прежде всего внешнеполитического фактора эти события здесь приобрели специфические черты. Дело в том, что упадок Любека был итогом утраты Ганзой торговой монополии в бассейнах Северного и Балтийского морей, где уже в XV в. набирали силу голландцы²⁵. Ганза утратила также привилегии как в Лондоне, так и на территории всей Англии. Герцогство Пруссия и Данциг (Гдыня) также прилагали усилия, чтобы подорвать экономическое влияние Любека. Трудности во внешней торговле вели к обострению внутригородских противоречий. Бюргерскую оппозицию возглавили купцы непатрицианского происхождения, которые требовали активизации внешней политики, направленной своим острием против Нидерландов и Дании, полагая, что патрицианский совет не в состоянии защитить их настоящие интересы – в первую очередь привилегии ганзейского купечества на внешних рынках. Плебейская оппозиция связывала с проведением в городе реформационных преобразований надежды на улучшение положения городских низов. Социально-политические противоречия в Любеке достигли апогея со вступлением на авансцену событий анабаптистов. Поэтому драматические события в этом городе заслуживают особого внимания.

Повышение осенью 1529 г. податного обложения послужило поводом для выступления бургерской оппозиции. Ее руководящим органом стал «Комитет 64». Летом 1530 г. совет вынужден был согласиться с проведением в городе Реформации. Началось энергичное вытеснение патрициев из совета, а «Комитет» взял на себя выполнение важнейших политических функций. Под его контроль была поставлена финансовая деятельность совета. «Комитет» обязал магистрат отчитаться перед ним по вопросу о городских привилегиях, запретил властям без своего согласия предоставлять крупные займы князьям и другим городам. Когда оба правящих бургомистра бежали, власть в городе перешла к бургерской оппозиции. В 1533 г. бургомистром Любека был избран Юрген Вулленвевер, происходивший из семьи гамбургских торговцев сукном, которая с 1523 г. проживала в Любеке. Он и поддерживавшие его богатые торговцы, интересы которых главным образом были связаны с деятельностью на внешних рынках, предприняли отчаянную попытку восстановления торговой монополии Любека во всем бассейне Северного и Балтийского морей. Они надеялись использовать, с их точки зрения, благоприятную для Любека ситуацию борьбы за трон в Дании и порожденные Реформацией социально-политические силы, чтобы закрыть Нидерландам торговый путь через Зунд. Попытка короля Дании Кристиана II завоевать еще в начале 20-х гг. XVI в. Швецию и отменить ганзейские привилегии закончилась неудачей: в 1523 г. он был изгнан из страны своими же дворянами, которых поддерживали недовольные шведы и герцог Шлезвиг-Гольштейна. Трон с помощью Любека получил Фредерик Шлезвиг-Гольштейнский. Когда Кристиан II в 1531 г. вступил со своей армией в Голландию, чтобы вернуть утраченный трон, правящий совет Любека установил прямые контакты с Фредериком I. Посольство Любека, во главе которого стоял Вулленвевер, добились восстановления своих привилегий, но оказалось не в состоянии воспрепятствовать тому, чтобы такие же привилегии получили и Нидерланды. Когда же Фредерик I был низложен с трона, Любек тщетно пытался толкнуть датчан на войну с голландцами.

После смерти в 1533 г. Фредерика I и избрания бургомистром Любека Вулленвевера ситуация радикальным образом изменилась, так как Вулленвевер встал на сторону низложенного с престола Кристиана II и в мае 1534 г. начал войну против Кристиана III, надеясь в случае победы получить монопольную привилегию на судоходство через Зунд и добиться усиления влияния Любека в Дании. Крестьянские восстания в Шонене и Ютландии, а также

поддержка со стороны городов Коппенгагена и Мальме облегчили продвижение войска Любека. Однако вскоре герцог Гольштейна приступил к осаде самого Любека и блокировал торговлю по Траве, что заставило Любек 18 ноября 1534 г. пойти на заключение сепаратного мира с герцогом. Ввиду военной угрозы самому Любеку и по причине недостаточной помощи со стороны городов Ганзейского Союза положение Вулленвевера становилось все затруднительнее. Неудача в войне с Данией оттолкнула от него богатую городскую верхушку. К неудачам внешней политики присоединялся страх состоятельных слоев бюргерства перед плебейскими массами. Суперинтендант Любека Герман Боннус 4 мая 1534 г. выступил с публичным протестом по поводу политического курса, как он полагал, «незаконного совета», поскольку, по его же словам, «простые люди» захватили в свои руки все нити внешней и внутренней политики города, судопроизводство и «действуют страшным образом»²⁶. Произнося этот вердикт, Боннус определенно имел в виду прежде всего анабаптистов и быстрый рост их влияния в городе. Если принять во внимание, что к тому времени анабаптисты уже успели установить свою власть в Мюнстере, то с необходимостью следует признать, что опасения Боннуса не были лишены оснований: угроза радикального экстремизма со стороны адептов «новой веры» была вполне реальным фактом.

Оппозиция любекского патрициата Вулленвеверу была поддержана магистратами других ганзейских городов. На съезде Ганзы (ганзатаге) в августе 1535 г. любекские патриции жаловались, что «простые люди в городе возбуждают мятежи; между тем не простые люди, а власти призваны Богом для выполнения его заповедей». Карл V издал мандат, который под угрозой применения «имперской опалы» требовал, чтобы в Любеке в течение 45 дней была восстановлена «старая форма правления»²⁷. 26 августа 1535 г. армия, которую возглавлял Вулленвевер, отступила из Дании. Это означало военное поражение, решившее судьбу самого Вулленвевера и возглавляемого им движения. Вскоре по приказу архиепископа Бремена Вулленвевер был арестован, передан в руки герцога Генриха Брауншвейг-Вольфенбюттельского, и против бургомистра было выдвинуто обвинение в попытке установления в Любеке власти анабаптистов. После длительного судебного разбирательства Вулленвеверу был вынесен смертный приговор, и 29 сентября 1537 г. он закончил свой жизненный путь на эшафоте. Возникают вопросы: кто такой Юрген Вулленвевер и что представляло собою общественное движение, во главе которого он стоял²⁸? Ответы на эти вопросы в то же самое время бросают

5.3. Анабаптисты в Германии и Швейцарии в 20-е годы XVI века

дополнительный свет на своеобразии переходной от феодализма к капитализму эпохи в целом.

В своей деятельности Вулленвевер преследовал далеко идущие политические цели. Он намерен был устранить патрициат из городского совета и обеспечить участие в управлении городом представителей непатрицианских слоев населения, подчиняя при этом реформу церкви планам восстановления гегемонии Любека в Ганзейском Союзе и торговой монополии последнего во всей Северной Европе. Ради достижения этой цели он использовал все средства, в том числе плебейскую оппозицию в самом городе и крестьянские восстания в Дании. Однако военное поражение сузило социальную базу правительства Вулленвевера, так как после этого поражения к свержению его правительства стали стремиться не только вернувшиеся из изгнания в город патриции, но и многие богатые купцы непатрицианского происхождения. События показали, что опирающаяся на феодальные привилегии и насильственные акции экономическая политика Любека обречена на провал. Поражение в войне с Данией открыло Зунд нидерландским и английским кораблям, в скандинавских странах достаточно быстрыми темпами протекал процесс образования, роста и укрепления национальных государств. Одновременно с этим историческим процессом совершалось вступление на авансцену истории торговой буржуазии. Аналогичные явления вполне обозначились также в Российском государстве и Польше. В новых условиях «Старая Ганза» была не в состоянии противостоять свежим ветрам истории. Союз средневековых городов не мог оказать сколько-нибудь существенного влияния на расстановку на международной арене политических сил, которые были представлены и поддержаны главным образом крепнущими национальными монархиями.

5.3. Анабаптисты в Германии и Швейцарии в 20-е годы XVI века

Курфюрст Людвиг V Пфальцкий в письме от 11 мая 1528 г. жаловался эрцгерцогу Фердинанду Австрийскому на то, что до сих пор «мятеж простого человека... не погас еще в сердцах» его подданных, и свидетельством тому, по словам курфюрста, могут служить анабаптисты, «которых появилось немало в нашем княжестве»²⁹. И после Крестьянской войны страх «богатства и власть имущих» перед новыми восстаниями с выходом на арену социальной

борьбы анабаптистов³⁰ получил новую и обильную пищу, что резко изменило также и социально-психологическую ситуацию, в условиях которой стали проявляться «тревожные ожидания», «предчувствия» и громко звучать «предсказания» вновь грядущей смуты и светопреставления. В роли пророков «божьего суда» и гибели «старого мира» чаще других выступали анабаптисты. Они проявляли большую активность в пропаганде идеи скорого наступления «конца света» и установления «царства божьего» на «грешной земле».

Что собою представляло движение анабаптистов? Есть основания полагать, что оно вобрало в себя различные социально-религиозные течения, адепты которых еще не утратили веры в возможность победы «божьих избранных» над «богопротивными властями». Как внешний знак приверженности анабаптизму его адепты отвергали крещение младенцев и принимали в свои ряды только крещеных в зрелом возрасте. Требование крещения только достигших совершеннолетия, т. е. сознательно вступающих в общину верующих, дало не совсем точно отражающее сущность явления имя «перекрещенцев» (анабаптистов) участникам движения адептов «нового учения».

По всей видимости, это движение возникло почти одновременно на территориях Швейцарии, Саксонии и Тюрингии. Чем больше Цвингли ориентировался в своей деятельности на правящий совет Цюриха, тем решительнее группировка его радикально настроенных последователей вступала в полемику со своим лидером. 21 января 1525 г. Конрад Гребель крестил, о чем уже знает читатель, в своем доме в Цюрихе священника расположенной поблизости от города деревни Цолликон, Георга Блаурока³¹. Вскоре в этой деревне появилась первая община анабаптистов, которая, правда, через несколько недель после ее основания была разогнана по приказу магистрата Цюриха. Однако анабаптисты, несмотря на преследования, энергично и неутомимо продолжали агитацию, и многочисленные их общины стали появляться и в других местах. В Саксонии и Тюрингии вопрос о крещении сначала не играл сколько-нибудь значительной роли. Здесь в широких народных массах была жива память о Мюнцере и его учении о «царстве божьем на земле», в котором все будут равны и свободны. На формирование идеологии анабаптизма здесь же определенное влияние оказали и «цвиккауские пророки» во главе с Никласом Шторхом³². Это влияние усилилось после Крестьянской войны, когда в движение анабаптистов влились элементы, принадлежавшие к «партии» народной реформации. Характер деятельности

последних испытал на себе сильное воздействие самого факта поражения крестьянского восстания в 1525 г. Активная готовность к революционным действиям теперь сменилась у большинства из них пассивным ожиданием конца света и «судного дня», когда все будет решено «волей божьей». Между тем личное знакомство некоторых руководителей движения анабаптистов с Мюнцером и влияние последнего на образ мыслей идеологов анабаптизма является очевидным фактом. Это, в частности, находит подтверждение в послании, которое Гребель направил Мюнцеру еще в сентябре 1524 г.³³ О преемственности деятельности Мюнцера и представителей радикального крыла в движении анабаптистов свидетельствует не только судьба уже известного читателю организатора «эрфуртского заговора» Ремера, но и судьбы Гута, Ринка и ряда других вожakov и идеологов этого крыла в анабаптизме. В силу данного обстоятельства обращение к хотя бы кратким биографиям Ганса Гута и Мельхиора Ринка позволит пролить дополнительный свет и на социальную сущность раннего анабаптизма как исторического явления.

До 1524 г. жизнь и деятельность Гута в качестве церковного служки, переплетчика и мелкого книготорговца протекала в местечке Бибр, расположенном около города Майнингена во Франконии. Но в том же году он перебрался в Мюльхаузен, где в сентябре месяце вступил в «Вечный Союз Божий» и взял на себя все заботы об издании трудов Мюнцера в Нюрнберге. Гут после битвы при Франкенхаузене, в которой принял личное участие, продолжил борьбу против феодальных властителей у себя на родине в Бибре. При приближении княжеской армии он бежал в Аугсбург, где примкнул к анабаптистам. В дальнейшем Гут занялся миссионерской деятельностью и созданием анабаптистских общин на обширных территориях, которые включали Тюрингию на севере и Тироль на юге, Вюртемберг на западе и австрийские земли на востоке. В 1527 г. Гут был арестован в Аугсбурге, где по одним данным был казнен по приговору городского суда в сентябре того же года³⁴, по другим – погиб во время пожара в городской тюрьме³⁵.

Во многом схожей с Гутом была судьба Ринка, сына бедного гессенского крестьянина, которому благодаря незаурядному дарованию и трудолюбию удалось получить гуманистическое образование. Он изучал в Эрфурте древнегреческий и латинский языки, затем во многих местах служил капелланом, проповедником, школьным учителем и везде занимался пропагандой учения Мюнцера. Ринк также участвовал в битве при Франкенхаузене и после Крестьянской войны продолжал революционную деятельность.

Он утверждал, что во Франкенхаузене Бог ему будто бы приказал стать преемником «дела Мюнцера» и, главное, победоносно его завершить³⁶. Ринк говорил, что, хотя Мюнцера нет в живых, дело его живет³⁷. В сельских округах Эйзенаха, Ваха и Херсфельда Ринк выступал с пророчеством неизбежного и скорого наступления «страшного суда», переворота в общественных отношениях и вовлек в движение многих людей. После Крестьянской войны Ринк прожил еще двадцать лет (умер в 1545 г.), но семнадцать из них провел в тюрьмах.

Почвой, на которой вырос анабаптизм, была оппозиция широких народных масс феодальному строю, недовольство радикальных элементов в реформационном движении ограниченностью социальных программ общественных преобразований не только Лютера, но и Цвингли, с одной стороны, разочарование трудящихся слоев населения города и деревни в насильственных формах социально-политической борьбы – с другой. После поражения крестьянского восстания 1525 г. многие его участники в радикально изменившихся условиях увидели в движении анабаптистов единственно возможное для себя поле деятельности. В силу указанных выше причин в движении приняли участие представители различных категорий населения, но большинство в нем составляли наемные рабочие, ремесленники и крестьяне. Участниками движения были как плебеи, так и бюргеры, патриции и даже дворяне. Многие ремесленники благодаря своей профессиональной деятельности устанавливали тесные контакты с представителями различных слоев населения. Это обстоятельство использовалось для распространения анабаптизма. Дома таких ремесленников часто становились центрами анабаптистских общин, местами проведения тайных собраний адептов «новой веры» или служили убежищами для преследуемых единомыслителей. Среди ремесленников особенно активное участие в движении принимали ткачи, портные, сапожники, кузнецы и слесари. В деревнях к движению присоединялись или сочувствовали ему прежде всего беднейшие их жители. Особую роль играли представители низшего духовенства и школьные учителя, так как из их рядов обычно рекрутировались руководители и идеологи движения. Одним словом, «социальная пестрота» была отличительной чертой участников этого движения.

Вряд ли возможно дать однозначный ответ на вопрос об идейных истоках движения. В этой связи отметим, что еще в конце прошлого века протестантский историк церкви Л.Келлер, опираясь на концепцию континуитета в развитии общественных

движений в Западной Европе, выводил анабаптизм из средневековых еретических сект³⁸. Вместе с тем сами анабаптисты, не отрицая своего духовного родства с этими сектами, как в своих теоретических трудах, так и в публичных и «тайных» проповедях зачастую ссылались на ранние произведения Мартина Лютера и Ульриха Цвингли. Их учение включало как элементы мистики, некоторые положения доктрины радикально-бюргерской ориентации Андреаса Карлштадта, так и гуманистические идеи Эразма Роттердамского³⁹. По-разному воспринималось анабаптистами учение Томаса Мюнцера: радикальные элементы в их среде объявляли себя последователями этого учения, умеренные – отвергали идею насильственного общественного переворота⁴⁰. Анабаптисты, называвшие всех стоявших вне их братства «безбожниками»⁴¹, создали уже на раннем этапе движения довольно стройную систему догм и миропонимания, эта же система, однако, вряд ли имела в своей основе единую идеологию. Все это и дает основания для вывода об эклектичности их мировоззрения, религиозной философии и программных установок. Насколько верна такая точка зрения?

Обоснование данной точки зрения находит в неоднозначном отношении различных группировок анабаптистов к властям, требованию введения общности имущества, а также в разногласиях между ними по другим вопросам. Неприятие анабаптистами властей выражалось в отказе занимать государственные должности, приносить присягу официальным их представителям, брать в руки оружие и «давать налоги на войну». Но среди них не было единства мнений по вопросу о том, *каким образом* следует реализовать идеалы анабаптизма. В этих разногласиях ярко проявились две тенденции в их движении: представители одного направления занимали позицию пассивного ожидания, когда все изменится путем обособления адептов «новой веры» от «греховного мира» и вмешательства в «земные дела» самого Бога; представители другого направления ориентировались в первую очередь на достижение конечной цели движения насильственными средствами, с помощью заговора или даже восстания. Всех анабаптистов в то же самое время объединяло враждебное отношение к официальной церкви, причем как католической, так и «реформированной», а равным образом к феодальному обществу и государству, от которого они стремились во что бы то ни стало «обособиться», поскольку только в братствах «избранных Богом» и «истинно верующих» они видели единственно достойную и приемлемую для себя форму социального бытия. В их враждебном

отношении к властям также находил выражение социальный протест как против феодальной системы угнетения и эксплуатации, так и против мануфактурной организации труда или непосредственно предшествующих ей форм, которые были присущи стадии «раннего капитализма» в общественном производстве. Признавая над собою власть только Бога и отвергая любые государственные учреждения как нехристианские, анабаптисты уже в силу этой причины вступали в конфликт с официальной церковью и светскими властями. Движение адептов «новой веры», несмотря на религиозную мотивацию их деятельности, представляло угрозу всем существующим институтам власти. Такое отношение к властям проистекало из особого восприятия анабаптистами догмата о «спасении», так как «они, отстаивая ответственность самого человека за свою судьбу, отвергали принцип абсолютного предопределения», что и обусловило «специфику их вероучения»⁴². На это, в частности, вполне определенно указывают некоторые вероисповедные документы XVI в., авторство которых принадлежит хуттеровским братьям⁴³. Отсюда становится понятным, почему власти неустанно вели с анабаптистами энергичную и непримиримую борьбу, обычно не принимая во внимание различия между «тихими» и «буйными» адептами «новой веры». В тех и других они видели своих «заклятых врагов» и даже уголовных преступников.

В то же время необходимо отметить, что карательные меры долго не приносили властям желаемых результатов, и движение анабаптистов продолжало стремительно набирать силу. Оно распространилось не только на швейцарские кантоны, Тюрингию и Саксонию, но и на Франконию, анабаптисты которой избрали своим центром Аугсбург, на рейнские области, где такую же роль играл Страсбург, а также на Вюртемберг, Баден, Баварию и Пфальц. Вслед за ними движение охватило Вестфалию, Фрисландию, Голландию и пустило вполне глубокие корни в ганзейских городах. Оно же нашло многочисленных приверженцев в альпийских землях и создало крупный центр в Моравии⁴⁴. На преследования со стороны властей анабаптисты ответили активизацией своей деятельности, которую они вели не только в таких метрополиях движения, как Аугсбург, Страсбург и Ульм, но и во многих других городах и деревнях. Крупные общины адептов «новой веры» появились в Аугсбурге, Вальдсхуте, Ратенбурге, Цолликоне, Эслингене, Пассау, Зальцбурге и Кицбюгеле; значительные по численности общины образовались в Вене, Линце, Вормсе, Кауфбойрене, Швебиш-Гмюнде, Халле в Тироле и Мюльхаузене в Тюрингии. В общей сложности на территории

Германской империи и Швейцарского Союза в движение было вовлечено более 500 населенных пунктов. Адепты «новой веры» использовали разнообразные формы пропаганды и агитации, благодаря которым стало возможным быстрое распространение их учения, увеличение числа их сторонников и создание многочисленных общин. Необходимо также отметить, что анабаптисты большое значение придавали организации движения: они конспиративными средствами поддерживали друг с другом постоянные контакты⁴⁵. Это позволяло им своевременно получать нужную информацию и координировать свои действия. Такая тактика придавала действиям анабаптистов большую эффективность и объясняла причину их влияния в широких народных массах и удивительную жизнеспособность их общин.

Феодальные властители и правящая верхушка городов по вполне понятным причинам не могли относиться безучастно к успехам деятельности адептов анабаптизма, поскольку эта деятельность неизменно носила откровенно враждебный характер по отношению к любым институтам власти. Поэтому представители последних видели в успехах анабаптистов большую для себя опасность и довольно быстро перешли к политике подавления их движения жесткими репрессивными мерами. Отсюда становится также понятным, почему анабаптисты, спасаясь от преследований, порою вели бродячий образ жизни. Такой образ жизни, впрочем, во многом являлся следствием их миссионерской деятельности, которая и была причиной частой смены места жительства, что вынуждены были делать идеологи и организаторы движения. В 1527 г. вожаки и активисты движения анабаптистов из Франконии, Баварии и Австрии собрались в Аугсбурге, чтобы обсудить вопрос об объявленном Гансом Гутом «конце света» и последний раз предупредить о наступлении «страшного суда» «весь греховный мир». Какое-то время анабаптистам, прибегая к конспирации, удавалось вести работу «аугсбургского синода» в тайне от властей. Однако, узнав о «синоде», власти немедленно обрушили на анабаптистов жесточайшие репрессии, жертвами которых стали многие тысячи участников движения адептов «новой веры».

Некоторые видные деятели этого движения приняли смерть «мучеников за веру». Так, один из лидеров швейцарских анабаптистов, Феликс Манц, 5 января 1527 г. был приговорен к утоплению городским судом Цюриха. Георг Блаурок 14 августа 1529 г. сожжен на костре инквизиции в столице Тироля Инсбруке. Таким же образом в Вене еще 10 марта 1528 г. закончил свой жизненный путь Бальтазар Хубмайер. Между тем он после Крестьянской войны

склонялся к точке зрения, согласно которой не меч, а убеждение должно было стать способом решения религиозных разногласий. Он теперь полагал, что «злых» можно наказывать с помощью силы, прибегая даже к «мечу». Но такой способ он считал недопустимым по отношению к «безбожникам». По мнению Хубмайера, Бог поставил всех живущих на земле перед выбором – верить или не верить, потому что, по словам того же Хубмайера, не дело людей решать силой споры между сторонниками «истинной веры» и «безбожниками», или «верующими» и «неверующими». Таким образом, Хубмайер пропагандировал, как утверждает современный биограф реформатора Т.Бергстен, не только свободу вероисповедания, но и свободу от религиозных убеждений вообще, т. е. свободу атеизма⁴⁶. С этим, однако, трудно согласиться, так как признание Хубмайером за любой креатурой права выбора конфессии вряд ли предполагало допущение атеизма. С другой стороны, эволюция во взглядах анабаптистов, на что красноречиво указывают многочисленные факты, не приводила к смягчению по отношению и ним репрессий со стороны властей, и для самого Хубмайера не могла быть только способом избежать наказания. Объяснение этому факту следует искать в том, что даже «тихие» и «мирные» анабаптисты отказывались выполнять ряд государственных повинностей и выражали лишь «показное послушание властям». Установление последнего факта было достаточным, чтобы подвергать адептов «новой веры» суровым наказаниям. В этой связи обратимся к следующему весьма выразительному эпизоду.

Когда во время судебного процесса (процесс состоялся в Ротенбурге-на-Некаре) над анабаптистами, которые действовали во владениях Габсбургов в Юго-Западной Германии (Передней Австрии), одного из них, по имени Михаэль Затлер⁴⁷, приговорили к смертной казни, приговор гласил, что осужденный «должен быть передан в руки палача, который обязан был привезти его на площадь и там отрезать ему язык, затем приковать его к повозке и потом раскаленными клещами вырвать два [куска] тела, после этого доставить к [городским] воротам и [там] вырвать [еще] пять [кусков тела]. Когда все это произойдет, тогда его как еретика сжечь»⁴⁸. Этот приговор был приведен в исполнение в Ротенбурге 21 мая 1527 г. в присутствии большой толпы горожан.

Когда же власти ожидали будто бы подготовленного анабаптистами восстания, преследования адептов «новой веры» достигли апогея. Власти связывали с деятельностью анабаптистов планы мятежей и заговоров, видели в их деятельности прямое продолжение Крестьянской войны. В большинстве случаев анабаптистов

обвиняли не в ереси и богохульстве, а в мятежных действиях и неповиновении «законным властям», поэтому дела адептов «новой веры» рассматривались не церковными инквизиционными трибуналами, а светскими судами. Власти территориальных княжеств и магистраты имперских городов издавали против анабаптистов мандаты, которые, как правило, предусматривали суровые наказания и зачитывались с церковных кафедр. 4 января 1528 г. был обнародован первый императорский указ, направленный против анабаптистов и угрожавший им смертными казнями. Шпейерский рейхстаг 23 апреля 1529 г. принял закон, установивший, что анабаптисты, в первую очередь руководители и идеологи движения, за их взгляды и пропаганду «нового учения», возбуждающего непослушание «простого народа» официальным властям, «без всякого снисхождения» должны предаваться смертным казням. Аугсбургский рейхстаг 1530 г. в одном из своих постановлений еще раз подчеркнул необходимость неукоснительного соблюдения этого закона и сурового наказания всех приверженцев «еретической веры». Приведенные выше факты не оставляют сомнения в том, как относились официальные власти к движению анабаптистов и его участникам. Власти прилагали максимум усилий, чтобы «вырвать с корнем семя анабаптизма». Такие усилия властей указывали на ту опасность, какую представляла для них деятельность анабаптистов.

Правда, заслуживает внимания и другой факт. Среди противников анабаптистов раздавались голоса и тех, кто призывал к милосердию, выступал против вынесения адептам «новой веры» смертных приговоров и вообще против их наказания «как уголовных преступников». Так, проповедник Швебиш-Халля, «реформатор Франконии и Вюртемберга» Иоганнес Бренц уверял своих оппонентов, что «анабаптистов нельзя наказывать за их учение смертными казнями, так как они не учат, что люди должны принуждаться к обобществлению земных имуществ силою, и они [никого] не принуждают к тому силою, потому на них [также] нельзя воздействовать силою»⁴⁹. Кое-кто из судей разделял точку зрения Бренца. Однако такое отношение судей к анабаптистам все же было исключением из правила: в большинстве случаев судьи менее всего обнаруживали склонность к проявлению «христианского милосердия», когда вставал вопрос о наказании анабаптистов, которое неизменно носило суровый и даже жестокий характер. Причиной тому было убеждение «власть имущих», что анабаптисты являются противниками любых государственных учреждений и института частной собственности. Нужно сказать,

что такие обвинения до событий, связанных с историей Мюнстерской Коммуны, имели под собою некоторые основания. Вместе с тем необходимо отметить, что после Крестьянской войны большинство анабаптистов разочаровалось в самой возможности торжества насильственных средств борьбы и уповало главным образом на второе пришествие Иисуса Христа, волею которого и будет совершен «божий суд». После разгрома Мюнстерской Коммуны основной тенденцией движения анабаптистов стало обособление от «греховного мира», отказ от попыток его преобразования и сосредоточение на внутренней жизни самих общин.

Среди тех, кто публично проклинал и объявлял анабаптистов вне закона, видел в них «воплощение [самого духа] дьявола», были Ульрих Цвингли, Мартин Лютер, Филипп Меланхтон и многие другие реформаторы. Они связывали с деятельностью анабаптистов «воскресение духа Мюнцера» и угрозу «новой Крестьянской войны». Известный деятель «партии» бюргерской реформации и убежденный последователь учения Лютера Юстус Мениус писал: «После того как дьявол в образе Мюнцера несколько лет тому назад вынужден был замолчать, дьявол стал вести свои дела в глубокой тайне и воплотился в бандах анабаптистов»⁵⁰. Ссылка на преемственность деятельности анабаптистов с учением Мюнцера давала католическим и протестантским теологам достаточные основания для того, чтобы требовать от светских властей и судов всех инстанций сурового наказания участников движения адептов «новой веры». Долгое время, однако, рекомендации, которым следовали суды, не приносили «власть имущим» желаемых результатов.

Усиление репрессий со стороны властей побуждало анабаптистов покидать родные края. Для многих из них местом убежища от преследований стала Моравия. Здесь летом 1526 г. образовался крупный центр движения, пользовавшийся благосклонным вниманием со стороны представителей некоторых моравских аристократических семейств. Тогда же были предприняты попытки установления общности имуществ. Этому намерению анабаптистов содействовали и придали соответствующие организационные формы неоднократные посещения Моравии в 1528–1535 гг. уроженцем Тироля Якобом Хуттером. Обосновывая тезис о необходимости введения общности имуществ, Хуттер упрекал всех сторонников бюргерской реформации в том, что среди них «каждый смотрит [лишь] на собственное поле, видит только собственную выгоду и корысть. Поэтому каждый делает только то, что наполняет его собственный мешок»⁵¹. Иоганнес Бретли, выступавший в роли одного из основателей общины адептов «новой веры» на берегу

Дюрингского озера в Цолликоне, некоторые из членов коей вскоре после разгрома этой общины переселились в Моравию, еще в начале февраля 1525 г. утверждал, что каждый христианин должен стремиться к тому, чтобы «жить своим трудом и не быть кем-либо отягощенным»⁵². Хуттеровские братья занялись поисками таких форм собственности, производственной деятельности и социального бытия, которые позволили бы им выполнить заповеди Христа на практике. Поэтому во введении общности имущества они видели надежную гарантию реализации «божественной воли», так как, по их убеждению, если частная собственность связывает людей с мирской суетой, общность имущества, напротив, дарует им такую свободу, которая открывает реальную перспективу построения сообщества истинных «избранников божьих». И эта идея под покровительством феодальных властителей, преследовавших собственные цели, в Моравии была претворена в жизнь⁵³. Следовательно, приверженность анабаптистов идее «общности имущества» отнюдь не была лишь данью пропагандистской риторике.

Однако ситуация, возникшая в Моравии, все же была исключением из правила. На большей части территорий Германской империи и Швейцарского Союза власти, как известно читателю, проводили по отношению к анабаптистам политику преследований и репрессий. Почти повсюду анабаптистов по приказу властей бросали в тюрьмы, под пытками принуждали давать показания и подвергали наказаниям смертными казнями, многолетними тюремными заключениями, конфискациями имущества, крупными денежными штрафами, изгнанием из родных городов и деревень, выставляли у «позорного столба». Порою возникала реальная угроза для всего населения разделить судьбу адептов «новой веры». Когда в ноябре 1529 г. в Швебиш-Гмюнде было арестовано несколько адептов «новой веры», правящий совет города обратился к руководству Швабского Союза, чтобы оно немедленно направило в город карательный отряд на том основании, что «арестованные [недавно] анабаптисты имеют немало друзей среди простых людей в [самом] городе». Официальные власти в данном случае побуждали бюргеров к активным действиям против анабаптистов, чтобы таким образом, по словам одного из очевидцев событий, «положить конец критике в свой адрес». Уже 1 декабря того же года отряд Швабского Союза вступил в Швебиш-Гмюнд, но неожиданно ландскнехты выступили против наказания адептов «новой веры»⁵⁴. Этот эпизод объясняет, почему власти порою проявляли вовсе им несвойственную веротерпимость по отношению к анабаптистам. Мотивацией веротерпимости властей могли

быть также соображения экономического порядка и нежелание расставаться с хорошими работниками, каковыми зачастую оказывались адепты «новой веры».

После Крестьянской войны борьба анабаптистов против церковных и светских властей продолжала отражать антифеодальные настроения в обществе. Однако большинство анабаптистов в новых условиях уже открыто не выступало за немедленную реализацию идеи «божьей справедливости» насильственными средствами, уповая прежде всего на вмешательство самого Бога в «земные дела» и второе пришествие Христа. Утратив веру в возможность общественного переворота, анабаптисты обратились к практической деятельности, которая обычно сводилась к созданию касс помощи беднякам, участию в организации новой системы благотворительности и бесплатных школ для малоимущих и неимущих. Однако сама система благотворительности, как это было показано в исследованиях последнего времени⁵⁵, теперь была подчинена этической норме реформационной доктрины, отразившей принципиально иное, чем в средние века, понимание категории общественного труда. Согласно норме протестантской этики, труд являлся высшей добродетелью и главным долгом христианина, уклонение от него – нарушением и забвением заповеди самого Христа. Теперь бедность и нищета стали выступать как бы в двух «ипостасях»: в одних случаях они были «добровольными» и «заслуживали» не только порицания и осуждения с церковной кафедры, но и наказания светскими властями оказавшихся в таком положении пауперов, в других – возникали по причине «обстоятельств жизни», что было «достойно» сострадания к бедствующим и оказания им моральной поддержки и материальной помощи. В то же время лишь в крайне редких случаях, как это, например, произошло в Моравии, адепты «новой веры» вставали на путь обобществления имущества на практике, чтобы тем самым способствовать достижению конечной цели движения. Однако, как показал ход событий, экстремистское крыло в их рядах, которое продолжало ориентироваться на насилие в борьбе за эти цели, отнюдь не сошло с исторической сцены и после поражения крестьянского восстания 1525 г.

5.4. Мюнстерская Коммуна (1534–1535 гг.)

В то время, когда Любек потрясали глубокие социальные конфликты, произошло резкое обострение социальных противоречий во многих городах (особенно на севере и северо-западе Империи), в 262

которых развернулась острая борьба за осуществление программы Реформации. Епископский город Мюнстер в Вестфалии также переживал сильное влияние реформационного движения. Однако в силу ряда обстоятельств, превративших Мюнстер в «слабое звено в цепи системы феодализма»⁵⁶, в этом городе произошли события, которые свидетельствовали о перерастании сопротивления феодальным властителям в вооруженные формы. Обращение к данному сюжету позволит показать, каким образом идеология анабаптизма могла стимулировать экстремистское по своему характеру и плебейское по социальному составу участников массовое общественное движение⁵⁷.

Известия о событиях в Мюнстере распространялись по территории Империи и за ее пределами «Новой Газетой». Она утверждала, что мюнстерские анабаптисты намерены «завоевать все земное царство и перебить все власти, чтобы впредь не было [в этом царстве] никакой несправедливости»⁵⁸. Такая трактовка событий вызывала у большинства современников удивление и порождала, особенно у переживших недавно революционные потрясения немцев, чувство страха. Поэтому в течение почти полутора лет внимание не только подданных Империи, но и общественности других стран было обращено к этому вестфальскому городу. Что же произошло в Мюнстере?

Однако прежде чем дать ответ на поставленный выше вопрос, имеет смысл совершить экскурс в отечественную историографию Мюнстерской Коммуны.

В ней первым трудом, посвященным данной теме, была статья А.М.Розенберга. Автор указывает на своеобразие ремесленного бытового обслуживания населения Мюнстера в условиях Коммуны: «Всем гражданам официально было предоставлено право безвозмездного пользования услугами ряда ремесленных мастерских (портных, сапожников и др.)». И хотя он тут же делает оговорку, что «эта реформа... была вызвана стремлением перестроить не систему производства, а систему потребления»⁵⁹, на самом деле, можно полагать, речь шла о другом. Введение нового порядка по существу означало отчуждение продукта и труда мелкого производителя и реализацию на практике идеи общности имущества в городском ремесле. Розенберг пишет также о том, что в Коммуне существовала радикальная группировка, в намерение которой входило «соединение всей усадебной земли в городе и создание единого коллективного земледельческого хозяйства с участием всех граждан»⁶⁰. Отсюда следует, что в планах реализации идеи общности имущества анабаптисты Мюнстера заходили

достаточно далеко и простирали ее на все общественное производство. В этой связи примечателен и другой факт: в сноске к заглавию статьи было сказано, что ее автор «окончательно подготовил к печати» книгу, посвященную истории Мюнстерской Коммуны⁶¹. Однако эта книга так и не вышла в свет. По всей видимости, ее содержание могло вызвать у читателя ненужную, с точки зрения правящей верхушки, аналогию «деяний мюнстерцев» с тем, что происходило в стране. Вспомним, что это было время, когда политика НЭПа уже стала достоянием прошлого, страна была переведена на рельсы плановой экономики, совершалась насильственная коллективизация сельского хозяйства, набирала обороты политика массовых репрессий, приближавшая трагедию 37-го года.

Создается впечатление, что почти три десятилетия на тему истории Мюнстерской Коммуны был наложен запрет. Только с 60-х гг. этот запрет был снят и данная тема стала своего рода «монополией» А.Н.Чистозвонова⁶². Согласно его точке зрения, «анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд уравнилельных мероприятий: имущество церквей, монастырей, бежавших и изгнанных горожан, драгоценные металлы были конфискованы в общую пользу, деньги упразднены, торговля и обмен с целью наживы сначала ограничивались, а затем были запрещены; все жители обязаны были трудиться по специальности на общее благо и участвовать в обороне города, не получая за это особой платы; продовольствие и все предметы потребления и обихода подлежали обобществлению и распределению по строго установленным нормам под контролем анабаптистских властей, но орудия труда, мастерские и земельные участки оставались, видимо, в личном владении их собственников...». «Мюнстер был объявлен единой общиной (коммуной) "истинных христиан", избранным богом городом, долженствовавшим стать оплотом грядущего тысячелетнего "царства Христа", под которым подразумевалось наступление идеального мистического социального равенства»⁶³. Эта точка зрения получила обстоятельное обоснование в монографическом исследовании А.Н.Чистозвонова⁶⁴. Обратим, однако, внимание на то, что и в этом исследовании Чистозвонов обходит острые вопросы, которые, быть может, помимо своей воли, но исключительно в стремлении к установлению истины все же поставил А.М.Розенберг.

Еще в большей мере «смягченный вариант» концепции истории Мюнстерской Коммуны предложил М.М.Смирин, который писал о преобразованиях в ней следующее: «В обстановке вражеской осады анабаптисты провели ряд преобразований. Ремесленные мастера, в руках которых находились орудия производства и

на которых работали как прежде подмастерья, обязаны были тем не менее выполнять заказы городской общины и подчиняться ей в деле организации производства вообще. Община распоряжалась раздачей отдельным лицам земельных участков для обработки. Золото, серебро и драгоценные вещи подлежали конфискации в общую пользу. Деньги были упразднены и производился только натуральный обмен». Если следовать мнению Смирин, необходимо признать, что «коммунистическая тенденция в «деяниях анабаптистов» выражена слабо, так как только «в области потребления политика Мюнстерской Коммуны содержала некоторые элементы потребительского коммунизма». Хотя и он вынужден признать, что «предметы потребления брались на учет особыми должностными лицами («диаконами»). Они же имели право отбирать излишки для распределения среди бедных. Были сделаны попытки для устройства общих трапез»⁶⁵. На практике это все же означало установление строя «примитивно-уравнительного коммунизма».

Таким образом, отечественная историография Мюнстерской Коммуны в советскую эпоху проделала весьма выразительную эволюцию. Ее исходные позиции достаточно точно определил еще А.М.Розенберг. По его словам, «буржуазные авторы... видят в социальном строе коммуны исторический пример большей или меньшей степени осуществления коммунизма. Они не жалеют красок для изображения коммуны в самом отрицательном свете. Сближая примитивный коммунизм XVI в. с научным коммунизмом Маркса и Энгельса, новейшие авторы пытаются использовать всячески очерняемую коммуну для того, чтобы скомпрометировать последний»⁶⁶. По существу такой логике оценки данного факта следует и А.Н.Чистозвонов⁶⁷. В определенном смысле именно близость «мюнстерского коммунизма» и советской действительности 30-х гг. явилась причиной отторжения официальными идеологами того времени труда Розенберга. Поэтому перед Чистозвоновым стояла задача «отдаления» в пространстве и времени двух исторических эпох, с которой он вполне справился. М.М.Смирин, образно выражаясь, вообще отнес мюнстерский анабаптизм в средние века, прикрыв его лишь легким флером примитивного коммунизма. Однако между теорией и практикой, замыслами и их реализацией зачастую возникают расхождения, поэтому попытаемся сказать прежде всего о том, что на самом деле произошло в Мюнстере.

Как известно, реформационное движение на севере и северо-западе Империи началось с конца 20-х гг. XVI в. В этом регионе ярко выраженные специфические черты приобрело и движение

анабаптистов. В то самое время, когда большинство немецких адептов «новой веры» ограничивалось в своей деятельности после Крестьянской войны лишь пассивным неприятием самих феодальных институтов, на севере Германии и в Нидерландах возобладало радикальное направление, которое имело немало фанатичных приверженцев в городах Голландии и Фрисландии. Здесь значительным влиянием пользовалось учение скорняка по профессии Мельхиора Хофмана, который в своих проповедях говорил о скором наступлении «конца света». Опираясь на библейские пророчества, он утверждал, что одаренный от природы человек, руководствуясь постулатами Священного Писания, в состоянии верно предсказать будущее. Местом реализации библейских пророчеств и «обетованной землей» Хофман называл Мюнстер. В это верили и такому пророчеству следовали представители экстремистского крыла в движении анабаптистов. Однако, прежде чем они совершили переворот и взяли власть в городе в свои руки, почва для этого в Мюнстере была подготовлена успехами реформационного движения.

Мюнстер экономически был тесно связан с Нидерландами, но в то же время являлся членом Ганзейского Союза; он испытал на себе влияние как кризиса цехового сукноделия в Нидерландах, так и все возрастающих трудностей, вызванных упадком, который переживала Ганза. Распространение Реформации на вестфальские города в Мюнстере нашло выражение в напряженной борьбе горожан против диктатуры местного епископа – территориального князя и ярого приверженца католической церкви. С 1531 г. здесь возникли благоприятные условия для реформационной деятельности поддержанного торгово-ремесленными корпорациями проповедника Бернхарда Ротмана, который неустанно вел борьбу за свободу провозглашения «слова божьего». После иконоборческого выступления горожан 9 августа того же года эта цель была достигнута. Большинство патрициев-католиков покинуло город. Поскольку же епископ отказался признать перемены и вскоре приступил к блокаде города, борьба за реформационные преобразования приобрела особое значение. С 14 февраля 1533 г. в соответствии с условиями «Нюрнбергского религиозного мира» противоборствующие стороны в самом городе обязаны были прекратить всякие споры по вопросам веры. До созыва общеимперского церковного собора жители Мюнстера в делах вероисповедания подчинялись только магистрату. Введением в городе церковного и школьного уставов Реформация укрепила свои позиции. Это привело к тому, что на выборах в правящий совет 3 марта 1533 г. гильдии забаллотировали патрициев, что дало толчок реформационному

движению, вместе с тем поставив перед ним трудную задачу отражения происков епископа и защиты города в условиях быстрого распространения анабаптизма. Это побуждает обратить внимание читателя на следующее.

Еще в 1532 г. из расположенного к северу от Аахена судебного округа Вассенберг в Мюнстере появились проповедники, выступавшие против крещения младенцев. После официальной дискуссии по вопросу о таинстве крещения магистрат издал декрет, обязывавший родителей крестить новорожденных. 6 ноября того же года городские власти приняли решение об изгнании проповедников-анабаптистов. Однако время властями было безнадежно упущено: теперь в защиту этих проповедников выступил пользовавшийся большим авторитетом у горожан Ротман. Вскоре анабаптисты вернулись в город, а Ротман перешел на их сторону, чем немало способствовал усилению влияния адептов «новой веры». В этой необычайно напряженной ситуации в Мюнстере было оглашено послание хаарлемского булочника и одного из идеологов экстремистского крыла в движении анабаптистов Яна Матиса. Матис верил, что пробил час наступления «тысячелетнего царства Христа» и реализации на практике библейских пророчеств. Торжеству «дела Христа на земле» должно предшествовать, однако, как полагал Матис, свержение и избиение светских правителей, поэтому он высказывался за создание такой организации «общины верующих», члены которой выступали бы за крещение «в сознательном возрасте» и уничтожение всех «безбожников». Матис связывал хилиазм Хофмана с воинствующей активностью самих адептов «новой веры» в борьбе против «отвергнутых Богом правителей». С появлением в Мюнстере такого известного деятеля экстремистского крыла в движении анабаптистов, как портного по профессии и актера-любителя одного из риторических обществ в Нидерландах Яна Бокельсона (Лейденского), эти идеи получили широкое распространение не только в Мюнстере, но и ряде соседних с этим княжеством территорий. Такой ход событий имел трагические последствия.

28 января и 9 февраля 1534 г. в городе произошли вооруженные столкновения между анабаптистами и их противниками. Магистрат не располагал, однако, возможностью пресечь экстремистские акции адептов «новой веры». Он вынужден был, вопреки давно уже принятому имперскому закону, гарантировать анабаптистам свободу вероисповедания, хотя сами анабаптисты открыто заявляли о своем нежелании подчиняться правящему совету города и в светских делах. Известие о событиях в Мюнстере

дало толчок миграции большого числа анабаптистов в этот вестфальский город, который адепты «новой веры», следуя библейскому пророчеству, объявили «Новым Иерусалимом» и «вечным оплотом божьей справедливости». Очевидцы событий сообщают о том, что в Мюнстер прибыло «великое множество» анабаптистов из Брабанта и Клеве, Зеландии и Фрисландии. И в самом деле, что следует из свидетельств источников, несколько тысяч анабаптистов добралось до города, но еще большее их число было рассеяно и арестовано по приказу властей на пути следования адептов «новой веры» в Мюнстер, в котором последние видели место реализации библейских пророчеств и установления «демократически-коммунистического правления»⁶⁸.

Если власть в городе фактически перешла к анабаптистам уже 9 февраля 1534 г., то свою победу они закрепили на выборах в «правлящий совет» 23 февраля. Теперь в руках анабаптистов было все, чтобы реализовать свою программу и создать в Мюнстере «подлинную общину Христа». Ротман писал в те дни, что Бог «передал в руки своего народа власть, чтобы отомстить всем, кто не прав и творит зло на земле, которую он (т. е. Бог. – Ю.Н.) намерен преобразовать [таким образом], чтобы на ней жила одна справедливость»⁶⁹. Уже 27 февраля новыми властями был издан декрет, объявлявший «недействительным» крещение младенцев и потому обязывавший все взрослое население города принять «новое крещение». Противники этого крещения обязаны были покинуть Мюнстер (декрет определенно имел в виду прежде всего лютеран, так как католики к тому времени уже оставили город). Изгнание противников «нового крещения» было первым шагом на пути к общественному перевороту, преобразованию отношений собственности и установлению общности имущества, чему в немалой мере способствовали условия военной блокады, в которых оказался Мюнстер. Эта публично провозглашенная программа получила реализацию на практике в обобществлении средств потребления и устройстве совместных трапез. Обобществлению подлежали церковные и монастырские имущества, собственность изгнанных или добровольно покинувших город бюргеров, а также денежные средства, драгоценности и благородные металлы, принадлежавшие всем жителям города. Ремесленные мастерские и домашняя утварь не подлежали обобществлению, но эти мастерские включались в новую систему экономических отношений, что на практике означало утрату ими экономической самостоятельности. Любая форма торговли категорически запрещалась. Все эти акции были направлены на устранение товарного производства и

всех форм эксплуатации. Они носили реалистический характер лишь в той мере, в какой имели целью ликвидацию присущих феодальной системе отношений собственности и угнетения. Однако их антикапиталистическая направленность далеко выходила за рамки не только необходимости, но и возможности.

Сразу же после захвата власти анабаптистами епископ Мюнстера Франц фон Вальдек развернул энергичную подготовку к нападению на «мятежный город» и установил его блокаду. 24 февраля 1534 г. он приступил к проведению мероприятий по усилению блокады. Крестьяне деревень городской округи были мобилизованы на саперные работы, что, к огорчению епископа, не принесло желаемых результатов. С помощью соседних князей ему удалось собрать артиллерию из 42-х орудий, но защитники Мюнстера имели в своем распоряжении 88 орудий и около 450 мушкетов. Между тем после неожиданной смерти в начале апреля Яна Матиса руководство Коммуной перешло к Яну Лейденскому, который, апеллируя к библейскому пророчеству и постулату о необходимости достижения победы «избранных Богом» над «безбожниками», распустил магистрат, отменил «городскую конституцию» и объявил себя «царем Нового Иерусалима», призванным самим Богом к установлению «царства божьего на земле». 25 мая епископ предпринял попытку штурма города, который, однако, осажденные успешно отразили. Многие ландскнехты после этих событий заявили о нежелании воевать против анабаптистов, а в княжеской армии постоянно возникали волнения. Когда в конце июня один из отрядов ландскнехтов попытался перейти на сторону Коммуны, эта попытка была пресечена с помощью княжеской армии. Поскольку же сам епископ оказался в затруднительном положении и испытывал острый недостаток в финансовых средствах, он вынужден был снова ввести налоги, которые тяжелым бременем легли на плечи горожан и крестьян подвластных ему территорий и явились причиной их недовольства. Такая политика вызвала многочисленные протесты со стороны подданных князя, а в июле того же года в судебном округе Фехта разразилось мощное крестьянское восстание, подавленное властями с большим трудом.

Глубокое убеждение, что они поднялись на борьбу за правое дело и за установление «царства божьего на земле», привносило в ряды анабаптистов сознание морального превосходства над противником. Нельзя также не отметить и того факта, что в своей практической деятельности и в пропаганде своего учения и программы идеологи движения адептов «новой веры» ориентировались

прежде всего на пример жизни раннехристианских общин, в которых они находили общественный строй без классов, угнетения и эксплуатации. В то же время в условиях блокады и тяжелых боев в их рядах усиливалась надежда на непосредственное вмешательство Бога в борьбу, которую анабаптисты вели с «безбожниками». Эта надежда стимулировала военно-политические мероприятия анабаптистов Мюнстера и укрепляла их веру в возможность объединения с единоверцами других территорий Империи и даже за ее пределами. По этой же причине адепты «новой веры» придавали большое значение преобразованиям в самой Коммуне. 23 июля 1534 г. Ротман объявил о введении многоженства (полигинии). Этот акт был обусловлен следующими обстоятельствами: 1) кризисом самого института «феодалной семьи» и изменением представлений об отношениях между мужчиной и женщиной в семье; 2) демографическим фактором (в осажденном городе находилось около 5 тысяч женщин и только 2 тысячи мужчин); 3) заботой об «умножении избранного Богом народа» и буквальном следовании библейской сентенции: «Плодитесь и размножайтесь!»; 4) на такое решение Коммуны вполне мог оказать влияние один из ее вожаков авторитарного типа, Ян Лейденский, которого к тому же отличала, на что указывают источники, «повышенная сексуальность». Поскольку же введение многоженства вызвало протесты, которые грозили перерасти в беспорядки, в конце того же года полигиния в Мюнстерской Коммуне была отменена. После того как защитники Коммуны отразили и второй приступ княжеской армии, «царь Нового Иерусалима» Ян Лейденский сосредоточил в своих руках всю полноту духовной и светской власти и предпринял попытку установления теократической монархии. Последняя мера была продиктована прежде всего чрезвычайными обстоятельствами военной блокады. Но против введения диктатуры личной власти решительно высказались многие анабаптисты. Возникшие на этой почве разногласия ослабили осажденных: они отвлекли внимание и силы от решения более злободневных для Коммуны задач. На исход событий оказали влияние и другие обстоятельства, среди которых первостепенное значение имели отношения анабаптистов Мюнстера с единоверцами других территорий.

Руководители Коммуны попытались заручиться поддержкой и помощью со стороны адептов «новой веры» различных территорий Империи. В распространенном в ноябре 1534 г. памфлете Ротман призывал всех единоверцев спешно прибыть в Мюнстер, чтобы тем самым способствовать установлению «царства Христа

на обетованной земле». Мюнстерцы пронесли памфлет сквозь ряды ведущей осаду армии и в большом количестве экземпляров распространили его в Голландии и Фрисландии. Такие цели Ротман преследовал и в своем трактате «О мести», несколько тысяч экземпляров которого руководители Коммуны намерены были доставить в ту же Голландию. Однако все эти меры не дали достаточных для успеха практических результатов. Епископу удалось в конце концов получить необходимую финансовую помощь для уничтожения «гнезда ереси». Помощь ему оказали архиепископ Кельнский (он же – князь Клеве), ландграф Гессена, курфюрст Саксонии, а также некоторые другие князья и несколько имперских городов. Князья и магистраты городов, участвовавшие в блокаде и борьбе с Мюнстерской Коммуной, обратились к Фердинанду Габсбургу с просьбой содействовать созыву рейхстага, чтобы с помощью него завершить это «страшное дело». Между тем в осажденном городе начался сильнейший голод. Нашелся и предатель, регулярно информировавший епископа о положении в осажденном Мюнстере. В полдень 24 июня 1535 г. ландскнехты проникли в город через открытые этим предателем ворота. К тому моменту, когда начались уличные бои, Коммуна располагала примерно 800 бойцами; им противостояла княжеская армия, состоявшая из 3 тысяч ландскнехтов, которые долго вели изнурительную осаду, давно не получали жалованья и надеялись захватить в городе богатую добычу. Во время жестокой резни, продолжавшейся почти целые сутки, к утру следующего дня большинство анабаптистов было перебито на улицах города или в их жилищах. «Гнездо ереси» и на самом деле было «раздавлено» и «потоплено в крови».

Отношение к анабаптистам Мюнстера сторонник Мартина Лютера и последователь его учения Урбан Региус выразил следующим образом: «Они (анабаптисты. – Ю.Н.) изгнали законные власти, которые были установлены Богом, и по своему произволу одного из своих [вожаков] сделали королем. Разве это не мятеж?»⁷⁰. Насильственное устранение «законных и поставленных от Бога властей», попытка введения общности имущества, с точки зрения большинства современников (особенно богатых и зажиточных людей), были «смертными грехами» и тяжкими преступлениями, которые следовало строго наказывать, поэтому «царь Нового Иерусалима» Ян Лейденский, купец по социальному происхождению, бургомистр Коммуны Бернхард Книппердолинк и член «царского совета» Бернд Крехтинг после мучительных пыток были казнены 22 января 1536 г., а их тела в железной клетке

подняты на башню св. Ламберта и в качестве «ужасного примера» выставлены на всеобщее обозрение. Однако этим «ужасным примером» дело не ограничилось.

Жертвами феодальной реакции, в осуществлении которой активное участие приняли официальные власти как католической, так и протестантской конфессий, пали многие тысячи анабаптистов. Само поражение Мюнстерской Коммуны нанесло сокрушительный и непоправимый удар по движению адептов «новой веры». Под давлением как поражения массового общественного движения, так и особенно трагических событий в Мюнстере, анабаптисты отказываются от насильственных форм борьбы, утрачивают веру в возможность преобразования существующих общественных порядков революционными средствами; и их обособление от «греховного мира» приобретает теперь все более отчетливо выраженные черты средневекового сектанства. В самом движении возобладало непротивленческое (пацифистское) направление, идеологом которого выступил Менно Симонс, давший имя «консервативному религиозному течению», адепты которого отвергали «революционные методы переустройства существующих общественных порядков и пропагандировали сектантскую отчужденность»⁷¹. «Отрекшись от уравнилельно-потребительского коммунизма», выступавшего в их программе прежде всего в виде принципа «общности имущества», который на практике попытались реализовать только анабаптисты в Моравии и Мюнстере, меннониты перешли «на позиции сохранения и упрочения частной собственности»⁷². Такую оценку исторических судеб анабаптизма и трансформации последнего в меннонитство советские обществоведы давали еще в 60-е гг. Однако эту оценку следует признать односторонней и с научной точки зрения недостаточно аргументированной. Факты, которые сегодня находятся в распоряжении исследователя, дают основание иначе расставить некоторые акценты в оценке сущности немецкого анабаптизма XVI в. и его исторической роли. Суть корректировки в определении самой природы раннего анабаптизма сводится к следующему.

Во-первых, радикальный поворот в сознании анабаптистов, который произошел как под воздействием самого факта поражения Мюнстерской Коммуны, так и под влиянием учения Менно Симонса, вероятно, имел место только в регионе, где позиции «мюнстерцев» были особенно сильными, а их пропаганда наиболее действенной (т. е. в северо-западном анклав Империи). Во-вторых, представители экстремистского крыла в самом движении адептов «новой веры» в юго-западном регионе германских земель

и австрийских владениях Габсбургов никогда не пользовались поддержкой большинства членов анабаптистских общин. Здесь прежде всего в силу этого обстоятельства эволюция религиозного мировоззрения анабаптистов в направлении меннонитства совершалась медленно, на что, кстати, указывают некоторые идеологические установки хуттеровских братьев⁷³. В-третьих, отказ анабаптистов от идеи обобществления имущества был вызван в первую очередь самим ходом исторического процесса и лишь отчасти опытом их практической деятельности⁷⁴. И наконец, в-четвертых, степень примирения как меннонитов, так и других протестантских течений, «родовым гнездом» которых был анабаптизм XVI в., с реальной действительностью и особенно «отвергнутыми Богом правителями» и установленными последними общественными порядками всегда была относительной. Об этом красноречиво свидетельствует история миграции анабаптистов в страны Восточной Европы (в том числе на территорию Российской империи) и их активное участие в колонизации Нового Света. Это принесло, на первый взгляд, парадоксальные результаты: из рядов меннонитов вышло немало блестящих организаторов капиталистического производства⁷⁵. В то же самое время очевиден и тот факт, что именно с поражением Мюнстерской Коммуны анабаптизм довольно быстро утратил революционные традиции эпохи Реформации и особенно Крестьянской войны, постепенно приобретая черты, приближавшие его к меннонитству нового и новейшего времени. Такой путь развития анабаптизма в значительной мере был обусловлен не только кризисом феодализма, но и, о чем сказано выше, успехами капитализма. Короче говоря, ход исторического процесса с неумолимой неизбежностью толкал большинство анабаптистов к отказу от принципов «грубо-уравнительного коммунизма».

Примечания

¹ Лившиц Г.М. Реформационное движение... С. 195.

² Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. С. 79–80.

³ См.: Катущкина Л.Г. Итальянские войны // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 464–465; Ивонин Ю.Е. У истоков... С. 51–56.

⁴ Ивонин Ю.Е. У истоков... С. 103 след.

⁵ Чаньшев А.Н. Протестантизм // СИЭ. 1968. Т. II. Стлб. 638–642. Ср. также: Кузнецов А. Религиозные войны... // Детская энциклопедия. Т. 1. С. 385.

- ⁶ В немецкой историографии конфронтации между католиками и протестантами, в том числе проблеме возникновения Протестантского (Шмалькальденского) Союза, посвящена обильная научная и научно-популярная литература (см.: *Fuchs W.P. Das Zeitalter der Reformation...* S. 167–171). Единственным опытом исследования темы генезиса Протестантского Союза в отечественной историографии является недавно увидевшая свет статья А.Ф.Чуянова (см.: *Чуянов А.Ф. Становление Протестантского Союза в Германии в 20-е – 30-е годы XVI века // Проблемы эволюции...* С. 76–104).
- ⁷ Следует напомнить в связи с этим читателю о сути спора между Лютером и Цвингли о таинстве причащения. Лютер верил, что при исполнении этого таинства хлеб и вино превращаются в тело (плоть) и кровь Христа. В отличие от Лютера Цвингли, рационалистически трактуя под влиянием идеологии гуманизма таинства христианской церкви, в том числе таинство причащения, видел в хлебе и вине воспоминание о тайной вечере, на которой Христос поведal своим участникам о предстоящих ему мучениях и гибели «во имя спасения рода человеческого» (см.: *Маграт А. Богословская мысль...* С. 207–216; *Лейн Т. Христианские мыслители...* С. 162, 173–174). Таким образом, у Лютера в хлебе и вине присутствует сам Бог. У Цвингли хлеб и вино – лишь символы, память об искупительной жертве Христа.
- ⁸ *Illustrierte Geschichte...* S. 321–324.
- ⁹ *Лившиц Г.М. Реформационное движение...* С. 198. Подробнее о Меланхтоне и Аугсбургском вероисповедании см.: *Лейн Т. Христианские мыслители...* С. 164–167.
- ¹⁰ *Ивонин Ю.Е. У истоков...* С. 103 след.
- ¹¹ *Lau F. Der Bauernkrieg und das angebliche Ende der Lutherischen Reformation als spontaner Volksbewegung // JbLG. 1959. Bd. 26. S. 112 f.*
- ¹² *Johannes Hass. Görlitzer Ratsannalen. Bd. 1: 1521–1542. Görlitz. 1870. S. 35, 87.*
- ¹³ См.: *Кедиц Х. К истории народных движений в Мюльхаузене (Тюрингия) в 1523–1575 гг. // СВ. 1962. Вып. XXI. С. 62 след.*
- ¹⁴ *Wappler P. Die Täuferbewegung in Thüringen von 1526–1626. Jena, 1913. S. 364–365; Illustrierte Geschichte...* S. 325.
- ¹⁵ См.: *Майер В.Е. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии // СВ. 1961. Вып. XX. С. 151–166, Он же. Крестьянство Германии...* С. 150–153; *Володарский В.М. Утопия Ганса Гергота // ИСУ. 1986. С. 134–153; Он же. Ганс Гергот и его утопия «О новом преобразовании христианской жизни» // ИСУ. 1987. С. 252–273; *Schreuer-Kochmann B. Staatstheoretisches Denken und Willen in Hans Hergots Flugschrift «Von neuen Wandlung Christlichen Lebens» // Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. S. 153–162.**

- ¹⁶ Понятие «флур», по всей видимости, является своего рода ключом к тексту памфлета Гергота. В.В. Иванов рассматривает его «как понятие, объединяющее в себе пахотные поля и угодья». В свою очередь «флуры» отдельных территорий входили в состав «божьих домов». Последним и были «отданы все земли». «Так Гергот,— утверждает Иванов,— образно показывает, что земля будет находиться в вечном пользовании отдельных коллективов» (см.: *Майер В.Е., Иванов В.В.* Памфлеты... С. 29, прим. 12). В.М. Володарский, вкладывая аналогичный смысл в понятия «флур» и «божий дом», приходит, однако, к другому выводу, а именно: «хозяйство «флура», с его точки зрения, не ведется коллективно...» и в его рамках «существует традиционное мелкое крестьянское землепользование» (см.: *Володарский В.М.* Утопия Гергота... С. 145–146). Как полагает автор этих строк, земля в обществе утопийцев Гергота не только находится в коллективном пользовании «флуоров», но и хозяйство в рамках самих «божьих домов» организовано на коллективистских началах, которым строго следуют утопийцы. Этот вывод находит подтверждение и обоснование как в установках идеологического характера самого Гергота, так и в деятельности хуттеровских братьев на территории Моравии (см. выше: С. 243, 259–261; *Васильева М.В.* К истории... С. 86–87, 90–92), которые, можно сказать, как бы реализовывали установки Гергота на практике.
- ¹⁷ *Aus dem sozialen und politischen Kampf.* Halle/Saale. 1953. S. 53, 58, 59. Некоторые основополагающие положения памфлета Гергота, в том числе затрагивающие новый общественный порядок утопийцев, получили неоднозначную трактовку в современной историографии. Это нашло отражение не только в научной полемике между историками, но и в нюансах переводов текста памфлета, с одной стороны В.М. Володарским, с другой — В.Е. Майером и В.В. Ивановым (ср.: *Володарский В.М.* Ганс Гергот... С. 259, 260, 263; *Майер В.Е., Иванов В.В.* Памфлеты... С. 4, 16, 18, 22).
- ¹⁸ См.: *Майер В.Е.* Об одном раннем произведении... С. 156; *Schreuer-Kochmann B.* Staatstheoretisches Denken... S. 162.
- ¹⁹ См.: *Illustrierte Geschichte...* S. 326; *Сзюк К.* Widehall... S. 127.
- ²⁰ См.: *Володарский В.М.* Утопия Гергота... С. 152.
- ²¹ *Illustrierte Geschichte...* S. 340.
- ²² *Первухин В.В.* Реформационное движение в Любеке в 1529–1530 гг. // СВ. 1977. Вып. 41. С. 100 след.
- ²³ *Franz Lubekus.* Bericht über Einführung der Reformation in Göttingen im Jahre 1529. Göttingen, 1967. S. 23.
- ²⁴ *Schildhauer J.* Die Auseinandersetzungen... S. 203.
- ²⁵ *Spading K.* Holland und die Hanse im 15. Jahrhundert. Weimar, 1973. S. 105 f.

- 26 *Spiegel B.* Herrmann Bonnus. Göttingen, 1892. S. 150.
- 27 *Illustrierte Geschichte...* S. 344.
- 28 Об освещении этой темы в современной историографии см.: *Нукulina Т.С.* Историки Ганзы и Реформации о движении Вулленвевера // СГ. 1981. Вып. 6. С. 162–164.
- 29 *Deutsche Reichsakten unter Karl V.* Bd. 7. Hlbd. 1. Stuttgart, 1905. S. 206.
- 30 См.: *Бецольд Ф.* История Реформации в Германии. СПб., 1900. Т. 2. С. 197 след.; *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма. Т. 2: Коммунизм в германской реформации. М., 1919. С. 206; *Чистозвонов А.Н.* Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964. С. 152 след.; *Лейн Т.* Христианские мыслители... С. 191–192; *Zschäbitz G.* Zur Mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung...
- 31 *Die Älteste Chronik der Hutterischen Brüder.* New York, 1943. S. 42–47.
- 32 *Bachmann R.* Nicklas Storch der Anfänger der Zwickauer Wiedertäufer. Zwickau, 1880. S. 17, 19, 38.
- 33 *Quellen zur Geschichte der Täufer...* № 14. S. 13–21.
- 34 *Meyer Chr.* Zur Geschichte der Wiedertäufer in Oberschwaben // ZHV. 1874. Bd. 1. S. 216 f.
- 35 *Glaubezeugnisse oberdeutschen Taufgesinnter.* Leipzig, 1938. S. 11.
- 36 *Wappler P.* Die Stellung Kursachsens und Landgraphen Philipp von Hessen zur Täuferbewegung. München, 1910. Anhang I. № 12.
- 37 *Urkundliche Quellen zur hessischen Reformationgeschichte.* Bd. IV: Wiedertäuferakten 1527–1627. München, 1951. S. 50.
- 38 *Keller L.* Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs zu Münster. Münster, 1880. S. 365.
- 39 *Hillerbrand H.J.* The Origins of Sixteenth Century Anabaptism: Apotek Look // ARG. 1962. Bd. 53. P. 177; *Holl K.* Luther und Schwärmer // *Idem.* Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. Tübingen, 1932. S. 425.
- 40 См.: *Некрасов Ю.К.* Томас Мюнцер... С. 224 след.
- 41 *Vasella O.* Zur Geschichte der Täuferbewegung in der Schweiz // *Zeitschrift für Schweizer Kirchengeschichte.* Bern, 1954. Bd. 1. S. 254.
- 42 *Васильева М.В.* Анабаптисты и протестантский догмат... С. 220.
- 43 См.: *Васильева М.В.* Хуттеровские вероисповедные документы... С. 165–167; *Она же.* Хуттеровское вероисповедание... С. 114–132.
- 44 См.: *Чистозвонов А.Н.* Реформационное движение... С. 162–163; *Васильева М.В.* К истории раннего анабаптизма... С. 84.
- 45 *Wiswedel W.* Die alten Taufgemeinden und ihr messianisches Wirken // ARG. 1948. Bd. 41. S. 122 f.
- 46 *Bergsten T.* Balthasar Hubmeier: Seine Stellung zur Reformation und Täuferturn: 1521–1528. Kassel, 1961. S. 175.

- 47 О судебном процессе в Ротенбурге, деятельности и судьбе Михаэля Затлера см.: Некрасов Ю.К., Васильева М.В. Анабаптисты после Крестьянской войны... С. 128 след.; Лейн Т. Христианские мыслители... С. 192.
- 48 Flugschriften aus den ersten Jahren der Reformation. Leipzig, 1908. Bd. 2. S. 332.
- 49 Illustrierte Geschichte... S. 332–333.
- 50 См.: *Justus Menius*. Die wiedertäufer lere vnd geheimnis der heiligen schrift. Wittenberg, 1533. [Нумерация страниц в издании отсутствует].
- 51 Glaubenzegnisse... S. 184.
- 52 Quellen zur Geschichte der Täufer... № 36. S. 44–45.
- 53 См.: Васильева М.В. К истории... С. 86–87, 90–97.
- 54 *Clasen C.-P.* Die Wiedertäufer im Herzogtum Württemberg und benachbarten Herrschaften. Stuttgart, 1965. S. 17.
- 55 См.: Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии... С. 116–118; Штекли А.Э. От приютов милосердия к работным домам // СВ. 1984. Вып. 47. С. 100–115; Евдокимова А.А. Законодательство во Фрейбурге в Брейсгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения... С. 114–127; Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV–XVI вв. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма... С. 53–61, 161–163; Он же. Реформа городской благотворительности в Германии (1522–1524 гг.) // Германская история эпохи Реформации... С. 36–53. О трудовой этике протестантизма см. также: *Magrat A.* Богословская мысль... С. 271–274.
- 56 Чистозвонов А.Н. Реформационное движение... С. 264.
- 57 См.: Зингер Я.С. Плебейские массы Мюнстера у власти // СВ. 1963. Вып. 23. С. 249–268; Чистозвонов А.Н. Реформационное движение... С. 233–266; *Brendler G.* Das Täuferreich zu Münster 1534–1535. Berlin, 1966; *Fuchs W.P.* Das Zeitalter der Reformation... S. 172–176; *Dühlmen R., van.* Reformation als Revolution. Münster, 1977. S. 258 f.; Illustrierte Geschichte... S. 343–351.
- 58 Цит. по: *Schlenk W.* Die Reichsstadt Memmingen... S. 32.
- 59 Розенберг А.М. К 400-летию Мюнстерской коммуны // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. Апрель. № 4. С. 18.
- 60 Там же. С. 19.
- 61 Там же. С. 12, прим. 1.
- 62 «Монополия» А.Н.Чистозвонова была нарушена только публикацией статей Я.С.Зингера (см. прим. 57 к этой главе) и Ш.В.Абрамидзе (см.: Абрамидзе Ш.В. Правление Иоанна Лейденского в Мюнстере // Труды КутГПИ. Кутаиси, 1950–1951. Вып. 10).
- 63 Чистозвонов А.Н. Мюнстерская Коммуна // СИЭ. М., 1966. Т. 9.

- Стлб. 850; *Он же*. Мюнстерская Коммуна // БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 17. С. 171.
- ⁶⁴ *Чистозвонов А.Н.* Реформационное движение... С. 244 след.
- ⁶⁵ История средних веков/Под ред. С.Д.Сказкина. М., 1966. Т. 2. С. 97.
- ⁶⁶ *Розенберг А.М.* К 400-летию Мюнстерской коммуны... С. 22.
- ⁶⁷ *Чистозвонов А.Н.* Реформационное движение... С. 26 след., 245–247.
- ⁶⁸ *Fuchs W.P.* Das Zeitalter der Reformation... S. 174.
- ⁶⁹ *Bernhard Rotmann.* Schriften. Münster, 1970. S. 282.
- ⁷⁰ Illustrierte Geschichte... S. 349.
- ⁷¹ *Крестьянинов В.Ф.* Меннониты. М., 1967. С. 17. О Менно Симонсе, его деятельности и судьбе см. также: *Лейн Т.* Христианские мыслители... С. 192–196.
- ⁷² *Чанышев А.Н.* Меннониты // СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стлб. 353.
- ⁷³ *Некрасов Ю.К., Васильева М.В.* Анабаптисты... С. 137–142.
- ⁷⁴ *Васильева М.В.* К истории... С. 95–96.
- ⁷⁵ Обстоятельное обоснование положения, почему и каким образом в массовом общественном сознании, в том числе в рядах протестантских общин и сект, «родовым гнездом» которых был анабаптизм XVI в., совершался поворот от восприятия труда как наказания за «первородный грех» к признанию труда как реализации главного назначения человека в мирской жизни и «оправдания» перед Богом, см. в трудах *М.Вебера*: Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 68–69, 97 след., 148 след., 186 след.; *Он же*. Протестантские секты и дух капитализма // Там же. С. 283 след. Ср. также: *Маграт А.* Богословская мысль... С. 274–276.

Заключение

Итоги, значение и последствия революции

Антифеодалная революция XVI в. в германских землях, апогеем которой была Крестьянская война, потерпела поражение. Попытка общественно-политического переворота закончилась неудачей: «система феодализма» не только сохранила, но и даже упрочила свои позиции. Буржуазные преобразования не были осуществлены на практике. Все это не освобождает, однако, автора настоящей книги от необходимости ответа на некоторые вопросы принципиальной значимости: каковы были конкретные результаты революции и ее социальные последствия, в чем состояло историческое значение событий XVI в. в германских землях и, наконец, где та грань, которая отделяет общественное движение за реформы от конфронтации и насильственных форм борьбы, Реформацию от революции.

Главным вопросом любой политической революции, как известно, является вопрос о власти. С марксистской точки зрения, политическая борьба «представляет собой не что иное, как иллюзорные формы, в которых ведется действительная борьба классов друг с другом»¹. Согласно той же точке зрения, «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак *революции*, как в строго научном, так и в практически политическом значении этого понятия»². Рассматривая этот вопрос, следует обратить внимание и на то, что, по В.И. Ленину, революция принадлежит к тому периоду истории, «когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страныю прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно продолжительное время»³. Итак, марксистская точка зрения представляет любое проявление политической борьбы прежде всего как «иллюзорную форму» «классовой борьбы» и рассматривает переход власти от одного класса к другому как основной признак революции. Но каким образом эти теоретические положения соотносятся с самой сущностью событий Реформации и Крестьянской войны? И были ли «классовые интересы» главной или даже единственной мотивацией поведения участников революции?

Идея общественного переворота, точнее его начальной стадии, формулировалась Мюнцером предельно лаконично: «Власть должна быть отдана простому народу». Идея политических реформ, суть которых состояла в том, чтобы лишить господствующий класс монополии на власть и «изъять» у этого класса сословные

привилегии, выдвигалась участниками и иного направления в общественном движении. В первую очередь это относится к авторам «Гейльброннской программы» радикально-бюргерской оппозиции во Франконии. Именно в этой Программе была поставлена актуальная для исторического выбора Германии задача преодоления политической раздробленности страны и создания централизованного государства. Ее авторы также выступали с лозунгом суверенных прав «простого народа», но в отличие от Мюнцера предлагали передать власть не представителям неимущих и малоимущих слоев населения города и деревни, а деятелям бюргерской оппозиции и тем дворянам, которые разделяли и поддерживали требование централизации и способны были подчинить ему собственные «сословно-классовые интересы». Тогда, однако, каким образом согласовать дефиницию «Священная Римская империя» с идеей политической централизации, реформы государства и общества?

Употребление авторами Программы дефиниции «Священная Римская Империя», скорее всего, является данью традиции и свидетельствует о преобладании у них средневекового образа мышления. Рассматривая политическое содержание Программы, В.А. Ермолаев приходит к логически вполне обоснованному выводу, что в ней «феодальное государство сохраняется, хотя и существенно перестраивается», поскольку «весь процесс общественного развития толкал Германию к установлению более прогрессивной формы феодального государства – абсолютистскому государству»⁴. Рассуждения Ермолаева с научной точки зрения можно признать вполне корректными и отражающими факт приближения к истине. Однако необходимо принять во внимание, что в учреждениях реформированного политического устройства Германской империи авторы Программы, о чем уже сказано выше, намерены были обеспечить преобладание «бюргерско-буржуазных элементов» над феодальным дворянством. Последнее обстоятельство указывает и на политическую сущность событий Реформации и Крестьянской войны в германских землях, в ходе которых в повестку дня был поставлен вопрос о преобразовании институтов государственной власти Империи сверху донизу.

В то же время нельзя не отметить и того факта, что в других программных документах Крестьянской войны формулировалась задача создания нового типа государственной власти на территориальной основе. Пример тому можно найти в составленном в разгар ее событий политическом памфлете «Собранию простого крестьянства»⁵, получившем неоднозначные оценки в современной историографии⁶. В нем в яркой публицистической форме выражена

мысль о необходимости образования в региональных масштабах крестьянско-бюргерского союза, которому и следовало передать всю полноту власти на местах. Это положение получило также отражение во многих программных документах Крестьянской войны и обычно сопровождалось требованием отмены сословных привилегий, расширения и укрепления автономии городских и деревенских общин. Крестьянской войной, как мы видели, были созданы и органы новой власти: функции последней брали в свои руки «христианские объединения» или «отряды»⁷. В городах эту роль играли «комитеты». В «комитетах» рядом с бюргерами порою заседали и представители плебейства. Все это свидетельствовало не только о политическом творчестве народных масс, но и, что особенно важно, об их твердой убежденности в необходимости политических преобразований. Отсюда же следует, что участники массового общественного движения озабочены были формированием органов власти прежде всего в низших ее звеньях – в городских или деревенских общинах и судебных округах. В некоторых программных требованиях речь шла и о порядке образования органов самоуправления и государственной власти более высокого уровня – в границах таких территориальных подразделений, как «земли» (Landen) или «княжества» (Fürstentumen). Однако в этих требованиях (исключение составляло лишь «Земское Устроительство» Михаэля Гайсмайера) отсутствует четкая конкретизация функций органов власти, присущая проектам преобразований властных структур низшего звена. Объяснение данному факту необходимо искать не только в уровне общественного сознания участников революционного процесса, но и в заинтересованности последних в реформировании прежде всего учреждений, деятельность которых затрагивала жизненные интересы как территориального сообщества в целом, так и каждого его члена в отдельности.

Тогда возникает другой вопрос. Означало ли вышесказанное, что авторы программных документов локального или регионального значения, в отличие от деятелей радикально-бюргерской оппозиции во Франконии, были противниками централизации страны или людьми, равнодушными к самой идее ее объединения? По верному замечанию В.А.Ермолаева, «несмотря на территориальную систему и областной сепаратизм, социальные проблемы, затрагивающие основы феодального строя и положение различных классов в обществе, не могли решаться в масштабе отдельных областей. Они требовали общегерманского решения, и трудно себе представить, чтобы социально-экономические требования крестьян могли быть осуществлены без политических реформ,

без ограничения политической роли князей и других феодалов»⁸. В этой связи необходимо подчеркнуть тот факт, что признание власти императора и единства государства в самой общей форме содержатся почти во всех программных документах локального значения. Но как исторический опыт Священной Римской империи германской нации, так и проистекающая из такого опыта относительная и исторически обусловленная узость политического кругозора участников революционных событий побуждала последних отодвигать проблему национальной государственной централизации на второй план и обращаться к решению вопросов, отражающих их насущные потребности и в большей мере соответствовавших уровню их обыденного общественного сознания. Именно «жизненные потребности» были главной причиной обращения участников массового общественного движения в первую очередь к реалиям «видимого» и «осознаваемого» ими окружающего мира. Обращение к этим реалиям в значительной степени определяло и линию социально-политического поведения «простых людей», и личное отношение каждого из них к самим событиям Крестьянской войны.

Другим вопросом исключительной значимости является вопрос об отношении деятелей реформационного движения (особенно Лютера) к тем же событиям Крестьянской войны и требованиям ее участников. Ответ на этот вопрос позволяет пролить свет и на социальную природу бюргерской реформации. Ответ на него предполагает также установление отношения самого инициатора Реформации к власти, собственности, человеку и призванию последнего в «мирской жизни».

Известно, что в отрицательном отношении к насилию Лютер утвердился еще в 1521–1522 гг. Этот факт получил отражение в его дуалистической по своей сущности теории «естественного» и «божественного» права, которая требовала от подданных безусловного подчинения любым властям и допускала лишь морально-этическое воздействие индивида на правителя (путем «сокрушения» сердца последнего мольбой о «христианском милосердии»). Пугало Лютера и учение Карлштадта о праве общины верующих изменять церковный порядок, прибегая при необходимости даже к силе⁹. В достаточной мере очевидно, что еще большее влияние на эволюцию социально-политических воззрений Лютера оказала деятельность и учение Мюнцера и других представителей радикального крыла в реформационном движении¹⁰. Поэтому позиция Лютера во время Крестьянской войны была закономерным явлением и может рассматриваться как пример

применения теории к практике разрешения конфликта между крестьянами и «господами». Именно об этом шла речь в «Обращении с мирными предложениями на основе двенадцати статей». В нем Лютер заявлял, что виновниками народного возмущения и вспыхивающих повсюду беспорядков являются сами князья, епископы, попы и монахи. Он же утверждал, что народ не может и не хочет больше терпеть их злодеяния. Если власть и богатства имущие, как полагал реформатор, добровольно не изменят своего отношения к крестьянам, то им придется скоро сделать это по принуждению и с большими потерями для себя. Вместе с тем Лютер уверял всех своих сторонников, что он вовсе не поддерживает бунтовщиков, а лишь просит князей и других феодальных властителей пойти на некоторые уступки крестьянам. Основой переговоров, по его мнению, могла бы стать программа швабских крестьян. Ряд статей последней, как считает Лютер, вполне справедлив, например, первая, требующая, чтобы крестьянам было предоставлено право самим избирать священника. Справедливыми, продолжает он, являются и статьи, требующие улучшения экономического положения крестьян, так как власти обязаны заботиться о благе и преуспеянии подданных. Но в целом отношение Лютера к требованиям этой программы, в том числе к наиболее острому и злободневному вопросу об отмене лично-наследственной зависимости крестьян, было резко отрицательным¹¹. В попытке отмены лично-наследственной зависимости крестьян реформатор видел посягательство на священный в его глазах институт частной собственности, с неприкосновенностью которого он связывал благополучие каждого христианина и всего христианского сообщества. Изменение отношений собственности, по Лютеру, нарушает установленный Богом порядок и гражданский мир, создает невыносимые условия жизни для христиан и может стать началом «войны всех против всех». Приведенные выше высказывания Лютера достаточно убедительно указывают на консерватизм взглядов самого реформатора, его отрицательное отношение к радикальным переменам в вековых устоях народной жизни, на неприятие им социальных реформ как таковых. Этот вывод, который, казалось бы, вытекает из анализа учения и деятельности Лютера, имеет принципиальное значение и для понимания самой сущности лютеранства.

При рассмотрении истории Реформации в германских землях XVI в. в качестве первого опыта революции, целью которой было осуществление буржуазных преобразований, возникает вопрос: какое отношение к этой революции имели учение и деятельность

самого Лютера? Согласно преобладающей в отечественной историографии точке зрения, Лютер не был и не мог быть идеологом нарождающегося класса буржуазии. Вспомним, однако, слова К.Маркса о том, что «революция началась в мозгу *монаха*»¹², т. е. того же Лютера. И здесь с Марксом трудно не согласиться. Чем же тогда объяснить этот исторический парадокс? Чтобы дать более или менее обоснованный ответ на поставленный вопрос, следует предварительно строго отделить друг от друга *личные* устремления и намерения реформатора от их *практических* результатов и долговременных последствий. По выражению Э.Ю.Соловьева, «Мартин Лютер постоянно делал больше того, что затевал и желал»¹³. Факты убедительно свидетельствуют о том, что Лютер только на раннем этапе своей деятельности в *теории* допускал применение силы в борьбе с римской курией за национальную церковь, но затем стал решительно выступать против насилия в разрешении общественных противоречий, ограничивая свою деятельность «революцией в теологии» и реформой церкви. И все же, к чему тогда были обращены желания и устремления самого реформатора?

Поиски ответа на поставленный таким образом вопрос побуждают обратить внимание еще на одно принципиальное положение. Намерения реформатора, собственно говоря, сводились к тому, чтобы, поддерживая социальный и гражданский мир, изменить *самого человека*. Лютер учением об «оправдании верой» и «всеобщем священстве» не только реализовал на практике многовековую мечту немецкого бюргерства о «дешевой церкви», но и, подрывая основы средневекового феодального католицизма, заложил прочный фундамент этики протестантизма, которая стимулировала производительный труд, хозяйственную инициативу и предприимчивость. По словам реформатора, человек рожден для труда, как птица для полета¹⁴. Тем самым Лютер, быть может, помимо своей воли сыграл выдающуюся роль в обосновании на идеологическом (или теоретическом) уровне необходимости перехода от натурального хозяйства к товарному производству, которое, как известно, достигнув определенной степени зрелости, вызвало к жизни мануфактурный капитализм. Между тем участниками строительства здания рыночной экономики могут быть только свободные люди. Лютер же сформулировал представления о свободе христианина в абстрактной форме, ограничил сферу применения этой категории внутренним (духовным) миром человека и по сути дела отказал крестьянам в праве на личную свободу. Таким образом Лютер выражал убеждение в приоритете

свободы духа над свободой плоти, полагая, что торжество последней может нарушить гармонию социальных интересов в обществе и привести к гражданской войне. Именно в силу данной причины возникло противоречие между теорией лютеранства и практической деятельностью адептов протестантизма в переходную от феодализма к капитализму историческую эпоху.

В то же время необходимо иметь в виду, что импульсы начатой Лютером реформы церкви и самих норм «христианского благочестия» испытали на себе многие программные документы Крестьянской войны, в том числе знаменитые «Двенадцать Статей», получившие распространение далеко за пределами Швабии. Лютер отклонил большинство требований этой Программы. В Тюрингии и Саксонии, где события происходили в непосредственной близости от Лютера, реформатор также отказывал крестьянам в поддержке их требований и подвергал резкой критике «за мятежные действия», призывая крестьян к примирению с «поставленными самим Богом властями» и феодалами-землеладельцами. Однако отношение Лютера к требованиям «Двенадцати Статей» швабских крестьян не определяло позиции в аграрном вопросе революции вообще и отношения к крестьянским требованиям в частности радикально-бюргерской оппозиции, которая в своих планах общественных преобразований пошла значительно дальше Лютера. В рядах бюргерской оппозиции были представлены и элементы, которые в своем отношении к крестьянскому освободительному движению руководствовались иными, чем Лютер, мотивами. Эти «элементы» видели в крестьянстве союзника в осуществлении программы крупных государственных преобразований.

Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к крестьянству свидетельствует намерение авторов «Гейльброннской программы» удовлетворить большинство их требований, которые были изложены в «Двенадцати Статьях». Последние явились своего рода «моделью» и для авторов ответа магистрата Меммингена на требования крестьян городской округи¹⁵. Магистрат выражал согласие на отмену лично-наследственной зависимости крестьян, предоставление им права на безвозмездное пользование лесами, рыбными ловлями и другими угодьями, отмену допускной платы при вступлении крестьян во владение держаниями, но при условии превращения их держаний из наследственных владений в краткосрочную аренду. Авторы документа настаивали на такой правовой норме, помимо прочего, и по причине, как можно полагать, заинтересованности бюргеров-землевладельцев в том, чтобы земля как можно быстрее в качестве товара была вовлечена в

рыночное обращение. Правящий совет Меммингена выражал также готовность рассмотреть вопрос и о преобразовании института церковных десятин. Поэтому есть основания для вывода, что ответ городских властей не был продиктован только соображениями тактического характера, а отражал принципиальную линию их политики. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что в округе Меммингена лично-наследственная зависимость крестьян не была восстановлена и после поражения восстания 1525 г.¹⁶ Отсюда можно заключить, что программа «Двенадцати Статей» оказала сильное влияние на крестьянское движение: она отразила насущные интересы немецкого крестьянства, и ее требования предполагали устранение наиболее вопиющих проявлений феодально-сеньориального режима в деревне. Реализация программы еще не означала буржуазного переворота в аграрном секторе общественного производства, но вместе с тем открывала путь развитию в нем капиталистического уклада. В то же время необходимо подчеркнуть и другое: содержание и характер крестьянских требований порою сильно зависели от специфики местных условий.

Такая специфика отчетливо выражена, к примеру, в программе лимбургских крестьян, которая возникла в разгар событий Крестьянской войны во владениях монастырей Лорх и Адельберг, имперского города Швебиш-Гмюнда и светских феодалов — Хюрнхеймов и Лимбург-Гайдорфов¹⁷. Содержание этой программы определялось в первую очередь следующими обстоятельствами: 1) программа возникла в регионе, где феодалы-землевладельцы активно занимались торговлей лесом и предпринимательской деятельностью на лесозаготовках; 2) задолженность крестьян кредиторам носила массовый характер; 3) пашенное земледелие в Лимбурге было развито относительно слабо, и основной отраслью хозяйства на территории сеньорий Лимбурга являлось виноградарство. Из статей программы также следует, что крестьяне были заняты на заготовке древесины обычно по 7–8 дней в году, обязаны были ежегодно поставлять на рынок города Швебиш-Халля по одному строевому дереву с каждого держания, получая за эту работу вознаграждение в размере 1 фунта пфеннигов. Крестьяне, не отказываясь от выполнения барщины, требовали, однако, увеличения вдвое платы за нее. Данное требование лимбургских крестьян созвучно требованию программы «Двенадцати Статей» об оплате труда крестьян «за подобающее вознаграждение».

Анализ текста документа позволяет сделать вывод и о том, что крестьяне Лимбурга вынуждены были покупать лес у помещиков для отопления жилищ и ведения строительных работ, поэтому

крестьяне требовали, чтобы им было разрешено рубить лес для собственных нужд безвозмездно. Крестьяне также жаловались, что кредиторы, в роли которых, судя по тексту программы, могли выступать не только богатые бюргеры и представители деревенской верхушки, но и сами помещики, берут с них «десятый пфенниг». Крестьяне требовали, чтобы ссудный процент был снижен вдвое (т. е. составлял 5 процентов годовых). Поскольку же крестьяне выращивали виноград, производили вино и продавали его на рынке, помещики взымали с них побор, составлявший десятую часть стоимости товара. Крестьяне требовали отмены этого побора, а вместе с ним и ассизы на занятия виноделием. Статьи программы не оставляют сомнения и в том, что преобладающей формой ренты в сеньориях Лимпурга была денежная рента, а крестьяне энергично выступали против попыток со стороны феодалов-землевладельцев повысить эту ренту. И наконец, в одной из статей программы деревенские «бедные поденщики» (*die armen taglone*) жаловались на низкую оплату труда и требовали ее повышения¹⁸. Примечателен здесь сам факт упоминания в программе лимпургских крестьян категории «бедных поденщиков» в структуре населения деревни.

Таким образом, программа требований лимпургских крестьян, казалось бы, рисует картину, существенно отличающуюся от социально-экономической ситуации в Верхней Швабии, где появились знаменитые «Двенадцать Статей». Экономической структуре сеньорий Лимпурга свойственны следующие черты: довольно высокий уровень развития товарно-денежных отношений (об этом, в частности, свидетельствует факт вытеснения средневекового ростовщичества первоначальными формами коммерческого кредита), преобладание денежной ренты над отработочной и натуральной; институт лично-наследственной зависимости крестьян в Лимпурге, что вполне определенно следует из текста самой программы, к началу XVI в. стал достоянием прошлого и утратил какое-либо значение (программа о нем даже не упоминает), широко применялся наемный труд, выступавший в двух видах: феодального принуждения и «вольного найма». Отсюда можно заключить, что «феодалная реакция» не имела здесь обычных для территорий Юго-Западной Германии социальных последствий. В то же самое время и в Лимпурге феодалы сохраняли в своих руках монополию собственности на землю и обладали судебно-административным аппаратом принуждения, что было типичным явлением и для других районов Крестьянской войны. Такой же типичной была дифференциация населения деревни на зажиточных

полнонадельных держателей (или даже держателей нескольких наделов), с одной стороны, и малоземельных и безземельных ее жителей, по существу утративших статус крестьян и вынужденных добывать средства к существованию продажей своей рабочей силы, — с другой. Это, есть основания так полагать, свидетельствовало о перерастании имущественной дифференциации сельского населения, которая была известна и более ранней стадии «зрелого», или «развитого», феодализма, в социальную дифференциацию. Последняя указывала на возникновение в структуре этого населения элементов, в которых можно видеть предшественников-прототипов новых общественных классов — сельской буржуазии и наемных рабочих.

Рассмотренный выше сюжет из социальной жизни немецкого общества XVI в., получивший отражение в программном документе движения лимбургских крестьян, побуждает обратиться к тексту еще одного интересного источника — хронике графов фон Циммерн. Ее анонимный автор выражает искреннее удивление тем обстоятельством, что будто бы единственной причиной волнения на территории сеньорий сельской округи княжеского городка Мескирха в Верхней Швабии, по его мнению, был следующий факт: крестьяне жаловались, что они «сильно отягощены» в своих деревнях «наемниками или поденщиками», которые «стесняют» их в пользовании землями альменды, так как не дают возможности добывать пропитание и получать доходы со своих наделов пахотной земли в такой мере, «как это было издавна», т. е. в те времена, когда население деревни состояло по преимуществу из полнонадельных крестьян-держателей. Автор хроники сообщает также о том, что в роли «наемников или поденщиков» выступали уже знакомые читателю «ткачи-крестьяне»¹⁹, подвергавшиеся эксплуатации со стороны городских предпринимателей. В роли таких «эксплуататоров», что также известно читателю, могли выступать и предпринимательские элементы самой деревни, которые порою по деловым качествам не только не уступали городским капиталистам-раздатчикам, но и превосходили их.

Вполне очевиден и тот факт, что программа лимбургских крестьян лишь упоминает об интересах безземельного и малоземельного населения деревни, жившего главным образом за счет найма на лесозаготовки и занятий виноградарством. Интересы этой категории населения и «ткачей-крестьян» сеньорий округи Мескирха, существовавших в основном за счет участия в текстильном производстве, не получили отражения в программе «Двенадцати Статей» швабских крестьян. Но при этом необходимо

иметь в виду, что наемные рабочие на лесозаготовках Лимпурга и «ткачи-крестьяне» Верхней Швабии уже не были крестьянами в собственном смысле слова. Между тем требования «Двенадцати Статей» и на самом деле были обращены к кругу интересов, выражали настроения и нужды только тех жителей деревни, которые «сидели на своих наделах» и для которых основным или даже единственным источником существования продолжали оставаться занятия сельским хозяйством. В то же самое время требования не только крестьян Лимпурга, но и Верхней Швабии, сельской округи Меммингена, Франконии и Тюрингии²⁰ были направлены на удовлетворение запросов товарного производства. В силу данного обстоятельства программа швабских крестьян, многочисленные программы локального значения и авторы «жалоб» деревенских общин большое внимание уделяли развитию и укреплению связей крестьянских хозяйств с городским рынком и в отдельных случаях – регулированию отношений между работодателями и наемными сменными или постоянными сельскохозяйственными рабочими. Эти факты красноречиво указывают на социально-экономические условия, в которых протекали события Крестьянской войны. Последние со всей определенностью свидетельствуют о том влиянии, которое оказывали на деревню успехи развития товарно-денежных отношений, возникновение зачаточных форм капитализма в том числе.

Популярность программы «Двенадцати Статей» и ее широкое распространение объясняется, помимо прочего, также и тем обстоятельством, что она в наиболее доступной для крестьян форме (можно даже сказать – на понятном всем им обыденном уровне) выразила представления эпохи Реформации о свободе и справедливости. По словам убежденного противника любых реформ в церкви и обществе монаха-бenedиктинца Иоганнеса Кнебеля, «е статьи служили [делу] свободы, потому что каждый должен был стать свободным и не иметь [над собою] никаких господ, кроме Бога и императора»²¹. И хотя в словах Кнебеля звучит некоторое преувеличение, в то же самое время в них достаточно точно отражено отношение большинства очевидцев и современников к этому документу крестьянского освободительного движения. В феврале 1525 г. Ульрих Артцт, высказывая точку зрения руководства Швабского Союза, писал, что повсюду возникающие мятежи «простых людей» появляются не сами по себе, а возбуждаются «некоторыми лицами духовного звания и учеными людьми». Именно они проповедуют новое учение, согласно которому «ни один человек не должен принадлежать другому»²². Пропаганду

этого «неслыханно дерзкого учения» Арццт приписывал горожанам. Что касается крестьян, в их сознании несвобода ассоциировалась прежде всего с лично-наследственной зависимостью и проистекающими из нее повинностями и поборами, безвозмездной барщиной, ущемлением владельческих прав, сословной и юридической неполноправностью. Поэтому в своем естественном стремлении к свободе крестьяне требовали устранения феодальных пут и ограничений в хозяйственной деятельности, предоставления им более широких владельческих прав на землю, которые фактически должны были приблизить права владения к правам частной собственности, создания благоприятных условий для связей крестьянских хозяйств с городским рынком и закрепления за самими крестьянами положения свободных и самостоятельных товаропроизводителей. Крестьяне как в Швабии, так и в других районах Крестьянской войны, признавая в феодалах землевладельцев, вместе с тем наотрез отказывали последним в правах сеньоров-властителей и требовали по этой причине реорганизации всей системы судопроизводства и административного управления, значительного расширения автономии своих общин. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что в средние века крестьяне не выступали и не могли выступать (в первую очередь в силу своего социального менталитета) в роли сознательных борцов за ниспровержение феодализма. Помыслы большинства крестьян были направлены не столько на разрушение «старого порядка», сколько на его реформирование в рамках существующих производственных отношений, приспособление этих отношений к требованиям зарождающейся рыночной экономики.

Немецкие историки-марксисты Г.Хайц и Г.Фоглер полагают, что феодально-зависимые крестьяне в качестве субъектов исторического процесса стремились не к разрушению феодального способа производства, а к созданию благоприятных условий прежде всего для своей производственной деятельности, к упрочению своего положения самостоятельных товаропроизводителей. Поэтому, по их мнению, классовая борьба крестьян была направлена в первую очередь на то, чтобы устранить стеснительные рамки института феодальной собственности на землю, существование которого сдерживало их хозяйственную инициативу. Крестьяне стремились также к большему личному участию в общественном производстве, укреплению и расширению своих прав на пользование землями альменды. Помыслы и жизненные интересы большинства крестьян были обращены прежде всего к тому, чтобы улучшить свое правовое положение в условиях феодального

общественного строя и создать непреодолимые преграды на пути проникновения в деревню «буржуазного влияния». Признавая в качестве решающего фактора общественного развития антифеодальную тенденцию классовой борьбы, необходимо принять во внимание, как полагают Хайц и Фоглер, и тенденцию, которая была направлена на сдерживание и торможение процесса свободного развития торгово-ростовщического капитала²³. Однако такую трактовку социальной борьбы, которую вели крестьянские массы на начальной стадии перехода позднесредневекового общества от феодализма к капитализму, нельзя признать бесспорной по следующим соображениям.

Дело в том, что такая оценка принимает во внимание в первую очередь узкосословные интересы и преобладающие настроения в рядах самого крестьянства. С одной стороны, такие интересы и настроения отражали не только враждебное отношение крестьян к ростовщичеству, но и назревшую необходимость замены в сельскохозяйственном секторе общественного производства ростовщического процента коммерческим кредитом. С другой стороны, как это вполне резонно отмечал еще С.Д.Сказкин, «средневековые крестьяне не понимали, что объективно они стремятся к установлению буржуазной собственности и капиталистическому строю». Но он тут же, по мнению автора этих строк, без достаточных на то оснований категорически утверждал, что «новый общественный строй», который шел на смену «системе феодализма», «рано или поздно должен был покончить и с мелким производством и его представителями – самостоятельными производителями»²⁴. Между тем известно, что наиболее прогрессивный в условиях перехода от феодализма к капитализму так называемый «американский» путь развития последнего в сельском хозяйстве отнюдь не предполагал обязательного устранения этих производителей с поля самостоятельной экономической деятельности. Скорее, выбор такого пути в большей мере создавал условия для превращения традиционного крестьянского хозяйства в хозяйство фермерского типа. В этой же связи имеет смысл обратить внимание еще на одно обстоятельство.

Обобщая большой исторический опыт крестьянского движения, Крестьянской войны в германских землях в том числе, В.И.Ленин писал, что «простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы) – все это в состоянии дать распыленным миллионам мелких хозяев *только* руководство либо со

стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»²⁵. Здесь с достаточной степенью определенности выражено негативное отношение Ленина как идеолога пролетариата новейшего времени к той самой «мелкобуржуазной массе», силами и во имя интересов которой и совершалась революция. Вопрос, однако, состоит также и в том, каким образом и в какой мере это теоретическое положение, принятое марксистской историографией в качестве своего рода постулата, а на самом деле, вопреки кажущейся очевидности, являющееся всего лишь гипотетическим предположением, может быть соотнесено с социально-политическим характером революционных событий XVI в. в германских землях, как оно может приблизить исследователя к пониманию сущности этих событий.

Очевиден тот факт, что в то время отсутствовали условия для «пролетарской революции». При действенной поддержке со стороны широких слоев населения города и деревни, согласно марксистскому постулату, победить могла *только буржуазия*. Радикально-бюргерская оппозиция, которая выступала в роли исторической предшественницы политически организованного класса буржуазии нового времени, в ходе событий Крестьянской войны высказывалась в пользу требований, реализация которых с необходимостью привела бы к преобразованию института феодальной собственности на землю. Источники содержат красноречивые свидетельства об упорном стремлении бюргеров «изъять» землю, приобретенную ими у феодалов с помощью операций купли-продажи или ипотечных закладов, из системы вассально-ленных связей и обратить ее в «свободное достояние»²⁶, т. е. в так называемую «буржуазную собственность». Необходимо еще раз подчеркнуть, что вопрос о собственности с большой остротой был поставлен в повестку дня именно событиями Крестьянской войны. В начале 1525 г., когда главные ее события были еще впереди, Леонхард фон Эк доверительно сообщал одному из своих корреспондентов, что, по его (Эка. — Ю.Н.) мнению, «многие города охотно поддержали бы [восставших] крестьян, если бы они не опасались за свои достояния». По его же словам, под влиянием крестьянского повстанческого движения в городах произошел «большой раскол», так как «лютеровцы, которые бедны, считают крестьян правыми. Нелютеровцы и лютеровцы, которые богаты, считают крестьян неправыми»²⁷. Эта оценка Эка упрощает положение вещей, и ее вряд ли можно безоговорочно принять, но в то же самое время нельзя не признать, что Эк не без основания указывал на страх бюргеров перед уравнительными тенденциями в общественном движении. Действие этого социально-психологического

фактора и на самом деле ослабляло позиции реформаторских сил. Дело в том, что вопрос о собственности и ее переделе приобрел в эпоху Реформации исключительное значение и от его решения зависело многое. В этой связи вполне можно согласиться с тем, что «лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства – твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV века все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста»²⁸. Гарантом как традиционных форм частной собственности, так и происходящих перемен в отношениях собственности выступала государственная власть. В германских землях, в отличие от других стран Западной Европы, таким гарантом являлась не центральная, а территориальная власть, что создавало принципиально иную ситуацию.

В этой связи заслуживает внимания следующее. Хотя, о чем уже сказано выше, бюргерская оппозиция выдвигала проекты овладения политической властью в союзе с крестьянскими массами, она же по причине слабости только еще зарождавшегося класса буржуазии, представители которого образовывали ядро этой оппозиции, обнаружила, как показали события Крестьянской войны, неспособность привести союз антифеодальных сил к политическому успеху. Это, вероятно, и явилось одной из основных причин поражения и самой антифеодальной революции²⁹. Нельзя также не отметить и того факта, что неудавшаяся попытка преодоления политической раздробленности и создания централизованного национального государства, торжество «княжеского абсолютизма» в политическом обустройстве германских земель, вполне возможно, существенным образом замедлили эволюцию экономического строя последних к капитализму. Поражение революции не могло не иметь и других последствий, оказавших влияние на исторические судьбы германских земель на исходе средних веков и в начале нового времени.

Поэтому попытаемся прежде всего дать ответ на вопрос: *каковы были последствия* поражения революции для всей Германской империи и особенно немецкой деревни. В Юго-Западной Германии, на что обратил внимание еще С.Д.Сказкин, «хотя восстание было подавлено, тем не менее никакого существенного длительного ухудшения в положении крестьянства не произошло»³⁰. Социальная борьба (в том числе и во время Крестьянской войны), которую вели крестьяне, остановила наступление феодальной реакции и распространение самого яркого проявления последней – института лично-наследственной зависимости крестьян, привела к смягчению особенно жестких форм этой зависимости.

Более того, на некоторых территориях, в чем уже имел возможность убедиться читатель, власти вынуждены были пойти на удовлетворение ряда требований крестьян (в том числе на отмену их лично-наследственной зависимости). Эти требования в наиболее концентрированном виде были изложены в знаменитой программе «Двенадцати Статей» швабских крестьян. Иными, однако, оказались последствия поражения крестьян в 1525 г. для Заэльбской Германии³¹, которая осталась в стороне от событий Крестьянской войны. В этом регионе германских земель еще в XII в. начался и с конца XV в. усилился процесс формирования крупных помещичьих хозяйств (фольварков)³². К тому же, с конца XV в. эти хозяйства стали специализироваться главным образом на производстве зерна на экспорт в экономически развитые регионы и страны Западной Европы (в первую очередь в Англию и Нидерланды). Однако успехи крупного товарного сельскохозяйственного производства сопровождались здесь с середины XVI в. так называемым «вторым изданием крепостного права», т. е. обращением в лично-наследственную зависимость потомков немецких крестьян-колонистов. Причину такого явления следует искать в том, что прусские юнкеры организовали товарное производство зерновых культур (особенно пшеницы) в крупных масштабах на феодальной основе, используя прежде всего подневольный труд зависимых крестьян. Поэтому к востоку от Эльбы, по меткому замечанию Ф.Энгельса, «крепостное состояние сделалось всеобщим, свободный крестьянин стал такой же редкостью, как белая ворона»³³. Таким был итог инфантильного отношения немецких крестьян заэльбских территорий Империи к той борьбе, которую вели в 1525 г. их собратья по «классу-сословию» в «Старой Германии».

Последствия поражения революции XVI в. для исторических судеб как Священной Римской империи, так и населявших ее территории немцев и других народов не ограничивались, однако, только упомянутыми выше процессами и явлениями.

Успехи экономического развития германских земель, которые имели место в конце XV – первой половине XVI в., были тесным образом связаны с зачаточными формами капиталистического производства, но в дальнейшем не получили спонтанного продолжения в более совершенных формах мануфактурного капитализма. Правда, первые признаки стагнации темпов капиталистического развития проявились лишь во второй половине XVI в. и стали очевидным явлением только в XVII в. Необходимо также принять во внимание и тот факт, что негативные экономические последствия

в жизни германских земель не были результатом одной лишь политической победы сил феодальной реакции над силами прогресса. Определенную роль в этом процессе сыграли и другие факторы: во-первых, великие географические открытия и перемещение путей мировой торговли на Атлантическое побережье, что привело к утрате Германией выгод от ее «срединного положения» на пересечении основных магистралей континентальной торговли; во-вторых, последствия Тридцатилетней войны, которая велась по преимуществу на территории Германской империи и сопровождалась беспрецедентным по масштабам разрушением производительных сил, восстановление которых в тех условиях заняло весьма продолжительный отрезок времени. Впрочем, характер и даже театр военных действий в ходе Тридцатилетней войны в значительной степени определялись именно тем обстоятельством, что поражение революции, которое не позволило решить задачу первостепенной значимости – строительство централизованного национального государства, – превратило германские земли в арену постоянной и ожесточенной конфронтации между протестантами и католиками, что давало повод и создавало предпосылки для вмешательства иностранных держав в «имперские дела». Такое вмешательство, усиливавшееся из-за внутренних неурядиц и политического хаоса, и привело как немецкий, так и другие народы, населявшие Империю, к трагедии Тридцатилетней войны, после которой Германия была отодвинута на задворки политической жизни Европы и надолго исключена, образно выражаясь, из «клуба великих держав континента». В такой же мере очевиден и тот факт, что именно поражение революции закрепило складывавшуюся на протяжении нескольких столетий систему политической раздробленности Священной Римской империи германской нации. Все это в конце концов и превратило саму Империю из понятия политического скорее в понятие географическое. Отмеченные выше причины долгое время делали невозможным решение задачи по созданию единого немецкого национального государства. Как уже было сказано, процесс формирования абсолютизма в пределах Империи, в отличие от Англии и Франции, совершался не в национальных границах, а в рамках территориальных политических образований, в которых интересам «княжеского абсолютизма» были полностью подчинены как система образования всех ступеней, так и «реформированная церковь». Оба эти института интенсивно использовались аппаратом княжеской государственной власти с целью соответствующего воздействия на чувства и умы населения (особенно подрастающего

поколения), чтобы воспитать из него не столько граждан, сколько верноподданных. Все это в такой степени усилило и укрепило позиции «партии» сторонников сепаратизма и «княжеского абсолютизма», что она легко пресекала любые инициативы, направленные на политическую консолидацию германских земель. Такой ход развития имел для Империи далеко идущие и роковые последствия.

Революция в германских землях XVI в., если смотреть на нее как на первый опыт буржуазной революции, потерпела поражение еще во время Крестьянской войны. Но дело немецкой реформации было продолжено победоносными революциями в Нидерландах и Англии. Обе эти революции, как известно, происходили под знаменами религиозного учения Жана Кальвина. Такая роль учения Кальвина, по словам Ф.Энгельса, была обусловлена тем, что «его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии»³⁴. При этом, однако, нельзя забывать о том, что у Жана Кальвина были предшественники: Мартин Лютер и Ульрих Цвингли, реформационные доктрины которых не только нанесли сокрушительный удар по средневековому феодальному католицизму, но и во многом предвосхитили идеологию кальвинизма. Своей деятельностью Лютер и Цвингли подготовили почву, на которой вырос кальвинизм, ставший как экономической, так и политической программой западноевропейской буржуазии XVI–XVII вв. Значение этой новой идеологии в переходную от феодализма к капитализму эпоху состояло не только в том, что она в условиях того времени наиболее прозорливо, особенно в исторической перспективе, отразила коренные интересы нарождающегося класса буржуазии, но и в ее способности воздействия на широкие народные массы, в том числе и на только что вступавший на историческую сцену класс промышленных и сельскохозяйственных наемных рабочих. В то же время отметим, что историческое значение реформационной идеологии состояло и в другом.

Обращаясь к последнему сюжету, необходимо иметь в виду, что еще в середине прошлого столетия внимание Ф.Энгельса привлекли «неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны» не только по той причине, чтобы воздать должное памяти о героях, мучениках и жертвах 1525 г. или на конкретном примере германской истории дать трактовку историческому процессу с позиций его «материалистического понимания» (хотя оба эти мотива по вполне понятным соображениям присутствуют в его труде «Крестьянская война в Германии»), но и для того, чтобы восстановить «революционную традицию» и использовать «уроки истории» в интересах «пролетарского движения»³⁵.

Итоги такого использования «уроков истории» сегодня хорошо известны: оно было началом пути к «пролетарским революциям» XX в. и одновременно – созданию тоталитарных режимов, которые воздвигались под знаменами марксизма-ленинизма во имя построения будто бы «общества социальной справедливости, свободы и равенства всех людей». Парадокс истории, однако, состоял в том, что на практике это неизменно приносило результаты, обратные прокламируемым идеологами такого подхода к законам общественного развития, принося народам бедствия, жестокие репрессии и несвободу. Но и сегодня, когда неумолимо текущее время отодвинуло от нас в прошлое события революции XVI в. в германских землях еще почти на полтора столетия (имеется в виду время написания упомянутого выше труда Энгельса), эти события по-прежнему сохраняют большую общественную значимость в исторической памяти человечества. Осмысление наследия великих реформаторов и бунтарей этого столетия продолжается. В этом наследии оппоненты идеологии тоталитаризма (особенно в его марксистском варианте) также черпают вдохновляющие примеры борьбы за свободу и демократию еще на «дальних подступах» движения человечества к ценностям современной цивилизации. Достижения стран с рыночной экономикой и демократическим общественным строем, с одной стороны, и возникающие на пути их развития кризисы и катаклизмы, с другой – усиливают интерес к истокам и начальной стадии истории становления современной цивилизации.

Обращение к истокам последней побуждает принять во внимание еще одно обстоятельство принципиальной значимости. Сегодня марксистская концепция истории, согласно которой классовая борьба и социальные революции выступают в роли «локомотива» или «повивальной бабки» исторического процесса и рассматриваются как оптимальный вариант разрешения кардинальных социально-политических конфликтов, как единственный компас, указывающий направление движения к общественному строю, при котором будут преодолены классовые противоположности, упразднена частная собственность и установлено полное равенство всех людей, не только подвергается критике со стороны оппонентов марксизма или является объектом полемики в «академической среде», но и, главное, опровергается самим ходом исторического процесса. Роль социальных революций в истории человечества вряд ли можно признать безоговорочно благотворной, поскольку эти революции (Реформация и Крестьянская война XVI в. в германских землях в этом смысле не составляют

исключения) обычно сопровождалась гражданскими войнами, произволом и попранием чести и достоинства человека. Поэтому необходимо иметь в виду, что в критических ситуациях общество и каждый образующий его индивид оказываются перед выбором и берут на себя ответственность за него. Наглядной иллюстрацией тому опять-таки могут служить упомянутые выше революционные события в германских землях XVI в. Во время этих событий неоднократно предпринимались попытки разрешения социально-политического конфликта мирными средствами и только с помощью реформ. Но такие попытки, как известно читателю, не увенчались успехом. Отсюда логически вытекает и другой вывод: как бы сегодня с высот современной цивилизации конца XX в. мы ни относились к революциям, последние на протяжении почти всей истории человечества были фактом реальной действительности и в качестве такового, вероятно, навсегда останутся в исторической памяти человечества горьким плодом, который пришлось отвеждать и благополучной сегодня Западной Европе на ранней стадии ее долгого и в целом мучительного пути от феодализма к капитализму. При этом следует принять также во внимание, что «капитализм, безусловно, не является воплощением абсолютной идеи всемирной истории. Вероятно, по мере интеграции путем конфликтов и борьбы развиваются новые формы общества, новые межгосударственные, мировые формы общежития. О буржуазной демократии прекрасно сказано, что это «самая худшая форма правления... не считая всех остальных». В то же самое время в достаточной степени очевиден и тот факт, что «среди цивилизаций, функционирующих на исторической сцене, западная оказалась самой эффективной»³⁶. Не вызывает сомнения и другой факт: истоки движения западноевропейцев к современной цивилизации следует искать еще в истории позднего средневековья, в переходной от феодализма к капитализму эпохе. Компасом и идеологией их движения в этом направлении стало реформационное учение, родиной которого были германские земли.

Завершая книгу, ее автор еще раз напоминает читателю, что различные подходы к самим событиям Реформации и Крестьянской войны сводятся в современной историографии к следующим точкам зрения на эти события: 1) традиционной; 2) марксистской теории ранней буржуазной революции; 3) концепции революции «простого человека» в западной, прежде всего немецкой, историографии. В какой мере каждая из этих точек зрения отражает истину?

Традиционная точка зрения вступает в противоречие с прочно установленными исторической наукой фактами и прежде всего

по этой причине утратила былые позиции, поскольку она акцентирует внимание по преимуществу или даже исключительно на тех чертах событий Реформации и Крестьянской войны, которые связывают оба эти явления со средневековьем. Появление концепции революции «простого человека» означало, что и западные историки «признали» в Реформации и особенно Крестьянской войне «политическую революцию». Но была ли последняя «демократическим движением» широких слоев населения города и деревни, конечной целью которого было установление «конституционного строя в региональных масштабах»? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение.

Революция не только совпала во времени, но и была порождена кризисом «системы феодализма» и возникновением в ряде отраслей народного хозяйства явлений раннего капитализма. В условиях политической «неустроенности» Германской империи и острых социальных противоречий общественные силы, так или иначе связанные с возникающим капиталистическим укладом, бросили вызов «старому порядку» феодального политического режима. Именно это обстоятельство, по мнению автора настоящей книги, дает основания трактовать события Реформации и Крестьянской войны как раннюю буржуазную революцию, поскольку этими событиями в повестку дня был поставлен вопрос не только о «простой смене формы власти», но и о преобразовании всей системы социально-экономических отношений в обществе и всех политических учреждений государства. Поэтому революция XVI в. в германских землях явилась началом движения Западной Европы от средневековых сословно-монархических режимов к демократии. Парадокс истории, однако, состоял в том, что «промежуточной станцией» на этом пути был абсолютизм. Вместе с тем уже на начальном этапе в движение оказались вовлечены широкие слои тогдашнего общества. В этом смысле Реформацию и Крестьянскую войну можно назвать «революцией простого человека». Первоочередные ее задачи наиболее точно были сформулированы в программных требованиях радикально-бюргерской оппозиции (в этой связи особое внимания заслуживает «Гейльброннская программа»). Главная же причина неудачи деятельности этой оппозиции состояла в том, что она, выступая в роли представительницы интересов всех непривилегированных классов и сословий феодального общества («третьего сословия»), была еще далека от осознания, фигурально выражаясь, своей собственной роли «могильщика феодализма».

С другой стороны, далеко отстоящая от нас эпоха Реформации сохранила достаточно убедительные свидетельства о том, как рождалась революция. Однако ее возникновение и трагическое развитие отнюдь не являлось неотвратимой неизбежностью. И хотя потребность перемен и необходимость преобразований устаревших феодальных институтов приобрели всеобщий характер и распространились на все общество, альтернативой насильственной ломке этих институтов вполне могли стать реформы. Последние не были реализованы мирными средствами прежде всего по причине «несговорчивости» противоборствующих сторон и их неспособности встать на путь компромисса. Произошло это и по той причине, что имперская власть в лице Карла V увидела в широком общественном движении не оппонента, стремившегося к достижению единой с имперской властью цели – политической и государственной централизации, а своего смертельного врага. В этом смысле Реформация и особенно Крестьянская война могут служить примерами «предостережения», «напоминания» об «уроках истории» и пагубности насилия как способа разрешения общественных противоречий.

И еще одно краткое замечание. Вопросы прежде всего морально-этического порядка, которые сегодня мы относим к «общечеловеческим ценностям», волновали и участников событий, о которых речь шла в настоящей книге. По этим вопросам велись страстные споры. Суть споров сводилась к тому, как жить дальше? Необходимость перемен признавалась большинством. Но что следовало изменить: церковь и конфессию, государство и общество или самого человека? Попытка дать ответ на поставленные таким образом вопросы завершилась для немцев трагедией. И все же движение в правильном направлении – к ценностям современной цивилизации – было начато. Правда, путь оказался долгим и мучительным.

Именно в таком «прочтении» событий Реформации и Крестьянской войны попытался убедить читателя автор настоящей книги. Насколько это ему удалось, судить самому читателю.

Примечания

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 32.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. С. 133.

³ Там же. Т. 16. С. 8–9.

⁴ Ермолаев В. А. Гейльброннская программа... С. 149, 152.

⁵ См.: An die Versammlung Gemeiner Bauernschaft... (Русский перевод: Майер В. Е., Иванов В. В. Памфлеты... С. 61–92).

⁶ См.: Смирин М. М. Анонимный политический памфлет Великой

- крестьянской войны // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. № 3. С. 127–138; *Майер В. Е.* Современники Реформации о роли народных масс... С. 124, 128–130; *Он же.* Крестьянство Германии... С. 147–156; *Он же.* Вопрос о власти... С. 206–207; *Некрасов Ю. К.* Об отношении... С. 83–100; *Он же.* Города и бюргерство... С. 68–72; *Brandt O. H.* Der Grosse Bauernkrieg. Jena, 1925. S. 195–216; *Hesselbarth H.* Eine Flugschrift aus dem Grossen Deutschen Bauernkrieg // ZfG. 1953. H. 4. S. 527–551; *Hoyer S.* Widerstandrecht und Widerstandspflicht in Flugschrift «An die Versammlung gemayner Pawerschaft» // Der Bauer im Klassenkampf... S. 144–151; *Peters Ch.* An die Versammlung gemeiner Bauernschaft (1525): Ein Vorschlag zur Verfassungsfrage // ZBKG. 1985. Bd. 54. S. 15–29; *Loos S.* Zur Haltung radikal-bürgerlicher Kräfte vor und während des Bauernkrieges: Das Beispiel Karlstadt // ZfG. 1988. H. 4. S. 329.
- ⁷ *Майер В. Е.* Крестьянство Германии... С. 139; *Bensing M.* Die «Haufen» im deutschen Bauernkrieg // Der Bauer im Klassenkampf... S. 183 f.
- ⁸ *Ермолаев В. А.* Гейльброннская программа... С. 185.
- ⁹ *Barge H.* Andreas Bodenstein von Karlstadt. Leipzig, 1905. Bd. I. S. 147, 224.
- ¹⁰ *Hinrichs C.* Luther und Müntzer... S. 145–148, 151–152.
- ¹¹ *Лившиц Г. М.* Реформационное движение... С. 190–191; *Соловьев Э.* Непобежденный еретик... С. 198–222; *Zschäbitz G.* Martin Luther... S. 195–198; *Loos S.* Katholische Polemik zur Haltung Luthers im Bauernkrieg // Der deutsche Bauernkrieg... S. 146.
- ¹² *Соловьев Э.* Непобежденный еретик... С. 283.
- ¹³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 422.
- ¹⁴ *Андреев Г.* Неупорядоченные заметки о духовных путях России в год Мартина Лютера // Открытая политика. 1996. № 7–8 (14). Июль–август. С. 51.
- ¹⁵ Практикум по истории средних веков. (1971). С. 252–259.
- ¹⁶ *Blickle P.* Die Revolution... S. 225, 161.
- ¹⁷ См.: *Wagner F.* Der Bauernkrieg auf dem Gebiet der freien Reichsstadt Schwäbisch Gmünd // FDG. 1874. Bd. 14. S. 237 f.; *Pietsch F.* Artikel der Limpurger Bauern // ZWGL. 1954. Bd. 13. S. 121–148.
- ¹⁸ В этой связи необходимо отметить, что сформулированное в программе лимбургских крестьян требование о повышении заработной платы «бедным поденщикам» являлось все же исключением из общего правила. Составители крестьянских программных документов обычно менее всего проявляли склонность принимать во внимание интересы данной категории трудящихся. В качестве примера выразительна точка зрения анонимного автора политического памфлета «Собранию простого крестьянства». Затрагивая вопрос о регулировании отношений между работодателями («господами») и наемными работниками («батраками»), он сформулировал свою точку зрения по данному вопросу следующим образом: «Они (батраки. – Ю.Н.) должны верно служить своим господам. И если господин будет с ними

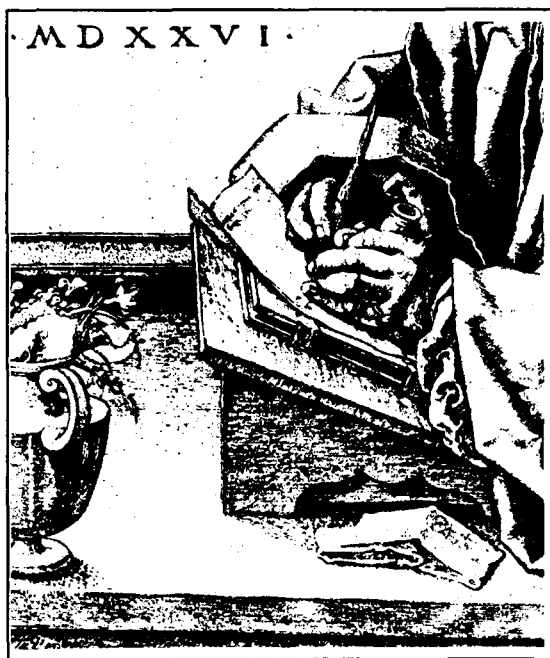
груб и несдержан, они должны служить также верно. В противном случае они не могут оправдаться тем, что получают незаслуженную плату; пусть [тогда они] лучше уволятся. Это будет по-христиански» (см.: Майер В. Е., Иванов В. В. Памфлеты... С. 69). Упоминание о требовании повышения заработной платы «бедным поденщикам» в программе лимбургских крестьян можно объяснить тем, что здесь своеобразие и, быть может, отличие социально-экономической ситуации от положения в Верхней Швабии, где появилась самая популярная в 1525 г. программа «Двенадцати Статей», состояли в следующем. В Лимбурге наемный труд (особенно в виноградарстве, виноделии и на лесозаготовках) получил более широкое применение, чем в Верхней Швабии. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что наемный труд в условиях «системы феодализма» выступал в двух формах: «сеньориального принуждения» и «вольного найма». Лимбургские крестьяне, требуя повышения заработной платы «бедным поденщикам», по всей видимости, адресовали это требование в первую очередь официальным властям и землевладельцам «феодалного типа», прибегавшим при найме рабочей силы к «сеньориальному принуждению». Данное требование для сеньорий Лимбурга приобрело особую актуальность по той причине, что, как уже знает читатель, здесь личнонаследственная зависимость крестьян к 1525 г. с правовой точки зрения утратила значение. Фактически же ее «пережитки», прежде всего в организации барщин на лесоповале, еще продолжали действовать. В такой ситуации применение норм «сеньориального принуждения» воспринималось крестьянами как проявление феодальной реакции, которая затрагивала интересы всего деревенского населения. Автор же упомянутого выше памфлета определенно имел в виду «вольный найм» рабочей силы, к которому регулярно прибегала деревенская верхушка. Регулирование отношений «вольного найма» она считала собственной компетенцией и уже в силу данного обстоятельства вряд ли могла предъявлять какие-либо претензии официальным властям по вопросу о порядке и правилах такого найма. Как полагали представители деревенской верхушки и ангажированные ею юристы или деятели общественного движения, официальные власти, напротив, не должны были вмешиваться в регулирование отношений между работодателями и наемными работниками в тех случаях, когда речь шла о «вольном найме». В данном случае, по мнению автора этих строк, трудно найти иное толкование рассмотренного выше казуса. Иное толкование с необходимостью предполагает и другие выводы.

¹⁹ Zimmerische Chronik. Bd. 2. S. 525, 531.

²⁰ См.: Чиркин В. А. Крестьянские жалобы 1525 года как источник по

- изучению истории крестьянского хозяйства Германии // *Аграрная история эпохи феодализма*. Ижевск, 1993. С. 97; *Он же*. *Очерки...* С. 57, 60, 66, 130–131.
- 21 *Johannes Knebel*. *Aus Donauwörther Chronik // Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben...* S. 250.
- 22 *Correspondenz...* 1879. № 34. S. 306.
- 23 *Heitz G., Vogler G. Agrarfrage...* S. 1064.
- 24 *Сказкин С.Д.* *Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века*. М., 1968. С. 355.
- 25 *Ленин В.И.* *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 34. С. 41.
- 26 *Urkunden des Schlossarchiv Kronburg 1366–1829*. Augsburg, 1962. S. 38: «... als frei, ledig und rechtes Eigen».
- 27 *Briefwechsel...* S. 381, 402.
- 28 *Гайдар Е.Т.* *Государство и эволюция*. М., 1995. С. 25.
- 29 *См.: Некрасов Ю.К.* *О роли городов...* С. 79; *Он же*. *Об отношении...* С. 90–95; *Он же*. *Города и бюргерство...* С. 60, 69–73.
- 30 *См.: Сказкин С.Д.* *Очерки...* С. 308. Ср. также: *Майер В.Е.* *Крестьянство в немецких землях к западу от Эльбы и Австрии в XVI – середине XIX в.* // *История крестьянства в Европе*. Т. 3. С. 131, 134–141.
- 31 *См.: Сказкин С.Д.* *Очерки...* С. 327–349; *Какх Ю.Ю.* *Крестьянство восточноевропейских земель в XVI – середине XIX в.* // *История крестьянства в Европе*. Т. 3. С. 273–275; *Illustrierte Geschichte...* S. 363–365.
- 32 *См.: Майер В.Е.* *Немецкие крестьяне к востоку от Эльбы в XII–XVI вв.* // *Социальные отношения...* С. 43–52.
- 33 *Маркс К. и Энгельс Ф.* *Соч.* 2-е изд. Т. 19. С. 342.
- 34 Там же. Т. 22. С. 308. Об учении Кальвина, его роли и месте в истории европейской реформации также см.: *Маграт А.* *Богословская мысль...* С. 106–110, 143–144, 156–166, 222–227, 236–245, 261–264; *Лейн Т.* *Христианские мыслители...* С. 177–183. В этой связи имеет смысл отослать любознательного читателя к тому что появившемуся в переводе на русский язык первому тому главного теологического произведения реформатора (см.: *Кальвин Жан.* *Наставление в христианской вере*. Том первый. Книги I–II. М., 1997). Необходимо отметить, что данному изданию предшествовала публикация Н.В.Ревуненковой трактата Кальвина «О христианской жизни» (см.: *Кальвин Жан.* *О христианской жизни*. М., 1995). Этот трактат затем был включен реформатором в качестве фрагмента в «Наставление в христианской вере». О «Наставлении в христианской вере» также см.: *Гарин И.И.* *Кальвин*. Харьков, 1994. С. 73–91.
- 35 *Маркс К. и Энгельс Ф.* *Соч.* 2-е изд. Т. 7. С. 345. Ср. также: *Штекли А.Э.* *Утопии и социализм...* С. 107 след.
- 36 *Гайдар Е.Т.* *Государство и эволюция...* С. 29–30.

Список
использованных
источников
и литературы

- Абрамидзе Ш.В.* Правление Иоанна Лейденского в Мюнстере // Труды КутГПИ. 1950–1951. Вып. 10.
- Агibalова Е.В., Донской Г.М.* История средних веков: Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. 3-е изд. М., 1996.
- Агрикола, Георгий.* О горном деле и металлургии, в двенадцати книгах. М., 1962.
- Адо А.В.* Крестьянство в буржуазных революциях XVI–XVIII вв. // История крестьянства в Европе. Т. 3.
- Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995.
- Андреев Г.* Неупорядоченные заметки о духовных путях России в год Мартина Лютера // Открытая политика. М., 1996. № 7–8 (14).
- Античность и средневековые Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1994.
- Балакин В.Д.* Эразм Роттердамский и его «Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и поверженного». (Вступительная статья, пер. с латинского и комментарий) // Эразм Роттердамский...
- Басовская Н. И.* Предисловие // Мартин Лютер. Диспут...
- Баткин Л.М.* Письмо читателя // СВ. 1955. Вып. VI.
- Бенцинг М.* Поражение Тюрингского восстания при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.): Его причины и предпосылки // СВ. 1966. Вып. 28.
- Бецольд Ф., фон.* История Реформации в Германии / Пер. с немецкого. СПб., 1900. Т. 2.
- Библия. Новый Завет.
- Бойцов М.А.* Документы по истории политической борьбы на имперских собраниях (рейхстагах) в Германии в конце XIV в. // СВ. 1986. Вып. 49.
- Бойцов М.А.* Центральная власть и региональные политические собрания в Германии во второй половине XIV в. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма...
- Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
- Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики: 1917–1966 гг. М., 1968.
- Васильева М.В.* К истории раннего европейского анабаптизма: хуттеровское братство // Германская история эпохи Реформации...
- Васильева М.В.* Анабаптисты и протестантский догмат об оправдании верой // Античность и средневековые Европы...
- Васильева М.В.* Хуттеровские вероисповедные документы XVI в. // Актуальные проблемы...

- Васильева М.В. Хуттеровское вероисповедание по «Отчету» Петера Ридемана 1540–1542 гг. // Проблемы эволюции...
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с немецкого. М., 1990.
- Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Там же.
- Володарский В.М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена // СВ. 1963. Вып. 24.
- Володарский В.М. Социально-политические взгляды Ульриха фон Гуттена // СВ. 1964. Вып. 26.
- Володарский В.М. Пфейфер // СИЭ. 1968. Т. II.
- Володарский В.М. Эрфуртские гуманисты и Реформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация...
- Володарский В.М. Утопия Ганса Гергота // ИСУ. 1986.
- Володарский В.М. Ганс Гергот и его утопия «О новом преобразовании христианской жизни» // ИСУ. 1987.
- Володарский В.М. Письмо Эразма Роттердамского Эобану Гессу. (Вступительная статья, пер. с латинского и комментарий) // Эразм Роттердамский...
- Всемирная история: Учебник / Под ред. Г.Б.Поляка, А.Н.Марковой. М., 1997.
- Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995.
- Гарин И.И. Кальвин. Харьков, 1994.
- Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. Межвузовский сб. научных трудов. М., 1979.
- Германская история эпохи Реформации: Исследования и документы. Вологда, 1993.
- Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1892.
- Голубкин Ю.А. Эволюция представлений М.Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1517–1525 годы) // ЕГИ. 1978. М., 1979.
- Голубкин Ю.А. Из любви к истине: Мартин Лютер. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520–1526 гг. Харьков, 1992.
- Голубкин Ю.А., Дятлов В.А. Общественно-политические взгляды А. Карлштадта и его позиция в Реформации // Вестник Харьковского университета. 1986. № 296.
- Григорьева И.Л. Представления Эразма о человеке (по трактату «Enchiridion militis christiani») // СВ. 1983. Вып. 46.
- Григорьян Ю.М. К вопросу об уровне экономики, о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. 1958. № 1.
- Гришина С.А. О формах земельных держаний и правах владения крестьян рейнской деревни XIV–XVI вв. // Вестник МГУ. Сер. истор. 1967. № 3.

Гришина С.А. К вопросу о характере земельной ренты в областях Среднего Рейна в конце XIV – начале XVI веков // *Казахский государственный университет: История. Сб. статей аспирантов и соискателей.* Алма-Ата, 1967.

Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков: Учебник. М., 1995.

Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // *Социальная природа средневекового бюргерства...*

Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Европе (X–XV вв.). М., 1984.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985.

Гутнова Е.В. Духовная жизнь европейского крестьянства и его общественное сознание // *История крестьянства в Европе. Т. 2...*

Гуттен Ульрих, фон. Диалоги. Публицистика. Письма. М., 1959.

Дмитриева О., Пименова Л., Шукуров Р. От средневековья к новому времени: Экспериментальный учебник для VIII класса. М., 1997.

Дюрер Альбрехт. Дневники, письма, трактаты. М., 1962.

Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в XV–XVI вв. // *Проблемы германской истории: Эпоха феодализма...*

Дятлов В.А. Реформа городской благотворительности в Германии (1522–1524 гг.) // *Германская история эпохи Реформации...*

Евдокимова А.А. Изменение характера и структуры земельных операций швабского бюргерства (XV–XVI вв.) // *СВ.* 1984. Вып. 47.

Евдокимова А.А. Законодательство Фрейбурга в Брейсгау о нищих и бродягах (XVI в.) // *Социальные отношения...*

Ермолаев В.А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. // *СВ.* 1954. Вып. V.

Ермолаев В.А. «Реформация императора Сигизмунда» в освещении западногерманского историка // *СВ.* 1965. Вып. 28.

Ермолаев В.А. Революционные движения в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966.

Ермолаев В.А. Гейльброннская программа: Программа радикального немецкого бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.

Жарова Л.Н., Мишина И.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А., Федоренко А.А. Новая история. Ч. I: Учебник для 7 класса основной школы. М., 1997.

- Зингер Я.С.* Плебейские массы Мюнстера у власти // СВ. 1963. Вып. 23.
- Зомбарт В.* Современный капитализм / Пер. с немецкого. Т. I. Полут. I. М., 1931.
- Иванов В.В.* Социально-этические представления М.Буцера в ранний период // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма...
- Иванов В.В.* Ульрих Цвингли и военные программы южнонемецкого крестьянства в 1525 г. // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего средневековья. Иваново, 1986.
- Ивонин Ю.Е.* У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984.
- Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972.
- История Европы / По европейской инициативе Фредерика Делуша. Пер. с франц. Минск; М., 1996.
- История Европы. Том второй: Средневековая Европа. М., 1992.
- История Европы. Том третий: От средневековья к новому времени (XV – первая половина XVII в.). М., 1993.
- История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 2–3.
- История средних веков / Под ред. Н.Ф. Колесниченко. 2-е изд. М., 1986.
- История средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. 2-е изд. М., 1977. Т. 2.
- История Франции в трех томах. М., 1972. Т. 1.
- Источники по истории города Франкфурта-на-Майне XIV–XV вв. / Сост. Л.Б. Потанина // Из истории западноевропейского средневековья..
- Источники по истории Реформации / Пер. с немецкого Д.И. Егорова. М., 1906–1907. Вып. 1–2.
- К** итогам дискуссии по проблемам генезиса капиталистических отношений (статья редколлегии сб. «Средние века») // СВ. 1955. Вып. VI.
- Какх Ю.Ю.* Крестьянство восточноевропейских земель в XVI – середине XIX в. // История крестьянства в Европе. Т. 3..
- Кальвин Жан.* О христианской жизни / Пер. с франц., введение, примечания Н.В. Ревуненковой. Под ред. А.Д. Бакулова. М., 1995.
- Кальвин Жан.* Наставление в христианской вере. Том первый. Книги I и II / Пер. с франц. и предисловие А.Д. Бакулова. Комментарии Г.В. Вдовиной. Под ред. Ю.А. Кимелева. М., 1997.
- Каплюк В.З.* Некоторые вопросы истории крестьянской войны в Германии в буржуазной историографии ФРГ (50-е – 60-е гг.) // Вопросы всеобщей истории и историографии. Томск, 1963.
- Каплюк В.З.* Марксистская историография ГДР о раннебуржуазной революции в Германии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2.
- Катушкина Л.Г.* Итальянские войны // История Италии. М., 1970. Т. 1.

- Каутский К.* Предшественники новейшего социализма. Т. 2: Коммунизм в германской реформации. М., 1919.
- Кедлиг Х.* К истории народных движений в Мюльхаузене (Тюрингия) в 1523–1575 гг. // СВ. 1962. Вып. XXI.
- Классы и сословия средневекового общества. М., 1988.
- Колесницкий Н.Ф.* Феодалное государство (VI–XV вв.). М., 1967.
- Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.
- Колесницкий Н.Ф.* Политическая борьба в германских землях в XIII–XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения...
- Коплстон Ф.Ч.* История средневековой философии / Пер. с англ. М., 1997.
- Крестьянинов Ф.В.* Меннониты. М., 1967.
- Крестьянская война 1525 года во Франконии. Сб. документов / Сост. В.А.Ермолаев. Саратов, 1968/69. Вып. 1–2.
- Крестьянские движения в Германии перед Реформацией. Сб. документов / Сост. В.А.Ермолаев. Саратов, 1961.
- Кузанский Николай.* Сочинения в двух томах. М., 1979. Т. 1; М., 1980. Т. 2.
- Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.
- Левен В.Г.* Исторические взгляды Себастьяна Франка // СВ. 1955. Вып. VI.
- Лейн Т.* Христианские мыслители / Пер. с англ. СПб., 1997.
- Ленин В.И.* К характеристике экономического романтизма // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2.
- Ленин В.И.* Против бойкота // Там же. Т. 16.
- Ленин В.И.* К оценке русской революции // Там же. Т. 17.
- Ленин В.И.* Письма о тактике // Там же. Т. 31.
- Ленин В.И.* О конституционных иллюзиях // Там же. Т. 34.
- Либман М.* Искусство Германии XV и XVI веков. М., 1964.
- Лившиц Г.М.* Реформационное движение в Чехии и Германии. Минск, 1978.
- Луковцева А.А.* Отражение крестьянской идеологии периода Великой Крестьянской войны в Германии в творчестве Себастьяна Франка // СВ. 1986. Вып. 49.
- Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Лютер Мартин.* Избранные произведения / Составитель-редактор А.П.Андрюшкин. Перевод и комментарий: К.С.Комаров, Ю.А.Голубкин, Ю.М.Каган. СПб., 1994.
- Лютер Мартин.* Диспут о прояснении действительности индульгенций: 95 Тезисов / Пер. с латинского А.Рубана под ред. Ю.Голубца. Предисл. Н.Басовской. Комментарии А.Рубана и Ю.Рубана. СПб., 1996.
- Лютер Мартин.* Лекции по «Посланию к Римлянам» / Перевод К. Комарова. Минск, 1996.

- Маграт А.* Богословская мысль Реформации / Пер. с англ. Одесса, 1994.
- Майер В.Е.* Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии // СВ. 1961. Вып. XX.
- Майер В.Е.* Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XIV–XVI вв. // Проблемы генезиса капитализма: К Международному конгрессу экономической истории в Ленинграде в 1970 г. Сб. статей. М., 1970.
- Майер В.Е.* Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. // СВ. 1973. Вып. 34.
- Майер В.Е.* Деревня и город в Германии в XIV–XVI вв.: Развитие производительных сил. Л., 1979.
- Майер В.Е.* Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения...
- Майер В.Е.* Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
- Майер В.Е.* Немецкие крестьяне к востоку от Эльбы в XIII–XV вв. // Социальные отношения...
- Майер В.Е.* Крестьянство в немецких землях к западу от Эльбы и Австрии в XVI – середине XIX в. // История крестьянства в Европе. Т. 3.
- Майер В.Е.* Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны // Классы и сословия...
- Майер В.Е., Иванов В.В.* Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992.
- Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979.
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
- Маркс К.* Буржуазия и контрреволюция // Там же. Т. 6.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. Т. 3.
- Мацек Й.* К дискуссии о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии // ВИ. 1958. № 3.
- Мацек Й.* Крестьянский сейм в Инсбруке (12 июня – 21 июля 1525 года) // СВ. 1962/63. Вып. XXI–XXII.
- Мещерякова Н.М.* Происхождение пролетариата: Начальная стадия его развития и борьба рабочих // Международное рабочее движение. Т. 1: Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. М., 1976.
- Микешин А.А.* Гейльброннская программа в отечественной историографии // Германская история эпохи Реформации...
- Микешин А.А.* Гейльброннская программа в освещении западных историков-немарксистов // Античность и средневековье...

Микешин А.А. Гейльброннская программа и цвинглианская реформация // Проблемы эволюции...

Мишина И.А., Жарова Л.Н. Становление современной цивилизации. Ч. 1: История раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.): Учебное пособие для старших классов общеобразовательной школы. 2-е изд. М., 1995.

Мюнцер Томас. Пражский манифест / Пер. с немецкого М.М.Смирини и В.М.Володарского. Комментарии В.М.Володарского // СВ. 1989. Вып. 52.

Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге в XIII – начале XIV века // СГ. 1968. (Вып. 1).

Негуляева Т.М. Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге (XII–XIV вв.) // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2.

Некрасов Ю.К. Очерк из экономической истории Германии конца XV–начала XVI вв. (по материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний) // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV–XVI вв. Вологда, 1969.

Некрасов Ю.К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV–XVI вв. (по материалам имперского города Аутсбурга) // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. Вып. 1.

Некрасов Ю.К. Проблемы раннего капитализма в Германии в освещении М.М. Смирини // ЕГИ. 1971. М., 1973.

Некрасов Ю.К. Радикально-бюргерская оппозиция в Аутсбурге в 70-е годы XV в. (ход движения и социальный состав участников) // СВ. 1975. Вып. 38.

Некрасов Ю.К. Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерской оппозиции в Аутсбурге в 70-е годы XV в. // СВ. 1975. Вып. 39.

Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975.

Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май – сентябрь 1524 г.) // ЕГИ. 1976. М., 1977.

Некрасов Ю.К. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41.

Некрасов Ю.К. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.) // Вестник МГУ. Истор. сер. 1977. № 4.

Некрасов Ю.К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978.

Некрасов Ю.К. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 – лето 1525 гг.) // СГ. 1978. Вып. 5; 1981. Вып. 6.

Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XIV–XVI вв. // Генезис капитализма в Англии и Германии...

Некрасов Ю.К. Цеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV–XVI вв.) // СГ. 1981. Вып. 6.

Некрасов Ю.К. Сельские промыслы и ранний капитализм (по материалам текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV–XVI вв. // Развитие капиталистической мануфактуры...

Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения...

Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция: Историография, причины и предпосылки революции. Вологда, 1984.

Некрасов Ю.К. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма...

Некрасов Ю.К. Концепция «революции простого человека» в современной западногерманской историографии Крестьянской войны // ЕГИ. 1985. М., 1986.

Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества // ИСУ. 1987.

Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя городов Швабии и Швейцарского Союза в XIV–XVI вв. // Классы и сословия...

Некрасов Ю.К. Города и бюргерство в Крестьянской войне в Германии (на примере Швабии) // Германская история эпохи Реформации...

Некрасов Ю.К. Городские хроники XIV–XVI вв. как источники по истории Германии // Актуальные проблемы...

Некрасов Ю.К. Эволюция социального строя и отношений собственности в средневековом городе XIV–XVI вв. (на примере Швабии и Швейцарского Союза) // Проблемы эволюции...

Некрасов Ю.К., Васильева М.В. Анабаптисты после Крестьянской войны: «свидетельства о вере» Михаэля Затлера и Ганса Шмида // Германская история эпохи Реформации...

Немецкий город XIV–XV вв.: Сб. документов и материалов / Под ред. В.В. Стоклицкой-Терещкович. М., 1936.

Немилов А.Н. Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии немецкого гуманизма // УЗ ЛГУ. Сер. истор. наук. 1958. Вып. 28.

- Немилов А.Н. Великая крестьянская война 1525 г. в советской историографии // Проблемы всеобщей истории: Историограф. сб. Л., 1967.
- Немилов А.Н. Виллибальд Пиркгеймер и его место среди немецких гуманистов XVI века // СВ. 1968. Вып. 28.
- Немилов А.Н. Грюневальд: Жизнь и творчество мастера Матиса Нитхарта-Готхарта. М., 1972.
- Немилов А.Н. К вопросу о формировании раннекапиталистических отношений в Нюрнберге // СГ. 1974. Вып. 2.
- Немилов А.Н. Значение Крестьянской войны 1525 г. для развития общественной мысли эпохи Реформации // Вестник ЛГУ. № 14: История – Язык – Литература. 1975. Вып. 3.
- Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.
- Никулина Т.С. Историки Ганзы и Реформации о движении Вулленвевера // СГ. 1986. Вып. 6.
- Норден А. Некоронованные властители / Пер. с немецкого. М., 1978.
- Павленко В.Г. Религиозно-философские и социально-политические взгляды Иоганна Эберлина // История средних веков. УЗ МГПИ. 1965.
- Павленко В.Г. О происхождении и сущности «Хайльбронской программы» // УЗ КемГПИ. Ист.-фил. факультет. Кафедра всеобщей истории. 1968. Вып. 16.
- Павленко В.Г. Социально-политические воззрения М. Лютера по «Застольным речам» // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2.
- Павленко В.Г. Некоторые вопросы истории Реформации в Германии в немецкой историографии ФРГ (60-е – 80-е гг.) // Проблемы историографии всеобщей истории. Кемерово, 1990.
- Панкратов Д.В. Движение Bundschuh 1513 г. // УЗ КалГПИ. 1940. Т. IX. Вып. 5.
- Первухин В.В. Реформационный проект Иоганна Эберлина из Гюнцбурга (1521 г.) // СВ. 1965. Вып. 28.
- Первухин В.В. Реформационное движение в Любеке в 1529–1530 гг. // СВ. 1977. Вып. 41.
- Петрова Е.Н. Проблемы социального утопизма в историографии «Земского Устройства» Тироля (1526 г.) Михаэля Гайсмайера // Актуальные проблемы...
- Подольяк Н.Г. Изменения в социальной структуре Ростока в конце XV – первой трети XVI в. // Классы и сословия...
- Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М., 1952.
- Потанина Л.Б. Организация ремесла во Франкфурте-на-Майне во второй половине XIV – первой половине XV в. // УЗ МГПИ. № 294: Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1969.

Порозовская Б.Д. Ульрих Цвингли: Очерк его жизни и реформаторской деятельности. СПб., 1892.

Порозовская Б.Д. Мартин Лютер: его жизнь и реформаторская деятельность. Биографический очерк // Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М., 1995.

Практикум по истории средних веков для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов / Сост. М.Л. Абрамсон, С.А.Сливко, М.М.Фрейденберг. М., 1967; 2-е изд. М., 1971.

Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2: Материалы симпозиума, состоявшегося в Вологде 15–17 октября 1971 г.

Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.

Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Вологда, 1997.

Пуришев Б.И. Очерки истории немецкой литературы XV–XVII вв. М., 1955.

Пять статей величайшего спора между нами и миром / Пер. с раннего нововерхненемецкого и примечания М.В.Васильевой и В.М.Павлова // Проблемы эволюции...

Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI–XVII вв. Межвузовский сб. научных трудов. М., 1981.

Розенберг А.М. К 400-летию Мюнстерской коммуны // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934. Апрель, № 4.

Рубан Ю. Гуманизм, Реформация и 95 Тезисов августинского монаха Мартина Лютера // Мартин Лютер. Диспут... Приложение...

Рутенбург В.И. Очерки истории раннего капитализма в Италии: Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.

Рутенбург В.И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV–XV вв. // СВ. 1955. Вып. VI.

Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1979.

Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии в первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства...

Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях. М., 1982.

Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.

Сапрыкин Ю.М. Крестьянские движения в Западной Европе в XIV–XVI вв. М., 1960.

Сказкин С.Д. Фальсификация Крестьянской войны в фашистской «историографии» // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939.

- Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Смирин М.М. Борьба за землю в Юго-Западной Германии в XV в. и начале XVI в. // ИЗ. 1938. № 4.
- Смирин М.М. О крепостном состоянии крестьянства и характере крестьянских повинностей в Юго-Западной Германии в XV и начале XVI вв. // ИЗ. 1946. № 19.
- Смирин М.М. Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
- Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.
- Смирин М.М. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации // ВИ. 1957. № 8.
- Смирин М.М. Реформация и Великая крестьянская война в Германии // Всемирная история. М., 1958. Т. IV.
- Смирин М.М. Анонимный политический памфлет Великой крестьянской войны // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. № 3.
- Смирин М.М. Германия в первые десятилетия XVI в. и Ульрих фон Гуттен // Ульрих фон Гуттен. Диалоги...
- Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.
- Смирин М.М. Энгельс о значении Крестьянской войны в Германии // СВ. 1962. Вып. XXI.
- Смирин М.М. Гайсмайер // СИЭ. 1963. Т. 4.
- Смирин М.М. Гейльброннская программа // Там же.
- Смирин М.М. «Двенадцать Статей» // Там же.
- Смирин М.М. Крестьянская война в Германии // Там же. М., 1965. Т. 8.
- Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969.
- Смирин М.М. Германия в преддверии нового времени // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 1.
- Смирин М.М. Фридрих Энгельс о характере народных движений в эпоху раннебуржуазной революции XVI в. // Энгельс и проблемы истории. М., 1970.
- Смирин М.М. Крестьянская война в Германии // БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 13.
- Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978.
- Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII веков. М., 1996.
- Соловьев Э.Ю. Мартин Лютер – выдающийся деятель немецкой и европейской истории // ВИ. 1983. № 10.

- Соловьев Э. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.
- Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1979.
- Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI–XVI вв.). Вологда, 1985.
- Стам С.М. Чем же в действительности была Реформация в Германии? // ВИ. 1958. № 4.
- Стам С.М. Средневековый город и проблема возникновения феодальных форм собственности // СГ. 1974. Вып. 2.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М.; Л., 1936.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. О деятельности Томаса Мюнцера как вождя мюльхаузенского плебса во время Крестьянской войны в Германии // ИМ. 1938. Кн. 6.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны // Вестник МГУ. Сер. обществ. наук. 1950. Вып. 2.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции // СВ. 1954. Вып. V.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М., 1960.
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. М., СПб., 1996.
- Фадина М.Ф. Мюльхаузенское движение 1523–1525 гг. // УЗ МарГПИ. Ист.-фил. факультет. Йошкар-Ола, 1958. Т. XVIII.
- Фадина М.Ф. Классовая борьба в Северной Тюрингии во время Крестьянской войны // Казахский государственный университет. УТ кафедр всеобщей истории, государственного и международного права. Алма-Ата, 1964.
- Фараджева С.А. Политика саксонских курфюрстов в горном деле (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Из истории западноевропейского средневековья...
- Фараджева С.А. К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии // СВ. 1977. Вып. 41.
- Фараджева С.А. Раннекапиталистические отношения в горной промышленности Саксонии во второй половине XVI в. // Генезис капитализма в Англии и Германии...
- Фараджева С.А. Зарождение раннекапиталистических отношений в горнорудном производстве Саксонии в XVI в. // Развитие капиталистической мануфактуры...
- Феттер К. Ход, причины и цели восстания «хлеба и сыра» в Северной Голландии в 1491–1492 гг. // Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. М., 1985.

Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983.

Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до начала XX века: Учебное пособие для 10–11 классов общеобразовательных заведений. М., 1996.

Хрестоматия по истории средних веков в трех томах / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2: X–XV века. М., 1963.

Хрестоматия по истории средних веков: Пособие для преподавателей средней школы / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3.

Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время / Под ред. В.П. Волгина. М.; Л., 1929.

Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии / Пер. с немецкого. М., 1937. Т. 1–2.

Чайковская О.Г. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет // ВИ. 1956. № 12.

Чанышев А.Н. Меннониты // СИЭ. 1966. Т. 9.

Чанышев А.Н. Протестантизм // СИЭ. 1968. Т. II.

Чернушевич О.И. Вопрос об экономических взглядах Мартина Лютера в исторической литературе // Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972.

Чернушевич О.И. Взгляды Мартина Лютера на ростовщичество // Там же.

Чернышев А. Реформация // Энциклопедия для детей. Т. I: Всемирная история. М., 1995.

Чиркин В.А. Очерки по аграрной истории Средней Германии: 1460–1525 гг.: Исследования, документы. Ижевск, 1992.

Чиркин В.А. Крестьянские жалобы 1525 года как источник по изучению истории крестьянского хозяйства Германии // Аграрная история эпохи феодализма. Ижевск, 1993.

Чистозвонов А.Н. Исследовать явления в их исторической самобытности и связях // СВ. 1955. Вып. VI.

Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой трети XVI века. М., 1964.

Чистозвонов А.Н. Мюнстерская Коммуна // СИЭ. 1966. Т. 9.

Чистозвонов А.Н. Понятия и критерии обратимости и необратимости исторического процесса. (На материале генезиса капитализма) // ВИ. 1969. № 5.

Чистозвонов А.Н. Некоторые итоги рассмотрения проблемы генезиса капитализма // СВ. 1971. Вып. 34.

- Чистозвонов А.Н. О стадияльно-региональном изучении буржуазных революций XVI–XVIII вв. // ННИ. 1973. № 2.
- Чистозвонов А.Н. Мюнстерская коммуна // БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т.17.
- Чистозвонов А.Н. Цвингли // СИЭ. 1974. Т. 16.
- Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.
- Чистозвонов А.Н., Самохина Н.Н. Реформация // СИЭ. 1969. Т. 12.
- Чистозвонов А.Н., Самохина Н.Н. Реформация // БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 22.
- Чуянов А.Ф. Политическое содержание «Земского Устройства» Михаэля Гайсмайера // Социальные отношения...
- Чуянов А.Ф. Рейхстаг и император Священной Римской империи в первой половине XVI в. // Германская история эпохи Реформации...
- Чуянов А.Ф. Михаэль Гайсмайер и его «Земское Устройство» // Там же.
- Чуянов А.Ф. Становление Протестантского Союза в Германии (20-е – 30-е гг. XVI в.) // Проблемы эволюции...
- Шестов Л. Sola fide. Только верою. Греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь. Париж, 1966.
- Штейнгардт Б.Е. Заговор «Бацмака» 1502 г. // УЗ ВГПИ. Т. 21: Исторический. 1958.
- Штекли А. Томас Мюнцер. М., 1961.
- Штекли А.Э. «Родоначальник утопического коммунизма» и «проблемски коммунистических идей» // ИСУ. 1982.
- Штекли А.Э. От приютов милосердия к рабочим домам // СВ. 1984. Вып. 47.
- Штекли А.Э. Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бехайма // ИСУ. 1986.
- Штекли А.Э. Утопии и социализм. М., 1993.
- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19.
- Энгельс Ф. Диалектика природы // Там же. Т. 20.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Там же. Т. 21.
- Энгельс Ф. К «Крестьянской войне» // Там же.
- Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Там же. Т. 22.
- Энгельс Ф. – Бернштейну Э. 23 мая 1884 г. // Там же. Т. 36.
- Энгельс Ф. – Каутскому К. 17 октября 1884 г. // Там же.
- Энгельс Ф. – Зорге Ф.А. 31 октября 1884 г. // Там же.

Список использованных источников и литературы

- Энгельс Ф. – Шлютеру Г. 1 января 1885 г. // Там же.
- Энгельс Ф. – Беккеру И.Ф. 5 декабря 1885 г. // Там же.
- Энгельс Ф. – Каутскому К. 15 октября 1889 г. // Там же. Т. 37.
- Энгельс Ф. – Бебелю А. 1–2 мая 1891 г. // Там же. Т. 38.
- Энгельс Ф. – Каутскому К. 1 февраля 1892 г. // Там же.
- Энгельс Ф. – Мерингу Ф. 14 июля 1893 г. // Там же. Т. 39.
- Энгельс Ф. – Лафарг Л. 17 декабря 1894 г. // Там же.
- Энгельс Ф. – Каутскому К. 25 марта 1895 г. // Там же.
- Энгельс Ф. – Каутскому К. 21 мая 1895 г. // Там же.
- Эпштейн А.Д. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в. // СВ. 1953. Вып. IV.
- Эпштейн А.Д. К вопросу о Реформации и Крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции // ВИ. 1957. № 8.
- Эпштейн А.Д. Из экономической истории Аугсбурга в XV и начале XVI века // СВ. 1957. Вып. X.
- Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1960.
- Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., 1960.
- Эразм Роттердамский. Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М., 1963.
- Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. М., 1969.
- Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986.
- Эразм Роттердамский и его время / Отв. ред. Л.С.Чиколини. М., 1989.
- Юркина В.И. К вопросу о положении свободного и присяжного ремесла в средневековом Нюрнберге // УЗ МОПИ. 1963. Т. 133.
- Юркина В.И. К вопросу юридического и экономического положения подмастерьев города Нюрнберга в средневековье // УЗ МОПИ. 1965. Т. 121. Исторический факультет. Вып. 5.
- Яковец Ю.В. История цивилизаций: Учебное пособие для студентов вузов гуманитарного профиля. 2-е изд. М., 1997.
- Ястребицкая А.Л. О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XIV–XVI вв. // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. № 3.
- Ястребицкая А.Л. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV–середины XVI в. // СВ. 1963. Вып. 24.
- Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // СВ. 1988. Вып. 50.

Abel W. Massenarmut und Hungerkrisen in Vorindustriellen Europa: Versuch einer Synoptis. Hamburg; (West-) Berlin, 1974.

Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges in Oberschwaben / Hrsg. von F.L. Baumann. Freiburg im Breisgau, 1877.

Akten zur Geschichte der Stühlinger Erhebung des Jahres 1524 / Hrsg. von W.Stolze // ZGOR. NF. 1929. Bd. 42.

Die Älteste Chronik der Hutterischen Brüder / Hrsg. von A.J.F. Zieglschmidt. New York, 1943.

An die Versammlung Gemeiner Bauernschaft: Eine revolutionäre Flugschrift aus dem deutschen Bauernkrieg (1525) / Hrsg. von S.Hoyer, B.Rudiger u. M.M. Guchmann. Leipzig, 1975.

Angermeier H. Die Vorstellung des gemeinen Mannes von Staat und Reich im deutschen Bauernkrieg // VSWG. 1966. Bd. 53. H. 3.

Aubin H. Formen und Verbreitung des Verlagswesens in Altnürnberger Wirtschaft // BWGN. 1967. Bd. 1.

Aus dem sozialen und politischen Kampf / Hrsg. von A.Götze, L.Schmitt. Halle (Saale), 1953.

Bachmann R. Nicklas Storch der Anfänger der Zwickauer Wiedertäufer. Zwickau, 1880.

Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstadt. Leipzig, 1905. Bd. 1.

Der Bauer im Klassenkampf: Studien zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges und der bauerliche Klassenkampf im Spätfudalismus. Berlin, 1975.

Bauernkrieg und Michael Gaismair. Innsbruck, 1982.

Bauernkrieg und Reformation / Hrsg. von R.Wohlfeil. München, 1975.

Baumgart P. Formen der Volksfrömmigkeit – Krise der alten Kirche und reformatorische Bewegung: Zur Untersuchungsproblematik des «Bauernkrieges» // Revolte und Revolution in Europa...

Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschland: Von der Vorzeit bis Ende des Mittelalters. 2. Aufl. München, 1951.

Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschland vom Beginn des 16. Jahrhunderts bis Ende des 18. Jahrhunderts. München, 1952.

Bensing M. Thomas Müntzer und Thüringer Aufstand 1525. Berlin, 1966.

Bensing M. «Haufen» im deutschen Bauernkrieg // Der Bauer im Klassenkampf...

Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg 1524–1526. 2. Aufl. Berlin, 1970.

Bergsten T. Balthasar Hubmaier: Seine Stellung zur Reformation und Täuferum: 1521–1528. Kassel, 1961.

Blaschke K. Statistik der sächsischen Städte im 16. Jahrhundert // Von Mittelalter zur Neuzeit. Berlin, 1956.

Blendinger F. Versuch einer Bestimmung der Mittelschicht in der Reichsstadt Augsburg vom 14. bis zum Anfang des 18. Jahrhundert // Städtische Mittelschichten. Stuttgart, 1972.

Blickle P. Landschaft und Altes Reich: Die Staatliche Funktion des gemeinen Mannes in Oberdeutschland. München, 1973.

Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.

Blickle P. Thesen zum Thema «der Bauernkrieg» als Revolution des «gemeinen Mannes» // Revolte und Revolution in Europa...

Bog I. Wachstumsproblem der deutschen Wirtschaft: 1540–1618 // Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.–16. und 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1968.

Bonjour E. Die Bauernbewegung des Jahres 1524 im Staat Bern. Bern, 1923.

Brandt O.H. Der Grosse Bauernkrieg. Jena, 1925.

Brendler G. Das Täuferreich zu Münster 1534/35. Berlin, 1966.

Die Briefe des Kanzlers Dr. Leonhard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges // Anhand zu: Vogt W. Die bayerische Politik und Kanzler von Dr. Leonhard von Eck, der Haupt des Schwäbischen Bundes. Nördlingen, 1883.

Brunner O. Neue Wege der Verfassungsgeschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1968.

Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeiner Bauernschaft. (West-) Berlin, 1969.

Buszello H. Die Staatvorstellung des «gemeinen Mannes» im deutschen Bauernkrieg // Revolte und Revolution in Europa...

Clasen C.-P. Die Wiedertäufer im Herzogtum Württemberg und benachbarten Herrschaften: Ausbreitung, Geistwelt und Soziologie. Stuttgart, 1965.

Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmann Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524–1527 // ZHV. 1879/83. Bd. 7–10.

Czok K. Der Wiederhall des Bauernkrieges in Leipzig 1524/25 // Der Bauer im Klassenkampf...

Der deutsche Bauernkrieg: Aktenband / Hrsg. von G. Franz. München, 1935.

Der deutsche Bauernkrieg: Gleichzeitige Urkunden / Hrsg. von H. Schmidt. Freiburg, 1864. Bd. 2.

Der deutsche Bauernkrieg 1524/25: Geschichte – Tradition – Lehren. Berlin, 1977.

Deutsche Geschichte. Bd. I: Von den Anfängen bis 1789. Berlin, 1967.

Deutsche Reichsakten unter Kaiser Karl V. Stuttgart, 1935. Bd. 7. Hlbd. I.

Dietrich R. Untersuchungen zum Frühkapitalismus im Mitteldeutschen Erzbergbau und Metallhandel // JbGMO. 1958. Bd. VII.

Dobel F. Memmingen im Reformationszeitalter. 2. Aufl. Memmingen, 1877.

Dühlmen R., van. Reformation als Revolution: Soziale Bewegungen und religiöser Radikalismus in der deutschen Reformation. München, 1977.

Egli E. Schweizerische Reformationsgeschichte. Bd. I (1519–1525). Zürich, 1910.

Endres R. Zur Einwohnerzahl und Bevölkerungsstruktur Nürnbergs im 15.–16. Jahrhundert // Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Nürnberg. 1970. Bd. 57.

Endres R. Probleme des Bauernkrieges im Hochstift Honberg // Jahrbuch für fränkische Landesgeschichte. Nürnberg, 1971. Bd. 31.

Endres R. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // Revolte und Revolution in Europa...

Fabiunke G. Martin Luther als Nationalökonom. Berlin, 1953.

Flugschriften aus den ersten Jahren der Reformation / Hrsg. von H. Barge. Leipzig, 1908. Bd. 2.

Flugschriften der Bauernkriegszeit. 2. Aufl. / Hrsg. von A. Laube. R. W. Seifert. Berlin, 1978.

Fortsetzungen des Hector Mülich // CDS. 1894. Bd. 23 (4).

Frank, Sebastian. Chronika, Zeytbuch vnd geschichtbybel von anbegyn bis gegenwertig M.D. XXXI. Jar. Strassburg, 1531.

Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 4. Aufl. Darmstadt, 1956; 10. Aufl. Darmstadt, 1987.

Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1961.

Fuchs W.P. Das Zeitalter der Reformation // Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. München, 1973. Bd. 8.

Furger F. Zum Verlagssystem als Organisationformen des Frühkapitalismus im Textilgewerbe. Stuttgart, 1927.

Gaismaier Michael. Landesordnung Tirol / Franz G. Quellen...

Gerlach H. Ein Vergleich zwischen dem Englischen Bauernaufstand 1381 und dem deutschen Bauernkrieg. Heidelberg, 1968.

Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter / Hrsg. von L. Müller. Leipzig, 1938. (Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte. Bd. XX.)

Gothein E. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes und angrenzenden Landschaften. Strassburg, 1892. Bd. 1.

Gückel M. Beitrag zur Geschichte der Stadt Forcheim im 16. Jahrhundert. Bamberg, 1898.

Günther G. Bemerkungen zum Thema Thomas Müntzer und Heinrich Pfeiffer in Mühlhausen // Der Bauer im Klassenkampf...

Harnisch H. Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum: Untersuchungen über den Zusammenhang zwischen Feudalrente, bauerliche Warenproduktion und Warengeldbeziehungen in Magdeburger Börde und dem nordöstlichen Harzvorland von der frühbürgerlichen Revolution bis zum Dreissigjährigen Krieg. Weimar, 1980.

Hass Johannes. Görlitzer Ratsannalen. Bd. 2: 1521–1542. Görlitz, 1970.

Heitz G. Ländliche Leinenproduktion in Sachsen (1470–1555). Berlin, 1961.

Heitz G., Vogler G. Agrarfrage, bauerlicher Klassenkampf und bürgerliche Revolution in Übergangsperiode von Feudalismus zum Kapitalismus // ZfG. 1980. H. II.

Hergot Johann. Von den neuen Wandlung eynes Christlichen Lebens // Aus sozialen und politischen Kampf...

Список использованных источников и литературы

- Hesselbarth H.* Eine Flugschrift aus dem Grossen Deutschen Bauernkrieg // ZfG. 1953. H. 4.
- Hillerbrand H.J.* The Origins of Sixteenth Century Anabaptism: Apotek Look // ARG. 1967. Bd. 53.
- Hinrichs C.* Luther und Müntzer: Ihre Auseinandersetzungen über Obrigkeit und Widerstandrecht. (West-) Berlin, 1952.
- Holl K.* Luther und Schwärmer // Idem. Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. Tübingen, 1932.
- Hollaender A.* Ein Bergknappaufstand in Schwaz 1525 // THBl. 1935.
- Hoyer S.* Widerstandrecht und Widerstandspflicht in den Flugschrift «An die Versammlung gemeyner pawerschaft» // Der Bauer im Klassenkampf...
- Hoyer S.* Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges und zum Problem seines Verlaufs // ZfG. 1976. H. 6.
- Hoyer S.* Das Gefecht bei Schladming im deutschen Bauernkrieg // MG. 1973. H. 3.
- Hoyer S.* Neues zum Pfeifer von Nicklashausen // JbGF. 1979. Bd. 3.
- Hoyer S.* Wirtschaftliche und soziale Ursachen des deutschen Bauernkrieges: Das Beispiel Thüringen // ZfG. 1981. H. 12.
- Hug Heinrich.* Villingen Chronik von 1495 bis 1533 / Hrsg. von Chr. Roder. Tübingen, 1883.
- Irsiegler F.* Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert: Strukturanalyse einer spätmittelalterlichen Exportgewerbe- und Fernhandelsstadt. Wiesbaden, 1979.
- Jager Clemens.* Der erbern zunft von webern herkomen. chronika vnd jarbuch (955–1545) // CDS. 1929. Bd. 34 (9).
- Keller L.* Geschichte der Widertäufe und ihres Reichs zu Münster. Münster, 1880.
- Kohler W.* Huldreich Zwingli. 2. Aufl. Leipzig, 1954.
- Kopitzsch F.* Bemerkungen zur Sozialgeschichte der Reformation und Bauernkrieg // Bauernkrieg und Reformation...
- Knebel Johannes.* Aus dem Donauwörther Chronik // Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben...
- Kunze A.* Der Frühkapitalismus in Chemnitz. Karl-Marx-Stadt, 1958.
- Kupfer K.* Forchheim: Geschichte einer alten fränkischen Stadt. Nürnberg, 1960.
- Lau F.* Der Bauernkrieg und das angebliche Ende der lutherischen Reformation als spontaner Volksbewegung // JbLG. 1959. Bd. 26.
- Laube A.* Zum Problem des Bündnisses von Bergarbeiter und Bauern im deutschen Bauernkrieg // Der Bauer im Klassenkampf...
- Laube A.* Volksbewegung in Deutschland von 1470 bis 1517 // Revolte und Revolution in Europa...

- Laube A.* Bemerkungen zum Zusammenhang von Frühkapitalismus und frühbürgerlicher Revolution // Der deutsche Bauernkrieg 1524/25...
- Laube A.* Die Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie und deren Rolle in der deutschen frühbürgerlichen Revolution // JbGF. 1977. Bd. I.
- Laube A., Steinmetz M., Vogler G.* Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974.
- Lehmann H.* Ökonomische Erkenntnisse aus der Zeit der frühbürgerlichen Revolution // WW. 1975. H. 7.
- Leinengewerbe und Fernhandel der Stadt S. Gallen von den Anfängen bis 1520. Bd. 1: Quellen / Hrsg. von H.C.Peyer. St. Gallen, 1959.
- Loos S.* Katholische Polemik zur Haltung Luthers im Bauernkrieg // Der deutsche Bauernkrieg 1524/25...
- Loos S.* Zur Haltung radikal-bürgerlicher Kräfte vor und während des Bauernkrieges: Das Beispiel Karlstadt // ZfG. 1988. H. 4.
- Loserth J.* Doktor Balthasar Hubmeier und Anfänge der Wiedertäufer in Mähren. Brunn, 1893.
- Lubekus Franz.* Bericht über Einführung der Reformation in Göttingen im Jahre 1529. Göttingen, 1967.
- Macek J.* Der Tiroler Bauernkrieg und Michael Gaismair. Berlin, 1965.
- Menius Justus.* Die widertäufer lere vnd geheimnis der heiligen schrift. Wittenberg, 1533.
- Meusel A.* Thomas Müntzer und seine Zeit. Berlin, 1952.
- Meyer Chr.* Zur Geschichte der Wiedertäufer in Oberschwaben: Die Anfänge der Wiedertäufer in Augsburg // ZHV. 1874. Bd. I.
- Meyer M.* Die Haltung der Vertreter der Freien- und Reichsstädten auf den Reichstagen von 1521 bis 1526 // JbGF. 1981. Bd. 6.
- Meyer M.* Sickingen, Hutten und revolutionäre Ritterschaft in der frühbürgerlichen Revolution // JbGF. 1983. Bd. 7.
- Mittenzwei I.* Der Joachimsthaler Aufstand 1525, seine Ursachen und Folgen. Berlin, 1967.
- Moeller B.* Reichsstadt und Reformation. 2. Aufl. Berlin, 1987.
- Mottek H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss. Bd. I: Von Anfängen bis zur Zeit Französischer Revolution. 4. Aufl. Berlin, 1964.
- Müller L.* Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges im Ries und seinen Umbländen // ZHV. 1889/90. Bd. 15-16.
- Müller W.* Freiheit und Leibeigenschaft – soziale Ziele des deutschen Bauernkrieges? // Revolte und Revolution in Europa...
- Naujoks E.* Latente Zunfttradition in schwäbischen Reichsstädten. Wiesbaden, 1962.
- Nipperdey Th.* Theologie und Revolution bei Thomas Müntzer // ARG. 1963. Bd. 54.
- Nipperdey Th.* Die Reformation als Probleme der marxistischen Geschichtswissenschaft

Список использованных источников и литературы

// Reformation oder frühbürgerliche Revolution?...

Nübling E. Ulms Baumwollweberei im Mittelalter: Urkunden und Darstellung. Leipzig, 1890.

Peters Ch. An die Versammlung gemeiner Bauernschaft (1525): Ein Vorschlag zur Verfasserfrage // ZBKG. 1985. Bd. 54.

Pietsch F. Artikel der Limpurger Bauern // ZWLG. 1954. Bd. 13.

Plümper H.-D. Die Gütergemeinschaft bei den Täufern des 16. Jahrhunderts. Göppingen, 1972.

Reformation oder frühbürgerliche Revolution? / Hrsg. von R. Wohlfeil. München, 1972.

Rem Wilhelm. Cronika der newer geschichten // CDS. 1896. Bd. 25 (5).

Revolte und Revolution in Europa / Hrsg. von R. Blicke. HZ. 1975. Beiheft 4 (NF).

Rosenkranz A. Der Bundschuh. Bd. 1: Darstellung; Bd. 2: Quellen. Heidelberg, 1927.

Rother S. Die religiösen und geistlichen Grundlagen der Politik Huldrych Zwinglis: Ein Beitrag zum Problem des christlichen Staates. Erlangen, 1956.

Rotmann Bernhard. Die Schriften. München, 1970.

Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges / Hrsg. von G. Franz. München, 1963.

Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben / Hrsg. von F.L. Baumann. Stuttgart; Tübingen, 1876.

Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz. Bd. 1: Zürich / Hrsg. von L. von Muralt u. W. Schmidt. Zürich, 1952.

Sabean D.W. Landesbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben vor 1525. Stuttgart, 1972.

Sabean D. Probleme der deutschen Agrarverfassung zu Beginn des 16. Jahrhunderts: Oberschwaben als Beispiel // Revolte und Revolution in Europa...

Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostok und Weimar im ersten Drittel des 16. Jahrhundert. Weimar, 1959.

Schlenck W. Die Reichsstadt Memmingen und die Reformation // MGBI. 1969.

Schreuer-Kochmann B. Staatstheoretisches Denken und Willen in Hans Hergots Flugschrift «Von neuen Wandlung Christlichen Lebens» // Der deutsche Bauernkrieg 1524/25...

Smirin M.M. Volksreformation des Thomas Müntzer und der Grosse Bauernkrieg. Berlin, 1952.

Spading K. Holland und die Hanse im 15. Jahrhundert: Zur Problematik des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus. Weimar, 1973.

Spiegel B. Hermann Bonnus: Erster Superintendent von Lubeck und Reformator von Osnabrück. Göttingen. 1892.

Steinmetz H. Reformation und Bauernkrieg // Kritik des bürgerlichen Geschichts- 326

schreibung: Handbuch. Köln, 1970.

Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.

Steinmetz M. Position der Forschung: Kritische Bemerkungen zur Bauernkriegsschreibung in Bundesrepublik Deutschland // *Revolte und Revolution in Europa...*

Steinmetz M. Zum historischen Standort des deutschen Bauernkrieges in der Geschichte Bauernbewegung beim Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus // *Der Bauer im Klassenkampf...*

Steinmetz M., Czok K. Leipziger Land im Bauernkrieg. Leipzig, 1975.

Stetten Paul-jüngere. Kunst-, Gewerbe- und Handwerkgeschichte der Reichsstadt Augsburg. Augsburg, 1789. Bd. 1.

Strieder J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften in Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München; Leipzig, 1925.

Straube M. Über Teilnehmer und Folgen bauerlicher Unruhe in kursächsischen Amt Altemburg während des Bauernkrieges // *Der Bauer im Klassenkampf...*

Strobach H. Die Bauern sind aufrührig werden // *Der arm man. Volkskundliche Studien.* Berlin, 1975.

Stromer W., von. Die Gründung des Baumwollindustrie in Mitteleuropa: Wirtschaftspolitik im Spätmittelalter. Stuttgart, 1978.

Stumpf Johannes. Schweizer- und Reformationschronik. T. 1. / Hrsg. von W. Gagliardi, H. Müller, F. Busser. Basel, 1952.

Thesen über Martin Luther: Zum 500. Geburtstag // *ZfG.* 1981. H. 10.

Töpfer B. Das kommende Reich des Friedens: Zur Entwicklung chiliastischer Zukunftshoffnungen im Mittelalter. Berlin, 1964.

Tucher Endres. Baumeisterbuch von Stadt Nürnberg (1464–1475) / Hrsg. von M. Lexer. Stuttgart, 1860.

Urkunden des Schlossarchiv Kronburg: 1366–1829 / Hrsg. von K. Fr. von Adrian-Werburg. Augsburg, 1962.

Urkundliche Quellen zur hessischen Reformationsgeschichte. Bd. 1: Wiedertäuferakten 1527–1616. Augsburg, 1951.

Vasella O. Zur Geschichte der Täuferbewegung in der Schweiz // *Zeitschrift für Schweizer Kirchengeschichte.* Bern, 1954. Bd. 1.

Letter K. Das «Kaas-en Brodspel»: Ein wenig betrachteter Bauernaufstand vor deutschen frühbürgerlichen Revolution // *ZfG.* 1980. H. 2.

450 Jahre Reformation. Berlin, 1967.

Vogler G. Zur Entstehung und Bedeutung des Heilbronner Programms // *Die frühbürgerliche Revolution...*

Vogler G. Ein Vorspiel des deutschen Bauernkrieges im Nürnberger Landesgebiet 1524 // *Der Bauer im Klassenkampf...*

Список использованных источников и литературы

Vogler G. Die revolutionäre Gehalt und räumliche Verbreitung der oberschwäbischen Zwölf Artikel // *Revolte und Revolution in Europa...*

Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg. Berlin, 1975.

Vogler G. Reformprogramm oder utopischer Entwurf? Gedanken zu Eberlin von Günzburg «Wolfaria» // *JbGF.* 1978. Bd. 3.

Vogt W. Johann Schilling der Barfüsser Mönch und Aufstand in Augsburg im Jahre 1524 // *ZHV.* 1879. Bd. 6.

Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit (1300–1525). München, 1964.

Wagner E. Der Bauernkrieg auf dem Gebiet der freien Reichsstadt Schwäbisch Gmünd // *FDR.* 1874. Bd. 14.

Wappler P. Die Stellung Kursachsens und Landgraphen Philipp zur Täuferbewegung. München, 1910.

Wappler P. Die Täuferbewegung in Thüringen von 1526–1589. Jena, 1913.

Wiswedel W. Die alten Taufgemeinden und ihr missionarisches Wirken // *ARG.* 1948. Bd. 41.

Wohlfel R. Position der Forschung: «Bauernkrieg» und «frühbürgerliche Revolution» // *Revolte und Revolution in Europa...*

Wohlfel R. Einleitung: Der Bauernkrieg als geschichtswissenschaftliches Problem // *Bauernkrieg und Reformation...*

Zimmerische Chronik. 2. Aufl. / Hrsg. von A.Barack. Freiburg im Breisgau; Tübingen, 1881. Bd. 2.

Zorn W. Einleitung in die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit: Probleme und Methoden. München, 1972.

Zschäbitz G. Zur Mitteldeutschen Wiedetäuferbewegung nach dem Grossen Bauernkrieg. Berlin, 1958.

Zschäbitz G. Martin Luther: Grösse und Grenze. T. 1. Berlin, 1967.

Zwingli Huldrych. Werke / Hrsg. von M.Schuller u. J.Schulter. Zürich, 1828. Bd. 1.

Именной указатель

- Абель В. 126, 321
 Аберхан Ульрих 182
 Абрамидзе Ш.В. 277, 306
 Абрамсон М.Л. 68, 315
 Августин Блаженный, св. 130, 157
 Агибалова Е.В. 7, 11, 306
 Агрикола (Георг Бауэр) 58, 68, 306
 Адо А.В. 11, 61, 177, 190, 222, 223, 306
 Адриан-Вербург К., фон 327
 Акерман Вольфганг 144
 Альбрехт Майнцский, архиепископ
 и курфюрст 229
 Альбрехт Мансфельдский,
 граф 202
 Альбрехт Прусский, герцог 229
 Амандус Георг 144
 Ангермайер Г. 14, 19-21, 61, 321
 Андреев Г. 302, 306
 Андриюшюк А.П. 310
 Аноним Базельский 56
 Аноним Кемптенский 56
 Аноним Иберлигенский 56
 Анонимный автор хроники графов
 фон Циммерн 56, 169, 221,
 289, 303, 328
 Ансхельм Валериус 56
 Антон Лотарингский, герцог 179
 Артит Ульрих 57, 68, 290, 291, 322
 Аубин Г. 124, 321

 Бакулов А.Д. 309
 Балакин В.Д. 69, 306
 Барак А. 328
 Барге Г. 302, 321, 323
 Басовская Н.И. 69, 130, 163
 Баткин Л.М. 62, 306
 Бауман Ф.Л. 55, 321
 Баумгарт П. 46, 47, 66, 321
 Бах Вальтер 180
 Бахман Р. 276, 321
 Бебель А. 319
 Беккер И.Ф. 319
 Бензинг М. 32, 60, 65, 124, 164, 199,
 202-205, 221, 223-225, 302,
 306, 321

 Бергстен Т. 258, 276, 321
 Берлихинген Гец, фон 185, 198
 Бернштайн Э. 28, 319
 Бехайм Ганс 113, 114, 127, 319
 Бехтель Г. 79, 321
 Бецольд Ф., фон 276, 306
 Блазий, св. 56, 168
 Бларер Амброзиус 152
 Блаурук Георг 252, 257
 Блашке К. 79, 321
 Блендингер Ф. 126, 321
 Бликле П. 40-46, 49, 66, 302, 322, 326
 Блюм Михаэль 242
 Бог И. 125, 322
 Бойцов М.А. 125, 306
 Бонжур Э. 221, 322
 Боннус Герман 250, 276, 326
 Брандт О.Х. 302, 322
 Брендлер Г. 277, 322
 Бретли Иоганнес 152, 260
 Бруннер О. 50, 51, 67, 322
 Бусцелло Х. 34-38, 43, 65, 322
 Буцер Мартин 158, 179, 222, 233,
 234, 237, 308

 Ваас А. 14-19, 21, 24, 60, 61, 215, 328
 Вагнер Ф. 302, 328
 Вадан (Иоахим фон Ватт) 152
 Вадиск 110
 Вайнштейн О.Л. 67, 306
 Вальдек Франц, фон,
 епископ Мюнстера 269
 Ваннер Иоганн 152
 Вапплер П. 274, 276, 328
 Васильева М.В. 59, 69, 275-278,
 306, 307, 313
 Ватты, фон 90, 152
 Вдовина Г.В. 309
 Вебер М. 51, 67, 278, 307
 Везель Герхард, фон 88
 Вейгандт Фридрих 20, 153, 192,
 193, 196, 223
 Велины, герцоги Саксонии 199
 Вельзеры 91, 119, 193
 Верденштейн Георг, фон 56

Вез Якоб 175
 Вимпфелинг Якоб 111
 Висведель В. 276, 328
 Виттельсбахи, герцоги
 Баварии 94, 119
 Волгян В.П. 58, 318
 Володарский В.М. 32, 64, 69, 70,
 127, 204, 224, 243, 274-
 276, 307, 311
 Вольфейль Р. 49, 50, 66, 321, 326,
 328
 Вулленвер Юрген 249-251, 276, 314
 Вундер Ганс 187

 Габсбурги 91, 93, 94, 104, 116, 119,
 121, 134, 153, 156, 209,
 212, 214, 217, 220, 228,
 233, 236, 258, 271, 273
 Гайдар Е.Т. 304, 307
 Гайсмайер Михаэль 4, 20, 21, 33,
 52, 54, 58, 65, 67, 208, 210,
 212-220, 225, 226, 232,
 244, 282, 314, 316, 318,
 321, 323, 325
 «Ганс Большой» 147
 Гарин И.И. 304, 307
 Гейер Флириан 184, 185, 198
 Генрих Брауншвейг-Вольфенбют-
 тельский 229, 250
 Георг Саксонский, герцог 145, 199,
 200, 229, 244
 Георг, св. 94
 Гербер Эразм 178, 179
 Герварты 119
 Геррот Ганс 243, 244, 274-276, 307,
 323, 326
 Герлах Г. 14, 21-24, 61, 323
 Гетце А. 321
 Гефтель Вольф 201
 Гизо Ф. 130, 131, 162, 307
 Гиплер Вендель 20, 27, 43, 53, 185,
 189, 192, 194-196
 Голубкин (Голубец) Ю.А. 65, 69,
 163, 165, 307, 310
 Госсемброты 91, 119
 Готхейн Э. 124, 323
 Гошгеттеры 193
 Грацианский Н.П. 68, 318
 Гребель Конрад 252, 253

Грейфенклау Рихард, фон, архи-
 епископ и курфюрст
 Трира 159
 Григорьева И.Л. 127, 307
 Григорьян Ю.М. 31, 63, 307
 Гришина О.А. 32, 64, 307, 308
 Грубер Михаэль 211, 212
 Грюневальд (Матис Нитхарт-
 Готхарт) 59, 64, 69, 112,
 127, 313
 Гуревич А.Я. 7, 11, 308
 Гус Ян 133, 314
 Гут Ганс 253, 257
 Гутнова Е.В. 61, 126, 127, 308
 Гуттен Ульрих, фон 59, 64, 69,
 109, 110, 127, 158-161,
 166, 307, 308, 316
 Гуттенберг Иоганн 84
 Гухманн М.М. 321
 Гюкель М. 222, 323
 Гюнтер Г. 202, 204, 224, 323

 Делуш Фредерик 12, 309
 Дильтей В. 51
 Дисбахи 90
 Дитрих Р. 124, 322
 Дитрихштейн Сигизмунд, фон 211
 Дмитриева О. 7, 11, 308
 Добель Ф. 165, 322
 Дойч Никлас Мануэль 152
 Донской Г.М. 7, 11, 306
 Дюльмен Р., ван 277, 322
 Дюрер Альбрехт 59, 69, 111, 112, 308
 Дятлов В.А. 165, 277, 307, 308

 Евдокимова А.А. 32, 64, 277, 308
 Егер Клеменс 324
 Егоров Д.И. 57, 58, 309
 Енох, библейский пророк 106
 Ермолаев В.А. 32, 58, 64, 67, 68, 74,
 80, 100, 123, 124, 126-128,
 191-193, 195, 222, 223,
 281, 282, 301, 302, 308, 309

 Жарова Л.Н. 11, 12, 308, 312

 Затлер Михаэль 69, 258, 277, 313
 Зегеншмидт Лоренц 182
 Зейферт Р.В. 323

Зендер Клеменс 56
 Зенфтенау Ганс Якоб, фон 174
 Зисинген Франц 157-160, 325
 Зингер Я.С. 277, 309
 Зиппель Ганс 204
 Зом Конрад 152
 Зомбарт В. 309
 Зорге Ф.А. 208, 319
 Зульцы, фон, графы 174, 180

 Иванов В.В. 68, 155, 166, 222, 279,
 301, 303, 309, 311
 Ивоини Ю.Е. 273, 309
 Илия, библейский пророк 106
 Имхоф Ульрих 90
 Иоанн Заполяи, правитель
 Трансильвании 228
 Иоанн Предтеча 112
 Иоанн Саксонский, курфюрст 193,
 229, 235, 236
 Иоахим Бранденбургский, марк-
 граф и курфюрст 229
 Иоахим Флорский 107, 146
 Ирзиглер Ф. 30, 62, 324

 Каган Ю.М. 69, 310
 Кагер Ганс 171
 Какх Ю.Ю. 304, 309
 Кальвин Жан 6, 297, 304, 307, 309, 314
 Кампен Вульф, ван 246
 Капито 234
 Каплюк В.З. 59, 65, 309
 Карл V Габсбург, император 82,
 94, 134, 158, 172, 228-231,
 233, 236, 250, 276, 301, 322
 Карлштадт (Боденштейн) Андреас
 33, 135, 142-144, 148, 165,
 178, 183, 255, 283, 307
 Кагер Ганс 171
 Катушкина Л.Г. 273, 309
 Каутский К. 28, 276, 310, 319
 Кедлих Х. 274, 310
 Келлер Л. 254, 276, 324
 Кеслер Иоганнес 56
 Кимелев Ю.А. 309
 Клазен К.-П. 277, 322
 Клара, св. 210
 Клемент VII, римский папа 231
 Кобергер Антон 84

Колер В. 165, 324
 Колесницкий Н.Ф. 11, 125, 310
 Комаров К.С. 69, 310
 «Конрад Бедный» 58, 417
 Копич Ф. 50, 67, 324
 Коллстон Ф.Ч. 127, 310
 Книппердолинк Бернхард 271
 Кнопф Йерг (Шмидт) 55, 174
 Крестьянинов В.Ф. 278, 310
 Крехтин Бернхард 271
 Кристиан II, король Дании 249
 Кристиан III, король Дании 249
 Кройцер Йерг 181
 Кузанский (Кузанец) Николай
 108, 109, 127, 310
 Кузнецов А. 274
 Кунце А. 125, 324
 Купфер К. 222, 324
 Кцок К. 32, 65, 199, 201, 224, 243,
 275, 322, 327

 Ламберт, св. 272
 Лампрехт К. 27
 Ланг Матеус, архиепископ Зальц-
 бурга 211, 212
 Лау Ф. 237, 274, 324
 Лаубе А. 32, 65, 83, 91, 92, 124,
 125, 126, 128, 164, 191,
 223, 225, 323-325
 Лафарг Л. 319
 Левен В.Г. 127, 310
 Лейденский (Божельсон) Ян (Иоанн)
 267, 269-271, 277, 306
 Лейн Т. 127, 162-164, 222, 274,
 276-278, 304, 310
 Лексер М. 327
 Леман Г. 140, 164, 325
 Ленин В.И. 29, 62, 112, 127, 280,
 292, 293, 301, 304, 310
 Лесников М.П. 58
 Лечч Андреас 56
 Либман М. 127, 310
 Лившиц Г.М. 128, 173, 190, 221,
 223, 273, 274, 302, 310
 Лимбург-Гайдорфы 287
 Лозерт Я. 165, 325
 Лоос З. 302, 325
 Лотцер Себастьян 36, 175
 Луковцева А.А. 127, 310

- Лупфены, фон, графы 169
 Любекус Франц 245, 275, 325
 Люблинская А.Д. 67, 310
 Людвиг V Пфальцкий,
     курфюрст 251
 Людвиг (Лайош), король Чехии и
     Венгрии 228
 Лютер Мартин 3, 18, 23, 33, 45, 54,
     55, 57, 59, 65, 69, 108, 117,
     130-143, 145, 148, 149,
     151, 156, 158, 159, 162,
     163, 164, 186, 199, 206,
     217, 233-235, 254, 255,
     260, 271, 274, 283-286,
     297, 302, 306, 307, 310,
     314-316, 318, 319
 Майер В.Е. 7, 11, 32, 60, 61, 64, 68,
     74, 76, 89, 90, 123, 125, 128,
     164, 166, 187, 221, 222, 243,
     274, 301-304, 311
 Майер М. 126, 166, 325
 Майер Томас 187
 Майер Х. 276, 325
 Майоров Г.Г. 165, 311
 Манц Феликс 257
 Маргарита Бранденбургская,
     маркграфиня 114
 Маграт А. 162, 163, 166, 222, 274,
     277, 278, 304, 311
 Марк, св. 219
 Маркова А.Н. 12, 307
 Маркс К. 25, 26, 60, 62, 123, 125-127,
     162, 163, 165, 166, 223-225,
     265, 285, 301, 302, 304, 311,
     319
 Матис Ян 267, 269
 Мацек Й. 31, 63, 215, 216, 225, 311, 325
 Меланхтон Филипп 206, 230, 233,
     234, 260, 274
 Меллер В. 166, 325
 Мениус Юстус 260, 277, 325
 Менно Симонс 272
 Меринг Ф. 28, 319
 Мецлер Георг 185
 Микешин А.А. 67, 223, 225, 311, 312
 Миттенцвей И. 65, 224, 325
 Мишина И.А. 11, 12, 308, 312
 Мойзель А. 19, 60, 325
 Моттек Г. 125, 325
 Муральт Л., фон 55, 326
 Мюлинен Каспар, фон 168
 Мюлих Гектор 128, 322
 Мюллер В. 46, 47, 66, 325
 Мюллер Ганс 172, 180
 Мюллер Л. 222, 323, 325
 Мюнцер Томас 3, 17-19, 26-28, 31,
     33, 45, 46, 49, 52, 54, 55,
     59-61, 69, 70, 107, 135,
     140, 141, 143-148, 164,
     224, 241, 243, 244, 252-
     255, 260, 276, 280, 281,
     283, 312, 313, 315, 317, 319
 Науекс Э. 128, 325
 Негуляева Т.М. 32, 64, 312
 Некрасов Ю.К. 32, 59, 61, 63, 64,
     66-69, 124-126, 128, 165,
     166, 221, 222, 225, 276-
     278, 302, 304, 312, 313
 Немилов А.Н. 32, 59, 60, 63, 64, 69,
     112, 124, 127, 313, 314
 Никулина Т.С. 276, 314
 Ниппердай Т. 50, 67, 206, 224, 325
 Норден А. 125, 225, 314
 Нюблинг Э. 128, 326
 Нюрнбержец Ганс 182
 Озиандер Андреас 223
 Олдендорп Иоганн 246
 Павел, св. (апостол) 150, 165
 Павленко В.Г. 32, 64, 139, 154,
     163-165, 190, 193, 223, 314
 Павлов В.М. 69, 315
 Панкратов Д.И. 128, 314
 Первухин В.В. 32, 65, 154, 165, 275, 314
 Песлер Петер 209, 218, 219
 Петерс К. 302, 326
 Петр, св. (апостол) 108, 238
 Петр Ломбардский, св. 131, 163
 Петрова Е.Н. 67, 314
 Пименова Л. 11, 308
 Пиммели 91
 Пиркхаймер Виллибальд 111, 127,
     134, 313
 Пистори Симон 200
 Пич Ф. 302, 326

- Плюмпер Г.-Д. 206, 224, 326
 Подоляк Н.Г. 126, 314
 Пойер Г.К. 125, 325
 Пойтингер Конрад 111
 Поляк Г.В. 12, 307
 Полянский Ф.Я. 30, 62, 314
 Понамарев М.В. 11, 308
 Порозовская Б.Д. 315
 Потанина Л.Б. 58, 309, 314
 Пуришев Б.И. 127, 315
 Пфейфер Генрих 49, 204, 205, 224,
 241, 307
- Ревуненкова Н.В.** 309
 Региус Урбан 271
 Редвиц Вейгандт, фон, епископ
 Бамберга 181
 Рейбли Вильгельм 151
 Рейнхарт 142
 Рейхлинер Генрих 56
 Рейхлин Иоганн 109
 Релингеры 119
 Рем Вильгельм 56, 122, 128, 166, 326
 Ремер Ганс 204, 241, 242, 253
 Ренан Беат 111
 Ридеман Петер 70, 306
 Ринк Мельхиор 204, 253, 254
 Рогожский В.А. 11, 308
 Розенберг А.М. 263-265, 277, 278, 315
 Розенкранц А. 127, 326
 Рорбах Яклеин (Яшка) 185, 187, 198
 Ротер З. 225, 326
 Ротман Бернхард 266-268, 270,
 271, 278, 326
 Рубан А.И. 69, 310
 Рубан Ю.И. 69, 131, 163, 310, 315
 Рудгер Б. 321
 Румпфер Михель 200
 Рутенбург В.И. 30, 34, 62, 78, 86,
 124, 127, 132, 163, 315
 Руэ Никель 89
- Савина Н.В. 32, 61, 63, 64, 125, 315
 Самарский В.В. 315
 Самохина Н.Н. 11, 318
 Сапрыкин Ю.М. 221, 315
 Сейбин Д.У. 37-40, 42, 43, 65, 66, 326
 Сигизмунд, германский император
 22, 109, 308
- Сказкин С.Д. 11, 60, 68, 278, 292,
 294, 304, 309, 315, 316,
 318
 Сливко С.А. 68, 315
 Смирин М.М. 7, 11, 19, 31, 32, 60-
 64, 70, 123-125, 127, 128,
 146, 150, 162-166, 170,
 189, 206, 207, 215, 216,
 221-225, 264, 265, 301,
 312, 315, 316
 Соколов В.В. 316
 Соловьев Э.Ю. 140, 162-164, 285,
 302, 316, 317
 Стам С.М. 31, 63, 317
 Стоклицкая-Терешкович В.В. 29,
 30, 58, 62, 120, 128, 202,
 224, 313, 317
 Сузо Генрих 107
 Сулейман I Великолепный,
 турецкий султан 229
- Тайлер Уот 22
 Таубер Йерг 174
 Таулер Иоганнес 107, 146
 Тепфер Б. 106, 126, 327
 Тойнби А.Дж. 51, 67
 Томас, св. 199
 Тошлейн Иоганн 183
 Трухзес, Георг фон Вальдбург
 160, 178, 180, 188, 198
 Тухер Эндрес 121, 128, 327
- Ульман Ганс 115
 Ульрих Вюртембергский, герцог
 117, 118, 158, 236, 237
- Фабунже Г.** 139, 164, 323
Фадина М.Ф. 32, 65, 164, 202, 205-
 207, 224, 317
Фазелла О. 276, 327
Фараджева С.А. 32, 63, 124, 317
Федоренко А.А. 11, 308
Фейербах Л. 319
Фельс, фон Барон 210
Фенд Бальтазар 188
Фердинанд Габсбург, эрцгерцог
Австрийский 172, 209,
 228, 229, 236, 237, 251, 271
Феттер К. 115, 127, 128, 317, 327

Филипп Гессенский, ландграф
 159, 205, 229, 232, 235-
 237, 276, 328
 Фишер 242
 Фогельзанк Вайт 89
 Фоглер Г. 32, 65, 154, 164, 165, 174,
 176, 181, 182, 190, 191,
 221-223, 243, 291, 292,
 304, 323, 324, 327, 328
 Фогт В. 67, 68, 322, 328
 Фойт Э. 79
 Фойербахер Матерн 187
 Форнер Антони 188
 Франк Себастьян 56, 59, 67, 68, 95,
 111, 127, 156, 310, 323
 Франц Г. 14-17, 24, 35, 40, 59, 60,
 67, 215, 221, 222, 224, 225,
 322, 323, 326
 Франциск Ассизский, св. 170
 Франциск (Франсуа) I, король
 Франции 158, 228
 Фрейденберг М.М. 315
 Фредерик I Шлезвиг-
 Гольштейнский, король
 Дании 249
 Фридрих Мудрый, курфюрст
 Саксонии 134, 145, 199
 Фридрих III Габсбург, император
 119, 197
 Фрис Лоренц 53, 58
 Фриц Иос 116, 117
 Футтеры 91, 104, 193, 209, 210, 214,
 220, 223
 Фукс В.П. 14, 23, 24, 61, 274, 277,
 278, 323
 Фукс Генрих 204
 Фургер Ф. 125, 132, 323
 Фюрер Кристоф 82, 83

 Хайц Г. 99, 125, 126, 164, 201, 224,
 291, 292, 304
 Харитонович Д.Э. 7, 11, 308
 Хариш Х. 77, 97, 123, 126, 323
 Хас Иоганнес 239, 274, 323
 Хаузер Якоб 115
 Хачатурян В.М. 12, 318
 Хельфенштейн Людвиг, фон
 Граф 185
 Хенберг Вильгельм, фон Граф 114
 334

Хессельбарт Г. 323, 325
 Хиллербранд Г.Я. 276, 324
 Хинрикс К. 206, 224, 302, 324
 Хойер Э. 32, 65, 74, 79, 83, 90, 123-
 125, 127, 163, 165, 199,
 221, 223, 225, 302, 321, 324
 Холлендер А. 225, 324
 Холль К. 276, 324
 Хольцман Бернабас 104
 Хофман Мельхиор 266, 267
 Хофмейстер Себастьян 152
 Хохштеттеры 91
 Христос Иисус 56, 106, 108, 112,
 146, 147, 149, 150, 157,
 176, 197, 260-262, 264,
 267, 268, 270, 274
 Хубмайер Бальтазар 152, 153, 165,
 168, 173, 180, 257, 258,
 276, 321, 325
 Хуг Генрих 56, 172, 173, 221, 324
 Хурлеванген Дитрих 174
 Хутгер Якоб 260
 Хювенталь Генрих 245
 Хюрнхеймы 287

 Цвик Иоганн 152
 Цвингли Ульрих 3, 18, 33, 45,
 54, 55, 59, 135, 148-
 154, 155-157, 160, 165,
 166, 174, 192, 213,
 215-218, 220, 232-235,
 237, 252, 254, 255,
 260, 274, 297, 308,
 314, 318, 324, 326, 328
 Цельль 179
 Цельтис Конрад 109, 111
 Циглер Клеменс 178
 Цигльшмидт А.Я.Ф. 321
 Циммерман В. 26, 62, 127, 163, 164,
 166, 222, 224, 225, 318
 Цорн В. 51, 67, 328

 Чайковская О.Г. 31, 62, 318
 Чаньшев А.Н. 273, 278, 318
 Чернушевич О.И. 139, 164, 318
 Чернышев А. 8, 12, 318
 Чиркин В.А. 58, 68, 123, 303, 318
 Чистозонов А.Н. 62, 264, 265, 276-
 278, 318, 319

Чуянов А.Ф. 32, 65, 67, 125, 126,
225, 274, 319

Шаппелер Кристоф 152, 175

Шар Ганс 186

Шарфбюндер Мельхиор 188

Шванкер Генрих 246

Шварц Ульрих 118, 119

Швебель 158

Шенк Бернхард, фон Вингер-
штеттен 187

Шестов Л. 130, 163, 319

Шиллинг Иоганн 68, 170, 327

Шильдхауэр Я. 126, 275, 326

Шленк В. 165, 277, 326

Шлики, фон. Графы 201

Шлютер Г. 319

Шлютер Исахим, ван 246

Шмид Йерг (Кнопф - Коротышка)
55, 174

Шмид Ульрих 174, 175

Шмидт В. 55, 326

Шмидт Г. 322

Шмид Ганс 69, 313

Шмитт Л. 321

Шнабель Ганс 186

Шнейдер Каспар 180

Шпадинг К. 275, 326

Шпайзер Ганс 171

Шпигель Б. 276, 326

Шройер-Кохман Б. 243, 274, 326

Штейнгардт Б.Е. 128, 319

Штейнмец М. 32, 59, 65, 190, 201,
223, 224, 324, 327

Штекли А.Э. 127, 164, 206, 224,
277, 319

Штеттен Пауль-младший 125, 327

Штольце В. 321

Штольценберг Мартен 238-240

Шторх Никлас 252, 276, 321

Штраубе М. 199, 223, 327

Штридер Я. 124, 327

Штробах Г. 222, 327

Штраус Якоб 142

Штромер В., фон 86, 87, 123, 327

Штумпф Иоганнес 56, 169, 221, 327

Штумпф Симон 151

Штурм фон Штурмек Якоб 233

Шукуров Р. 11, 308

Шуллер М. 328

Шультер Я. 328

Щебиц Г. 32, 65, 139, 163, 164, 276, 328

Эберлин Иоганн 165, 314, 327

Эгли Э. 221, 322

Эйзенхут Антон 187

Эк Иоганн 133, 233

Эк Леонхард, фон 57, 68, 293, 322

Экхарт Мастер 107

Эколампд Иоганн 152, 158, 233

Эксли 169

Энгельс Ф. 19, 26-29, 33, 50, 54, 60,
62, 74, 82, 90, 95-97, 101,
105-107, 117, 123, 126-128,

130, 139, 146, 162, 163, 165,

166, 189, 190, 207, 208, 216,

220, 223-225, 265, 295, 297,

298, 301, 302, 304, 311, 316,

319, 320

Эндрес Р. 46-49, 66, 126, 222, 322, 323

Эпштейн А.Д. 31, 32, 62, 64, 125,
128, 138, 164, 190, 223, 320

Эразм Роттердамский 22, 59, 64,
69, 110, 111, 127, 138, 150,

163-165, 178, 255, 306,

307, 316, 320

Эрих Брауншвейг-

Каленбергский 229

Эрнестины, династия курфюрстов
Саксония 199

Эттингенские, графы 188

Юлий II, римский папа 133

Юркина В.И. 320

Яковец Ю.В. 8, 9, 12, 320

Ястребицкая А.Л. 32, 63, 124, 320

Принятые сокращения

- БСЭ - Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Москва
ВГПИ - Вологодский государственный педагогический институт
ВИ - Вопросы истории. Москва
ЕГИ - Ежегодник германской истории
ИЗ - Исторические Записки. Москва
ИМ - Историк-марксист. Москва
ИСУ - История социалистических учений. Москва
КалГПИ - Калининский государственный педагогический институт
КемГПИ - Кемеровский государственный педагогический институт
КутГПИ - Кутаисский государственный педагогический институт
ЛГУ - Ленинградский государственный университет
МарГПИ - Марийский государственный педагогический институт. Йошкар-Ола
МГПИ - Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина
МГУ - Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МОПИ - Московский областной педагогический институт им. Н.К.Крупской
НИИ - Новая и новейшая история. Москва
СВ - Сборник «Средние века». Москва
СГ - «Средневековый город». Межвузовский научный сборник. Саратов
СИЭ - Советская историческая энциклопедия. Москва
УЗ - Ученые Записки
УТ - Ученые Труды
ARG - Archiv für Reformationsgeschichte. Leipzig; Gutersloh
CDS - Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis zum 16. Jahrhundert. Leipzig; Stuttgart; Gotha; Göttingen
HZ - Historische Zeitschrift. München
JbGF - Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin
JbGNO - Jahrbuch für Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. Tübingen
JbLG - Jahrbuch für die Luthergesellschaft. Göttingen
MG - Militärgeschichte. Berlin
MGBI - Memminger Geschichtsblatt
NF - Neue Folge
THBI - Tiroler Heimatsblatt. Innsbruck
VSWG - Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart
WW - Wirtschaftswissenschaft. Berlin
ZBKG - Zeitschrift für bayerische Kirchengeschichte. München
ZfG - Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin
ZGOR - Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins. Karlsruhe
ZHV - Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg
ZWLГ - Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. Stuttgart

В оформлении книги использованы фрагменты гравюр:

- С. 5 - Питер Брейгель Старший. Воздержанность. 1557 г.
- С. 13 - Альбрехт Дюрер. Портрет Эразма Роттердамского. 1526 г.
- С. 71 - Альбрехт Дюрер. Крестьяне на рынке. 1519 г.
- С. 129 - Л. Кранах Младший. Церковь истинная и ложная.
- С. 167 - Гравюра с заглавного листа брошюры «12 статей». 1525 г.
- С. 227 - Альбрехт Дюрер. Мучение евангелиста Иоанна. 1498 г.
- С. 279 - Альбрехт Дюрер. Штудия рук. 1506 г.
- С. 305 - Альбрехт Дюрер. Портрет Эразма Роттердамского. 1526 г.

Некрасов Юрий Клавдиевич

**Реформа или революция? Реформация и Крестьянская война
в германских землях XVI века.**

Редактор текста на немецком языке - Г.Р. Гаммермайстер
Компьютерный набор - И.В. Папин, М.Л. Мокрушин
Подготовка оригинал-макета - А.В. Суворов

ЛР № 065580 от 19.12.1997 г.

Подписано к печати 30. 05. 98. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Journal». Уч.-изд. л. 21. Усл. печ. л. 19,5. Заказ № 870.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

160001, г.Вологда, Челюскинцев, 12. Издательство НПЦ «Древности Севера».
Отпечатано ООО ПФ «Полиграфист». 160001, г.Вологда, Челюскинцев, 3.